

ISSN 0236-2481

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВРЕМЕНИК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ

Выпуск 38

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 38

Санкт-Петербург
2024

УДК 821.161.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1
В81

Издание основано в 1962 году

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Е. Е. Дмитриева

Рецензенты:
Доктор филологических наук
М. В. Строганов
(*Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН*)
Кандидат филологических наук
Е. Н. Григорьева
(*Санкт-Петербургский государственный университет*)

ISBN 978-5-94668-397-5

© Авторы статей, 2024
© Пушкинская комиссия РАН, 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тридцать восьмой выпуск «Временника Пушкинской комиссии» по структуре повторяет предыдущие и состоит из разделов «Материалы и сообщения», «Обзоры», «Статьи и заметки», «Из истории пушкиноведения», «Хроника» и «In memoriam».

В разделе «Материалы и сообщения» две публикации: А. В. Курочкин реконструирует несохранившиеся повести Пушкину на заседания Российской Академии, С. В. Березкина и В. С. Киселев печатают письма В. А. Жуковского к Я. Н. Толстому и Н. И. Тарасенко-Отрешкову, связанные с цензурной историей посмертного издания сочинений Пушкина.

В разделе «Обзоры» помещена аннотированная библиография научных работ на тему «Пушкин — критик и журналист» и реферат книги венгерского писателя Иштвана Гати, использующего в своем творчестве пушкинские мотивы.

Раздел «Статьи и заметки», как обычно, составлен из работ о пушкинских произведениях. М. Г. Альтшуллер рассказывает о присутствии в пушкинском творчестве мотивов романа Ч. Метьюрина «Мельмот Скиталец»; И. Ю. Виницкий анализирует генезис и бытование литературных и политических мотивов стихотворения «<Рефутация г-на Беранжера>», атрибутируемого Пушкину; Н. Л. Дмитриева предлагает новую интерпретацию пушкинской заметки «La libération de l'Europe...»

В статьях раздела «Из истории пушкиноведения» Д. М. Цыганов анализирует идеологический контекст и прагматику пушкиноведческих работ Д. Д. Благого, а В. В. Турчаненко вводит в научный оборот материалы седьмого, не увидевшего свет выпуска периодического издания «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии».

В разделе «Хроника» М. А. Мариненко рассказывает о детском фестивале «Мой Пушкин», который проводится в с. Михайловском.

В разделе «In memoriam» помещены статьи о пушкиноведческих работах филологов И. Г. Добродомова и В. А. Кожевникова, а также библиографии их научных публикаций.

Цитаты из Пушкина, если цитируемое издание не указано особо, приводятся либо по Полному собранию сочинений (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1949. Т. 1—16; 1959. Т. [17]; Справочный том) со ссылками в скобках (римские цифры обозначают том, арабские — страницу), либо по новому академическому Полному собранию сочинений (СПб.: Наука, 1999—2019. Т. 1—3, 7; издание продолжается) с сокращением в скобках АПСС и указанием тома, книги и страницы. Ссылки на автографы Пушкина, хранящиеся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, даются сокращенно: ПД (т. е. Рукописный отдел Пушкинского Дома, ф. 244, оп. 1), далее указывается номер единицы хранения и в случае необходимости — лист рукописи.

Указатель имен составлен А. С. Лацевой, А. А. Лебедевой и А. К. Михайловой, указатель произведений Пушкина — А. И. Роговой. В редактировании выпуска принимали участие Е. И. Вожик и Бенджамин Музакио.

I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

А. В. КУРОЧКИН

НЕСОХРАНИВШИЕСЯ ПОВЕСТКИ ПУШКИНА НА ЗАСЕДАНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ

3 декабря 1832 года на субботнем собрании Российской Академии ее президент А. С. Шишков вышел с предложением принять Пушкина в действительные члены Академии.¹ 7 января 1833 года поэт был окончательно утвержден этим статусе² и вначале исправно посещал академические заседания.³

Избрание Пушкина совпало с моментом оживленной подготовки третьего издания «Словаря Академии Российской», о необходимости которого он писал в статье «Российская Академия» (1836), с сожалением отмечая: «Прекрасный наш язык, под пером писателей неученых и неискусных, быстро клонится к падению. Слова искажаются. Грамматика колеблется. Орфография, сия геральдика языка, изменяется по произволу всех и каждого» (XII, 43). 28 января 1833 года поэт впервые посетил академическое собрание, в протоколе которого записано:

В нынешнее заседание читано было продолжение 15-го корректурного листа Словаря Российского, вновь Академиею издаваемого, также рассматриваемы были замечания и пополнения, сообщенные некоторыми Г. Членами, лист сей предварительно рассматривавшими. Прочитано по слово *Бурка*.⁴

---

¹ СПбФ АРАН, ф. 8, оп. 1, № 37, л. 131–131 об.

² Там же, № 38, л. 2–3.

³ Даты заседаний, присутствие на которых Пушкина отмечено в документах Академии, см.: *Модзалевский Л. Б.* Пушкин — член Российской Академии // *Вестник Академии наук СССР.* 1937. № 2–3. С. 247.

⁴ СПбФ АРАН, ф. 8, оп. 1, № 38, л. 11. Здесь и далее все подчеркивания в архивных документах выделены курсивом.

Если Пушкин воздержался от выступления на заседании, то избранный одновременно с ним П. А. Катенин активно и чересчур эмоционально включился в обсуждение корректуры Словаря, с жаром вступая в спор с оппонентами. На следующий день, 29 января, П. А. Вяземский сообщил В. А. Жуковскому:

Пушкин был на днях в Академии и рассказывал уморительные вещи о бесчинстве заседания. Катенин избран в члены и загорланил там. Они помышляют о новом издании словаря. Пушкин более всего недоволен завтраком, состоящим из дурного винегрета для закуски и разных водок. Он хочет первым предложением своим подать голос, чтобы наняли хорошего повара и покупали хорошее вино французское.⁵

Со слов Пушкина 11 марта об этом же заседании писал Жуковскому и П. А. Плетнев:

Первый спор зашел о слове: бурко. Катенин требовал, чтобы его писали: бурка. Спускать он никому не любит: так что ему значит Петр Иванович Соколов?⁶ И так он начал ему высказывать горькие истины, что он Петр Иванович русский язык знает плохо, что слушать его нечего, а наконец (после завтрака, на котором стоял графин с ерофеичем и бутылка с черным пивом, да кусков пять семги с луком) Катенин открыл за новость Соколову, что самому ему пятый десяток, что служил он в гвардии и давно полковник и проч. Вы можете представить, как это забавляет Пушкина, который также член Российской Академии, и следственно безденежно, даже с барышем монеты в четвертак,⁷ может слушать их и глядеть такую комедию.⁸

Над чем смеялся Пушкин, передавая подробности собрания Вяземскому и Плетневу, какие аргументы предлагали участники дискуссии для подкрепления своих мнений? Подробности спора мы можем почерпнуть из письма к Катенину графа Д. И. Хвостова, который присутствовал на заседании 28 января. Письмо не имеет даты. Судя по содержанию, оно написано спустя несколько дней по-

⁵ Русский архив. 1900. Кн. 1. № 3. С. 369.

⁶ П. И. Соколов — неперемный секретарь Российской Академии.

⁷ За присутствие на заседаниях их участникам выдавались жетоны, которые оплачивались.

⁸ Плетнев П. А. Соч. и переписка. СПб., 1885. Т. 3. С. 526—527.

сле собрания, однако неизвестно, было ли отослано. В архиве графа письмо сохранилось в писарской копии:

Почтенному сочлену Павлу Александровичу Катенину <так!>. Вопрос суждения на прошедшей неделе в субботу состоял в том, что *Сивко*, *бурко* по грамматике мужского или женского рода. Заглавие самой сказки, по мнению моему, удостоверяет, что *Сивко*, *Бурко* и даже *Коурко* склоняются в мужеском роде, и кончатся <так!> на литеру *О*, а не на литеру *А*, ибо заглавие говорит: *сказка о коне Сивом, буром и пр. Вещая Коурка*, как находится во многих списках, может быть ошибкою сказочника или опискою переписчиков, или привычкою, получившею всеобщее употребление по недостаточному преданию. Возражение, что лошадь, кобыла и Вещая — суть рода женского, не есть доказательство достаточное. Мы ныне говорим *вещая птица*, и равномерно употребляем: *Вещий коршун* и *вещий Сокол*. И лошадь, и кобыла — суть только виды известного домашнего животного. И, следственно, мне кажется, можно писать и печатать беспогрешительно *Сивко*, *бурко*, *вещий коурко*.⁹

Катенин и в дальнейшем деятельно участвовал в работе Академии. 8 февраля он писал Пушкину:

Как думаешь, любезнейший Александр Сергеевич? не лучше ли вместо отчета о полвеке Академии,¹⁰ который бы приличнее старому служивому, написать мне к великому дню 21-го октября Обзор российской словесности в осьмнадцатом столетии? он может, кажется, выйти и для пишущего и для слушающих приятнее. Хотелось бы посоветоваться с тобой насчет источников, пособий и пр. Нужно перемолвить. Не можешь ли завернуть ко мне? я буду дома, когда велишь. Во всяком случае, надо быть в заседании субботы на первой неделе поста, когда я уже с позволения старца Шишкова прочту вслух известное предложение; но еще прежде не худо потолковать. Несмотря на твои измены, весь твой

Павел Катенин
(XV, 47).

⁹ РО ИРЛИ, ф. 322, № 47, л. 3—3 об. Черновик приведенного письма, записанного под диктовку графа одним из его секретарей, см.: Там же, № 79, л. 31.

¹⁰ В 1833 году исполнялось 50 лет с момента учреждения Российской Академии.

Если начало записки, где Катенин говорит о неосуществленном замысле литературного обзора к юбилею Академии, получило толкование в издании избранной переписки Пушкина,¹¹ то окончание письма осталось не прокомментировано. Неизвестно, как Пушкин отреагировал на просьбу Катенина о встрече.¹² Обратим внимание на даты присутствия Пушкина в Академии. По воспоминаниям Катенина, «сначала довольно усердно посещал он <Пушкин> ее собрания по субботам, но вскоре исключительные толки о Словаре ему наскучили».¹³ Можно заключить, что произошло это достаточно скоро: уже после второго заседания Пушкин пожаловался Катенину, что академические собрания ему не интересны и впредь он отказывается от их регулярного посещения. Поэтому Катенин заранее и просил Пушкина быть на заседании в первую неделю Великого поста, предполагая, что на следующих собраниях может его не увидеть. Действительно, посетив заседания 28 января и 4 февраля, Пушкин отсутствовал на двух следующих — 11 и 18 февраля — и только 25 февраля появился снова. Вероятно, одной из «измен», о которых Катенин писал в записке, была пассивность Пушкина на академических заседаниях, отсутствие поддержки с его стороны. С. П. Шевырев вспоминал: «Катенин имел огромное влияние на Пушкина; последний принял у него все приемы, всю быстроту своих движений; смотря на Катенина, можно было беспрестанно вспоминать Пушкина».¹⁴ То же отмечал и М. П. Погодин в своем дневнике 27 марта 1834 года: «Слуш<ал> Катенина. Прототип, по наружности, Пушкина».¹⁵ Однако сам Катенин на заседаниях Российской Академии уже не находил у Пушкина прежнего, схожего с его собственным, темперамента. Всерьез намереваясь составить оппозицию старой академической братии, Катенин все же рассчитывал, что Пушкин проявит солидарность, поэтому приглашал его к себе для обсуждения насущных вопросов. Пушкин же не предполагал участвовать в прениях. Он понимал, что его консолидация

---

¹¹ См.: Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 221 (примеч. И. Б. Мушиной).

¹² С. Л. Абрамович предположила, что «Пушкин сразу же откликнулся на просьбу Катенина и зашел к нему потолковать о его планах» (Абрамович С. Л. Пушкин в 1833 году: Хроника. М., 1994. С. 86).

¹³ Катенин П. А. Воспоминания о Пушкине // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 1. С. 190.

¹⁴ Майков Л. Н. Воспоминания Шевырева о Пушкине // Майков Л. Н. Пушкин: Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899. С. 331.

¹⁵ Цявловский М. А. Пушкин по документам Погодинского архива // Пушкин и его современники. Пг., 1916. Вып. 23—24. С. 119.

с импульсивным и часто несдержанным в высказываниях Катениным не принесет пользы обсуждению нового издания Словаря, а приведет лишь к конфликту с другими членами. И последствия выступлений Катенина не заставили себя долго ждать. На субботнем заседании 29 апреля 1833 года дело дошло до серьезного столкновения его с протоиереем Казанского собора П. Н. Мысловским и Соколовым. Все началось с того, что Катенин и Мысловский разошлись во мнениях по определению значения слова «бюро». Свое видение произошедшего инцидента Катенин изложил 1 мая в письме к Соколову,¹⁶ которому пенял за то, что тот спровоцировал конфликт:

Все это довольно маловажно и не произвело бы ничего, кроме определения в словаре, более или менее точного, если б вы не рассудили за благо сказать мне род нравоучения за то, что я будто бы имею привычку кричать, и хотя я тут же очень тихо отвечал, что я, напротив, молчу довольно долго, слушая вас, вы продолжали, и тем вынудили меня объявить, что такого уровня уроки могут точно довести до того, что и закричу. За сим вслед вмешался в речь г. Мысловский, не ради примирения, что бы приличнее было сану его, но с требованием что-то обо мне записать в журнал, а как прочие члены явно ничего подобного не хотели, то он, поговоря с вами в другой комнате, с досадою ушел, и заседание прежде времени кончили.¹⁷

Ссылаясь на параграфы устава Академии, Катенин заявляет:

Академики собираются затем, чтобы дружелюбно, общими силами и свободным прением, без всякой мзды и корысти, трудиться в пользу языка.¹⁸

Пушкин, хотя и не присутствовал на собрании 29 апреля, безусловно, знал о конфликте. И данный случай столкновения Катенина с другими участниками заседаний не был единственным. О ситуации, сложившейся в Академии с появлением Катенина, Пушкин рассказал братьям Языковым, когда 29 и 30 сентября 1833 года гостил в их симбирском имении.¹⁹ Об этом средний из братьев Язы-

¹⁶ См.: Сухомлинов М. И. История Российской Академии. СПб., 1885. Вып. 7. С. 89—91, 495.

¹⁷ Там же. С. 90.

¹⁸ Там же. С. 90—91.

¹⁹ См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 4: 1833—1837. С. 97; Хроника жизни и творчества А. С. Пушкина: В 3 т.

ковых, Александр Михайлович, 1 октября сообщил В. Д. Комовскому — младшему брату лицейского товарища Пушкина:

Мы от него <Пушкина> первые узнали, что он и Катенин избраны членами Российской Академии и что последний производит там большой шум, оживляя сим сонных толкачей, иереев и моряков. Во второй уже раз дошло до того, что ему прочли параграф устава, которым велено выводить из заседания членов, непристойно себя ведущих. Старики видят свою ошибку, но делать уже нечего: зло посреди их; вековое спокойствие нарушено навсегда, или по крайней мере надолго.²⁰

Можно предположить, что первое время Пушкин пропускал академические заседания еще и по причине активных выступлений на них Катенина, дабы избежать невольного участия в противостоянии сторон.

Вернемся вновь к событиям марта 1833 года. В своей записке Катенин просил Пушкина непременно быть на заседании в первую неделю Великого поста, которое приходилось на 4 марта. У Пушкина была причина пропустить его, и в тот день в Академии он не появился. Заглянем в протокол собрания, где отмечено следующее:

Член Академии Павел Александрович Катенин читал сделанное им объяснения <так!> глагола *Быть* в разных его знаменованиях, с присовокуплением приличных к тому примеров и изречений. Гг. Члены, присутствовавшие в заседание <так!>, положили напечатать в нескольких экземплярах сего объяснения для доставления Гг. Членам, кому из них благоугодно будет сделать свои замечания или дополнения.²¹

Ожидая присутствия на заседании Пушкина, Катенин в качестве «примеров и изречений» для объяснения глагола «быть», возможно, предполагал процитировать свою «Старую быть» («Наш славный Владимир, наш солнышко-князь...», 1828) и обращенное к Пушкину посвящение — «Вот старая, мой милый, быть, / А может быть, и небылица...», о чем последний, зная тему выступления, мог догадаться. В «Старой были», представляя соперничество двух

1826—1837. М., 2009. Т. 2. Кн. 2: 1833—1834. С. 185—186. (Пушкин в XXI веке. Вып. 10).

²⁰ Садовников Д. Н. Отзывы современников о Пушкине: (К материалам для его биографии) // Исторический вестник. 1883. № 14. С. 537.

²¹ СПбФ АРАН, ф. 8, оп. 1, № 38, л. 21—21 об.

певцов, Катенин под восхвалявшим князя и одержавшим победу в состязании греком, получившим в награду коня, доспехи и оружие, подразумевал Пушкина, по его мнению превозносящего Николая I в стихотворениях «Стансы» («В надежде славы и добра...», 1826) и «Друзьям» («Нет, я не льстец, когда царю...», 1828). И здесь Катенин тоже видел «измену». Себе же он отводил роль отказавшегося от состязания русского певца, которому достался кубок. В посвящении он предлагал Пушкину испить из него, иронизировал над историографом Н. М. Карамзиным, директором Публичной библиотеки, президентом Академии художеств и археологом А. Н. Олениным, «младыми романтиками» и всячески пытался завуалировать истинный смысл стихотворения. Однако Пушкин разгадал его замысел. Он опубликовал «Старую быль» без посвящения²² и десятками страниц далее — свой саркастический «Ответ Катенину» («Напрасно, пламенный поэт...», 1828).²³ Кроме самого адресата, его никто не смог бы связать со «Старой былью», к негодованию ее автора.²⁴ Позднее в своих воспоминаниях Катенин представил этот эпизод так:

Еще до отъезда²⁵ показывал я ему же, милому А. С., начало «Старой были», почти не решаясь окончить; он, напротив, очень хваля сделанное, убеждал непременно доделать. Сотворив наконец по его воле осенью 1828 года, вздумал я ему посвятить; написал послание в стихах для света и простое письмо в прозе собственно для него, отправил все вместе; ответа не было, оттого ли, что он не озаботился, или что письмо пропало: не знаю. В январе 1829-го получил я от издателей альманах «Северные цветы»; в нем нашел сообщенную Пушкиным при записке «Старую быль» и ответ его на

---

²² Катенин П. А. Старая быль // Северные цветы на 1829 год. СПб., 1828. С. 33—45. Публикация сопровождается примечанием: «За стихотворение сие обязаны мы А. С. Пушкину, который доставил нам оное при следующем письме: “П. А. Катенин дал мне право располагать этим прекрасным стихотворением. Я уверен, что вам будет приятно украсить им ваши Северные Цветы”» (Там же. С. 33).

²³ А. П. [Пушкин А. С.]. Ответ Катенину // Там же. С. 120.

²⁴ См. об этом: Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968. С. 73—85; Виноградов В. В. О стиле Пушкина // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 153—155; Довгий О. Л. «Ответ Катенину» // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 1996. Вып. 27. С. 115—119; Муравьева О. С. Ответ Катенину («Напрасно, пламенный поэт...», 1828) // Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2017. Вып. 3: А—О. С. 561—565.

²⁵ Имеется в виду отъезд Катенина в свое имение Шаево Кологривского уезда Костромской губернии.

Послание, а Послания не было, отчего и ответ выходил не совсем понятен. Несколько лет спустя я спросил у него: отчего так? Он отговорился тем, что, посылая «Быль» от себя, ему неловко показалось приложить посвящение с похвалами ему же. Я промолчал, но ответ показался мне не чист; похвалы мои были не так чрезмерны, чтобы могли ввести в краску авторскую скромность, и я догадался, в чем истинная причина: шутка слегка над почтенным Историографом, и над почтенным Археологом, и над младыми романтиками — вот что затруднило милого А. С. Он боялся, напечатав мои дерзости без противуречия, изъять род согласия и оставил под спудом. Найденные после смерти в бумагах его стихи мои были помещены в «Современнике»,²⁶ хотя уже гораздо ранее напечатаны в моих сочинениях,²⁷ вслед за «Старой былью», к которой относятся.²⁸

Как бы то ни было, однажды Пушкин уже сумел устраниться от полемики с Катениным. Так поступал он и теперь, пропуская академическое заседание, чтобы избежать возможного, уже публичного, объяснения, изъяти Катенин желание взять реванш и прочитать «Старую быль» вместе с посвящением. Между тем в рецензии на «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина», датированной 14 марта 1833 года, Пушкин особо выделил «Старую быль», «где столько простодушия и истинной поэзии» (XI, 221).

Соколов, как и после его кончины занявший место непременно секретаря Академии Д. И. Языков, вели регулярную переписку с участниками заседаний, которых заблаговременно извещали о собраниях, где планировалось обсуждение важных вопросов или должен был состояться выбор новых членов и требовалось провести голосование. С этой целью действительным членам рассылались особые печатные повестки. Отсутствовавшие на заседаниях, где проходил выбор новых членов, получали от секретаря уведомления о необходимости прислать свое согласие или отказ по предложенным кандидатам. Так, сохранился черновик пушкинского письма к Соколову, датированного в Большом академическом собрании сочинений поэта концом (после 27-го) мая — началом июня

²⁶ [Катенин П. А.]. Александрю Сергеевичу Пушкину // Современник. 1837. Т. 6. С. 174—177.

²⁷ Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина, с приобщением нескольких стихотворений князя Николая Голицына. Ч. 1: Сочинения. СПб., 1832. Пушкин содействовал появлению издания. В нем следом за «Старой былью» (с. 85—97) помещено и посвящение — послание «А. С. Пушкину» (с. 98—100).

²⁸ Катенин П. А. Воспоминания о Пушкине. С. 188—189.

1833 года,²⁹ в котором поэт отдает свой голос за сенатора и поэта Д. О. Баранова (см.: XV, 63), а также письмо Языкова к Пушкину от 4 октября 1835 года (см.: XVI, 53—54) с просьбой сообщить свое мнение о кандидатурах В. М. Перевошикова и В. Г. Анастасевича.

По свидетельству Катенина, отказавшись от постоянных посещений Академии, Пушкин на заседаниях «показывался только в необыкновенные дни, когда приступали к выбору новых членов взамен убылых».³⁰ Первые выборы, в которых поэту предстояло принять участие, состоялись 11 марта 1833 года. В числе других действительных членов Академии он был извещен об этом печатной повесткой. В бумагах поэта она не сохранилась, и до последнего времени о ней не было известно. Между тем экземпляр этой повестки сохранился в архиве Хвостова. Приведем ее текст:

В будущее собрание Императорской Российской Академии, сего Марта 11 числа, в 11-ть часов до полудня, назначено быть выбору в Действительные Члены оной; о чем ГГ. Членам Российской Академии сим почтеннейше извещается.

Марта 9³¹ дня
1833 года.

<Ниже, от руки, на свободной части листа:>

1. Избираются Статский Советник Павел Петрович Свиньин, издатель Отечественных Записок и сочинитель романов Якума и Шемяки.

2. Владимир Иванович Панаев, Коллежский Советник, известный мастер писать Идиллии.

3. Борис Михайлович Федоров, Трудолюбивой Автор, сочинитель Детских Книжек, и доселе обещающий романа Курбский.³²

Ряд других документов архива Хвостова написан тем же почерком одного из его секретарей. Надо полагать, граф сам продиктовал

²⁹ Датировка письма была уточнена: «1833. Май, после 27...Июнь, до 8» (см.: Хроника жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 2. Кн. 2. С. 100).

³⁰ Катенин П. А. Воспоминания о Пушкине. С. 190.

³¹ Число вписано.

³² РО ИРЛИ, ф. 322, № 79, л. 48. Извещение находится в особой рукописной книге, составленной по большей части из писем к Хвостову за 1833 год, и аннотировано графом так: «Повестка Российской Академии о <6> избирательном собрании в Члены» (Там же, л. 1 об.).

Въ будущее собраніе Императорской Россійской Академіи, сего Марша 11 числа, въ 11-нѣ часовъ до полудня, назначено быти выбору въ Дѣйствительные Члены оной; о чемъ Г.Г. Членамъ Россійской Академіи симъ почтеннѣйше извѣщается.

Марша 9 дн
1853 года.

1. Александръ Степанъ Савицъ
и Павелъ Петровичъ Свиньинъ
и датскіе отечественныя Катиса и
социетатъ Франковъ Якуса и Шелки.
2. Владимиръ Ивановичъ Манасъ Ко-
ндрей Савицъ, ивѣстнѣйшій писатель
и писатель Иллини.
3. Борисъ Ивановичъ Ореховъ Муравинъ
Байъ Анторъ, социетатъ Фоткиръ
Книжскій и доселѣ общающійся Франкъ
Курбскій.

Повестка на заседание Российской Академии 11 марта 1833 года
(РО ИРЛИ, ф. 322, № 79, л. 48)

пояснение к повестке, дав краткую оценку литературных заслуг кандидатов. П. П. Свиньин — писатель, историк, художник, академик Академии художеств, собиратель произведений искусства и исторических редкостей в основанном им «Русском музее», журналист, издатель «Отечественных записок» (1818—1830). В сфере литературного творчества он характеризуется как автор романов «Ягуб Скупалов, или Исправленный муж» (1830)³³ и «Шемякин суд,

³³ Роман вышел без имени автора на титульном листе. Вероятно, произведение было плодом совместного творчества Свиньина и А. К. Бошняка (1786—

или «Последнее междоусобие удельных князей русских» (1832). В. И. Панаев получил известность своими стихотворениями, составившими сборник «Идиллии» (1820). Б. М. Федоров к моменту избрания в члены Российской академии успел проявить себя на ниве воспитательной литературы для маленьких читателей: выпустил сборники «Детский цветник» (1827—1828), «Детские стихотворения» (1829) и «Детский театр» (1830—1831), издавал журнал «Новая детская библиотека» (1827—1829, 1831). Его исторический роман «Князь Курбский» увидит свет в 1843 году.

Между тем Пушкин получил повестку на субботнее собрание 11 марта 1833 года и присутствовал на нем. В протоколе заседания отмечено:

Слушано данное сего числа Императорской Российской Академии Г. Президентом оной предложение следующего содержания: «На порожние места Членов, не благоугодно ли будет поместить следующих особ: 1) Коллежского Советника Владимира Ивановича Панаева, 2) Статского Советника Павла Петровича Свиньина и 3) Титулярного Советника Бориса Михайловича Федорова. Первый из них по сочинениям своим известен. О долговременных и полезных трудах второго прилагается при сем записка, третий как прежде представлял, так и ныне вновь представляет в Академию также многие долговременные и полезные свои труды».³⁴

Пушкин выразил согласие на принятие в действительные члены всех трех кандидатов, и по итогам общего голосования вопрос по их избранию был решен положительно.

Со временем Пушкин все реже стал посещать субботние заседания Академии. Спустя год избранный при его участии Свиньин заявил о распродаже коллекции своего «Русского музеума» на аукционе. 22 марта 1834 года он обратился к Шишкову с письмом, в котором предлагал Российской Академии приобрести собранные им раритеты:

При наступающей продаже с аукциона Русского Музеума, конечно, всего прискорбнее будет для доброго патриота видеть, как разойдется по рукам драгоценное собрание *рукописей* и редких *книг* до России касающихся, на которые имеется много охотников и кои, без сомнения, пойдут высокою ценою. Но если Российской

1831), известного своим доносом на декабристов и докладной запиской о Пушкине.

³⁴ СПбФ АРАН, ф. 8, оп. 1, № 38, л. 25—25 об.

Академии угодно было приобрести оные для своей библиотеки, то я бы уступил те и другие по аукционной цене, за 6000 рублей, считая себя сугубо вознагражденным за пожертвование свое мыслию, что Собрание мое, стоившее мне величайших трудов и иждивения, не расстроится, не исчезнет, а будет принадлежать столь знаменитому сословию, каково Российская Академия, и составит значительное приращение ее богатому книгохранилищу. <...> Я беру смелость предложить еще для приобретения Российской Академии мозаический портрет Петра Великого, трудов знаменитого преобразователя Российского слова — Михайла Васильевича Ломоносова. Подобное произведение сего поэта-художника находится только в Правительствующем Сенате, коему пожаловала его Императрица Елизавета Петровна. Сей же портрет принадлежал Графу Разумовскому и куплен мною от графа Гудовича за 1500 рублей.³⁵

В комментарии к неосуществленному изданию иллюстрированного каталога «Русского музеума» его владелец излагал подробно сти приобретения им мозаичного портрета Петра Великого так:

Ломоносов <...> как славный химик, изобрел саму массу, подобную стеклу прозрачностью и глянцем, принимающую самые яркие цвета; удобно мог разделить ее на кубические кусочки и сам же изобрел и нужную для мозаичной работы мастику. <...> Им созданы были три мозаики сего государя, из коих одна подписана императрице Елизавете Петровне, и отправлена Ею в Сенат, другая канцлеру гр. Воронцову³⁶ и находится теперь в Коллегии иностранных дел, и третья, наконец, тогдашнему фавориту гр. Разумовскому. Графиня Разумовская подарила сию драгоценность гр. М. В. Гудовичу, как любителю художеств, а мною приобретена она на Аукционе, бывшем в 1822 году, на коем продана за долги вся галерея, доставшаяся по духовной гр. Петру Васильевичу Гудовичу.

Я купил сию бесценную редкость за 286 рублей, и это оттого, что большая часть из присутствующих не знала имя художника, а другие не торговались, узнав желание мое приобрести.³⁷

³⁵ СПбФ АРАН, ф. 8, оп. 1, № 39, л. 215—216.

³⁶ Граф Михаил Илларионович Воронцов (1714—1767) с 1744 года был вице-канцлером, в 1758—1765 годы — канцлером Российской империи.

³⁷ Цит. по: Корнилова А. В. Художественная жизнь // Быт пушкинского Петербурга: Опыт энциклопедического словаря. Л—Я. СПб., 2005. С. 372. Если довериться свидетельству Свинына, то история бытования принадлежавшего ему мозаичного портрета Петра Великого работы Ломоносова вырисовывается следующим образом. Сначала портрет оказался у фаворита императрицы Елиза-

В письме к Шишкову Свиньин указал значительно большую цену приобретения им портрета Петра Великого. Думается, он обратился в Российскую Академию, не только проявляя заботу о сохранении целостности коллекции, но и преследуя собственную материальную выгоду.

Пушкин посещал «Русский музей» Свиньина, который размещался в его квартире в доме И. Ф. Жербина у Михайловского дворца.³⁸ Осматривая рукописное собрание, поэт атрибутировал записку светлейшего князя Г. А. Потемкина-Таврического, оставив на ней карандашную пометку: «Потемки<нть>».³⁹ В период работы Пушкина над «Историей Пугачева» (1833—1834) у него находилась копия записок статс-секретаря Екатерины II Александра Васильевича Храповицкого, полученная от Свиньина.⁴⁰ С этим бы-

---

веты Петровны — графа Алексея Григорьевича Разумовского. Затем — у его брата — Кирилла Григорьевича — генерал-фельдмаршала, последнего гетмана Войска Запорожского, президента Императорской Академии наук и собирателя произведений искусства. Однако едва ли совсем еще молодому Михаилу Васильевичу Гудовичу, получившему графский титул лишь в 1809 году, портрет подарила супруга К. Г. Разумовского — Екатерина Ивановна, урожденная Нарышкина. Их дочь Прасковья Кирилловна не по своей воле стала женой генерала Ивана Васильевича Гудовича, графа с 1797 года, единокровного брата М. В. Гудовича, которому она и могла передать петровский портрет. Но более вероятно, что под «графиней Разумовской» подразумевалась Софья Осиповна Апраксина, урожденная Закровская — дочь Анны Григорьевны Разумовской, сестры А. Г. и К. Г. Разумовских. Она имела большое влияние на дядю, Кирилла Григорьевича, и безраздельно хозяйничала в его многочисленных владениях. О властной, корыстной и хитрой Апраксиной ее родственники отзывались весьма не лестно. «Из всех семейных историй самая крупная — это история Софьи. Она до того возмутительна, что у меня едва хватает духа говорить об ней. <...> Никогда женщина эта не была наглее, бесстыднее, и в более открытых отношениях кое к кому, и никогда ее лучше не принимали, более не ласкали, усерднее за нею не ухаживали» (цит. по: *Васильчиков А. А. Семейство Разумовских: В 5 т. СПб., 1880. Т. 1. С. 350*), — так характеризовала Апраксину ее двоюродная сестра Наталья Кирилловна Загряжская, урожденная Разумовская, — родственница Н. Н. Пушкиной. Софья Осиповна могла присвоить портрет и подарить его жившему на правах родственника во дворце К. Г. Разумовского в Батурино «любителю художеств» М. В. Гудовичу, к которому благоволила. По завещанию последнего, умершего холостым, его имущество перешло к брату — Петру Васильевичу. В 1822 году оно было выставлено на аукцион, где Свиньин и купил мозаику (см.: *Краткая опись предметов, составляющих Русский музей Павла Свиньина. 1829 года. СПб., 1829. С. 19*).

³⁸ Современный адрес: участок д. 2 на площади Искусств.

³⁹ См.: *Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935. С. 706.*

⁴⁰ См.: *Краткая опись предметов, составляющих Русский музей Павла Свиньина. 1829 года. С. 129.*

ли связаны два его письма к Пушкину. В первом, датированном 19 февраля 1833 года, Свињин сочиняет следующую историю:

Медленность в доставлении вам, милостивый государь Александр Сергеевич, прилагаемой при сем рукописи, произошла ни от чего другого, как от невозможности отпереть мой музей за потерю ключа: неделю искали его, а другую приделывали. Я уже написал и в деревню о присылке самого оригинала Храповицкого; впрочем, это самая верная с него копия, с которой печатались эти записки у меня в журнале.

Воображаю сколько любопытно будет обозрение великой царицы, нашего золотого века или, лучше сказать, мифологического царствования под пером вашим. Право, этот предмет достоин вашего таланта и трудов.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть

вашим покорнейшим слугою
Пав<ел> Свињин
(XV, 48).

В 1821—1828 годах Свињин частично опубликовал записки Храповицкого в своих «Отечественных записках», как сам и утверждает — по копии, но по той лишь причине, что подлинной рукописью он не владел. Она хранилась у племянника Храповицкого — Н. В. Сушкова. Поэтому не случайно Свињин стал прототипом «маленького лжеца» Павлуши в пушкинской «Детской книжке» (1830). Собирая материалы для истории Пугачевского восстания, Пушкин утаил от Свињина истинную причину своего обращения к запискам Храповицкого, объяснив это интересом к екатерининской эпохе. Хотя Свињин и приветствовал историографические занятия Пушкина, но, думается, все же видел в нем соперника, поскольку сам работал над историей Петра Великого. В письме к военному историку генералу А. И. Михайловскому-Данилевскому от 14 апреля 1832 года он довольно скептически отзывался о Пушкине как историографе:

Неужели Пушкин решился взяться за сию обузу? Другое дело, если б он написал поэму вроде «Генриады»⁴¹ или «Владимира»⁴². Я уверен, что автор «Бахчисарайского фонтана» превзошел

⁴¹ «Генриада» (1723) — эпическая поэма Вольтера (1694—1778) о короле Генрихе IV.

⁴² «Владимир» (1797) — эпическая поэма М. М. Хераскова (1733—1807), в первой редакции имевшая название «Владимир Возрожденный»

бы Вольтера и Хераскова, но сочинитель «Повестей Белкина» не обещает быть достойным историком великого Петра, где нужен не один слог, но глубокомыслие, постоянство и — терпение.⁴³

Во втором письме к Пушкину, дошедшем до нас с утратой части текста из-за оторванного угла листа, Свиньин писал:

Милостивый государь,

Александр Сергеевич!

Надеюсь, вы простите моей докучливости в уважение малого времени, которое остается мне жить в Петербурге, а в это малое время мне хотелось бы кончить с изданием Храповицкого Записок! Сделайте одолжение, пришлите мне с подателем сей манускрипт, я усердно займусь *примечаниями*, тем более, если вы потрудились отне<тить> те места, которые требуют оных по <вашему> мнению. Для дальнейшего объяснения я <явлюсь> <?> <к> вам завтра часу в 1-м, если вы будете <дома и> ли не пожалуете ли вы ко мне сегодня? <До...> часов буду ожидать вас.

<Ес> ли вам не нужна рукопись de Leria,⁴⁴ то <покорнейш>е прошу также возвратить мне ее с пода<телем сего и> верить чувствам совершенного почтения

Вашего покорнейшего слуги

Пав<ла> Свиньина

(XV, 113).

В Большом академическом собрании сочинений Пушкина письмо датировано первой половиной 1833 года — февралем 1834 года. Позднее датировка была уточнена и сужена: «1834. Январь... Март (?)»⁴⁵ и «1834. Январь...Февраль (?)», с ошибочным указанием, что рукопись Храповицкого была продана с аукциона, на-

(1785), об обретении истинной веры будущим крестителем Руси святым Владимиром Святославичем.

⁴³ Сапожников А. И. Письма П. П. Свиньина к А. И. Михайловскому-Данилевскому (1830—1837) // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 16—17. С. 445.

⁴⁴ Имеется в виду Джеймс Фрэнсис Фитц-Джеймс Стюарт (1696—1738) — 2-й герцог Бервик и 2-й герцог де Лириа-и-Херика, внук английского короля Якова II Стюарта, испанский посол при русском дворе, и его «Дневник», который он привез из России. Рукопись хранилась в семье герцога и не предназначалась для публики. Согласно одному предположению, некий российский дипломат, аккредитованный в Испании и знакомый с родственниками герцога, скопировал часть дневника, посвященную России. Потом этот текст под названием «Extrait du journal du Duc de Leria» разошелся по России в списках.

⁴⁵ См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 4. С. 146.

чавшегося 31 марта 1834.⁴⁶ Однако еще 22 марта, до проведения торгов, свое рукописное собрание, в которое входили и записки Храповицкого, Свињин предложил Российской Академии, которая их и приобрела.

Намереваясь продать предметы своего музея и перемещая их в выставочный зал при космораме Л. Палацци в доме на углу Большой Морской улицы и Кирпичного переулка,⁴⁷ где должен был состояться аукцион, Свињин предварительно собрал их вместе. Наверняка он просил Пушкина возвратить находившиеся у него рукописи до того, как все экспонаты «Русского музея», в том числе и купленные впоследствии Российской Академией, будут представлены на всеобщее обозрение. Поэтому Свињин так спешил с возвратом копии записок Храповицкого и одновременно просил отдать принадлежавшую ему рукописную копию выписки из дневника герцога де Лириа.⁴⁸ Отъезд из Петербурга и намерение составить примечания к запискам служили для Свињина лишь предлогом, чтобы поскорее получить свои рукописи. Критически оценивая будущий труд Пушкина-историографа, Свињин не мог не понимать, что тот, как работающий с архивными документами источниковед, обладал обширными фактологическими сведениями. Вспомним, как поэт однажды атрибутировал записку Потемкина. Так и в данной ситуации Свињин не упустил случая обратиться к нему с просьбой отметить в рукописи неясные места, наверняка лелея надежду получить их объяснение, что повысило бы ценность выставляемого на продажу раритета.

Когда все экспонаты были собраны вместе, в печати появилось уведомление, что «в заведении Г. Палацци» выставлен «Русский Музеум. Г-на Статского Советника и Кавалера Павла Петровича Свињина. Галерея иностранных классических картин и разных редкостей, достойных особенного примечания», открытый «ежедневно, от 10 часов утра до 5 пополудни. Цена за вход в музеум 1 рубль. Дети платят половину».⁴⁹ А спустя некоторое время в газетах про-

⁴⁶ См.: Хроника жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 2. Кн. 2. С. 285—286.

⁴⁷ Современный адрес: угловой участок д. 16 на Большой Морской улице и д. 8 в Кирпичном переулке.

⁴⁸ См.: Краткая опись предметов, составляющих Русский музеум Павла Свињина. 1829 года. С. 127. Рукописная копия выписки из дневника герцога де Лириа, бывшая в коллекции Свињина, не попала в число раритетов, приобретенных Российской Академией, и позднее оказалась у историка К. Н. Бестужева-Рюмина (1829—1897).

⁴⁹ Прибавление № 35 к Санктпетербургским ведомостям. 1834. 11 февраля. С. 272.

Членъ Академіи Статскій Совѣтникъ Павелъ Петровичъ Свиньинъ сдѣлалъ предложеніе Россійской Академіи приобрести для ея книгохранилища собраніе рукописей и рѣдкихъ иностранннхъ книгъ, до Россіи касающихся за 6000 рублей и мозаическій поршрешъ Петра Великаго, работы Ломоносова за 1000 рублей.

Президентъ Академіи проситъ ГГ. Членовъ пожаловать въ Собраніе Академіи, имѣющее бытъ 31-го числа сего Марта, въ слѣдующую Субботу, для сужденія по сему предмету.

Марта
1834.

*Повестка на заседание Российской Академии 31 марта 1834 года
(РО ИРЛИ, ф. 322, № 80, л. 58)*

шла информация о предстоящем аукционе, что теперь «музей можно видеть ежедневно без всякой платы за вход»,⁵⁰ и все раритеты «выставлены уже в совершенном порядке».⁵¹ В соответствии со временем первого объявления о представленных в зале Палатки экспонатах «Русского музеума», конечная дата написания Свиньиным письма к Пушкину может быть уточнена: «1834. Февраль, до 11».

Между тем 24 марта 1834 года в протокол академического заседания, на котором Пушкин не присутствовал, был внесен следующий пункт:

Член Академии Г. Статскій Советник Павел Петрович Свиньинъ сдѣлалъ предложеніе Академіи Россійской, не благоугодно ли ей будетъ приобрести для ея книгохранилища 1-е) Собраніе рукописей и рѣдкихъ иностранннхъ книгъ, до Россіи касающихся (в числѣ ру-

⁵⁰ [Б. п.]. Воспоминанія о Русском Музеумѣ // Северная пчела. 1834. № 51. 6 марта. С. 203.

⁵¹ М. Р. [Резвой М. Д.]. Несколько слов о Русском музеумѣ // Санктпетербургскія ведомости. 1834. № 61. 15 марта. С. 236.

кописей между прочими находятся: <...> Памятные записки Храповицкого) <...> за 6000 руб.; и 2.) Мозаический портрет Петра Великого работы Ломоносова за 1000 руб. Г. Президентом и Собранием определено: уведомляя о сем особыми повестками Гг. Членов Академии, просить их пожаловать в Собрание, имеющее быть в следующую Субботу, 31-го сего Марта, для суждения по сему предмету. Исполнения <так!> сего определения поручено Секретарю Академии.⁵²

Во исполнение определения президента и академического собрания Соколов разослал действительным членам повестки на заседание 31 марта 1834 года. В архиве Хвостова сохранился экземпляр этой печатной повестки, которую должен был получить и Пушкин. Текст ее гласит:

Член Академии Статский Советник Павел Петрович Свиный сделал предложение Российской Академии приобрести для ее книгохранилища собрание рукописей и редких иностранных книг, до России касающихся за 6000 рублей и мозаический портрет Петра Великого, работы Ломоносова за 1000 рублей.

Президент академии просит Гг. Членов пожаловать в Собрание Академии, имеющее быть 31-го числа сего Марта, в следующую Субботу, для суждения по сему предмету.

Марта
1834.⁵³

По-видимому, повестки были разосланы действительным членам Академии одновременно с отправкой им комплектов «Собрания сочинений и переводов» А. С. Шишкова.⁵⁴ В протоколе заседания 10 февраля 1834 года записано: «...сто экземпляров оставить при Академии для раздачи Господам Членам, как скоро 16-я часть кон-

⁵² СПбФ АРАН, ф. 8, оп. 1, № 39, л. 25 об.

⁵³ РО ИРЛИ, ф. 322, № 80, л. 58. Дата не вписана. На обороте листа писарской рукой: «Его Сиятельству Графу Дмитрию Ивановичу Хвостову. № 3». Извещение находится в рукописной книге, составленной из входящей корреспонденции Хвостова за 1834 год, и аннотировано следующим образом: «Повестка из Российской Академии о предложении президента учинить вспомоществование члену Павлу Петровичу Свиному относительно продажи редких вещей его музея» (Там же, л. 2 об.).

⁵⁴ Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена: В 16 ч. СПб., 1818—1834.

чится печатанием...»⁵⁵ Граф Хвостов получил свой экземпляр при следующем сопроводительном письме Соколова:

Милостивый Государь,
Граф Дмитрий Иванович.

Имею честь препроводить при сем Вашему Сиятельству, яко Действительному Члену Императорской Российской Академии, один экземпляр изданного ею *Собрания Сочинений и Переводов А. С. Шишкова*, и с его портретом.

Пользуясь сим случаем, покорнейше прошу принять уверение в совершенном почтении и таковой же преданности, с коими пребуду навсегда

Вашего Сиятельства
Покорнейшим слугою
Петр Соколов.

№ 45.

26 марта 1834.

Его Сиятельству Графу
Д. И. Хвостову.⁵⁶

Вполне допустимо, что и Пушкину 26 марта вместе с повесткой на субботнее заседание 31 марта Соколов мог отправить комплект шишковского «Собрания сочинений и переводов». Пушкин входил в число попечителей малолетней Софии Шишковой — дочери своего хорошего знакомого, покойного племянника президента Академии, поэта и переводчика Александра Ардалионовича Шишкова.⁵⁷ В пользу девочки и должны были пойти средства от продажи «Собрания». Известно, что 7 июня 1834 года Пушкин приобрел в книжной лавке А. Ф. Смирдина один комплект этого издания за 50 рублей.⁵⁸ В библиотеке поэта сохранились части 2—15.⁵⁹ Пушкин принял деятельное участие в организации издания за счет Академии произведений и самого А. А. Шишкова.⁶⁰

⁵⁵ СПбФ АРАН, ф. 8, оп. 1, № 39, л. 12 об. В 1839 году выйдет последняя, 17-я часть.

⁵⁶ РО ИРЛИ, ф. 322, № 80, л. 57. Все письмо написано писарским почерком, идентичным почерку на обороте повестки на заседание 31 марта; рукой Соколова — только: «Покорнейшим слугою. Петр Соколов».

⁵⁷ См.: Северная пчела. 1834. № 66. 23 марта. С. 261—262.

⁵⁸ См.: Оксман Ю. Г. К истории библиотеки Пушкина // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 445.

⁵⁹ См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина: (Библиографическое описание). СПб., 1910. С. 116—117. № 430.

⁶⁰ Сочинения и переводы капитана А. А. Шишкова: В 4 ч. СПб., 1834—1835.

Однако на собрании 31 марта, которое Пушкин пропустил, о предложении Свинына не говорили. В протоколе значится: «По причине малого числа Членов, в нынешнее заседание присутствовавших, о покупке предлагаемых Академии Г. Ст<атским> Сов<етником> Свиныным рукописей, книг и проч. <...> никакого суждения не было».⁶¹ Только на следующем заседании Академии, 7 апреля, где поэт также отсутствовал, было принято положительное решение: «...Г. Президентом и Собранием определено: предложенные Г. Статским Советником Свиныным рукописи и печатные книги на разных языках, до Российской Истории касающиеся, числом всего 201 номером <...>, также и мозаичский портрет Петра I-го работы М. В. Ломоносова, приобрести покупкою...»⁶²

Как представляется, Пушкин знал подробности приобретения Академией раритетов из собрания Свинына. 10 апреля 1834 года он сделал дневниковую запись о вечере, проведенном накануне у другого действительного члена Академии — С. С. Уварова: «Говоря о Свиныне, предлагающем Р.<оссийской> Академии свои манускрипты XVI-го века, Ув<аров> сказал: Надобно будет удостовериться, нет ли тут подлога. Пожалуй, Свинын продаст за старинные рукописи тетрадки своих мальчиков» (XII, 325). Окончание фразы не получило объяснения в собраниях сочинений и изданиях пушкинского дневника.

В любом деле Свинын искал выгоду и использовал способности юных дарований в личных интересах. Д. Н. Свербеев вспоминал:

О Свиныне как о живописце рассказывали, что он открыл, собственно для себя, самый легкий способ писать картины. Он был пейзажист, и, начертив в своем воображении какой-нибудь ландшафт, нарисованный им карандашом черне, этюд приносил к одному из покровительствуемых им юных талантов, прося его написать масляными красками небо, с которым будто бы сам Свинын не мог совладать, потом другого художника просил написать землю и зелень, третьего — деревья, четвертого — воду и т. д. Составленный таким образом пейзаж выдавал он за свое произведение и выставлял на нем в уголке свое имя с обычным «pinxit».⁶³ В качестве литератора и журналиста поступал он тоже особенным образом, непрестанно, для каждой книжки своего журнала (а выдавал он их, кажется, 12 в год), создавал какого-нибудь русского гения-самоуч-

⁶¹ СПбФ АРАН, ф. 8, оп. 1, № 39, л. 27.

⁶² Там же, л. 31.

⁶³ «написал» (лат.).

ку, который будто бы по особенному понятию делал величайшие открытия по всем частям человеческого знания.⁶⁴

Для достижения своих целей Свиньин нередко привлекал не имеющих жизненного опыта молодых людей, поскольку зрелые личности легко могли почувствовать подвох, да и репутация Свиньиного жреца была им хорошо известна. Наверняка не без личной выгоды он поддерживал контакты и с юными читателями своих сочинений. В 1811—1813 годах Свиньин состоял секретарем в русском консульстве в Филадельфии и по возвращении на родину поделился своими впечатлениями о Северной Америке с соотечественниками.⁶⁵ Вдохновившись рассказами Свиньиного и других авторов об Америке, двое юношей из провинции решили перебраться за океан. Сначала они вступили в переписку со Свиньиным, а осенью 1829 года, скрывая место своего пребывания — указав Вязьму, обратились с письмом и в редакцию «Северной пчелы». В этом письме были наполненные юношеской непосредственностью строки:

Несколько молодых людей, испытавших превратности счастья, желали бы поселиться в Америке... Мысль конечно очень дерзкая, но при всем том она хорошо обдумана; и мы, имея довольно способов к отправлению в те страны, с помощью духа предприимчивости и трудолюбия почти не сомневаемся, что время увенчает наш проект.⁶⁶

Юноши сетовали на то, что в прочитанных книгах о Северной Америке они «нигде не могли найти полного удовлетворения своим вопросам: каким образом выходцы из разных государств находят в сих колониях себе работу? Чрез какое право получают они в Вест-Индии землю? Всякому ли дозволено там селиться? Нет ли различия в нациях? Достаточно ли к сему предприятию знания одного только английского языка?»⁶⁷ Молодые люди просили напечатать в «Северной пчеле» «хотя небольшую статейку о способах поселения в колониях Нового Света».⁶⁸

---

⁶⁴ *Свербеев Д. Н.* Мои записки. М., 2014. С. 151—152 («Лит. памятники»).

⁶⁵ См.: *Свиньин П. П.* 1) Взгляд на республику Соединенных Американских областей. СПб., 1814; 2) Опыт живописного путешествия по Северной Америке Павла Свиньиного. СПб., 1815. Второе издание — СПб., 1818.

⁶⁶ Цит. по: *Николюкин А. Н.* Литературные связи России и США: Становление литературных контактов. 2-е изд., доп. // *Николюкин А. Н.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2022. Т. 1. С. 142.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. С. 142—143.

Издатель газеты Ф. В. Булгарин незамедлительно передал письмо в III Отделение. Возглавлявший его А. Х. Бенкендорф приказал учинить расследование, в ходе которого дознались, что письмо написали семнадцатилетний мальчик-конторщик из Осташкова Константин Гречников и его приятель восемнадцатилетний Николай Пыпкин. Свињин, посвященный в планы отъезда юношей на американский континент, обещал оказать им свое содействие. В донесении агента III Отделения И. В. Кобервейна сказано:

Пришедши ко мне, первый вопрос Гречникова был: «Позвольте спросить об здорoвии П. П. г-на Свињина! Я ему писал и просил его не справляться по моим вопросам у Минист-ва внутр. дел, ибо не стоит того, я уже решилсЯ весной отправиться в Крым!»⁶⁹

Для Свињина эта история заканчивается без последствий, а несостоявшееся переселение двух юношей в Америку невольно приходит на память при чтении рассказа А. П. Чехова «Мальчики» (1887).

Стоит отметить, что владелец «Русского музеума» пытался продать свою коллекцию и ранее, но безуспешно. Когда 2 июня 1832 года он обратился с письмом к Уварову, на тот момент товарищу министра народного просвещения, предлагая приобрести собрание, последний вынес резолюцию: «Ответить что ни для себя, ни для Министерства теперь невозможно купить его коллекцию».⁷⁰ Подлинность некоторых предметов из собрания Свињина многими ставилась под сомнение. В этой связи в «Северной пчеле» появилась шуточная заметка о проходивших торгах.⁷¹ Пушкин интересовался антикварными аукционами, не упуская возможности увидеть находившиеся в частных собраниях произведения искусства, редкие книги и рукописи. Так, будучи в Москве, он сообщил жене в письме от 10 декабря 1831 года, что побывал на аукционе, на котором распродавалось богатейшее собрание картин, гравюр, книг и рукописей из коллекции А. С. Власова (XIV, 246). Без сомнения, Пушкин не пропустил и аукцион по продаже «Русского музеума».

---

⁶⁹ Николюкин А. Н. Литературные связи России и США. С. 143.

⁷⁰ Переписка П. П. Свињина с С. С. Уваровым и А. А. Закревским // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М., 1992. Вып. 2—3. С. 82—83.

⁷¹ В. В. В. [Строев В. М.] Продажа Русского Музеума // Северная пчела. 1834. № 87. 17 апреля. С. 345—347.

С. В. БЕРЕЗКИНА, В. С. КИСЕЛЕВ

НОВОЕ О ПОДГОТОВКЕ ПОСМЕРТНОГО ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ПУШКИНА ПО НЕОПУБЛИКОВАННЫМ ПИСЬМАМ ЖУКОВСКОГО

Сразу же после смерти поэта В. А. Жуковский, получив необходимые распоряжения «высочайшего цензора», начал подготовку издания собрания сочинений А. С. Пушкина, которое вышло в одиннадцати томах в 1838—1841 годах и было названо в пушкиноведении посмертным. В феврале—апреле 1837 года Жуковский выполнил огромный объем работ, действовать же надо было очень быстро, поскольку ему предстояло отправиться в путешествие по России в свите наследника великого князя Александра Николаевича. Жуковский выехал в начале мая, а вернулся в декабре 1837 года, после чего в мае следующего года вновь отправился с наследником в другое, еще более длительное, европейское путешествие. Уезжая из Петербурга и возвращаясь, Жуковский неизменно включался в работу по изданию собрания сочинений поэта. Многие в истории этого издания остаются непроясненным до сих пор и находят свое объяснение в неопубликованных письмах Жуковского.

1

Послание «Горишь ли ты, лампада наша...» (1821), связанное с воспоминаниями о встречах Пушкина с друзьями в обществе «Зеленая лампа», не появилось в посмертном издании. Оно было адресовано Я. Н. Толстому (1791—1867), который, узнав о подготовке нового издания Пушкина, обратился к Жуковскому по поводу

ненапечатанного стихотворения. О связанном с ним эпизоде и общении с Жуковским Толстой рассказал М. Н. Лонгинову в письме от 1/13 ноября 1856 года из Парижа: «Я сообщил его однажды в 1837-м году Жуковскому, который занимался тогда первым изданием стихотворений Пушкина; но мы решили, что его печатать было невозможно, потому что нужно было многое пояснить и те объяснения казались нам неудобными в тогдaшнее время. Я не знаю, от кого г-н Анненков получил копию с этого письма; я его хранил как драгоценный автограф, единственный уцелевший из значительного числа писем ко мне Пушкина» (впервые опубли.: АПСС. Т. 2. Кн. 2. С. 559).

В письме Толстого речь идет о первой публикации «Горишь ли ты, лампада наша...», осуществленной П. В. Анненковым в 1855 году в «Материалах для биографии А. С. Пушкина» с цензурной купюрой (выпущены ст. 15—20). История этой публикации, а также дополнения к ней М. Н. Лонгинова, сделанного в 1857 году на страницах «Современника», подробно освещена в новейшем академическом издании (АПСС. Т. 2. Кн. 2. С. 555, 559—560). Некоторое уточнение к этой истории дает письмо Жуковского к Толстому, написанное в канун отъезда в свите наследника в последних числах апреля 1837 года:

Любезнейший Яков Николаевич, возвращаю Вам письмо Пушкина с благодарностью. Хотел сам его занести, но едва ль успею.хлопот невозможно много. Голова кругом. Может быть, найду еще свободную минуту на всякий случай проститься или, лучше, сказать до свидания.

Преданный Вам

Жуковский.¹

Из письма следует, что Толстой не только обсуждал с Жуковским при личной встрече возможность публикации послания, но и предоставил ему автограф Пушкина для копирования. Жуковский воспользовался этим, и в готовящейся им для издания тетради появилась писарская копия письма Пушкина к Толстому с посланием «Горишь ли ты, лампада наша...» (АПСС. Т. 2. Кн. 1. С. 401).

2

В середине августа 1839 года Жуковский вновь готовился к отъезду из Петербурга в свите наследника, на этот раз в Москву на праздник, приуроченный к годовщине Бородинского сражения

¹ ОПИ ГИМ, ф. 445, № 86, л. 45; подлинник, без даты.

1812 года. 16 августа, в канун своего отъезда, он написал Н. И. Тарасенко-Отрешкову, секретарю Опеки над детьми и имуществом Пушкина:

Не можете, любезнейший Наркис Иванович, сделать мне одолжение заглянуть ко мне на минуту завтра, пораньше утром между 8 и 9. Я завтра уезжаю в Москву. Надобно слово сказать о манускриптах Пушкина.

Преданный Вам

Жуковский

Среда.

Далее было написано кратко, как некий план, о предстоящих работах по пушкинскому изданию:

Напечатать отчет.

Послать сочинения.

Корректурa посмертных сочинений Никитенке.

Сверять с напечатанным в «Современнике».

Лицейские стихотворения сверять с оригинальной тетрадью.

Корректурa материалов Петра Сербиновичу.

NB. Манускрипт лицейских стихотворений будет передан Никитенке.²

Встреча с Тарасенко-Отрешковым состоялась ранним утром в день отъезда Жуковского в Москву. Она была посвящена делам по посмертному изданию сочинений Пушкина. В это время работа шла уже в типографии, готовившей к выпуску последние три тома. В них вошли не публиковавшиеся при жизни поэта произведения: «Медный всадник», «Каменный гость», «Русалка», «Тазит» (опубл. под загл. «Галуб»), стихотворения, в том числе лицейские (т. 9), «Арап Петра Великого», «Летопись села Горюхина» («Летопись села Горохина»), «Дубровский», «Египетские ночи», «Сцены из рыцарских времен» (т. 10), публицистика, критические статьи, прозаические наброски (отдел «Смесь», т. 11). Все три последних тома посмертного издания Пушкина вышли в 1841 году.

Чтобы понять распоряжения Жуковского, следует иметь в виду, что манускриптами в обиходе опекунов назывались переплетенные тома с писарскими копиями сочинений Пушкина, представлявшиеся в типографию. Подготовка издания была очень объемной и требо-

² РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 56, л. 1—2; копия рукой И. А. Бычкова, без даты; подлинник неизвестен.

вала оплаты многих работ. Слова «Напечатать отчет» в письме Жуковского предполагали какую-то таблицу, возможно, с итоговым счетом для писарей и корректоров.³

Все три последних тома издания Пушкина были подписаны к печати цензором А. В. Никитенко еще 29 апреля 1840 года. Согласно инструкции, цензор просматривал не только рукопись, но и правленую корректуру. Именно поэтому в письме к Тарасенко-Отрешкову Жуковский писал о представлении корректуры Никитенко.

Мы полагаем, что пункты после записи «Корректурa посмертных сочинений Никитенке» предполагали задание именно для него (за исключением того пункта, где упоминается Сербинович, о котором мы скажем особо). К Никитенко было обращено распоряжение Жуковского о необходимости сверки текстов с «напечатанным в “Современнике”». Она требовалась для тех произведений Пушкина, которые публиковались в 1838—1839 годах Плетневым на страницах «Современника» по рукописям, принадлежавшим друзьям и знакомым поэта. Это были неопубликованные строфы из «Евгения Онегина», послания «Цветы последние милей...» и «Кто знает край, где небо блещет...» (с исключением неподцензурного финала, начинающегося со стиха о «еврейке молодой») и т. д. Публикации «Современника» способствовали полноте издания, поскольку выявляли отсутствующие в бумагах поэта тексты. При этом Плетневу и Жуковскому пришлось выдержать бурю негодования в 1838-м и затем в 1839 году от лица сначала Тарасенко-Отрешкова, а затем графа Г. С. Строганова, настаивавшего, что «сочинения покойного Александра Сергеевича Пушкина составляют неотъемлемую собственность детей его и что посему они, как и всякая другая собственность, без разрешения правительствующего Сената не могут быть безвозмездно отчуждаемы от малолетних; что своевольное со стороны Опекы предоставление сочинений тех в пользу журналов без всякого вознаграждения подвергло бы законной ответственности опекунов».⁴ Протест Строганова, который, конечно же, не следил за русской периодикой, был вызван материалами и мнениями, подготовленными для него Тарасенко-Отрешковым. Испортившиеся отношения с Жуковским объясняют ту сухость, которая ощущается в его письме к нему.

Один из пунктов плана Жуковского касается «лицейских стихотворений» — так он называет том писарских копий, подготовлен-

³ См., например: *Летописи Государственного литературного музея*. М., 1939. Кн. 5: *Архив Опекы Пушкина*. С. 391.

⁴ Там же. С. 230—231.

ный им для посмертного издания Пушкина; этот же том именуется ниже и «манускриптом лицейских стихотворений».⁵ Сложным представляется вопрос о том, что Жуковский называл «оригинальной тетрадью», с которой надо было сверять в корректуре тексты лицейских стихотворений. Эта «оригинальная тетрадь», судя по ее названию, была для Жуковского при подготовке тома с лицейскими стихотворениями сверхценным источником текстов. Исходя из письма Жуковского и зафиксированных в нем пунктов плана для Тарасенко-Отрешкова, мы можем заключить, что в данный момент, то есть в середине августа 1840 года, источника этого еще не было в руках цензора Никитенко. Но «сверять с оригинальной тетрадью» лицейские стихотворения по уже правленной корректуре Жуковский поручил именно ему.

М. А. Цявловский полагал, что лицейские стихотворения в посмертном издании печатались по тетради, получившей впоследствии название Тетрадь А. В. Никитенко.⁶ В новом академическом издании к этому месту статьи Цявловского дана редакторская поправка: «Непосредственным источником публикаций в посмертном издании была не сама тетрадь Никитенко, а сделанные с нее копии, вошедшие в так называемую Тетрадь Жуковского» (АПСС. Т. 1. С. 462). Опираясь на письмо Жуковского к Тарасенко-Отрешкову, нужно добавить к этому заключению важное дополнение: на последнем этапе работы над корректурой была проведена сверка с «оригинальной тетрадью» лицейских стихотворений Пушкина и внесена соответствующая правка (это обстоятельство объясняет многие расхождения опубликованных текстов посмертного издания с Тетрадью Жуковского). Прodelал эту работу Никитенко, имя которого потом и получила оставшаяся у него лицейская «оригинальная тетрадь».

Еще один из пунктов плана Жуковского касается «Истории Петра», над которой Пушкин работал в 1834—1836 годах. Она сохранилась в виде подготовительных материалов, причем не в полном объеме.⁷ В письме Жуковский так и назвал пушкинский труд: «материалы Петра». После знакомства с ним в апреле 1837 года Николай I заключил, что он не может быть напечатан. Новую попытку издать его Жуковский предпринял в августе 1839 — начале

⁵ РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 8, № 93; см.: АПСС. Т. 1. С. 502.

⁶ Цявловский М. А. Источники текстов лицейских стихотворений // АПСС. Т. 1. С. 462.

⁷ Об этой работе Пушкина см. статью С. А. Лунца «История Петра. Подготовительные материалы», включающую объемный перечень литературы: Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2012. Вып. 2: Е—К. С. 273—287.

1840 года. Подготовленную им копию пушкинского текста он передал К. С. Сербиновичу, имевшему большой опыт работы с бумагами петровского времени в Государственном архиве. Познакомившись с текстом, Сербинович указал в нем места, подлежащие исключению или переработке. После этого Жуковский в феврале 1840 года вновь представил «Историю Петра» императору и получил от него благоприятный отзыв. Цензором «Истории Петра» был назначен Сербинович, о чем Жуковский доложил А. Х. Бенкендорфу: «Я имел счастье всеподданнейше испрашивать у государя императора позволения напечатать материалы для “Истории Петра Великого”, найденные в бумагах покойного Пушкина, и представить их вместе с сочинениями, собранными по смерти Пушкина на рассмотрение в обычную цензуру. Государь император соизволил всемилоостивейше согласиться на то и другое. Представляю при сем в оригинале мою докладную записку с собственноручною отметкою его императорского величества. Надзор за корректурую при печатании материалов “Истории Петра Великого” берет на себя Константин Степанович Сербинович, которому в сем случае надлежит доставить и оригинальную рукопись материалов, при сем представляемую».⁸ Основанием для датировки этого эпизода являются записи на сохранившемся докладе Жуковского на высочайшее имя, одна из которых была сделана рукой Бенкендорфа и обращена к министру народного просвещения графу С. С. Уварову: «Получ<ено> 20 фев<раля> 1839»; «Mon très honoré Comte, Sa Majesté l'Empereur permet volontier la publication de cet ouvrage, si la censure n'y trouve pas à radier. Votre tout dévoué A. Benkendorf».⁹

Что же буквально означал в письме Жуковского пункт «Корректуру материалов Петра Сербиновичу»? В середине августа 1840 года корректура этих самых «материалов», вероятнее всего, не существовала (во всяком случае, сведений о корректуре в исследовательских работах не имеется, поскольку до нее дело не дошло). Жуковский просто напомнил Тарасенко-Отрешкову о цензоре, назначенном для этого тома. Видимо, в Опеке уже наметились какие-то трения по поводу цензуры тома с «материалами Петра». Усугублялись они, несомненно, и давлением со стороны Уварова, который

---

⁸ РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 18, № 174; белой автограф, без даты; начало документа до слов «Надзор за корректурую...» рукою писаря; Там же, оп. 19, № 128, л. 8; копия, без даты.

⁹ Там же, л. 9—10; перевод: «Мой высокочтимый граф, его императорское величество охотно разрешает публикацию этого произведения, если цензура не сочтет его подлежащим исключению. Совершенно преданный вам А. Бенкендорф» (франц.).

был вдохновлен припиской Бенкендорфа для создания новых препонов пушкинскому изданию.

Разрешение на выход «Истории Петра» из печати дал другой цензор — вновь Никитенко, который сделал это после новых перемен в тексте (в результате чего книгоиздатели окончательно потеряли какой-либо интерес к этому сочинению). Письмо же Жуковского к Тарасенко-Отрешкову относилось к тому времени, когда цензором исторического труда Пушкина еще значился Сербинович. Это ценное дополнение для комментария к «Истории Петра» и тем попыткам, которые предпринимал Жуковский с целью ее издания.

II. ОБЗОРЫ

ПУШКИН — КРИТИК И ЖУРНАЛИСТ Аннотированная библиография научных работ

Часть 1. Общие работы¹

Составили Л. А. Тимофеева и В. Т. Золотухин
под редакцией А. Ю. Балакина и В. В. Турчаненко

I. МОНОГРАФИИ И СТАТЬИ

Автухович Т. Е. Пушкин и Радищев: К вопросу об эстетическом аспекте полемики // Крымские Пушкинские чтения, 2-е: Материалы (Керчь, 22—26 сент. 1992 г.). Симферополь, 1993. Ч. 1. С. 43—44.

Полемику Пушкина с Радищевым, которая обычно освещалась в политическом аспекте, Т. Е. Автухович анализирует с точки зрения ее эстетического содержания. Рассматривая статьи «Александр Радищев» и «Путешествие из Москвы в Петербург» в контексте литературно-критических высказываний их автора, исследователь приходит к выводу, что негативная оценка писателя XVIII века во многом была обусловлена отрицательным отношением зрелого Пушкина к риторической культуре — культуре «готового слова» и нормативного творчества. Именно поэтому он высоко оценивал личные качества Радищева, но считал «Путешествие из Петербурга в Москву» посредственным произведением.

---

¹ Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01616: «Критическая проза А. С. Пушкина: проблемы изучения и эдичионная практика» — <https://rscf.ru/project/22-28-01616/>, ИРЛИ РАН. Вторая часть библиографии, содержащая исследования, посвященные отдельным текстам критико-публицистической прозы Пушкина, будет помещена в следующем выпуске «Временника Пушкинской комиссии».

Алешкевич А. А. Литературный быт и литературная критика: (Методы и приемы журнальной полемики в болдинских полемических заметках А. С. Пушкина) // Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII—XX вв.: Тез. науч. конф. Таллинн, 1985. С. 31—33.

Приемы полемики в «<Опровержении на критики>» и «Опыте отражения некоторых нелитературных обвинений» рассматриваются А. А. Алешкевичем в контексте журнальной борьбы пушкинской эпохи. Общую характеристику уровня дискуссии, присущего оппонентам «Литературной газеты», исследователь дает на примере «Северного Меркурия», составляя список его полемических тем. Среди них он называет использование оскорбительных прозвищ, ложные трактовки литературных и биографических фактов, высмеивание вырванных из контекста неудачных выражений и др. Ответная тактика, намеченная Пушкиным в болдинских заметках 1830 года, состояла, по мнению исследователя, в отделении полемических выпадов, на которые нельзя не ответить, от тех, на которые не следует отвечать из опасения быть втянутым в «мелочную войну».

Алешкевич А. А. Из наблюдений над критико-полемической прозой Пушкина 1830 года // А. С. Пушкин: Проблемы творчества: Межвуз. темат. сб. науч. тр. Калинин, 1987. С. 95—105.

На материале пушкинских критико-полемических статей 1830 года А. А. Алешкевич показывает, как поэт трансформировал традицию, иерархически разделявшую открытую полемику и «беспристрастную» критику. Преодолев это разграничение, Пушкин выработал оригинальную стратегию ведения литературных дискуссий, которая позволила соединить серьезные эстетические размышления с журнальным спором. В ней выделились две ключевые тенденции: неявное оценивание через отбор иллюстративного материала (цитирование текста и т. п.) и использование приемов сатиры. По мнению исследователя, эти принципы полемики способствовали воздействию на общественное мнение — и одновременно сообщали критическим выступлениям глубину и содержательность.

Алешкевич А. А. К истории замысла болдинских полемических заметок 1830 года // Болдинские чтения. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1987. С. 208—216.

Статья посвящена полемическим заметкам Пушкина, составившим циклы «<Опровержение на критики>» и «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений». Автор устанавливает преемственность между этими сериями заметок — и утверждает, что именно «Опыт отражения...» представляет собой последний этап эволюции пушкинского замысла. Цикл объединяет важнейшие суждения поэта о проблемах общественно-политического и журналистского характера и включает в себя тексты из «<Опровержения на критики>». По

мнению исследователя, «Опыт отражения...» также является органической частью болдинского творчества Пушкина, поскольку в нем используется поэтика малых форм, тяготеющих к циклизации.

Алешкевич А. А. «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» А. С. Пушкина как замысел цикла полемических заметок // Историко-литературный процесс. Методологические аспекты: Науч.-информ. сообщения. Рига, 1989. Вып. 2: Русская литература XI — начала XX в. С. 28—30.

Статья посвящена наиболее завершённой, по мнению А. А. Алешкевича, части болдинских набросков Пушкина — «Опыту отражения некоторых нелитературных обвинений». Наличие авторского заглавия, эпиграфа, двух планов, введения и предполагаемого заключения позволяет говорить об эстетически и структурно организованном тексте, то есть о цикле. Его основу составили заметки, написанные поэтом ранее, но переработанные и дополненные. Исследователь предполагает, что Пушкин задумывал «Опыт...» специально для «Литературной газеты», но был вынужден отказаться от его публикации, поскольку издание утрачивало былой авторитет и теряло подписчиков.

Алешкевич А. А. Проблема текста и композиции болдинских полемических заметок Пушкина 1830 г. // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 1995. Т. 15. С. 265—277.

Статья посвящена болдинским заметкам Пушкина, написанным в 1830 году. А. А. Алешкевич анализирует варианты реконструкции авторского замысла, предложенные П. В. Анненковым, Ю. Г. Оксманом и В. В. Гиппиусом. Затем он излагает свою точку зрения на композицию заметок и историю их создания. По мнению исследователя, работа Пушкина включала три этапа: отклики на современную полемику («первый по времени цикл»), «<Опровержение на критики>» и «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений». «Опыт...» является итоговым циклом заметок, синтезировавшим материал двух предыдущих: злободневную проблематику и литературную биографию. Алешкевич указывает на соответствие этого замысла художественным исканиям Пушкина в 1830-е годы — и высказывает пожелания к публикации болдинских заметок в академическом издании.

Андрианов Ю. П., Лабунько О. И. Критическая проза А. С. Пушкина 20-х годов // Вопросы творчества и биографии А. С. Пушкина: Тез. докл. и сообщ. обл. науч. конф. 16—18 мая 1989 г. Одесса, 1989. С. 69—70.

Главным предметом анализа в докладе являются «Отрывки из писем, мысли и замечания», которые, по мысли авторов, сыграли ключевую роль в становлении системы критико-публицистических форм пушкинской прозы. Отмечая жанровую гетерогенность «Отрывков...»,

Ю. П. Андрианов и О. И. Лабунько дают общую проблемно-тематическую характеристику этого текста. Отдельно рассматриваются воззрения Пушкина на развитие русского романтизма, на фигуру Байрона, на проблему историзма, о которой писатель рассуждает в связи с «Историей государства Российского» Н. М. Карамзина, на отношение женщин к поэзии.

Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. СПб., 1855. 489 с.: факс. (Соч. Пушкина. Т. 1); 2-е изд.: 1873. Переизд.: М.: Современник, 1984; Факс. изд.: М.: Книга, 1985. В этом изд. в Прилож. есть указ. произведений Пушкина.

Классический труд П. В. Анненкова, издателя авторитетного собрания сочинений А. С. Пушкина, представляет собой первое фундаментальное исследование биографии поэта. Оно охватывает широчайший круг научных проблем. Описывая жизнь Пушкина от рождения до последних дней, автор говорит не только о его генеалогии, дружеских связях или материальных обстоятельствах, но также об эстетических воззрениях и литературно-критических оценках, об историографической и журналистской деятельности, о творческой истории произведений и их художественных особенностях. В методологическом отношении Анненков следует традиционным принципам историко-литературных разысканий, которые он сочетает с аналитическими установками «эстетической критики».

Асмус В. Ф. Эстетика Пушкина // Знамя. 1937. № 2. С. 220—253.

Работа посвящена реконструкции эстетических воззрений А. С. Пушкина, который, как старается доказать В. Ф. Асмус, был последовательным сторонником эстетики, основанной на строгих правилах систематической теории. Поэт в целом негативно оценивал состояние современной русской критики, которую считал незрелой, произвольной в суждениях и неспособной руководить мнением публики. В литературной борьбе «классиков» и «романтиков» Пушкин скорее был на стороне последних, однако в конечном счете он, по мнению автора, создавал и отстаивал нормы «реалистического» искусства, преодолевая как классицистический «формализм», так и «беззаконный произвол» романтической субъективности.

Асмус В. Ф. Пушкин и теория реализма // Асмус В. Ф. Вопросы теории и истории эстетики: Сб. статей. М.: Искусство, 1968. С. 339—359; впервые: Русская литература. 1958. № 3. С. 89—101. См. с. 90—92.

В работе А. С. Пушкин рассматривается как «теоретик реализма». Материалом исследования служат эстетические суждения поэта, выраженные в самых разных формах: от литературно-критических статей до фрагментов личных писем. К числу общих принципов, ко-

торые определяли воззрения Пушкина на эстетику и «истинную критику», В. Ф. Асмус относит требование системности, твердых теоретических основ и точности понятий «метафизического языка». Основное содержание статьи составляет анализ пушкинских высказываний об эстетических нормах правдоподобия, о правилах драмы, о родах поэзии и т. д. Автор приходит к выводу, что Пушкин был не только художником, но и «великим диалектиком», формулировавшим законы новаторского реалистического искусства.

Батурова Т. К. Обсуждение лирического рода в литературной критике 20—30-х годов XIX века // Развитие лирической поэзии и ее взаимодействие с прозой в русской литературе конца XVIII — начала XX в.: Межвуз. сб. науч. тр. / Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской. М., 1988. С. 28—43.

Статья посвящена представлениям о лирическом роде, зафиксированным в литературной критике пушкинской эпохи. Теоретической основой работы является концепция литературных направлений, в соответствии с которой Т. К. Батурова определяет специфику рассматриваемых суждений. Исследователь анализирует высказывания А. И. Галича, Н. А. Полевого, М. П. Погодина. Особое внимание автор уделяет суждениям Пушкина и других участников «Литературной газеты». Этот печатный орган, по мнению Батуровой, отличался «реалистической направленностью», предвосхитившей критическую деятельность В. Г. Белинского.

Березина В. Г. Новые данные о статье Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» // Гоголь: Статьи и материалы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1954. С. 70—85.

В работе исследуются обстоятельства публикации в «Современнике» статьи Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году». В. Г. Березина сообщает об обнаружении экземпляра первого тома журнала, который отличается от известных ранее — в частности, содержит упоминание имени Гоголя как автора статьи. Сопоставляя две редакции, исследователь приходит к выводу, что обнаруженный экземпляр является первоначальной версией тома, — и высказывает предположение о причинах внесенных изменений. По мнению Березиной, Пушкин убрал имя Гоголя, чтобы оградить его от нападок Сенковского (статья «О движении...» содержала полемику с «Библиотекой для чтения» и предназначалась к публикации во время подготовки к премьере «Ревизора»). В статье также описывается история «пропавшего» экземпляра первого тома.

Березина В. Г. Из истории «Современника» Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 278—312.

В статье на материале архивных документов уточняются некоторые вопросы истории «Современника». В. Г. Березина проясняет отноше-

ние Пушкина к статье Гоголя «О движении журнальной литературы», напечатанной в первом томе издания. По мнению исследователя, поэт не был согласен с отдельными суждениями автора публикации, но оценивал ее положительно и считал программной для журнала. В работе также высказываются предположения об атрибуции двух текстов. Статья «Несколько слов о “Современнике”» (Северная пчела. 1836. № 86. 17 апреля), по мнению Березиной, могла быть написана В. Ф. Одоевским, а традиционно приписываемая Гоголю заключительная заметка к разделу «Новые книги» в первом томе «Современника» — Пушкиным.

Березина В. Г. Русская журналистика II четверти XIX в. (1826—1839). Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. 312 с. Из содерж.: С. 43—62: А. С. Пушкин — журналист.

В указанном разделе дается обзор журналистской деятельности Пушкина. Освещается сотрудничество поэта в различных изданиях («Московском телеграфе», «Северных цветах» и др.), а также замысел газеты «Дневник». Говоря о «Современнике», В. Г. Березина описывает форму и состав публикаций журнала, анализирует его литературно-общественную позицию. По мнению исследователя, Пушкин-журналист выступал против «реакционных» изданий с позиций «декабристской критики». Как публицист он выработал новые методы полемики, способствовал развитию малых жанров и утверждению «реалистической» эстетики; как издатель — создал журнал, освещающий важнейшие литературные, общественные и политические вопросы современности. Особое внимание в статье уделяется разбору статьи Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» и пушкинских статей «Александр Радищев» и «Путешествие из Москвы в Петербург».

Бессонов И. А. Заметки для будущего издателя Пушкина: Письма к С. Д. П<олторацко>му // Отечественные записки. 1846. Т. 45. № 4. Отд. VIII. С. 109—119; 1846. Т. 46. № 5. Отд. VIII. С. 34—44; № 6. Отд. VIII. С. 121—130; подп.: И. Б.

В статье обозначаются недостатки посмертного собрания сочинений Пушкина. Сличая опубликованные в «Сочинениях...» тексты с «Современником» 1836 года, И. А. Бессонов выявляет орфографические различия, замены слов, необоснованные редакторские дополнения и пропуски. Так, говоря о публикации «Разбора сочинений Георгия Конисского», исследователь критикует изменение орфографии, искажившее авторский замысел. Упущением Бессонов называет отсутствие в издании ответа на статью об «Истории Пугачевского бунта» и других пушкинских текстов (предисловия к запискам Н. А. Дуровой, «Анекдотов» и пр.). Особое внимание в работе уделяется статье Пушкина «Вольтер».

Билинкис Я. С. Пушкин и судьбы русской критики // Пушкинский сборник: Сб. науч. тр. / ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1977. С. 126—133.

В статье исследуется роль Пушкина в истории русской критической мысли. Замечая, что поэт не воспринял снисходительного отношения предшественников к литературной публицистике и впервые сформулировал ее задачи, Я. С. Билинкис акцентирует внимание на художественном творчестве Пушкина. По мысли автора, произведения поэта послужили материалом для развития русской критики: они способствовали усововершенствованию литературного анализа, расширению эстетических представлений, размышлениям о нравственном значении искусства. Благодаря этим качествам критика приобрела статус самоценной творческой деятельности.

Благой Д. Д. Пушкин и русская литература XVIII века // Благой Д. Д. Литература и действительность: Вопросы истории и теории литературы. М., 1959. С. 201—300; впервые: Пушкин — родоначальник новой русской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 101—166.

Исследование состоит из двух разделов. В первом на разнообразном материале — от литературно-критических высказываний до закладок в книгах — воссоздается место поэтов и писателей XVIII века (Державина, Тредиаковского, Радищева и т. д.) в эстетическом сознании А. С. Пушкина. Во втором рассматриваются традиции прозы этого времени (в первую очередь «сентиментальной» и сатирической) в «Повестях Белкина», «Капитанской дочке» и других произведениях автора. Цель Д. Д. Благого состоит в том, чтобы определить историческую преемственность между художественной словесностью XVIII столетия и творчеством Пушкина.

Богословский Н. Пушкин-критик // Новый мир. 1934. № 9. С. 149—170.

В статье дается характеристика критической деятельности Пушкина. По замечанию Н. В. Богословского, свои теоретико-литературные взгляды поэт выражал не только в статьях, но также в переписке и в художественном творчестве. Собственно критическую работу Пушкина исследователь рассматривает в историко-литературном контексте, освещая позицию поэта в споре о «старом» и «новом» стиле, его отношении к критике современников (Вяземского, Бестужева, Веневитинова и др.), борьбу с «Северной пчелой» и др. По мнению Богословского, не создав законченной критической теории, Пушкин заложил основы для ее последующего развития: сформулировал задачи и принципы «истинной критики», определил ее ключевые вопросы (влияние иностранных литератур на русскую, теория драмы, народность и т. д.).

Богословский Н. Пушкин в борьбе за критику // Тридцать дней. 1936. № 10. С. 61—66.

В статье исследуется роль Пушкина в истории русской критики. По мнению Н. В. Богословского, он негативно оценивал состояние современной ему публицистики: узость эстетического кругозора критиков, слабость приемов полемики, «коммерческий дух» издателей. Стремясь создать «истинную критику», Пушкин формулировал и защищал ее принципы (учет индивидуальных особенностей авторской эстетики, изучение образцов, беспристрастие в оценках), настаивал на профессионализации журналистской работы. Поэт также поставил ряд проблем, определивших дальнейшее развитие русской литературной критики (народность, связь русской литературы с западноевропейской и т. д.).

Бонди С. М. Историко-литературные опыты Пушкина // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 421—442.

По мнению С. М. Бонди, текст, печатаемый в собраниях сочинений Пушкина под условным названием «О русской литературе с очерком французской», был неверно реконструирован редакторами из отдельных черновых записей. На материале рукописей исследователь устанавливает, что пушкинские наброски составляют две отдельные статьи: «О поэзии классической и романтической» (1825) и «О ничтожестве литературы русской» (1834). Бонди описывает текстологическую историю этих заметок и публикует их восстановленные тексты. В работе также высказывается предположение, согласно которому статья 1834 года осталась недописанной по причине выхода «Литературных мечтаний» Белинского, содержащих много общего с замыслом Пушкина.

Брио В. Пушкин о возможности женской литературы // Пушкинский сборник. Иерусалим, 1997. Вып. 1. С. 187—200.

В статье рассматривается отношение Пушкина к роли женщины в литературе. Материалом для анализа служат прозаические произведения поэта («<Роман в письмах>», «Рославлев») и его заметки («Отрывки из писем, мысли и замечания», «О дамах»). По мнению В. Брио, салонные знакомства с образованными дамами, а также чтение произведений Ж. де Сталь и Н. Дуровой побудило Пушкина отказаться от скептического взгляда на женские вкусы и творческие способности. Исследователь также считает, что вопрос о женской литературе для поэта был неотделим от общих размышлений о прозе, о художественном языке и стиле. Все это послужило причиной создания «Рославлева» и множества образцов оригинальных женских характеров.

Брюсов В. Я. Новая клевета на Пушкина: (По поводу очередного открытия Н. О. Лернера) // Русский архив. 1916. № 1—3. С. 173—178.

Статья посвящена опровержению позиции Н. О. Лернера, согласно которой Пушкин является автором опубликованного в «Литературной газете» отзыва на трагедию Н. В. Станкевича «Василий Шуйский» (см.: *Лернер Н. О.* Новооткрытая статья Пушкина // Журнал журналов. 1916. № 9. С. 8—9). В указанном фрагменте работы содержится критика используемого исследователем метода атрибуции, который Брюсов считает поверхностным и произвольным. Приводя отзыв, автор рассматривает его стилистические недостатки — и приходит к выводу, что Пушкин не мог быть автором этого текста.

Бурсов Б. И. Судьба Пушкина: Роман-исследование. Л.: Сов. писатель, 1985. 512 с. См. с. 166—190, 220—227, 247—254, 260—263. См. также: 2-е изд. Л., 1989.

В указанных фрагментах работы на материале статей и заметок Пушкина исследуются его литературные воззрения. Освещаются принципы пушкинского историзма, размышления поэта о русском языке, о предназначении искусства и задачах писателя. Подробно разбираются пушкинские оценки русских (Ломоносов, Державин, Крылов, Карамзин) и зарубежных (Вольтер, Мильтон, Байрон, Гете, Шатобриан и др.) авторов. Б. И. Бурсов также анализирует слог поэта, отмечая важную особенность его публицистики, в большей мере ориентированной на художественную убедительность, чем на отвлеченно-теоретическую обоснованность. Особое внимание исследователь уделяет пушкинским статьям о Радищеве.

Васильев В. А. Пушкин-критик // Изв. Сев.-Кавказ. пед. ин-та им. М. Ю. Гадиева. Орджоникидзе, 1937. Т. 13. С. 95—157.

В статье дается характеристика критической деятельности Пушкина. В. А. Васильев описывает участие поэта в различных печатных органах и опыт издания «Современника». Исследователь подробно освещает проблематику пушкинской критики (вопросы классицизма и романтизма, народности, литературного языка, отношения к читателю, драмы, прозы и т. д.), его оценки русских и зарубежных авторов. По мнению Васильева, взгляды Пушкина испытали заметное влияние немецких теоретиков, в частности Канта и Шеллинга, а статьи поэта носили преимущественно эстетический характер. Не создав целостной литературно-критической системы, Пушкин сформулировал принципы и задачи критики, ввел в нее социальную проблематику и способствовал общей «демократизации» стиля.

Вацуро В. Э., Мейлах Б. С., Пугачев В. В. Пушкин и общественно-политическое и литературное движение его времени // Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л.: Наука, 1966. С. 149—248.

Исследование посвящено историко-культурному и общественно-политическому контексту мировоззренческой и художественной эволюции Пушкина. Оно состоит из «Введения» и четырех глав, написанных

разными учеными (Б. С. Мейлахом, В. Э. Вацуро, В. В. Пугачевым) отдельно или в соавторстве. Первая глава рассказывает о лицевом периоде пушкинской биографии, об оппозиционном движении «преддекабрьской эпохи», о роли Отечественной войны 1812 года в формировании взглядов поэта. Во втором разделе описываются идейные и личные связи Пушкина с декабристскими организациями. Третья глава посвящена социальной и культурной жизни во времена «постдекабрьской реакции» — отношениям писателя с властью и собратьями по литературному цеху (например, «любомудрами»), полемике вокруг «литературной аристократии» и т. д. Заключительная часть работы рассматривает влияние на Пушкина европейских и американских общественно-политических идей и процессов.

Вацуро В. Э. К изучению «Литературной газеты» Дельвига—Сомова // *Временник Пушкинской комиссии.* 1965. Л.: Наука, 1968. С. 23—36.

Рецензия на роман В. А. Ушакова «Киргиз-кайсак», опубликованная в № 5 «Литературной газеты» за 1831 год (от 21 января), рассматривается В. А. Вацуро в контексте полемики о «литературной аристократии». Автор указывает на стилистические и идейные параллели отзыва с текстами Пушкина, в первую очередь критико-публицистической прозой начала 1830-х годов (вплоть до прямого пересказа ряда полемических статей), — и отмечает намеки на некоторые факты пушкинской биографии. В свете отношений поэта с «Литературной газетой» Вацуро описывает обстановку, в которой тот находился зимой 1830/31 годов. Основываясь на этих косвенных данных, исследователь высказывает гипотезу о принадлежности рецензии перу Пушкина.

Вацуро В. Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига—Пушкина. М.: Книга, 1978. 288 с.

Книга представляет собой первое научное исследование, специально посвященное альманаху «Северные цветы». На материале переписки, мемуаров и официальных документов В. Э. Вацуро рассказывает о событиях и отношениях, связанных с этим изданием, о подробностях участия в нем Пушкина и поэтов «пушкинского круга» — Дельвига, Вяземского, Баратынского и др. История альманаха, тщательно воссозданная автором, осмыслена им в свете литературной борьбы эпохи, в широком историческом и культурном контексте. В конце книги имеется указатель содержания «Северных цветов» на 1826—1832 годы.

Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины»: Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. 2-е изд., доп. М.: Книга, 1986. С. 266—348: Вокруг «Современника».

В разделе работы, посвященном «Современнику», история журнала реконструируется в свете тех политических ограничений, с которыми

сталкивался его основатель в условиях «множественности цензур». Подробно описываются исторические обстоятельства, сопровождавшие журналистскую деятельность А. С. Пушкина: от правительственных предписаний, регламентирующих контроль разных типов печатных изданий (альманахов, журналов и пр.), — до личных отношений поэта с цензорами, государственными деятелями и собратьями по литературному цеху. Материалом исследования служат письма, официальные документы, художественные произведения и многие другие тексты эпохи.

Вацуро В. Э. «Опыт прямодушия»: Из истории литературно-критических воззрений Пушкина // Литературное обозрение. 1987. № 2. С. 4—7.

В статье реконструируется содержание несохранившегося письма Пушкина к П. А. Плетневу, отправленного в конце января — начале февраля 1825 года. В. Э. Вацуро восстанавливает историю литературных и личных отношений двух авторов в историко-культурном контексте эпохи, уделяя особое внимание критическим полемикам — оценкам авторов-современников и предшественников, спорам о направлениях и жанрах и т. д. Исследователь приходит к выводу, что пушкинское письмо Плетневу явилось своего рода ненаписанной статьёй, утверждавшей теорию «истинного романтизма».

Викторович В. А. «Голос истинной критики»: [Фрагм. из кн.: «История русской литературной критики от XVIII до начала XX в.»] // Болдинские чтения. Н. Новгород, 2009. С. 44—53.

Статья посвящена представлениям Пушкина об искусстве и критике. В. А. Викторович прослеживает ряд суждений поэта о задачах литературы, высказанных им в письмах и статьях, показывая, что он был противником как утилитарного отношения к художественной словесности (подчинения поэзии нравственной пользе, гражданскому служению и т. д.), так и прямой аморальности, не соответствующей высоким эстетическим критериям. Рассматривая критические и полемические тексты Пушкина, автор говорит о его вкладе в русскую критику: ее жанровое разнообразие, аналитическую глубину, беспристрастную объективность. По мнению исследователя, «чистая» критика под пером поэта стала одновременно нравственной и художественной, но не утратила своей эстетической направленности.

Вильк Е. А. Книги культуры и книга судьбы: Пушкин: Поэзия и библиография: [«Библиографическая поэтика» Пушкина] // Московский пушкинист: Ежег. сборник. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Вып. 11. С. 78—116.

В статье изучается место библиографии в творчестве Пушкина. Материалом исследования являются художественные произведения по-

эта — стихотворное послание «Городок», роман в стихах «Евгений Онегин» и многие другие. Прослеживая развитие пушкинской «библиографической поэтики», Е. А. Вильк выделяет в нем несколько периодов. От книжного списка как классицистического «перечня образов», формирующих духовный мир героя, через «бескнижный» этап, когда «литературность» воспринимается как отчуждающая от реальности, Пушкин шел к идее «книги судьбы» — ситуации такого диалога героя с книгой, при котором литературный сюжет осознается в связи с сюжетом собственной жизни.

Виноградов В. В. Неизвестные заметки Пушкина в «Литературной газете» 1830 г. // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. 4—5. С. 453—476.

Статья посвящена атрибуции анонимных статей в «Литературной газете» 1830 года. В. В. Виноградов указывает на ряд публикаций, ошибочно приписанных Пушкину. В некоторых случаях исследователь устанавливает авторство О. М. Сомова и А. А. Дельвига, в других — факт совместного написания и степень участия Пушкина. Исследователь также высказывает предположение о шести заметках в газете, которые могут принадлежать поэту (рецензия на «Невский альманах» (1830) в № 12, пародия на китайские анекдоты Ф. В. Булгарина в № 45 и т. д.). В работе формулируются методы атрибуции: подробный анализ стиля анонимных статей и его сопоставление с текстами разных авторов, учет их литературных воззрений.

Виноградов В. В. Пушкин и «Литературная газета» 1830—1831 гг. // Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М.: Гослитиздат, 1961. С. 369—483.

Указанный раздел исследования посвящен проблеме атрибуции анонимных статей в «Литературной газете». В его первой главе В. В. Виноградов критически разбирает итоги работы по установлению авторства Пушкина — и фиксирует неразрешенность вопроса. Ученый составляет перечень материалов, приписываемых поэту; некоторые из них Виноградов атрибутирует другим писателям. Во второй главе произведен анализ, в результате которого обнаружены написанные Пушкиным анонимные статьи и заметки. Исследователь также высказывает ряд предположений о степени участия поэта в ряде коллективных текстов. В третьей главе рассматривается вопрос об авторстве двух статей на украинские темы. Свои выводы Виноградов основывает на анализе содержания, композиции и стиля атрибутируемых статей, привлекая также исторический контекст и документальные материалы.

Гиллельсон М. И. От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л.: Наука, 1977. С. 115—167: «Современник».

Шестая глава работы посвящена пушкинскому «Современнику». Подробно разбирая состав каждого тома, М. И. Гиллельсон выделяет ключевые темы журнала (проблема «Россия и Запад», просвещение, движение истории, развитие литературы) и тенденции в отборе материала (внимание к «документу», преобладание прозаических текстов над поэтическими и т. д.). Автор освещает отношение Пушкина к Белинскому, пушкинские оценки поэзии Тютчева, а также деятельность ключевых участников издания — Гоголя, В. Ф. Одоевского, Вяземского, Розена. Анализируя причины неуспеха журнала, исследователь говорит об узости круга «литературных аристократов» и уменьшении их влияния в менявшихся социокультурных обстоятельствах.

Гиллельсон М. И. Пушкинский «Современник» // Современник, литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. Приложение к факсимильному изданию. М.: Книга, 1987. С. 3—39.

Статья посвящена истории пушкинского «Современника». М. И. Гиллельсон рассматривает причины, побудившие поэта к организации собственного издания, журнальную обстановку 1830-х годов, отношения Пушкина с Белинским. Особое внимание автор уделяет «программной» статье Гоголя «О движении журнальной литературы», помещенной в первом томе. Характеризуя литературное и общественное значение журнала, исследователь анализирует его новаторскую форму и ключевые темы (просвещение, ход истории, развитие русской поэзии и т. д.). По мнению Гиллельсона, «Современник» значительно опередил свое время по уровню материалов, а поэтому не был воспринят массовым читателем.

Гиппиус В. В. Пушкин и журнальная полемика его времени // Памяти А. С. Пушкина: Сб. ст. преподавателей и слушателей ист.-филол. фак. Имп. С.-Пб. университета. СПб., 1900. С. 227—328. Отд. изд.: СПб., 1900.

Статья представляет собой фрагмент из неопубликованного труда «Пушкин как литературный критик». В. В. Гиппиус анализирует журнальную полемику пушкинской эпохи, уделяя особое внимание литературным отношениям поэта с наиболее влиятельными критиками и издателями: Н. И. Надеждиным, Н. А. Полевым, Ф. В. Булгариним. Написанная в традиционном историко-литературном ключе работа опирается на материал полемических статей, художественных произведений и личных писем. В конце статьи содержится сопроводенный краткими характеристиками и выдержками перечень критических выступлений (рецензий, эпиграмм, объявлений), опубликованных разными печатными органами («Литературной газетой», «Московским телеграфом», «Северной пчелой» и др.) в 1830 — начале 1832 года.

Гиппиус В. В. Из материалов редакции академического издания Пушкина: О текстах критической прозы Пушкина: (Отчет о работе над XI томом) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. 4—5. С. 557—568.

Кратко характеризуя историю текстологической работы над критико-публицистической прозой Пушкина, произведенной редакторами предшествующих изданий, В. В. Гиппиус пишет о принципах построения XI тома академического собрания сочинений. Издатели отказались от деления статей и заметок по принципу наличия или отсутствия их прижизненной публикации. Некоторые тексты, прежде печатавшиеся как цельные, были разделены — как, например, статьи о Баратынском или цикл набросков предисловия к «Борису Годунову». Другие тексты, напротив, потребовали объединения: среди них центральное место занимает ряд заметок, собранных редакторами под условным заголовком «<Опровержение на критики>».

Гиппиус В. В. Пушкин в борьбе с Булгариным в 1830—1831 годах // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 6. С. 235—255.

Статья посвящена противостоянию Пушкина и Булгарина в период издания «Литературной газеты». Цель работы состоит в том, чтобы указать на некоторые моменты их взаимоотношений, которые не получили достаточного освещения в научной литературе. В. В. Гиппиус пишет о литературной позиции газеты Дельвига, уже в своей программе отмежеввавшейся от Булгарина, о применявшихся им методах борьбы, таких как личные инсинуации и доносы, о пушкинских полемических статьях и эпиграммах, направленных против издателя «Северной пчелы». Восстанавливая историю этого противостояния, автор уделяет особое внимание его политическому контексту.

Громов В. А. «Союз искусства с критикой»: (Пушкин — Белинский — Тургенев) // Громов В. А. Писатель и критика. Тула: Приок. кн. изд-во, 1986. С. 3—30.

В статье исследуется влияние Пушкина и В. Г. Белинского на формирование литературно-критических воззрений И. С. Тургенева. По мнению В. А. Громова, Пушкин впервые постулировал научный характер критики и указал на ее роль в развитии литературы. Эти мысли о критике как о «движущей эстетике» были развиты в статьях Белинского. Автор полагает, что для Тургенева Пушкин и Белинский были непрерываемыми авторитетами. Комплекс сформулированных ими теоретических положений повлиял на представления писателя о единстве художественного и аналитического познания действительности. Это понимание проявилось как в эстетических размышлениях Тургенева (лекциях о Пушкине, «Литературных и житейских воспоминаниях»), так и в его художественном творчестве.

Гроссман Л. Жанры художественной критики // Искусство. 1925. № 2. С. 61—81. См. с. 70—71: Пушкин-критик.

В указанном фрагменте статьи дается краткая характеристика литературно-критического наследия Пушкина. Л. П. Гроссман замечает, что поэт хорошо понимал значимость этой области для развития литературы. Отрицательно оценивая современное состояние журналистики, Пушкин стремился дать образцы различных форм критической прозы, среди которых можно выделить фельетон, полемику, диалог, драматическую сцену, рецензию, литературный портрет, критическую глоссу, пародию, памфлет и др.

Гукасова А. Г. Пушкин и Грибоедов: (К вопросу об оценке Пушкиным комедии «Горе от ума») // Пушкин в школе: Сб. ст. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1951. С. 112—141.

Обращаясь к пушкинской оценке комедии «Горе от ума», А. Г. Гукасова анализирует критические замечания поэта, высказанные в письмах к Вяземскому и Бестужеву. Главной задачей исследователя является выяснение вопроса: какую редакцию произведения читал Пушкин — первую, распространившуюся в списках, или же окончательную, исправленную Грибоедовым (в частности, дополненную вставкой в 12-м явлении IV акта). Сопоставляя обе редакции, Гукасова приходит к выводу, что критика Пушкина могла относиться только к первой из них. Более того, замечания поэта совпадают с поправками автора пьесы. На этом основании в статье высказывается предположение, согласно которому воззрения писателей на драматическое искусство во многом совпадали. В последней части работы освещаются аллюзии на «Горе от ума» в творчестве Пушкина.

Гукасова А. Г. Из истории литературно-журнальной борьбы второй половины 20-х годов XIX века // Учен. зап. Моск. пед. ин-та им. В. И. Ленина. М., 1957. Т. 115. Вып. 7. С. 3—43.

В статье описывается журнальная обстановка второй половины 1820-х годов, в частности — отзывы критиков о Пушкине. По мнению А. Г. Гукасовой, Н. А. Полевой писал о поэте с оглядкой на его политическую «неблагонадежность», прибегая к приему недосказанности и придерживаясь двойственности в оценках. Рецензии Ф. В. Булгарина были сочувственными по тону, но подспудно содержали обвинения в подражательности, «антипатриотизме» и т. д. Более откровенно высказывался Н. И. Надеждин, прямо выражая похвалы и упреки. Характеризуя критическую деятельность самого Пушкина, Гукасова подчеркивает, что он выработал собственные принципы критики и твердо следовал им. В своих высказываниях, лаконичных по форме, поэт освещал широкий круг проблем, связанных с общественным значением литературы и нравственной ответственностью художника.

Гус М. Литературные мечтания Пушкина // 30 дней. 1935. № 1. С. 78—81.

Публицистическая статья, написанная в русле марксистско-ленинской идеологии, представляет собой сочувственный отклик на подготовленную Н. Богословским книгу «Пушкин-критик» — собрание критических статей и заметок поэта. М. Гус рассуждает о преемственности между Пушкиным и Белинским, о сходстве их эстетических взглядов и общественно-литературных позиций, о прогрессивных тенденциях, воплотившихся в их творчестве. «Объективный» исторический смысл деятельности обоих авторов он видит в утверждении принципов новой реалистической литературы.

Гус М. Пушкин // Советский театр. 1936. № 12. С. 7—11.

В статье общественная позиция и литературно-критическая деятельность Пушкина рассмотрены с точки зрения марксистско-ленинской идеологии. Творческую эволюцию поэта М. С. Гус описывает в контексте меняющейся исторической обстановки, делая акцент на его политических взглядах: Пушкин разными способами противопоставлял себя власти, декларировал свою профессиональную независимость, выступал за свободу народа. Оценивая роль писателя в истории русской критики, Гус утверждает, что тот был «бойцом за прогресс русской литературы» и боролся с «реакционным», «булгаринским» направлением развития словесности. Это отразилось в его полемических статьях, эпиграммах и «стихотворных памфлетах». На страницах журнала «Современник» Пушкин дал образцы «народного» искусства.

Дарвин М. Н., Олейникова Т. А. «Современник» как форма цикла: (К постановке проблемы) // Пушкинский альманах (1799—2001). Омск, 2001. № 2. С. 52—60.

«Современник» исследуется в статье как особая форма литературного цикла. Главным признаком циклической организации издания М. Н. Дарвин и Т. А. Олейникова считают «сложное авторство» — единство творческого субъекта, возникающее в результате отбора, подготовки и размещения текстов. Циклизации в «Современнике» также способствуют новаторство его формата, концептуальность (группировка материалов вокруг «просвещенческих» тем), отказ от однозначных оценок материала и т. д. В подтверждение своей мысли авторы рассматривают один из сквозных мотивов издания — тему великодушного правителя. Они также намечают дальнейшие пути изучения журнала, связанные с обнаружением текстуальных парадигм.

Дарвин М. Н., Тюпа В. И. Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения конвергентного сознания. Новосибирск: Наука,

2001. 292 с. Из содерж.: С. 269—281: Гл. 8: Пушкин — циклизатор «Современника» [в частн., критические статьи Пушкина].

В восьмой главе исследования «Современник» рассматривается как литературный цикл, а работа Пушкина-издателя — как творческая деятельность автора, создающего целостную форму из разнородных материалов. М. Н. Дарвин анализирует циклообразующие признаки журнала — сквозные мотивы, смену точек зрения, тематическое соположение художественных и нехудожественных текстов. Так, помещенные в одном томе статья Пушкина «Джон Теннер» и повесть Гоголя «Нос» демонстрируют философские возможности «смехового слова», а следующие друг за другом статья П. Б. Козловского «О надежде» (посвященная теории вероятностей) и пушкинская заметка «Об обязанностях человека» раскрывают мысль о возможностях свободного разума.

Джанумов С. А. Народные пословицы и поговорки в литературно-критических статьях А. С. Пушкина // Литературные отношения русских писателей XIX — начала XX века: Межвуз. сб. науч. тр. / Моск. пед. ун-т. М., 1995. С. 28—40.

Утверждая, что национальная самобытность литературы была для Пушкина не только теоретическим положением, но и творческой практикой, С. А. Джанумов исследует элементы русского фольклора в критике и публицистике поэта. По наблюдениям исследователя, Пушкин прекрасно знал как народно-поэтическую традицию, так и «простонародную» речь, и отстаивал свое право обращаться к ним в художественном творчестве. Так, например, он опровергал обвинения в стилистических погрешностях «Евгения Онегина» с опорой на фольклорные тексты, выступал против искажения народных выражений в произведениях других авторов и т. д. Элементы поговорок, пословиц, фразеологизмов, народных песен поэт также использовал в целях литературной полемики.

Дмитриев Н. П. Пушкин-журналист // Книжные новости. 1937. № 1. С. 28—29.

В статье Н. П. Дмитриев излагает содержание своей готовящейся к выходу в Гослитиздате, но так и не вышедшей книги «Пушкин-журналист». Обосновывая важность изучения журнальной деятельности поэта, автор утверждает, что в ней яснее всего выразились общественно-политические взгляды Пушкина. В его эволюции как журналиста Дмитриев выделяет три периода: переоценку русской периодики, поиск схожего по духу печатного органа, самостоятельную издательскую практику. Говоря о «Современнике», исследователь подчеркивает стремление Пушкина перестроить журнал в духе нарождающихся демократических тенденций. Дмитриев также дает

краткую характеристику пушкинской публицистики, отмечая новаторство жанров и принципов отбора материала.

Долуханян А. Г. Пушкин-критик: Статьи на французском языке // А. С. Пушкин: Русская и национальные литературы: Материалы междунар. научно-практ. конф. 6—7 июня 2012 г. / Ереван. гуманитар. ин-т. Ереван, 2012. С. 151—156.

В докладе дается обзорная характеристика франкоязычных статей Пушкина. А. Г. Долуханян обозначает позицию писателя по ряду литературных, историко-культурных, общественно-политических и других вопросов. Так, в отзыве на опубликованную в 1836 г. переписку Вольтера с Шарлем де Броссом поэт формулирует свое отношение к французскому философу, в наброске «Je suppose sous un gouvernement <erpe-ment> despotique...» выступает за освобождение крестьян, в заметке о религии предстает противником атеизма. Особое место в пушкинских статьях на французском языке занимают размышления о современном положении России (о роли аристократии, о связи России с Европой) и о развитии русской литературы (о критике, о переводах мировых шедевров и т. д.).

Дрягин К. Борьба Пушкина за реалистическую эстетику // Пушкин — родоначальник новой русской литературы: Сб. научно-исслед. работ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 471—491.

В статье исследуется роль Пушкина в становлении реалистической эстетики. Описывая эволюцию теоретико-литературных воззрений поэта, К. В. Дрягин утверждает, что Пушкин творчески переосмыслил художественные законы предшествующих направлений, отвергнув при этом и классицистический дидактизм, и романтический субъективизм. В споре с ведущими литературными течениями поэт выработал собственные оригинальные взгляды (понимание искусства как познания действительности, объективность и беспристрастность изображения, выбор «обыденных явлений и героев», типизация, простота выражения и т. д.), послужившие основой для последующего развития реалистической эстетики.

Дудкина Е. А. Публицистическая проза А. С. Пушкина как социокультурный феномен // Национальное своеобразие культур и литератур: Междунар. сб. науч. сообщений, посвящ. 55-летию Измаил. пед. ин-та / Измаил. пед. ин-т. Измаил, 1995. С. 50—52.

Доклад посвящен публицистической прозе Пушкина. По мнению Е. А. Дудкиной, большая часть его критических материалов не была опубликована при жизни, поскольку поэт не был удовлетворен состоянием русской журналистики. Первые десятилетия XIX века — это эпоха, когда литературная критика в России находилась в процессе формирования как в методологическом, так и в институциональном

плане. Критическая деятельность Пушкина сыграла важную роль в развитии русской словесности, а его «литературная теория» отличалась единством и целостностью. Центральными для эстетических воззрений Пушкина были проблемы сущности искусства, назначения поэзии, общественного положения художника.

Дудкина Е. А. Писатель и общество в публицистической прозе А. С. Пушкина. Диалектика взаимодействия (Пушкин и Радищев) // Материалы Пушкинской науч. конф. 1—2 марта 1995 года: (К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина) / Киев. ун-т им. Т. Г. Шевченко. Пушкинское об-во Украины. Киев, 1995. С. 38—39.

В докладе проанализирован пушкинский взгляд на Радищева, высказанный в статьях «Путешествие из Москвы в Петербург» и «Александр Радищев». Не считая писателя «великим человеком» и не разделяя революционных воззрений, Пушкин отдает должное его человеческой стойкости. Именно способность до конца оставаться верным своему пониманию истины сделала Радищева одной из ключевых фигур в истории русской культуры XVIII столетия. По мнению Е. А. Дудкиной, в этом отношении Пушкин следует за своим предшественником.

Дурылин С. Пушкин-редактор // Тридцать дней. 1937. № 1. С. 72—74.

Отзыв: *Мордовченко Н.* Биография Пушкина. Обзор литературы за 1937 год // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. Т. 4—5. С. 524.

В заметке описывается эпизод из истории «Литературной газеты». В 1830 году Пушкин привлек к участию в издании А. А. Шаховского. Это решение, по мнению С. Н. Дурылина, было продиктовано интересами литературной борьбы против «Северной пчелы» Ф. В. Булгарина. Факт, указанный в статье, находит подтверждение в письме самого Шаховского к С. Т. Аксакову от 8 января 1830 года. Дважды опубликованное, оно тем не менее оставалось вне поля зрения пушкинистов.

Евдокимов И. «Современник» Александра Пушкина // Русский библиофил. 1915. Кн. 2. С. 61—77.

В статье освещается история «Современника» и дается его краткая характеристика. И. Евдокимов описывает обстоятельства организации издания, круг его сотрудников, подробно разбирает состав публикаций всех четырех томов. По замечанию исследователя, журнал был посвящен преимущественно изящной словесности, тогда как статьи на другие темы печатались в ответ на требования публики или в связи с ориентацией на более опытные издания. В статье также рассматри-

ваются оценки, данные журналу современниками, причины его неуспеха среди читателей, главной из которых назван чисто литературный характер журнала.

Евлахов А. М. Пушкин как эстетик. Киев, 1909. 185 с.

Книга посвящена воззрениям Пушкина на искусство. В первой главе описывается «эстетическая теория» поэта, которую А. М. Евлахов анализирует в трех аспектах: отношений художника с обществом, государством и критикой. Во второй главе («От эстетики к критике») формулируются «общие эстетико-критические положения» Пушкина. Третья глава посвящена сопоставлению взглядов писателя с современной исследователю эстетикой. Евлахов цитирует труды И. Фолькельта, К. Грооса, В. Э. Мейерхольда, В. Я. Брюсова и других авторов, отмечая, что Пушкин во многом предвосхитил их суждения или разрешил рассматриваемые ими проблемы. Центральной в эстетических представлениях поэта Евлахов называет мысль об автономности искусства: «Искусство для искусства, поэзия для поэзии, полная свобода художественного творчества — такова эстетическая теория Пушкина».

Егоров Б. Ф. О жанрах литературно-критических статей Пушкина // Болдинские чтения. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1978. С. 49—57.

Критика Пушкина отличается жанровым разнообразием. Опираясь на выводы Л. П. Гроссмана, Б. Ф. Егоров выделяет в ней формы фельетона, диалога, драматической сцены, рецензии, литературного портрета и др. Исследователь подразделяет критическую деятельность поэта на четыре этапа: 1820—1825 (до декабрьского восстания), 1826—1829, 1830—1831 (участие в «Литературной газете», Болдинская осень), 1832—1837 годы. Выясняя зависимость между социокультурной обстановкой эпохи и обращением Пушкина к тем или иным жанрам, Егоров дает характеристику каждого из периодов. В работе также содержатся оригинальные наблюдения над своеобразием форм пушкинской критики.

Егоров Б. Ф. Пушкин-критик // Гуманитарные исследования: Сб. науч. ст.: Ежег. / Омск. гос. пед. ун-т. Омск, 1998. Вып. 3, ч. 1. С. 64—78.

В статье дается общее описание критической деятельности Пушкина, в которой Б. Ф. Егоров выделяет четыре периода: 1820—1825 (до восстания декабристов), 1826—1829, 1830—1831 (наиболее интенсивный), 1832—1837 годы. Исследователь указывает на ее основополагающие принципы: «беспристрастность», «любовь к искусству», научный подход, терпимость в оценках. Среди эстетических вопросов, занимавших поэта, Егоров называет проблемы народности, романтизма, стиля, своеобразия жанров и самооценности поэзии и т. д.;

в статье дана характеристика воззрений Пушкина на каждую из них. Жанры пушкинской критики автор классифицирует по трем принципам: литературной форме (письмо, фельетон, драматический диалог и др.), степени близости к объекту (автокомментарий, полемика, пародия и т. д.) и охвату материала (от монографической рецензии до обзора и проблемной статьи).

Еремин М. П. Пушкин-публицист. 2-е изд., перераб., доп. М.: Худож. лит., 1976. 470 с. Из содерж.: С. 131—183: «Я гимны прежние пою...»: [Пушкин в «Лит. газете»].

Статья посвящена участию Пушкина в «Литературной газете». По мнению М. П. Еремина, выступив редактором первых номеров, поэт определил позицию издания как независимого органа печати, осмысляющего общественные вопросы. Исследователь подробно описывает борьбу Пушкина и авторов его круга с «Северной пчелой», освещая полемику вокруг «литературной аристократии», отношение к Русско-турецкой войне (1828—1829) и др. Социально-политический подтекст Еремин усматривает в публикациях самого разного характера: критике, библиографии, обзорах иностранной литературы. Говоря об исторической роли газеты, автор обозначает ее вклад в последующую борьбу с «благонамеренной» литературой 1830—1840-х годов.

Еремин М. П. О достоинстве и ответственности литературы // Пушкин А. С. Мысли о литературе / Сост., вступ. ст. и примеч. М. П. Еремина. М.: Современник, 1988. С. 5—45. (Б-ка «Любителям рос. словесности»; Из лит. наследия).

В статье рассматривается эволюция общественно-политических убеждений Пушкина, определивших отношение поэта к главнейшим задачам литературы. Пройдя этапы юношеского патриотизма и увлечения декабризмом, Пушкин, по мнению автора, вышел на путь собственной оригинальной мысли. В числе важнейших признаков его интеллектуальной зрелости Еремин называет перемену в оценке духовных способностей народа, а также профессиональную журналистскую деятельность — организацию «Литературной газеты» и «Современника». В последней части статьи дается анализ стихотворений «Из Пиндемонти» и «Памятник», подтверждающий основную мысль автора — мысль о связи поэзии и свободы в сознании Пушкина.

Еремин М. П. В борьбе за высокую гражданственность // Блинова Е. М. «Литературная газета» А. А. Дельвига и А. С. Пушкина. 1830—1831: Указ. содержания. М.: Книга, 1996. С. 3—46.

Статья посвящена истории «Литературной газеты» А. А. Дельвига и А. С. Пушкина. Рассматривая причины ее возникновения, автор исследует пушкинские оценки журналистики вообще — и, в частности, тех тенденций, которые возобладали в большинстве периодиче-

ских изданий 1820-х — начала 1830-х годов. Особое внимание М. П. Еремин уделяет отношениям Пушкина и власти, общественно-политическому подтексту его журналистской деятельности, полемике с литературными антагонистами во главе с Ф. В. Булгариным. Осмыслению в статье подвергаются причины закрытия газеты, ее роль в истории русской литературы, а также значение этого издательского опыта в творческом сознании Пушкина.

Ершов А. К истории русской журналистики. «Современник» (1836—1866) // Образование. 1903. Кн. 10. С. 101—113.

В разделе, посвященном «Современнику», А. К. Ершов освещает причины, побудившие Пушкина организовать собственный печатный орган, журнальную обстановку 1830-х годов, обстоятельства, при которых было получено разрешение на издание. Исследователь подробно разбирает состав публикаций журнала, особое внимание уделяя «программным» статьям: «О движении литературной деятельности в 1834—1835 годах» («О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году»), «О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей литературе», «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности как иностранной, так и отечественной» и др. По мнению Ершова, несмотря на тяжелые цензурные условия, «Современник» стал образцом независимого издания, отличающегося содержательностью в представлении литературных и общественных вопросов.

Зайцев Н. И. Вопросы теории критики и культурного наследия в работах А. С. Пушкина // Крымская научная конференция «Пушкин и Крым»: Тез. докл., 24—29 сент. 1989 г. / Симфероп. гос. ун-т им. М. В. Фрунзе; Ялт. ист. музей. Симферополь, 1989. С. 6—7.

В докладе дается характеристика некоторых аспектов эстетических воззрений Пушкина. Н. И. Зайцев полемизирует с тезисом, согласно которому поэт воспринимал критику исключительно как искусство, и предлагает широкий и многогранный подход к пушкинскому ее определению. Исследователь анализирует представления Пушкина о теории искусства, о народности, об историзме и т. д. Писатель, по мнению исследователя, поднял русскую критику на качественно новый уровень, выступив связующим звеном между декабристами и разночинцами.

Зайцев Н. И. Концепция критики у Пушкина и системно-аналитический характер критической деятельности // Современность Пушкина и методологические аспекты изучения художественной культуры: Материалы межреспубл. симпозиума «Пушкин в сердцах учителя и ученика» (27—31 марта 1991 г.). Донецк: ДонГУ, 1991. С. 32—38.

Статья посвящена воззрениям Пушкина на сущность и задачи критики. Полемизируя с тезисом, согласно которому поэт воспринимал критику исключительно как искусство, Н. И. Зайцев сосредоточивает внимание на ее культурологической функции. По мнению исследователя, пушкинское определение критики, согласно которому она является наукой открывать «красоты и недостатки» в произведениях искусства, должна трактоваться как указание на ее общественно-литературную роль — профессионально формировать литературные мнения, составляющие эстетическую основу культуры.

Залдкин А. Н. Литературно-критические воззрения А. С. Пушкина // Русская старина. 1899. № 5. С. 287—309; № 6. С. 543—557.

Статья посвящена литературно-критическим взглядам Пушкина. Говоря об общих принципах его эстетики, А. Н. Залдкин интерпретирует их в духе «теории чистого искусства». На материале пушкинских высказываний о русских (Тредиаковский, Карамзин, Дмитриев, Батюшков, Жуковский и т. д.) и европейских (Вольтер, Шенье, Байрон, Гете, Шекспир и мн. др.) писателях, исследователь рассуждает о роли поэта в истории русской критической мысли. Не будучи выдающимся философом-эстетиком, Пушкин, по мнению автора, руководствовался в своих оценках тонкой интуицией гениального художника, благодаря чему заложил основы будущего теоретического осмысления словесного искусства.

Залдкин А. Н. А. С. Пушкин как литературный критик: (К 100-летию со дня рождения) // Циркуляр по управлению Кавказским учебным округом. 1899. Март. № 359. Приложение № 6. С. 1—81. Отд. отт.: Тифлис, 1899. 81 с.

Работа представляет собой общий очерк критической деятельности Пушкина. А. Н. Залдкин описывает отношение поэта к современной ему критике и его собственные литературно-критические воззрения. На материале статей, заметок и писем исследователь подробно разбирает пушкинские оценки зарубежных (Вольтер, Расин, А. Шенье, Байрон, Мольер, Шекспир, Гете и др.) и русских (Державин, Ломоносов, Дмитриев, Жуковский, Карамзин, Языков, Вяземский, Баратынский, Гоголь, Грибоедов и др.) авторов. По мнению Залдкина, поэт не был профессиональным теоретиком и в своих суждениях руководствовался «инстинктом» художника, подкрепляя его точным анализом. Критика Пушкина подготовила последующий этап в развитии журналистики — период выработки общественных идеалов и эстетических теорий.

Замков Н. К. К истории «Литературной газеты» барона Дельвига // Русская старина. 1916. Кн. 5. С. 245—281.

В статье рассматривается цензурная судьба «Литературной газеты». Издание авторов пушкинского круга, появившееся в атмосфере николаевской эпохи, встретило множество трудностей. На материале официальных документов, личных писем, донесений, протоколов заседаний цензурного комитета и др. — автор прослеживает историю «неблагонадежных» публикаций «Литературной газеты», делая выводы о развитии ее редакционной политики.

Заславский Д. Публицистика Пушкина // Большеви́стская печать. 1937. № 2—3. С. 49—55.

В статье дается краткая характеристика публицистической и журналистской деятельности Пушкина. По мнению Д. Заславского, поэт считал себя продолжателем «первого независимого и революционного публициста в России» — Радищева, о чем прямо свидетельствует черновая редакция «Памятника». В стремлении Пушкина к журналистской работе сказались три ключевых намерения: объединить «передовые силы литературы», создать независимую литературную критику, уничтожить монополию Греча и Булгарина. Исследователь описывает участие поэта в различных изданиях, его журнальные замыслы, создание «Современника». Особое внимание уделено статьям Пушкина, предназначенным для его собственного журнала; Заславский подчеркивает их политическую направленность.

Зеркальная М. Е. К проблеме «чистого искусства» в литературно-критических взглядах А. С. Пушкина // Писатели-критики: Материалы науч.-теорет. конф. «Проблемы писательской критики» 26—28 мая 1987 г. / АН Тадж. ССР. Ин-т яз. и лит. им. Рудаки; Тадж. гос. ун-т им. В. И. Ленина. Душанбе: Дониш, 1987. С. 86—87.

Доклад посвящен эстетической позиции Пушкина в ее соотношении с теорией «чистого искусства». Споря с утилитарным подходом к литературе, поэт в то же время полагал, что она должна отражать главные идейные и общественные проблемы современности. Отрицание «пользы» искусства было для Пушкина формой борьбы за свободу художника — против точки зрения, в рамках которой поэзия ставится на службу официальной политической повестке или вкусам широкой публики.

Иконникова Е. А. Поэтическая «метафизика» в критике А. С. Пушкина и его современников // Пушкинский сборник: Межвуз. сб. науч. тр., посв. 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина / Биробиджан. гос. пед. ин-т. Биробиджан, 1999. С. 16—22.

Доклад посвящен проблеме поэтической «метафизики» в первые десятилетия XIX века. Прокомментировав специфику этого термина в пушкинскую эпоху, Е. А. Иконникова переходит к описанию явле-

ний русской литературы, типологически сходных с английской «метафизической школой». Русские авторы, по мнению исследователя, не были знакомы с произведениями Дж. Донна и Дж. Герберта, однако именно творчество Пушкина, «любомудров» и других поэтов и критиков XIX столетия подготовило почву для развития «метафизической поэзии» XX века.

Истрин В. М. Пушкин и русская литература // Пушкинские дни в Одессе. 26–27 мая 1899 г.: Сб. Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1900. С. 53–57; фрагмент под названием «Взгляд Пушкина на критику» перепечатан: *Покровский В.* Александр Сергеевич Пушкин: Его жизнь и сочинения: Сб. ист.-лит. статей. 3-е изд., доп. М., 1912. С. 252–254.

Согласно мнению исследователя, Пушкин различал две разновидности критики: собственно эстетическую и переходящую на личности. Вторая не может быть оставлена без ответа, поскольку критика имеет важную социальную задачу — она призвана руководить вкусами и суждениями публики, создавать общественное мнение. Такой просветительский взгляд на литературную публицистику, обусловленный низким уровнем современной Пушкину журнальной полемики, получил развитие в последующей истории русской критики.

Казанский Б. В. Западные образцы «Современника» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 6. С. 375–381.

В статье рассматриваются иностранные издания, послужившие образцами для «Современника». Мечтая о создании «истинной критики», Пушкин ориентировался на английские трехмесячные обозрения с их литературно-критической направленностью. По мнению исследователя, эта установка воплотилась в ряде пушкинских рецензий (например, на сочинения Георгия Конисского или на переписку Вольтера) и в некоторых статьях других авторов журнала. В работе также высказывается предположение о связи задуманного Пушкиным и В. Ф. Одоевским «Современного летописца» с французским ежегодником «Annuaire historique».

Канунова Ф. Э. Пушкин в «Московском вестнике»: Некоторые проблемы истории // Пушкин в XXI веке: Вопросы поэтики, онтологии, историцизма: Сб. ст. к 80-летию проф. Ю. Н. Чумакова. Новосибирск: НГУ, 2003. С. 59–65.

В статье рассматриваются идейные и литературные отношения Пушкина с участниками «Московского вестника». Ф. Э. Канунова выявляет круг историко-философских вопросов, общий для статей журнала и зрелых произведений поэта: проблемы свободы и необходимости, самодержавия и просвещенной монархии; темы Петра I, Бориса Го-

дунова и Смуты; отношение к «Истории государства Российского» Карамзина. По мнению исследователя, поэт дорожил вкладом любителей в развитие теоретико-литературной мысли, воспринимая их как «школу русского идеализма». Они же, в свою очередь, нередко оказывались способны оценить новаторство пушкинского творчества — в частности, трагедии «Борис Годунов».

Карпов А. А. Документальное и художественное в исторической прозе и публицистике А. С. Пушкина 1830-х годов // Вопросы историзма и реализма в русской литературе XIX — начала XX века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. С. 7—28.

Материалом исследования является ряд написанных в 1835—1837 годах произведений Пушкина, в основе которых лежит преломленный в соответствии с его замыслом «чужой текст»: «Записки бригадира Моро-де-Бразе (касающиеся до турецкого похода 1711 года)», «Джон Теннер», «Последний из свойственников Иоанны д'Арк». А. А. Карпов полемизирует с установившейся в издательской практике традицией рассматривать их в одном ряду с переводами, заметками и рецензиями, отмечая, что такой взгляд фиксирует лишь поверхностные особенности. Предпринимая анализ этих произведений, ученый выявляет их идейную и жанровую специфику, обеспечивающую выражение авторской позиции через работу с «чужим текстом». «Документально-художественные» произведения отражают творческое развитие позднего Пушкина: они являются своего рода «лабораторией», в которой возникают новые способы взаимодействия искусства с действительностью, расширяется тематический диапазон, происходит освоение различных стилей и т. д.

Керасиди Н. Х. Гораций и Пушкин о критике // Крымские Пушкинские чтения, 3-и: Материалы (13—19 сент. 1993 г.): Русская культура и Восток / Симфероп. гос. ун-т и др. Симферополь, 1993. С. 9—10.

В докладе указаны сходства в воззрениях Пушкина и Горация на критику. Оба классика говорят о роли критики в формировании эстетического вкуса, воспитании поэта и его аудитории, общем совершенствовании художественной словесности и т. д. Так, и русский, и античный поэт называют диалог с тонким и беспристрастным ценителем искусства важным фактором развития художника. Пушкин, как и Гораций, предостерегает от доверия поверхностным суждениям, утверждая, что для оценки поэтического труда необходимы глубокий ум и зрелость взглядов.

Козмин Н. К. Из истории русской критики: Суждения о романтической драме современников Пушкина // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. Кн. 3. Отд. 2. С. 132, 152—161.

В указанных фрагментах работы описывается состояние русской критической публицистики 1820—1830 годов и отношение к ней Пушкина. По мнению Н. К. Козмина, поэт точно подмечал отрицательные стороны современной ему критики, но не оценил положительной тенденции ее развития — выхода за пределы исключительно стилистических оценок. Эту тенденцию исследователь рассматривает на примере полемики о драме, главным объектом которой стал «Борис Годунов». Разбирая критические отклики на трагедию, Козмин утверждает, что многие современники поняли новаторство Пушкина в построении драматического действия и характеров.

Козмин Н. К. Пушкин-прозаик и французские острословы XVIII в.: (Шамфор, Ривароль, Рюльер) // Изв. по рус. яз. и словесности АН СССР. 1928. Т. 1. Кн. 2. С. 536—558.

Статья посвящена влиянию французских писателей XVIII столетия на прозу Пушкина. Н. К. Козмин рассматривает галлицизмы в письмах поэта и способы их перевода на русский язык (калькирование, поиск аналогичных русских выражений). Центральное место в статье занимает уточнение источников исторических анекдотов, мыслей и афоризмов, которые встречаются в прозаических текстах Пушкина. Так, например, суждение о женских поэтических вкусах, вошедшее в «Отрывки из писем, мысли и замечания», восходит к высказыванию Шамфора, а реплика Д'Аламбера о Бюффоне, которую Пушкин в своем наброске ошибочно называет адресованной Лагарпу, была произнесена мыслителем в беседе с Риваролем. По мнению Козмина, именно к французской словесности XVIII столетия восходят пушкинские представления о прозе, согласно которым она требует простоты, точности и лаконизма.

Козмин Н. К. Примечания [к историко-литературным, критическим, публицистическим и полемическим статьям и заметкам Пушкина] // Пушкин А. С. Сочинения. Л.: АН СССР, 1929. Т. 9. Кн. 2. 1044 стр.

Примечания расположены в соответствии с хронологией создания комментируемых статей. Эти примечания включают сведения об особенностях рукописей и о местах их хранения, о датировках и прижизненных публикациях текстов, о биографических, историко-литературных, общественно-политических обстоятельствах их создания. Н. К. Козмин комментирует и сами статьи — как в формате построчных примечаний, поясняющих цитаты, реминисценции, значения слов, исторические факты и мн. др., так и в виде общих характеристик содержания, указаний на источники высказанных Пушкиным мыслей и т. д. В ряде случаев комментарий содержит варианты текста. В разделе «Дополнения и поправки к тексту и примечаниям» содержится ряд указателей: рукописей и изданий Пушкина, русских и иностранных журналов, книг и литературных произведений, а также критических заметок и имен.

Коновалов В. Н. А. С. Пушкин // Литературно-критическая деятельность русских писателей XIX века: Учеб. пособие. Казань, 1989. С. 14—44.

В статье исследуется специфика литературно-критического наследия Пушкина. Стремясь определить причины универсальности эстетических размышлений поэта, автор рассматривает развитие его критических взглядов на фоне эволюции художественного творчества и приходит к выводу об их взаимообусловленности. Пушкин постигал сущность искусства не только как художник, но и как мыслитель, что нашло отражение в его критическом методе, главной особенностью которого, по мнению Коновалова, является философская составляющая.

Кормилов С. И. О теоретико-литературных представлениях Пушкина // Михайловская пушкиниана. М.: Вербум-М, 2001. Вып. 14: Сб. науч. ст. по материалам конф. «У каждого времени свой Пушкин» [21—22 авг. 2000, Пушкинские Горы] / Предисл. В. С. Бозырева. С. 78—89.

Исследование посвящено теоретико-литературным представлениям Пушкина. Указывая на неточности в работах предшественников, С. И. Кормилов призывает к исторически корректному взгляду на понятийный инструментарий, которым пользовался поэт. Так, например, исследователь отмечает, что термин «лирика» в пушкинскую эпоху обозначал не «субъективный» род поэзии в целом, но только одну из его разновидностей, а сама категория рода употреблялась применительно к любому типу текстов (жанровому и т. д.). К числу понятий, исторический смысл которых уточняется в работе, относятся «искусство», «народность», «истинный романтизм» и мн. др. По утверждению Кормилова, поднятая им тема мало разработана и имеет шанс превратиться в отдельное направление пушкинистики.

Краснобородько Т. И. О русском аналоге пушкинского «Современника» // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1986. Т. 12. С. 357—366.

В статье указан русский прообраз пушкинского «Современника». Не отрицая ориентации на английские обозрения («Edinburgh Review» и «Quarterly Review»), названные самим поэтом, Т. И. Краснобородько обращает внимание на другой источник формы журнала — альманах «Мнемозина», издававшийся В. Ф. Одоевским и В. К. Кюхельбекером. Описывая типологическое сходство двух печатных органов, автор показывает, что опыт трансформации альманаха в издание нового типа мог быть учтен Пушкиным при работе над «Современником».

Краснобородько Т. И. Тема «литература и власть» на страницах второго тома пушкинского «Современника» // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1989. Т. 13. С. 122—133.

В статье исследуются редакторские принципы Пушкина-издателя. Развивая мысль Ю. Н. Тынянова о проявившейся у поэта в 1830-е годы тенденции к циклизации литературных текстов, Т. И. Краснобородько показывает, как эта тенденция выразилась в организации пушкинского «Современника». На материале ряда публикаций автор демонстрирует, что произведения, объединенные темой «литература и власть», существовали в тесном журнальном контексте, благодаря чему могли образовывать неожиданные смысловые связи.

Краснобородько Т. И. Болдинские полемические заметки Пушкина: (Из наблюдений над рукописями) // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1991. Т. 14. С. 163—176.

В статье рассматривается ряд неразрешенных вопросов, связанных с болдинскими полемическими заметками Пушкина. На основе сопоставления их рукописей с другими болдинскими автографами и анализа палеографических данных Т. И. Краснобородько уточняет время создания (начало работы — около 30 сентября 1830 года) и последовательность появления заметок. Отдельное внимание исследователь уделяет заметке «Разговор о примечании», выясняя причины ее включения в планы «Опыта отражения некоторых нелитературных обвинений». Приведенные наблюдения позволяют проследить развитие авторского замысла. Его завершающим этапом стали планы «Опыта отражения...», которые вобрали в себя основные тексты, связанные с полемикой о «литературной аристократии» и актуальными для Пушкина вопросами литературной критики.

Краснобородько Т. И. Болдинские полемические заметки Пушкина: [Ст. и коммент.] // Пушкин в прижизненной критике. 1828—1830. СПб.: Гос. Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 2001. С. 481—508.

Статья посвящена критико-полемическим наброскам Пушкина, которые были написаны Болдинской осенью 1830 года. Предполагавшиеся для закрывшейся в том же году «Литературной газеты», они не были напечатаны при жизни поэта (за исключением двух отрывков, вошедших в текст о «Полтаве»). Прослеживая историю их рукописей и последующих публикаций, описывая замысел, историко-литературный и биографический контекст, Т. И. Краснобородько восстанавливает хронологию работы над заметками на основе современных текстологических и палеографических данных. Результаты этого анализа послужили основой для историко-литературного комментария к двум циклам пушкинских текстов — реконструированной первоначальной редакции «<Опровержения на критике>» и планам «Опыта отражения некоторых не-литературных обвинений».

Кузьмин Б. А. Пушкин-критик // Кузьмин Б. А. О Голдсмите, о Байроне, о Блоке...: Статьи о литературе. М.: Худож. лит., 1977.

С. 266—275; впервые: Литературное обозрение. 1937. № 2. С. 56—61.

В статье дается краткая характеристика деятельности Пушкина-критика. По мнению автора, в критических статьях и заметках поэт не ограничивался только литературными вопросами, но выражал собственный взгляд на историю, высказывал свои оценки различных исторических деятелей (Минина, Кутузова и др.). В литературных суждениях Пушкина Б. А. Кузьмин особенно подчеркивает способность судить о разных эстетических течениях, не примыкая ни к одному из них, ярко проявившуюся в его откликах на полемику о классицизме и романтизме. Отдельное внимание автор уделяет языку пушкинской критики, отмечая его точность и содержательность.

Кузьминский К. А. А. С. Пушкин, его публицистическая и журнальная деятельность: Ист.-лит. очерк. М., 1901. 184 с.

Книгу можно рассматривать как своего рода биографию Пушкина, в которой центральное место отведено его публицистической и журналистской деятельности. Последовательно рассказывая об этапах жизни поэта, особое внимание автор уделяет описанию политических, общественных и культурных обстоятельств, отразившихся в творчестве Пушкина и определивших судьбу его публикаций и издательских предприятий. Подробному анализу в очерке подвергаются отношения Пушкина с властью и литературными соперниками, эволюция его эстетических и политических воззрений, а также состояние цензуры в 1820—1830-е годы. В книге впервые было напечатано последнее слово 20-й строки («самовластья») стихотворения «К Чаадаеву» (1818).

Куманова А. В. Пушкинский журнал «Современник»: К вопросу о Пушкине-журналисте и критике: Ист.-культурное историограф. исследование. Шумен, 2004. 58 с.

Работа посвящена журналистской деятельности Пушкина. По мнению А. В. Кумановой, в своих литературно-критических статьях поэт разрабатывал принципы и темы «реалистической» эстетики, способствовал развитию малых форм публицистики, в полемике — предвосхитил приемы «революционно-демократической» журналистики (стилизацию, пародирование стиля оппонента, создание «масок» и т. д.). Главным достижением Пушкина-журналиста стал «Современник». Исследовательница подробно описывает состав публикаций этого издания, его общественно-литературную позицию, цензурные затруднения, противоречия внутри редакции, читательскую аудиторию и др. По мнению Кумановой, с трудом получив разрешение на «сборник-альманах», поэт сумел превратить его в общественно-литературный журнал, положивший начало серьезному отношению к журналистике.

Ларионова Е. О. Пушкин и его читатели в 1831—1833 годах // Пушкин в прижизненной критике. 1831—1833. СПб.: Гос. Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 2003. С. 5—25.

Статья посвящена рецепции пушкинских произведений в 1831—1833 годах. Анализируя причины сдержанного отклика на трагедию «Борис Годунов», исследователь объясняет его резким расхождением с традициями и «правилами» драматургии (требованием внешнего правдоподобия и т. д.). Подобная судьба, как пишет Е. О. Ларионова, постигла и другие произведения, выходившие в это время, — «Моцарт и Сальери», «Пир во время чумы», «Домик в Коломне» и др. Воплощая новый этап в творчестве поэта, они не укладывались в расхожие эстетические стандарты и не отвечали вкусам широкого читателя. Автор также отмечает, что литературно-критическая деятельность самого Пушкина в названные годы существенно ослабевает, однако называет ряд антибулгаринских статей, явившихся «самой совершеннейшим образцом пародийно-полюемического жанра».

Ларионова Е. О. «Услышишь суд глупца...»: (Журнальные отношения Пушкина в 1828—1830 гг.) // Пушкин в прижизненной критике. 1828—1830. СПб.: Гос. Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 2001. С. 5—25.

На материале публикаций, писем, дневниковых записей Е. О. Ларионова воссоздает картину сложных и напряженных взаимоотношений поэта с издателями «Московского вестника», «Московского телеграфа», «Северной пчелы» и др. Анализируя тенденции, определившиеся в русской литературной и журнальной практике, исследовательница уделяет особое внимание бурной полемике о «литературной аристократии». Эта полемика побудила Пушкина к поиску новых художественных решений, таких как аналитическое изображение общества, социальное понимание характера, новая манера бытописания. Литературная ситуация эпохи в статье описана в широком социально-политическом и историческом контексте.

Лакно С. Н., Фризман Л. Г. О своеобразии рецензий Пушкина // Болдинские чтения: К семидесятилетию проф. Г. В. Краснова. Н. Новгород: Волго-Вят. кн. изд-во, 1991. С. 83—88.

В статье исследуется специфика рецензий А. С. Пушкина. Подразделяя литературно-критические отзывы на «описательные» (представляющие художественное произведение и указывающие на его достоинства и недостатки) и «проблемные» (поднимающие общие вопросы в связи с конкретным произведением), авторы причисляют все отзывы Пушкина ко второму типу. На материале рецензий 1820-х годов исследователи показывают, что сам этот жанр подвергся у поэта значительной трансформации, став своего рода платформой для эстетических суждений о стиле, художественной форме, творческой свободе и т. д.

Лахно С. Н. Пушкин как рецензент // Современность Пушкина и методологические аспекты изучения художественной культуры: Материалы межреспубл. симпозиума «Пушкин в сердцах учителя и ученика» (27—31 марта 1991 г.). Донецк: ДонГУ, 1991. С. 28—32.

Статья посвящена особенностям рецензий Пушкина. С. Н. Лахно отмечает, что критические отзывы поэта не укладываются в стандартное противопоставление «описательных» и «проблемных» рецензий: его тексты поднимают «проблемность» на новый уровень, она становится сквозной, поскольку сходные вопросы поднимаются в откликах на творчество разных авторов. В качестве примера исследователь приводит высказывания Пушкина о Е. А. Баратынском, отзывы на сделанный Н. И. Гнедичем перевод «Илиады», на «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина». Значительное место в пушкинской критике занимают размышления о проблеме жанров, которые поэт отнюдь не «смешивал», но ясно дифференцировал. Об этом свидетельствуют его рецензии на поэму Ф. Н. Глинки «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой», на «Стихотворения Евгения Баратынского» (1827), на драму «Марфа Посадница» М. П. Погодина и др.

Левкович Я. Л. Незавершенный замысел Пушкина // Рус. лит. 1981. № 1. С. 123—136.

В статье предпринимается попытка реконструировать неосуществленный замысел автобиографии Пушкина. Проследившая темы стихотворений и писем поэта 1820-х годов, Я. Л. Левкович делает вывод о том, что Пушкин не оставлял замысла мемуаров и отчасти воплотил его в болдинских заметках, отрывках и планах. Исследователь уточняет вопросы датировки и взаимосвязи этих текстов, а также высказывает принципиальное соображение о серии заметок «<Опровержение на критики>». Традиционно не связывавшиеся с автобиографическим замыслом поэта, в статье они рассматриваются как «творческие заготовки», использовавшиеся Пушкиным в мемуарной прозе.

Левкович Я. Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л.: Наука, 1988. 328 с. См. с. 155—176.

В указанном фрагменте книги рассматриваются пушкинские наброски 1830-х годов, связанные с замыслом автобиографических записок: заметка о холере, две программы записок, начало автобиографии и др. Анализируя эти тексты с точки зрения датировки, биографического фона и художественных особенностей, Я. Л. Левкович сопоставляет их с другим неосуществленным замыслом — «<Опровержением на критики>». Автор указывает на сходство мотивов и общность художественной манеры этих серий заметок, приходя к выводу о единстве их назначения.

Левкович Я. Л. К датировке ранних критических текстов Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 1993. Вып. 25. С. 143—147.

В статье высказывается мнение о датировке двух пушкинских набросков — статьи «Причинами, замедлившими ход нашей словесности...» и заметки «Жалуются на равнодушие русских женщин к нашей поэзии...». Ссылаясь на палеографические данные, Я. Л. Левкович утверждает, что обе записи относятся к 1823 году, и обосновывает этот вывод для первой из них, традиционно датируемой 1824 годом. Опровергая мнение, согласно которому создание наброска «Причинами...» связано со статьей Бестужева «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года» («Полярная звезда» на 1824 год), исследователь находит для нее другой претекст — обзор того же автора, напечатанный годом ранее («Взгляд на старую и новую словесность в России»). Это предположение Левкович аргументирует, сопоставляя содержание обзора с текстом Пушкина.

Лежнев А. О Пушкине-критике // Красная новь. 1937. № 1. С. 184—195.

В статье исследуются принципы работы Пушкина-критика. А. З. Лежнев пытается доказать, что поэту «чужд формализм»: в своих суждениях об искусстве он, вопреки распространенному мнению, выходит за рамки чисто эстетических критериев, а его высказывания о самоценности искусства следует рассматривать как способ самозащиты художника «перед натиском реакции». По мнению автора, в основе пушкинских литературно-критических оценок лежат три принципа: «простота, реализм, народность».

В работе также дается характеристика стиля критической прозы Пушкина, в числе главных черт которой упоминаются краткость, афористичность и полемичность, сочетающаяся со сдержанностью тона.

Лежнев А. Проза Пушкина: Опыт стилистического исследования. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1966. 263 с. См. с. 223—236.

В основе исследования лежит представление о А. С. Пушкине как родоначальнике русского реализма. Считая пушкинскую прозу единой художественной системой, к числу ее важнейших особенностей А. З. Лежнев относит чувство меры, сдержанность интонации, лаконичную точность и безыскусственную ясность повествования. Эти характерологические черты он обнаруживает при анализе различных элементов поэтики (пейзажей, деталей) и форм организации речи (диалога, сказа). В прозаическом творчестве писателя автор выделяет две линии, представленные «Капитанской дочкой» и «Пиковой дамой»: в первом случае пушкинская «простота» достигает своего полного выражения, а во втором — проявляется в психологической до-

стоверности и фактографичном изложении фантастического сюжета. Написанная в свободной форме книга полна пронизательных историко-литературных наблюдений: поэтика Пушкина сопоставляется с художественными принципами русских и зарубежных, современных и позднейших писателей — Достоевского, Чехова, Бальзака и др.

Лернер Н. О. Новооткрытые страницы Пушкина // Пушкин и его современники. Пб., 1909. Вып. 12. С. 121—158.

Работа посвящена атрибуции ряда анонимных статей «Литературной газеты» за 1830 год, автором которых Н. О. Лернер называет Пушкина. К их числу принадлежат отзыв на сделанный П. А. Вяземским перевод романа «Адольф» Б. Констан (№ 1. 1 января. С. 8), сатирическая заметка о шутках в русской журналистике (№ 18. 27 марта. С. 146), полемический отклик на статью «Северной пчелы» о «Евгении Онегине» (№ 20. 6 апреля. С. 161) и некоторые другие тексты. Обосновывая свою точку зрения, исследователь приводит самые разнообразные сведения: от идейных и стилистических особенностей этих заметок до обстоятельств биографии Пушкина и его литературных отношений с современниками.

Лернер Н. О. Заметки о Пушкине // Русский библиофил. 1911. № 5. С. 60—71. Из содерж.: С. 66—69: Из истории журнальной деятельности Пушкина.

Указанный раздел статьи посвящен атрибуции двух текстов, опубликованных в отделе «Новые книги» первого тома «Современника». Заключение обзора изданий Н. О. Лернер приписывает Пушкину, усматривая в этом фрагменте «решительность» оценки и стилистическое сходство со статьями поэта. Заметка об «Истории средних веков» (сост. Циммерманом. СПб., 1836), по мнению исследователя, с равной вероятностью может принадлежать как Пушкину, так и Гоголю, поскольку оба они интересовались исторической литературой. Лернер также рассматривает две заметки (рецензию на «Словарь о святых» и объявление о «Хронике русского» А. И. Тургенева), опровергая попытку отрицать их принадлежность Пушкину.

Лернер Н. О. Новооткрытые страницы Пушкина // Северные записки. 1913. Кн. 2. Февр. С. 32—44. См. также: *Лернер Н. О.* Новые приобретения пушкинского текста и дополнения // Пушкин А. С. [Сочинения]: [В 6 т.] Пг.: Изд. Брокгауз—Ефрон, 1915. Т. 6. С. 172—243. (Б-ка великих писателей / Под ред. С. А. Венгерова).

Отклик: *Тынянов Ю. Н.* Мнимый Пушкин // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. кино. М., 1977. С. 88—92.

Исследуя публикации в «Литературной газете», издаваемой Дельвигом, Н. О. Лернер пришел к выводу о принадлежности ряда ано-

нимных статей перу Пушкина. В статье «Новооткрытые страницы Пушкина» (1913) автор сформулировал свои принципы атрибуции: помимо «юридической достоверности», он учитывал индивидуальный стиль поэта, отражение в тексте его убеждений и литературных мнений, а также применял «метод исключения». В результате авторство Пушкина было установлено для пяти публикаций в газете, среди которых заметки, критические отзывы и рецензия на «Исповедь» («La Confession», 1830) Ж. Жанена. Эта работа была продолжена Лернером при подготовке VI тома «Сочинений А. С. Пушкина» под редакцией С. А. Венгерова: в раздел «Новые приобретения пушкинского текста и дополнения» вошли почти 50 стихотворений, заметок, дневниковых записей и проч.

Лернер Н. О. Проза Пушкина. 2-е изд., испр. и доп. Пг.; М.: Книга, 1923. 112 с. Из содерж.: С. 69—105: IV. Пушкин-публицист. Отношение к народу. Роль дворянства. Литература и государство. V. Пушкин-критик. Его теория и практика в области критики.

Работа представляет собой обобщающее исследование корпуса пушкинских прозаических текстов (художественных, публицистических, критических, автобиографических и др.).

В главе IV рассматривается публицистическая деятельность Пушкина. Обращая внимание на то, что в заметках и статьях поэту удавалось высказывать мнение по социально-политическим вопросам даже в условиях жесткой цензуры, автор прослеживает эволюцию пушкинских воззрений на сословное устройство общества, роль дворянства в государственной системе, культурное значение литературы и журналистики.

В главе V, посвященной пушкинским литературно-критическим работам, Лернер описывает причины неудовлетворенности Пушкина современным состоянием критики, принципы, которые поэт считал обязательными для «истинной критики», а также его роль в становлении русской критической публицистики.

Липницкая Е. А. «Клянись от меня цензуре...»: А. С. Пушкин о цензуре и самоцензуре // Вестник поморского университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3. С. 76—79.

Цель работы состоит в том, чтобы проследить развитие пушкинских воззрений на цензуру. Материалом исследования являются публицистические, эпистолярные и поэтические тексты писателя. В центре внимания Е. А. Липницкой находится соотношение в позиции Пушкина, с одной стороны, представления о ценности свободы творчества, и с другой — признания правомерности некоторых цензурных ограничений. Пушкинский взгляд на цензуру автор характеризует как «реалистический», то есть основанный на объективной оценке социокультурной обстановки в России первых десятилетий XIX века.

Луначарский А. В. Пушкин-критик // Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1967. С. 539—624; впервые: Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18.

Отзыв: Свирин Н. Проблемы изучения Пушкина // Лит. Ленинград. 1935. 26 июня.

Развитие литературных воззрений Пушкина в статье интерпретируется как постепенный «отход от дворянских позиций к буржуазным». Этот процесс, по мнению А. В. Луначарского, отразился в представлении поэта об адресате его произведений (аристократия сменяется «чиновничье-интеллигентной» публикой) и о природе искусства (осознание поэзии как профессии). Усиление демократических тенденций автор видит и в растущем интересе писателя к художественной и публицистической прозе. Уделяя особое внимание пушкинской критике, Луначарский оспаривает ее чисто эстетическую направленность и стремится доказать, что она включала «социальный момент», подготовивший развитие революционно-демократической журналистики.

Макогоненко Г. П. Когда же сформировался русский реализм? // Вопросы литературы. 1965. № 2. С. 148—170. См. с. 155—158, 162—165.

Статья посвящена проблеме зарождения русского реализма, которая рассматривается Г. П. Макогоненко в конкретно-историческом ракурсе. На указанных страницах проанализирована роль Пушкина в осмыслении и отстаивании новых тенденций в искусстве. «Идеалистическая» критика эпохи оказалась неспособна оценить «реалистические» завоевания литературы, и поэтому их теоретическое обобщение предложили сами писатели. По мнению исследователя, именно в этом состоял смысл эстетической позиции Пушкина, которая нашла воплощение в его критических выступлениях (рецензия на альманах «Денница» и ряд других статей) и журналистской деятельности (общее направление «Литературной газеты»). Макогоненко также отмечает роль пушкинских теоретических формулировок — в частности, формулы «поэт действительности» — в разработанной В. Г. Белинским системе представлений о «реалистическом» искусстве Пушкина и Гоголя.

Макогоненко Г. П. Гоголь и Пушкин. Л.: Сов. писатель, 1985. 351 с. См. с. 259—277.

Указанный раздел книги посвящен литературным взаимоотношениям Гоголя и Пушкина в период работы над журналом «Современник». Г. П. Макогоненко анализирует возникшие между писателями противоречия, привлекая к их рассмотрению материал, ранее не обращавший на себя внимание исследователей этой проблемы: рецензию Пушкина на второе издание гоголевских «Вечеров...» и «Разбор сочинений Георгия Конисского». Ученый также пишет о трудностях, ко-

торые сопровождали публикацию двух вызвавших замечания издателя статей Гоголя («Петербург и Москва» и «Петербургская сцена в 1835—36 г.»). Рассказывая о несогласиях и спорах между двумя авторами, Макогоненко обращает внимание на правки, вносимые младшим из них в свои тексты, и формулирует ряд вопросов, которые стали предметом противоречий.

Максимов Д. «Современник» Пушкина. (1836—1837) // Евгеньев-Максимов В. Е. «Современник» в 40—50 гг.: От Белинского до Чернышевского. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. С. 369—418.

В статье с позиций марксистской социологии исследуется история пушкинского «Современника». Говоря об обстоятельствах возникновения журнала и его редакционной политике, Д. Е. Максимов описывает общественную обстановку 1830-х годов, формирование «торгового направления» в журналистике и реакцию писателей пушкинского круга на возобладавшие литературные тенденции. Подробному освещению в работе подвергаются отношения Пушкина с сотрудниками журнала, цензурные затруднения «Современника», форма издания и состав его публикаций. Причины неуспеха пушкинского предприятия автор объясняет в соответствии со своими методологическими установками: журнал, созданный склонной к консерватизму «родовитой аристократией», оказался чужд «переживаемому историческому моменту».

Малинин В. А. Пушкин как мыслитель. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1990. 222 с. Из содерж.: С. 183—208: Гл. IX. Эстетика и критика.

Указанный раздел работы посвящен эстетическим и критическим взглядам Пушкина. По мнению В. А. Малинина, поэт понимал эстетику как науку и внимательно изучал воззрения предшественников и современников (Вольтера, Лессинга, Буало, Дидро, Канта, Шеллинга, А. Шлегеля и др.). Споря с точкой зрения, согласно которой Пушкин-критик был скорее поэтом, чем теоретиком, исследователь говорит о целостной системе его литературных убеждений. В числе важнейших из них Малинин называет независимость художественного творчества, «связь искусства с жизнью», общественное назначение поэта и др. По мысли автора, эти принципы нашли яркое выражение в «Современнике» и подготовили развитие «революционно-демократической» эстетики.

Мальчукова Т. Г. Пушкин — критик Байрона // Мальчукова Т. Г. Филология как наука и творчество. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 1995. С. 225—237.

Работа посвящена пушкинским высказываниям о Байроне. Перед исследователем стоит задача рассмотреть этот материал в контексте

истории литературно-критической мысли, осмыслить суждения русского поэта в связи с его концепцией критики. Обозревая отзывы Пушкина, Т. Г. Мальчукова описывает его оценки и выводы, формулирует общие эстетические установки, характеризует специфику различных критических жанров. Важное место в исследовании занимает сопоставление произведений Пушкина с их источниками: художественные трансформации байроновских образов, мотивов и форм трактуются как своего рода критические высказывания об английском поэте.

Манн Ю. В. Пушкин и Гоголь в 1836 году: Была ли ссора? // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования. М.: ОГИ, 2001. С. 343—355.

В статье опровергается мнение, согласно которому в 1836 году между Пушкиным и Гоголем произошел разрыв. Ю. В. Манн утверждает, что их отношения никогда не были близкими и по большому счету сводились к литературной области. Биографический эпизод, нередко интерпретируемый как ссора, был лишь небольшой обидой Гоголя, вызванной невозможностью встретиться с Пушкиным перед отъездом за границу. По мнению исследователя, версия о конфликте писателей возникла как радикальная форма развенчания мифа, в рамках которого два гениальных современника непременно должны быть соединены узами дружбы.

Машинский С. И. Проблемы критики в эстетике В. Г. Белинского // Наследие Белинского. М.: Сов. писатель, 1952. С. 286—332. См. с. 287—290, 302—303.

В указанных фрагментах работы анализируется роль Пушкина в истории критики. С. И. Машинский считает поэта предшественником Белинского. Характеризуя состояние публицистики 1820—1830-х годов, исследователь утверждает, что несмотря на достижения отдельных авторов (Веневитинова, Полевого, Надеждина и др.), большинство из них отличала «незрелость теоретической мысли». Поэтому именно Пушкина следует считать предтечей Белинского: поэт сформулировал принципы «истинной критики» и обозначил ключевые для развития литературы идеи («реализм», «народность» и др.). Исследователь также говорит о различии между Пушкиным и Баратынским, которое обозначил Белинский. Хотя критик высоко ценил «мысль» в поэзии Баратынского, «идейное» превосходство он признавал за Пушкиным, чьи произведения отражают веру в торжество человеческого разума.

Машинский С. И. Гармония слова и мысли // Вопросы литературы. 1974. № 6. С. 70—115.

В статье описываются представления Пушкина о критике. С. И. Машинский рассматривает их развитие в контексте современных поэту

эстетических систем (классицизма, сентиментализма, романтизма) и эволюции его творчества. Именно Пушкин впервые сформулировал законы «истинной критики»: ее научный характер и «направляющую» роль в развитии литературы, требование различения содержания и формы произведения и т. д. Исследователь также выявляет отличительные черты пушкинской критической прозы (краткость изложения, точность и емкость анализа, яркую афористичность и др.) и обозначает ее роль в теоретическом обосновании «реалистического» искусства.

Машинский С. И. Поэзия критической прозы // *Машинский С. И.* Слово и время. М.: Сов. писатель, 1975. С. 198—252; впервые: *В мире Пушкина: Сб. статей.* М.: Сов. писатель, 1974.

Работа посвящена «движущейся эстетике» Пушкина. С. И. Машинский анализирует роль поэта в становлении принципов новой, «реалистической» критики, которая, учитывая внутреннюю логику литературной эволюции, рассматривает ее в историческом контексте. Именно Пушкин, по мнению автора, явился родоначальником «синтетического метода критического анализа». Деятельность поэта, предвидевшего «великие явления литературы», проложила дорогу критике Белинского, основанной уже на их обобщении.

Мейлах Б. С. Литературные взгляды Пушкина // *Новый мир.* 1937. № 1. С. 240—254.

Статья посвящена эволюции эстетических воззрений А. С. Пушкина. Полемизируя с интерпретацией его литературной позиции и творческих принципов в духе теории «чистого искусства», Б. С. Мейлах утверждает, что поэт стремился к созданию «политического действительно искусства, исполненного простоты и ясности, нужного и понятного народу». Материал, на который опираются рассуждения исследователя, — это литературно-критические статьи Пушкина и его художественные произведения, эпистолярные высказывания и маргиналии.

Мейлах Б. С. Пушкин-критик // *История русской критики.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1. С. 279—302.

Глава представляет собой общий очерк критической деятельности Пушкина. Б. С. Мейлах выделяет в ней три основных этапа: период до 1825 года, связанный с декабристским движением, период «Литературной газеты», явившейся попыткой объединения единомышленников в условиях политической реакции, и период «Современника». Характеризуя пушкинский взгляд на общественные задачи литературы, ученый полемизирует с его интерпретацией в духе теории «чистого искусства» и утверждает, что декларации автономности поэзии были для Пушкина формой борьбы с давлением власти. Определяющими в развитии эстетических воззрений поэта Мейлах называет «реалистические» тенденции, которые, по его мнению, проявились в пони-

мании «народности», «истинного романтизма» и мн. др. Материалом исследования служат статьи и письма поэта, а также его художественные произведения.

Мейлах Б. С. Незавершенная литературно-эстетическая декларация Пушкина 30-х годов // Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 88—97.

Работа посвящена незавершенной критической заметке Пушкина, известной под редакторским заголовком «О народной драме и драме “Марфа Посадница”». Исследователь рассматривает эту статью как своего рода эстетический манифест, подводящий итог многолетним размышлениям поэта о словесном искусстве. Б. С. Мейлах описывает историко-культурные обстоятельства и литературные отношения, предопределившие создание этого текста, отразившиеся в нем воззрения Пушкина на народность, на специфику и задачи драматургии, на историческую и художественную правду. По мнению исследователя, эстетическая концепция, сформулированная в статье, предвосхитила «мысли Белинского о сущности “реальной поэзии”, т. е. реализме».

Мейлах Б. С. Пушкин и его эпоха. М.: Гослитиздат, 1958. 698 с. См. с. 429—518.

Раздел книги, носящий название «Новый эстетический идеал», состоит из трех глав, две из которых описывают пушкинские воззрения на словесное искусство. Первая («Переворот в эстетических представлениях»), открывающаяся теоретическим рассуждением об эстетическом идеале, посвящена характеристике нового, «реалистического» художественного мышления, «открытого Пушкиным», — в соотношении с принципами более ранних литературных направлений. Во второй главе («Роль искусства. Образ поэта») рассматривается эволюция представлений Пушкина о задачах литературы и предназначении поэта. Все эти вопросы освещаются исследователем в широком историко-культурном контексте: в свете литературной борьбы и преемственности с русскими и зарубежными, предшествующими и современными авторами, школами, течениями.

Мейлах Б. С. Пушкинская панорама развития русской и мировой литературы: Беседа шестая // Мейлах Б. С. «...Сквозь магический кристалл...»: Пути в мир Пушкина. М.: Высш. школа, 1990. С. 172—199.

В статье описываются воззрения Пушкина на общие закономерности и ход литературного процесса. Б. С. Мейлах предлагает увидеть в статьях, заметках, набросках поэта не только критические высказывания, но и теоретико-эстетические и историко-культурные исследования. Автор показывает, что Пушкин развивал оригинальные идеи о ключевых эстетических категориях (таких как народность) и литературных направлениях (классицизме и романтизме), о связи эволю-

ции художественной словесности с движением истории и о месте русской литературы в мировом контексте. Пушкинская концепция литературного развития, которую реконструирует исследователь, названа им одним из первых примеров осмысления «важнейших вех истории литератур Европы и России», основанного на объективных исторических критериях.

Мейлах Б. С. Талисман: Книга о Пушкине. М.: Современник, 1975. 367 с. См. с. 58—68. То же, 2-е изд.: М., 1984.

Указанный фрагмент книги посвящен месту поэзии К. Н. Батюшкова в творческой эволюции Пушкина и, в частности, в его литературной учебе. Б. С. Мейлах описывает влияние старшего поэта на лицейскую лирику Пушкина, эстетические принципы, сближающие двух авторов, пушкинские пометы на полях «Опытов в стихах и в прозе» — и т. д. По мнению исследователя, Батюшков наряду с В. А. Жуковским принадлежит к числу современных Пушкину поэтов, сыгравших ключевую роль в формировании его художественного мышления.

Мейлах Б. С. Художественное мышление Пушкина как творческий процесс. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 249 с. См. с. 46—55, 60—63, 123—130, 134—147.

Б. С. Мейлах полагает, что литературно-критические размышления были для Пушкина способом выработки собственных творческих принципов. Рассматривая отзывы, заметки и другие пушкинские тексты, исследователь затрагивает широчайший круг проблем: представление о задачах словесного искусства, специфику теоретико-эстетического понятийного аппарата, мнения о классицизме и романтизме. На страницах 123—130 (и частично на страницах 134—147) — подробный анализ незавершенной статьи, известной под редакторским заголовком «О народной драме и драме “Марфа Посадница”». В целом эстетические взгляды Пушкина, в особенности критерий истинности изображения, предвосхитили, по мнению исследователя, «мысли Белинского о сущности “реальной поэзии”, т. е. реализме».

Миночкина Л. И. История русской критики XIX века: Метод. материалы для студентов 4 курса филол. фак. / Челябинск. гос. ун-т. Челябинск, 1996. 35 с. Из содерж.: с. 16—18: Пушкин-критик в литературной борьбе 1820—1830 годов с критиками-политиками течения гражданского романтизма.

В разделе представлены материалы для посвященной Пушкину части курса по истории русской критики. Перечень изучаемых тем предполагает рассмотрение эстетической позиции поэта в контексте его эпохи: в соотношении со взглядами декабристов, применительно к вопросу о романтизме, в свете роли, которую пушкинские критические выступления сыграли в литературной борьбе 1820—1830-х годов, и т. д. В числе источников, кроме текстов Пушкина, названы статьи

В. К. Кюхельбекера, А. А. Бестужева-Марлинского, К. Ф. Рылеева, О. М. Сомова. Список научной литературы включает в себя работы Л. Г. Фризмана, Б. С. Мейлаха, С. М. Бонди и других исследователей. Эти научные труды охватывают широкий круг тем: критическую деятельность декабристов, романтические течения в русской критике, эстетические воззрения и историко-литературные опыты Пушкина и мн. др.

Михайлова Н. И. «Витийства грозный дар...»: А. С. Пушкин и русская ораторская культура его времени. М.: Русский путь, 1999. 412 с. Из содерж.: Гл. 4. Проза Пушкина и ораторская проза его времени [I. Пушкинская теория прозы и «Риторика» первой трети XIX века. II. Художественная проза Пушкина и ораторские традиции. III. Публицистика Пушкина и ораторские традиции].

Рец.: И. Б<улкина> // Новое лит. обозрение. 2001. № 48. С. 425—427.

Книга посвящена связи творчества Пушкина с ораторской культурой его времени. В четвертой главе в этом контексте рассматривается пушкинская проза. Анализируя разработанную писателем «теорию прозы», Н. И. Михайлова обнаруживает соответствие ее принципов «Риторикам» первой трети XIX века. Исследователь делает вывод об усвоении поэтом традиционных правил красноречия, но подчеркивает избирательность по отношению к ним (неприятие перифрастической прозы, использование простонародных слов и т. д.). Развивая эту мысль, Н. И. Михайлова пишет о творческом переосмыслении ораторских традиций в художественной и публицистической прозе Пушкина.

Могилянский А. П. А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский как создатели обновленных «Отечественных записок» // Изв. АН СССР. Сер. ист. и философии. 1949. Т. 6. № 3. С. 209—226.

На материале архивных документов А. П. Могилянский устанавливает генетические связи между журналами, издание или проекты которых были связаны с именами А. С. Пушкина и / или В. Ф. Одоевского: «Современником», «Современным летописцем», «Северным зрителем», «Русским сборником», «Литературными прибавлениями» к «Русскому инвалиду». Анализируя программу возобновленных в 1838 г. «Отечественных записок», исследователь отмечает изменения, привнесенные совокупным издательским и редакционным опытом двух авторов: энциклопедический характер журнала, независимость его эстетической позиции, включение отдела, посвященного хронике современных событий и т. д.

Мордовченко Н. И. Журналистика и критика 1826—1840 гг. // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л.: Изд-во ЛГУ им. А. А. Жданова, 1950. Т. 1. С. 239—255, 372—373.

В главе IX дается целостная характеристика русской журналистики 1826—1840 годов, написанная с точки зрения марксистской социологии. Автор освещает отношения Пушкина с различными печатными органами, его участие в «Литературной газете», несостоявшийся проект «Дневника». В пятом разделе главы исследуется литературная позиция «Вестника Европы», в частности, оценки «Руслана и Людмилы» и «южных» поэм Пушкина. В шестом разделе, посвященном «Современнику», уделяется внимание его цензурным затруднениям и редакционным принципам, отношению Пушкина к Белинскому. В главе XV, излагая историю «Московского наблюдателя», автор упоминает о том, что Пушкин интересовался этим изданием, участвовал в нем, но не солидаризировался с его литературно-критической программой.

Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 431 с.

В монографии анализируется развитие русской литературной критики первой четверти XIX века. При отсутствии специального раздела, посвященного Пушкину, роль поэта в эволюции эстетических взглядов эпохи все время учитывается Н. И. Мордовченко. Пушкин предстает важнейшим участником полемик, определявших развитие русской литературы: о «старом» и «новом» слоге (как член «Арзамаса»), о «простонародности» (как автор «Руслана и Людмилы»), о романтизме (как автор «южных» поэм), об элегии и т. д. Значительное место в книге уделено рецепции произведений Пушкина, позволяющей увидеть, как творчество поэта влияло на эволюцию критики.

Морозов В. Д. К вопросу о роли А. С. Пушкина в формировании литературно-критической программы «Московского вестника» // *Художественное творчество и литературный процесс.* Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. Вып. 6. С. 3—22.

Статья посвящена влиянию Пушкина на литературную позицию «Московского вестника». По мнению В. Д. Морозова, размышления поэта об историческом развитии литературы, ее связи с народной поэзией, влиянии и подражательности закономерно вели к творческому приобщению немецкой эстетике. Ориентируясь на наследие ее ведущих представителей, Пушкин сформулировал новые принципы русской критики: знакомство с опытом мировой литературы, расширение теоретического инструментария, требование системности и «правил». Эти идеи, как полагает исследователь, стали одним из источников критической программы «Московского вестника».

Морозов В. Д. «Московский вестник» и его роль в развитии русской критики. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1990. 265 с. Из содерж.: С. 18—38: Гл. 1. А. С. Пушкин и «Московский вестник».

В первой главе работы исследуются взаимоотношения Пушкина с кругом авторов «Московского вестника». По мнению В. Д. Морозова, решение ключевых литературно-эстетических проблем эпохи (народность, «истинный романтизм», специфика литературных «родов» и др.) писатель связывал с развитием критики. Важнейшим фактором ее эволюции Пушкин считал обогащение научного, теоретического и эстетического инструментария. Это требование во многом воплотил «Московский вестник», сотрудники которого, как полагает Морозов, сознательно учитывали суждения поэта. Под его влиянием «любомудры» создали собственную систему литературно-критических представлений и смогли дать обоснованные оценки многим явлениям литературы, в том числе и творчеству самого Пушкина.

Морозов П. О. Из истории русской литературной критики // Образование. 1897. № 2. С. 31, 41, 43—44; № 10. С. 80, 81, 86, 91, 94.

Характеризуя роль Пушкина в истории русской критики, П. О. Морозов отмечает, что поэт обратил внимание на малозамеченное и не востребованное эпохой качество Буало — его строгость в отношении литературных «бездарностей». По мнению исследователя, с появлением Пушкина практически разрешилась полемика о старом и новом слоге: с 1820-х годов вопросы стиля в критике уступают место анализу, основанному на теоретико-эстетических принципах. Одновременно с этим произведения поэта (в особенности «Руслан и Людмила») оказались в центре споров о классицизме и романтизме. Морозов отмечает, что Пушкин одобрял деятельность «Московского вестника». Ученый также говорит о восприятии пушкинского творчества А. Ф. Мерзляковым, который осуждал новую романтическую поэзию, но при этом восторгался «Кавказским пленником».

Мышковская Л. Пушкин о литературе // Рост. 1933. № 19. С. 17—21.

Научно-популярная статья Л. М. Мышковской посвящена эстетическим воззрениям Пушкина. По мнению исследователя, представления поэта о самоценности искусства и особом статусе художника связаны с шеллингианскими идеями. Между поэзией и прозой Пушкин проводил четкую границу: если первая воспринималась им как «язык богов», то вторая требовала точности и лаконизма. От драмы писатель требовал «народности», свободного слога, жизненности характеров и картин; этим запросам в наибольшей степени удовлетворяло творчество Шекспира. Стилистические принципы, которыми руководствовался поэт, предполагали отказ от орнаментальности в пользу ясности и простоты народного языка.

Мясоедова Н. Е. Болдинские полемические заметки 1830 года и пушкинский замысел автобиографии // Болдинские чтения. Горький, 1984. С. 121—132.

Статья посвящена двум циклам пушкинских полемических заметок — «Опыту отражения некоторых нелитературных обвинений» и «<Опровержению на критики>». Анализируя обстоятельства создания этих текстов, Н. Е. Мясоедова предпринимает попытку реконструировать авторский замысел. По мнению исследователя, борьба, которую Пушкин вел с «Северной пчелой» в 1830 году, поставила перед поэтом вопросы о смысле и ценности собственного происхождения, о значении своего поэтического творчества и об итогах полемики вокруг «литературной аристократии». На основании этого тезиса исследователь утверждает, что замысел «<Опровержения на критики>» распался в ходе работы на три самостоятельные части — родословную, литературную биографию и «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений».

Нарышкина Н. А. Художественная критика пушкинской поры. Л.: Худож. РСФСР, 1987. 85 с.

В монографии исследуется русская критика изобразительных искусств. В первой главе на материале статей А. И. Тургенева, К. Н. Батюшкова, В. А. Жуковского, Д. В. Веневитинова, В. Ф. Одоевского, А. И. Галича и др. описывается ее зарождение — переход от «суждений вкуса» к поиску «законов развития искусства». Вторая глава охватывает период от декабристов до А. И. Герцена, характеризующийся выступлениями А. А. Марлинского и Н. В. Гоголя, появлением работ справочного характера, «Художественной газеты» Н. В. Кукольника и А. Н. Струговщикова. В этом разделе также освещается отношение Пушкина к живописи и его влияние на развитие художественной критики. В последней главе с искусствоведческих позиций рассматривается становление демократической эстетики 1840-х годов.

Оксман Ю. Г. Полемические заметки Пушкина: 1. Неизвестные строки о Надеждине. 2. Заметка о Булгарине. 3. «Наперсник Невского проспекта» // Звезда. 1930. Кн. 7. С. 222—224.

В статье приводится ряд новых материалов, дополняющих биографию Пушкина. Ю. Г. Оксман публикует фрагмент из «<Романа в письмах>» и уточненный текст заметки «Многие недовольны нашей журнальной критикою...». Их он называет продолжением пушкинской полемики с Н. И. Надеждиным, отразившейся в эпиграммах поэта. Набросок рецензии на «Записки Чухина» Ф. В. Булгарина исследователь печатает с вариантами. Оксман также приводит запись из черновых бумаг Пушкина («Н. избирает себе в наперсники Н[евский] Проспект...»), высказывая предположения о ее содержании.

Оксман Ю. Г. Пушкин — литературный критик и публицист // Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. М.: Гослитиздат, 1962. Т. 6. С. 441—469.

В статье дается обзорная характеристика критико-публицистической деятельности Пушкина. Исследователь пишет об эволюции его эстетических взглядов, об отношении к разным литературным направлениям и школам, об оценках писателей-современников и предшественников, о круге критической эрудиции и издательских проектах и мн. др. Наследие поэта, по мнению Ю. Г. Оксмана, явилось высшим достижением русской литературно-критической мысли первых десятилетий XIX столетия. Заложив основы «реалистической поэтики и эстетики», Пушкин подготовил почву для публицистических и критических трудов Белинского и Герцена.

Павлова О. А. Несостоявшаяся газета А. С. Пушкина «Дневник»: Опыт системного анализа концепции издания // Пушкинские чтения — 2018. Художественные стратегии классической и новой словесности: Жанр, автор, текст: Материалы XXIII междунар. науч. конф., СПб., 06—07 июня 2018 г. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2018. С. 19—33.

В статье несостоявшаяся газета Пушкина «Дневник» трактуется как проект официального издания государственной власти, продолжающего традиции просветительской идеологии. Значительное место О. А. Павлова уделяет критическому разбору работ, посвященных журналистской деятельности поэта. По мнению автора, во многих из них поднимается сам предмет исследования: пушкинская публицистика рассматривается исключительно как художественный феномен, а не как «орудие действия на общественное мнение». Причину этого исследователь видит в стремлении изъять «нетленное творчество гения» из контекста сиюминутных забот печати. Споря с таким подходом, Павлова замечает, что журналистика имела самоценное значение для Пушкина, а потому его публицистическое наследие требует соответствующего ракурса изучения.

Палиевский П. В. Пушкин-критик: Докл. на 5-й конф. Корейского общества славяноведения: Симпозиум на тему «Пушкин». Сеул, 6. 12. 90 г. Сеул, 1990. 13 с.

Доклад посвящен некоторым особенностям пушкинской критики. Палиевский говорит о лаконичных высказываниях поэта, предвосхитивших, по мнению исследователя, целые направления в русской и европейской мысли. Так, суждение Пушкина об американской демократии («Джон Теннер») предугадало работу М. Вебера о капиталистической этике. Другой характерной чертой пушкинского мышления названо умение объединять противоположности, усматривая в них аспекты единой истины. Примером такого объединения названа статья «Александр Радищев». Значительное внимание Палиевский уделяет литературным отношениям Пушкина и Белинского: рассматривает отзыв поэта о критике, называя его «пророческим», говорит

о планах привлечь Белинского к сотрудничеству в журнале «Современник» и т. д. В конце доклада дается характеристика пушкинских критических оценок и его взгляда на критику в целом.

Первалова Е. В. Пушкин — журналист, издатель, редактор // Вестник Моск. гос. гуманитар. ун-та им. М. А. Шолохова. Филол. науки. 2010. № 4. С. 35—45.

В статье исследуется влияние Пушкина на профессионализацию журналистики. Е. В. Первалова утверждает, что в пушкинскую эпоху словесность использовалась как способ воздействия на общественное мнение. По мнению автора, в творчестве Пушкина социально-политическое значение имеют «История Пугачевского бунта» («образец журналистского расследования»), путевые очерки, наделенные многими публицистическими чертами, фельетоны, в которых поэт использовал приемы политической сатиры. Рассматривая редакторскую и издательскую работу Пушкина, исследовательница подчеркивает его внимание к важнейшим общественным вопросам и новаторские принципы организации журнального материала.

Петров С. М. Литературно-эстетические взгляды А. С. Пушкина // А. С. Пушкин о литературе: Избранное / Подбор текстов, вступ. ст. и примеч. С. М. Петрова. М.: Дет. лит., 1977. С. 3—16. То же, 2-е изд. М., 1988.

Статья является предисловием к сборнику отрывков из художественных, критических и эпистолярных текстов Пушкина, предназначенному для школьников старших классов. С. М. Петров кратко прослеживает эволюцию эстетических взглядов поэта, подчеркивая критическую переоценку ведущих направлений — классицизма и романтизма. По мнению автора, оригинальные представления Пушкина о литературе воплотились в реалистических тенденциях его зрелого творчества (создании драмы нового типа, развитии прозаических жанров и др.). Народность, объективное изображение действительности, исследование характеров в их связи с исторической средой, строгость и простота слога — такие качества, по мысли Петрова, поэт считал важнейшими для развития русской литературы.

Петрунина Н. Н., Фридлендер Г. М. Пушкин и Гоголь в 1831—1836 годах // Пушкин: Исследования и материалы Л.: Наука, 1969. Т. 6. С. 197—228.

Статья посвящена творческим взаимоотношениям Пушкина и Гоголя. Исследователи анализируют конкретно-биографические обстоятельства их общения, литературные оценки друг друга, сотрудничество младшего автора в «Современнике» и т. д. Отмечая сходство и историческую преемственность позиций Пушкина и Гоголя в литературной борьбе за «развитие принципов реалистического искусства»,

Н. Н. Петрунина и Г. М. Фридендер обращают внимание на типологическое своеобразие художественной системы каждого из писателей.

Пиксанов Н. К. Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневник» (1831—1832) // Пушкин и его современники. Пб., 1907. Вып. 5. С. 82—109.

В статье исследуется история задуманной Пушкиным газеты «Дневник». На материале писем и архивных документов Н. К. Пиксанов описывает истоки пушкинского замысла, связанные с литературной монополией «Северной пчелы», подробно рассматривает отношения Пушкина с властью, его общение с Н. И. Тарасенко-Отрешковым и Н. И. Гречем в годы подготовки газеты. Анализируя причины неуспеха пушкинского предприятия, исследователь говорит об отсутствии издательского опыта и финансовых затруднениях, однако главным препятствием считает противодействие правительства. Несмотря на все компромиссы Пушкина, для власти он оставался недостаточно «надежным» для издания «политической и литературной» газеты.

Пирожкова Т. Ф. А. С. Пушкин и Н. В. Гоголь в журнале Пушкина «Современник» // Вестник МГУ. Сер. 11: Журналистика. 1974. № 3. С. 25—31.

Статья посвящена журнальным отношениям Пушкина и Гоголя. Разбирая статью Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году», опубликованную в первом томе «Современника», Т. Ф. Пирожкова обращает внимание на резкие характеристики, данные в ней современным печатным органам. По мнению исследователя, Пушкин был солидарен с автором в оценке уровня журналистики 1830-х годов, но не принимал столь бескомпромиссной формы выражения мыслей. По этой причине поэт отказался от участия Гоголя во втором томе и старался опровергнуть мнение о его статье как программной для журнала. Несмотря на сложности при издании первой книги «Современника», Гоголь сохранил восторженное отношение к Пушкину и высоко ценил его журналистскую деятельность.

Питолина Н. В. Пушкинский «Современник» и «Московский наблюдатель» (1835—1837) // Проблемы современного пушкиноведения: Межвуз. сб. науч. тр. Л.: ЛГПИ, 1981. С. 46—57.

Обращаясь к вопросу об отношениях «Современника» и «Московского наблюдателя», Н. В. Питолина рассматривает предысторию журналов — творческие и идейные связи Пушкина с любомудрами. По мнению исследователя, еще до появления названных изданий обозначилась общая для их участников тенденция — полемика с «торговым направлением», защита «литературной аристократии». Сопоставляя публикации «Московского наблюдателя» и «Современника»,

Питолина отмечает их тематические переключки, а также сходство в принципах критики и оценках литературных произведений. Все это, по мысли исследователя, позволяет говорить о близости двух журналов.

Плеханов Г. В. Судьбы русской критики. Литературные взгляды Белинского // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: В 5 т. М.: Изд-во соц.-экономич. лит-ры, 1958. Т. 5. С. 191—237; впервые: Новое слово. 1897. № 1. С. 24 (второй паг.); № 2. С. 1—5, 9—15, 19—23 (второй паг.); подп.: Н. Каменский.

В статье с позиций марксистской социологии рассматривается эволюция эстетических воззрений В. Г. Белинского. Преодолев этап «примирения с действительностью», критик негативно оценил стихотворения «Поэт и толпа» («Чернь») и «Поэт», в которых видел апологию «чистого искусства». Г. В. Плеханов старается показать, что такое прочтение текстов не учитывало исторических обстоятельств. Отставив автономность искусства, Пушкин не отрицал значения общественных преобразований, но старался защитить свободу художника в эпоху политической реакции. Занимая «отвлеченную» точку зрения, Белинский сыграл прогрессивную роль «родоначальника русских просветителей», но не понял исторического смысла целого ряда произведений Пушкина: поэм «Цыганы» и «Полтава», некоторых страниц «Евгения Онегина».

Полевой П. Н. История русской словесности с древнейших времен до наших дней. СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1900. Т. 3: Период Пушкина и Гоголя. 708 с. Из содерж.: С. 135—151: Гл. VII. Пушкин, как повествователь и беллетрист, как наблюдатель действительности и ценитель чужих произведений. Воззрения Пушкина на литературу прошлого века. Пушкин как представитель известной партии и как критик. Журнальная деятельность Пушкина.

Глава посвящена прозаическому наследию Пушкина, в котором П. Н. Полевой выделяет несколько разрядов: повести, письма, журнальные статьи, официальные бумаги и т. д. С точки зрения автора, разные типы текстов не одинаковы по своим достоинствам, и эти различия он объясняет в психобиографическом ключе. Художественную прозу он ставит ниже поэзии, в числе немногих исключений называя «Историю села Горюхина». Пушкинские эпистолярные тексты Полевой оценивает восторженно, называя их «легкими, игривыми и живыми». Разбирая отзывы Пушкина о предшественниках (Ломоносове, Державине) и современниках (Жуковском, Грибоедове), исследователь обнаруживает в них точность и смелость, иногда даже резкость оценок. По мнению Полевого, импульсивный и переменчивый в суждениях поэт мечтал об «истинной критике», но не имел ясного представления о том, в чем она должна заключаться.

Полонский Я. Б. Пушкин-читатель // Центральный Пушкинский комитет в Париже (1935—1937) / Сост., предисл. М. Д. Филина. М.: Эллис Лак, 2000. [Т. 2]. С. 244—255. (История. Люди. Тексты).

Статья посвящена Пушкину как читателю: его кругу чтения, отзывам о книгах, заметкам на полях. В первой части статьи Я. Б. Полонский повествует об истории библиотеки писателя до момента ее передачи в Пушкинский Дом. В ходе дальнейшего изложения исследователь пишет о маргиналиях Пушкина, о вкладных листках, содержащих полемику с текстом книги, о влиянии прочитанного на произведения поэта. Отдельное внимание Полонский уделяет пометам в пушкинском экземпляре «Опытов...» К. Н. Батюшкова.

Полоцкая Э. А. О назначении искусства: (Пушкин и Чехов) // Чеховиана: Статьи, публикации, эссе. М.: Наука, 1990. С. 40—53.

В статье сопоставляются воззрения Пушкина и Чехова на предназначение искусства. Рассматривая писателей как крайние звенья в истории русской классической литературы XIX века, Э. А. Полоцкая учитывает разницу в исторической обстановке, однако находит ряд сходных черт в их взглядах. Анализу подвергаются суждения о свободе художника, о предмете искусства, о его нравственном смысле, о принципе эстетической объективности и т. д. По мнению исследователя, Чехов наследует Пушкину: оба автора полагают, что художественная литература призвана ставить важнейшие экзистенциальные вопросы, а не давать на них готовые ответы. С таким представлением о задачах искусства, оказывающего на человека эстетическое, а не дидактическое воздействие, связана чеховская поэтика «открытых финалов», восходящая к роману Пушкина «Евгений Онегин».

Постникова Е. Г. Пушкин — поэт и журналист. Магнитогорск: Магнитогор. гос. техн. ун-т им. Г. И. Носова, 2015. 100 с.

Учебное пособие включает в себя материалы общего курса, посвященного творчеству Пушкина и его роли в русской культуре. Основное внимание Е. Г. Постникова уделяет литературным шедеврам писателя, среди которых анализу подвергаются «Кавказский пленник», «Евгений Онегин», «Пиковая дама» и мн. др. Характеристика публицистической, издательской и литературно-критической деятельности поэта дана в разделах, описывающих содержание первых двух лекций: «А. С. Пушкин — журналист и редактор» и «А. С. Пушкин — критик». В пособии также предложены экзаменационные вопросы, программа семинарских занятий, списки литературы, глоссарий и методические указания.

Пыпин А. Н. Исторические очерки: Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. СПб., 1873. 514 с.;

о Пушкине: с. 54—60; впервые: Вестник Европы. 1871. № 5. С. 285—291.

В указанном фрагменте обзора дается оценка пушкинской критики 1830-х годов. Представляя писателя последователем традиций «Арзамаса», А. Н. Пыпин утверждает, что в своих литературных суждениях Пушкин не высказывал ничего оригинального и лишь повторил общие положения «карамзинистов». Принадлежностью к «старой школе» автор объясняет и несправедливое, с его точки зрения, отношение поэта к «действительной критике» Полевого и Надеждина. Отмечая, что художественная чуткость Пушкина все же не позволяла ему ограничиться одной «романтической теорией», Пыпин критикует писателей его круга — за безразличие к общественной жизни и за низкое качество посмертного издания сочинений поэта.

Решидова Н. К. А. С. Пушкин и эстетическая позиция журнала «Московский вестник» // Вопросы романтизма / Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1974. С. 25—56.

Задача исследования состоит в том, чтобы указать точки соприкосновения в эстетических воззрениях Пушкина и «любомудров». На материале критических высказываний поэта и участников «Московского вестника» Н. К. Решидова рассматривает их оценки русских и европейских авторов, суждения о народности и самоценности искусства, о художественном правдоподобии и природе прекрасного. По мнению исследователя, идеи немецких романтиков (Шеллинга, братьев Шлегелей и др.) и их русских последователей подверглись трансформации в творчестве Пушкина — и сыграли значительную роль в становлении его «реалистической» художественной системы.

Розанов И. Н. Пушкин — рецензент поэтов: [Отрывки из книги] / Публ. и предисл. Е. И. Осетрова // Волга. 1974. № 6. С. 124—138.

Текст представляет собой отрывки из работы И. Н. Розанова, посвященной Пушкину и Некрасову (1939—1940 годы). Эти фрагменты содержат размышления об эстетических взглядах и критической прозе поэта, о соотношении его критической и поэтической деятельности. Отдельное внимание исследователь уделяет наброскам статей о Баратынском, рецензии на «Сочинения и переводы Павла Катенина», отзыву на «Фракийские элегии» В. Теплякова. Текст завершается рядом выводов. Так, например, Розанов указывает на сходство убеждений, высказанных Пушкиным в критике и в поэзии, на полемичность его рецензий, оспаривающих несправедливые литературные репутации, на беспристрастность рецензий поэта.

Романова А. Н. Журнал «Современник» как художественное целое: Редакторская работа А. С. Пушкина и опыт «Вестника Европы» Н. М. Карамзина // Русская литература XIX—XX веков

в современном мире / Костром. гос. ун-т им. Н. А. Некрасова. Кострома, 2009. С. 14—19.

Пушкинский «Современник» в статье рассматривается как авторское издание, обладающее идейно-эстетической целостностью. В этом отношении журналу предшествует «Вестник Европы» Н. М. Карамзина. А. Н. Романова сопоставляет два печатных органа: в числе сходств она называет, например, значительную роль издателей и просветительскую установку. Различия исследователь находит в редакторских принципах двух писателей, обуславливающих большое жанровое и стилистическое разнообразие «Современника». Не обладая непротиворечивым идейным единством «Вестника Европы», журнал Пушкина достигал более сложной целостности за счет внутренних переключек, смыслового «резонанса» между разными материалами.

Рыскин Е. И. О статье Н. В. Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» // Русская литература. 1965. № 1. С. 134—144.

Рассматривая различия между черновой и журнальной редакциями статьи Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году», Е. И. Рыскин спорит с точкой зрения, согласно которой внесенные при публикации изменения были связаны с наличием в первоначальном тексте «игривых выражений». По мнению исследователя, эти правки были вызваны разными причинами, среди которых центральной он называет влияние Пушкина. Описывая историю написания и напечатания статьи в полемическом контексте эпохи, автор высказывает гипотезу о том, что решение опубликовать текст анонимно было принято самим Гоголем.

Рыскин Е. И. Журнал А. С. Пушкина «Современник», 1836—1837: Указ. содержания. М.: Книга, 1967. 93 с. См. комментарии (с. 27—81) к критическим статьям Пушкина по указ., с. 86—88.

Общие комментарии к каждому из томов «Современника» содержат данные об их тиражах, датах публикации и / или цензурных разрешений, а комментарий к пятому тому — также информацию об авторах, участвовавших в его подготовке (П. А. Плетнев, В. А. Жуковский и пр.). Примечания к напечатанным в журнале произведениям Пушкина включают всевозможные историко-литературные сведения: об истории атрибуции текстов, предшествующих публикациях, цензурных купюрах, биографическом, критико-полемическом, общественно-политическом контексте и мн. др. Е. И. Рыскин опирается на обширную научную литературу, цитируя в своих комментариях П. Н. Сакулина, С. А. Венгерова, Б. В. Томашевского и других исследователей.

Сазонова С. С. Пушкин о современной прозе и ее задачах. Рига: Изд-во Латв. ун-та, 1976. 28 с.

В статье анализируются эстетические суждения поэта о прозе и называется его главным критерием требование точности и лаконизма. Исследователь рассматривает отношение Пушкина к произведениям Н. М. Карамзина и А. А. Бестужева-Марлинского, выявляя принципы, лежавшие в основе его оценок. Сазонова также размышляет о причинах, которые побудили поэта обратиться к прозе. По мнению автора, Пушкин чувствовал необходимость указать путь «реалистического» развития русской литературы, что было осуществлено им в «Повестях Белкина».

Сакулин П. Н. Взгляд Пушкина на современную ему французскую литературу // Пушкин А. С. [Сочинения]: [В 6 т.] СПб.: Изд. Брокгауз—Ефрон, 1911. Т. 5. С. 372—388 (Б-ка великих писателей / Под ред. С. А. Венгерова).

Статья посвящена воззрениям Пушкина на французскую литературу первой трети XIX века. Восстанавливая публицистический контекст эпохи, П. Н. Сакулин показывает, что общим местом в высказываниях русских критиков было осуждение «безнравственности» французского романтизма, которая рассматривалась как порождение революционного духа. Пушкинские же оценки Шатобриана, мадам де Сталь, Беранже, Ламартина, Гюго, Сент-Бёва, Альфреда де Мюссе и мн. др. авторов, подробно описанные исследователем, основывались на эстетическом, а не на моральном или политическом критерии — хотя и включали в себя соображения этического, исторического и социокультурного характера. Итогом развития взглядов Пушкина на современную ему французскую литературу стала позиция, высказанная в статье «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности...».

Сахаров В. И. Еще о Пушкине и Одоевском // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1979. Т. 9. С. 224—230.

В статье освещаются некоторые вопросы литературных взаимоотношений Пушкина и В. Ф. Одоевского. В. И. Сахаров описывает участие Одоевского в «Современнике» и его труды по изучению и посмертной публикации пушкинских рукописей. В процессе этой работы писатель познакомился с неоконченным историческим романом «Арап Петра Великого», который оказал тематическое, сюжетное и мотивное влияние на его повесть «Саламандра».

Сергиевский И. Пушкин-журналист // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л.: Гос. изд-во, 1931. Т. 5. С. 16—28. (Приложение к журналу «Красная нива» на 1930 год).

В статье журналистская деятельность Пушкина рассмотрена в контексте социологии чтения и издательской практики первых десятилетий XIX века. И. В. Сергиевский характеризует динамику литературных отношений поэта с главными печатными органами («Московским

наблюдателем», «Московским вестником», «Северной пчелой», «Библиотекой для чтения») и описывает причины, побудившие его к организации собственных изданий: «Литературной газеты», несостоявшегося проекта «Дневника», журнала «Современник». По мнению исследователя, формирование массовой читательской аудитории и развитие «торгового направления» сделали исторически неизбежным поражение «литературной аристократии» в журнальной борьбе.

Сергиевский И. Пушкин-журналист // В помощь фабрично-заводской газете. 1937. № 3. С. 45—49.

В статье дается общая характеристика журналистской деятельности Пушкина. По мнению И. В. Сергиевского, склонность поэта к журнальной работе была связана с его просветительскими установками. Учитывая запрос современной аудитории, Пушкин мечтал об издании, соединяющем занимательность с независимостью литературных и политических мнений. Исследователь описывает участие писателя в «Московском вестнике», «Литературной газете», замысел газеты «Дневник». Говоря о «Современнике», Сергиевский делает акцент на разногласиях между Пушкиным и его литературным кругом. Намерение привлечь Белинского к участию в журнале исследователь расценивает как стремление поэта сблизиться с «новым революционным поколением».

Сергиевский И. В. Пушкин и Белинский // Сергиевский И. В. Избранные работы: Статьи о русской литературе. М.: Гослитиздат, 1961. С. 215—330.

В указанной главе исследования выясняются обстоятельства, связанные с несостоявшейся встречей Пушкина и Белинского в 1836 году. И. В. Сергиевский описывает причины интереса поэта к молодому критику, подробно освещая сходство их литературно-теоретических воззрений (в вопросах «реалистической» эстетики и народности, в оценках писателей-предшественников и современных авторов и др.). По мнению исследователя, у Пушкина были все основания видеть в Белинском союзника в литературной борьбе 1830-х годов, а также человека, способного реализовать обновленную программу «Современника». Предполагаемая встреча поэта и критика расстроилась из-за противоречий внутри редакции: их исследователь трактует как «антипушкинский заговор», участниками которого были В. Ф. Одовский и А. А. Краевский.

Сергиевский И. В. Эстетические взгляды Пушкина // Сергиевский И. В. Избранные работы: Статьи о русской литературе. М.: Гослитиздат, 1961. С. 15—39; впервые: Литературный критик. 1935. № 4. С. 30—48.

Характеризуя литературно-теоретические суждения Пушкина, И. В. Сергиевский предлагает интерпретации двух ключевых поло-

жений его эстетики — «истинного романтизма» и самоценности искусства. По мнению исследователя, провозглашая независимость художественного творчества, поэт спорил с классицистической эстетикой (дидактизмом, «тенденциозностью», строго регламентированным каноном и т. д.) и декларировал профессиональный характер литературной деятельности. В «истинном романтизме» Пушкина Сергиевский находит признаки становления реалистического искусства, к числу которых он относит требование «простоты» (слога, предмета изображения, повествовательной формы) и пушкинскую «теорию» драмы.

Сидяков Л. С. Статьи Пушкина в «Литературной газете» и формирование позиции газеты в общественно-литературной борьбе рубежа 1830-х годов // Болдинские чтения. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1983. С. 91—102.

В исследовании рассматривается роль пушкинских статей в формировании позиции «Литературной газеты». По мнению Л. С. Сидякова, заметка поэта «О журнальной критике» стала программным заявлением, определившим редакционную политику издания. Провозгласив новые принципы литературно-критической борьбы (оценка литературных произведений без перехода на личности, отклики на непопулярные произведения и т. д.), Пушкин выступил против полемической стратегии «Северной пчелы». Последующие публикации поэта (рецензии на «Юрия Милославского» М. Н. Загоскина, на альманахах «Денница» и др.) определили темы и приемы, получившие развитие в полемике других авторов с изданием Ф. В. Булгарина.

Соколов А. Н. Пушкин — критик и публицист // История русской литературы XIX века. 2-е изд., испр. М.: Изд-во МГУ, 1965. Т. 1. С. 620—622.

Раздел учебника содержит общую характеристику критико-публицистической деятельности Пушкина. А. Н. Соколов отмечает особенности метода и стиля пушкинской критики, ее роль в истории русской культуры; дает краткий очерк исторических трудов писателя, его работы над «Литературной газетой», проектом «Дневника», «Современником». Особое внимание ученый уделяет публицистическим высказываниям Пушкина, в которых содержится критика капиталистического общества («Путешествие из Петербурга в Москву», «Джон Теннер»). Поэт рассматривается Соколовым как «великий гуманист», в своих текстах подающий голос советской современности исследователя.

Станько А. И. Пушкин — журналист и редактор. Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1973. 89 с. См. с. 51—71.

В четвертой главе исследования, посвященной «Современнику», рассматривается редакторская работа Пушкина-издателя. А. И. Стань-

ко анализирует отбор публикуемых материалов, утверждая, что ввиду идейных расхождений с писателями своего круга Пушкин нередко предпочитал их текстам произведения менее известных авторов. Поэт внимательно изучал поступавшие рукописи, давал советы авторам, сопровождал многие публикации своими примечаниями. Анализируя расположение материалов в журнале, исследователь устанавливает их тематические переключки, формирующие композицию всего издания. По мнению Станько, важнейшие темы «Современника» (Отечественная война 1812 года, национальный вопрос и др.) послужили основой для его последующего развития под редакцией Некрасова и Белинского.

Станько А. И. А. С. Пушкин — журналист, его размышления и разборы. Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1999. 134 с.: факс.

В книге исследуется журналистская деятельность Пушкина. В первой главе проанализированы воззрения поэта на специфику журнальной прозы и его отношение к различным изданиям. Вторая глава посвящена разбору пушкинской публицистики 1820-х — середины 1830-х годов, в том числе публикаций в «Литературной газете» и «Телескопе», и не напечатанным при жизни поэта материалам. По мнению А. И. Станько, писатель сумел представить «краткую критическую историю отечественной и мировой литературы» и разработал оригинальные приемы полемики («воображаемый разговор», «теневой портрет» и др.). В третьей главе, посвященной «Современнику», рассматриваются редакторские принципы Пушкина, его незавершенные заметки, отдельные публикации журнала. В заключении обозначается роль поэта в развитии русской журналистики.

Стенник Ю. В. Пушкин и русская литература XVIII века. СПб.: Наука, 1995.

Книга посвящена роли художественной словесности XVIII века в поэтической эволюции Пушкина. В большинстве разделов исследования рассматривается один из этапов жизни писателя (Лицей, годы ссылки и т. д.); исключение составляют главы, отведенные роману «Евгений Онегин» и фигуре А. Н. Радищева. Для каждого из периодов Ю. В. Стенник выделяет ключевые произведения или эстетические вопросы, связанные с литературой XVIII века, описывает историко-культурный контекст, побудивший Пушкина обратиться к наследию этой эпохи. Так, говоря о «петербургском периоде» (1817—1820), автор сосредоточивает внимание на оде «Вольность», стихотворении «Деревня» и поэме «Руслан и Людмила», а, например, применительно ко времени ссылки анализирует полемику о жанре оды. Результатом исследования является своего рода творческая биография Пушкина, написанная с точки зрения его взаимоотношений с литературой XVIII века.

Степанов Н. Л. Блестящий полемист // Большеви́стская печать. 1937. № 2—3. С. 56—62.

В статье исследуются приемы полемики в критико-публицистических статьях Пушкина. По мнению Н. Л. Степанова, поэт считал литературные и политические споры обязательным атрибутом журналистики. Не имея возможности прямо высказывать свои мнения в условиях цензуры, Пушкин разработал оригинальные методы полемики (пародирование оппонента, политические намеки и др.), использовал многие нетрадиционные формы критики (фельетонные сцены, диалоги, портреты-пародии и т. д.). Воплощение этих стратегий исследователь рассматривает на примере статей, направленных против Ф. В. Булгарина («Торжество дружбы, или оправданный Александр Анфимович Орлов», «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем»), Н. И. Греча, М. Т. Каченовского.

Степанов Н. Л. «Литературная газета» // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л.: Изд-во ЛГУ им. А. А. Жданова, 1950. Т. 1. С. 383—401: Гл. 16. Разделы: 1. Организация и история «Литературной газеты». 2. Полемика «Литературной газеты». 3. Литературно-эстетическая позиция «Литературной газеты». 4. Оценка русской и западноевропейской литературы.

Рассматриваются обстоятельства создания «Литературной газеты», ее программа и состав сотрудников, полемика с другими печатными органами («Северной пчелой», «Вестником Европы», «Московским телеграфом»). На материале публикаций анализируется позиция издания по основным литературным вопросам эпохи (отношение к романтизму, проблема народности и др.), его оценки русской и западноевропейской словесности. Особое внимание Н. Л. Степанов уделяет участию Пушкина в качестве автора и редактора, отмечая его стремление превратить «Литературную газету» в общественно-политическое издание.

Степанов Н. Л. «Современник» // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л.: Изд-во ЛГУ им. А. А. Жданова, 1950. Т. 1. С. 402—414: Гл. 17. Разделы: 1. Организация и характер журнала. 2. Направление журнала. 3. Статья Гоголя «О движении журнальной литературы». 4. Критика «Современника». 5. Художественный материал «Современника».

Дается общая характеристика «Современника»; описывается история журнала: причины его возникновения, цензурные затруднения, пушкинские планы реорганизации издания, его судьба после смерти поэта. Анализируется редакционная политика «Современника», отличительной особенностью которой Н. Л. Степанов считает сочетание литературной направленности со стремлением освещать политические темы. На основе ряда публикаций (статей и рецензий Пушкина, Го-

голя, В. Ф. Одоевского, а также художественных текстов) исследуется литературная и критическая позиция журнала.

Степанов Н. А. Пушкин-критик // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л.: Изд-во ЛГУ им. А. А. Жданова, 1950. Т. 1. С. 415—433: Гл. 18. Раздел: 1. Задачи критики в понимании Пушкина. 2. Пушкин и классицизм. 3. Пушкин и романтизм. 4. Проблема народности в эстетической теории Пушкина. 5. Пушкин о русской литературе. 6. Полемика Пушкина.

XVIII глава работы посвящена литературно-критической деятельности Пушкина. По мнению Н. А. Степанова, в ходе полемики с классицизмом и романтизмом поэт сформулировал принципы реалистического искусства — и первым обозначил общественные задачи критики. Эстетические взгляды Пушкина нашли воплощение в характерных чертах его публицистики: внимании к проблемам народности, исторической оценке явлений словесности, точности мысли, ясности языка и т. д. Особое внимание исследователь уделяет пушкинским оценкам современных произведений, а также его методам ведения литературной полемики (с Ф. В. Булгариным, М. Т. Каченовским и др.).

Столянский П. Н. Пушкин и «Северная пчела» // Пушкин и его современники. Пг., 1915. Вып. 19—20. С. 179—190.

Исследование посвящено отношениям Пушкина с авторами круга «Северной пчелы». В указанном фрагменте П. Н. Столянский стремится доказать, что статья, с которой газета выступила в защиту «Современника», принадлежит поэту. Автор находит прямое указание на это в словах Ф. В. Булгарина — и проводит ряд косвенных аргументов, рассматривая жизненные обстоятельства Пушкина, его переписку, авторский стиль публицистики и т. д. На основе этого предположения и анализа публикаций в издании исследователь старается опровергнуть традиционное мнение о борьбе Пушкина и «Северной пчелы», утверждая, что газета выступала в защиту поэта и способствовала его популяризации.

Сухомлинов М. И. Полемические статьи Пушкина // Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1889. Т. 2. С. 247—300; впервые: Исторический вестник. 1884. Т. 15. № 3. С. 463—505.

В статье рассматривается литературная борьба Пушкина с Ф. В. Булгариным и М. Т. Каченовским, описанная в свете их отношений с властью и цензурой. Большую часть объема работы составляют исторические документы, такие как прошение, поданное Каченовским в Московский цензурный комитет, или письма Булгарина, адресованные Л. В. Дубельту. Задача исследователя состоит в том, чтобы восстановить ближайший исторический контекст пушкинских полемических выступлений.

Тангелов П. И., Шахова Е. М. Особенности основных направлений журналистской деятельности А. С. Пушкина // Научный вестник Крыма. 2018. № 7 (18) С. 1—6.

В статье дается характеристика ключевых направлений журналистской деятельности Пушкина, среди которых П. И. Тангелов и Е. М. Шахова выделяют публицистику, полемику и литературную критику. Материалом исследования являются статьи поэта, его заметки, письма и прочие тексты. Важнейшими чертами пушкинской полемики названы сдержанность тона и точность в передаче мыслей оппонента, критики — следование принципам «эстетики реализма», то есть понимание литературы как «научной формы знания о человеке и мире», публицистики — невозможность прямого высказывания и разнообразие форм (это направление, по мнению авторов, прослеживается «в лирике, прозе, сатире, газетных и журнальных выступлениях»).

Тарланов Э. К. Русский литературный язык пушкинского периода: Становление критико-публицистического стиля / Всерос. гос. ун-т юстиции. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2017. 275 с.

Монография Э. К. Тарланова посвящена становлению критико-публицистического стиля в пушкинскую эпоху. Материалом исследования являются лингвистические данные, методом сплошной выборки полученные из четырехтомного издания «Пушкин в прижизненной критике». Автор анализирует лексические, морфологические, словообразовательные и другие особенности литературно-критических текстов, рассматривая их в историческом ракурсе — в отношении к языковой системе, стилистической норме и культурной интуиции эпохи.

Тихомиров В. В. А. С. Пушкин и становление метода русской литературной критики // Крымские Пушкинские чтения, 2-е: Материалы (Керчь, 22—26 сент. 1992 г.) / Симфероп. гос. ун-т и др. Симферополь, 1993. Ч. 1. С. 68—70.

В работе исследуются взгляды Пушкина на принципы критического анализа. Рассматривая высказывания поэта, В. В. Тихомиров утверждает, что Пушкин стремился выработать комплексный и универсальный метод критики, сочетающий эстетический и исторический подходы — изучение художественной структуры произведения с учетом его социокультурного контекста. Эти воззрения исследователь связывает с формированием реалистической эстетики поэта. По мнению Тихомирова, русская критика 1830-х годов, представленная «философским» (Д. В. Веневитинов, Н. И. Надеждин) и «историческим» (Н. И. Греч, П. А. Вяземский, А. В. Никитенко) направлениями, не достигла синтеза разных аналитических методов. Критическая «программа» Пушкина была развита Белинским, но так и не получила окончательной реализации.

Томашевский Б. В. Пушкин: Современные проблемы историко-литературного изучения. Л.: Образование, 1925. 134 с. См. с. 118—123.

Раздел, посвященный участию Пушкина в «Литературной газете», открывается списком из 16 его анонимных статей, достоверно атрибутируемых на основании автографов и прямых свидетельств современников. Б. В. Томашевский отмечает, что все эти тексты появились за время пребывания поэта в Петербурге (исключение составляет одна заметка о Видоке, первоначально предназначенная для «Московского вестника»). Далее исследователь подвергает рассмотрению и критическому анализу историю публикации приписываемых Пушкину статей «Литературной газеты» в изданиях П. В. Анненкова, Г. Н. Геннади, П. А. Ефремова и др., сосредоточивая внимание на новых атрибуциях и их обосновании. На с. 122—123 Томашевский разбирает более поздние атрибуционные гипотезы ученых (в том числе отраженные в собрании сочинений под редакцией С. А. Венгерова) и высказывает ряд собственных догадок.

Томашевский Б. В. Пушкин и французская литература // Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л.: Сов. писатель, 1960. С. 62—174; впервые: Литературное наследство. М., 1937. Т. 31—32. С. 1—76.

Статья посвящена месту французской литературы в творчестве Пушкина. В эволюции его отношения к этой традиции Б. В. Томашевский различает три основных этапа. В период ученичества (до 1820 года) Пушкин осваивает французский классицизм, который воспринимается им как литература образцов. Ориентация на писателей Франции (Расин, Мольер, Буало и др.) определяет важнейшие черты пушкинского художественного стиля. В «романтический» период (1820-е годы) поэт осуществляет пересмотр авторитетов, знакомится с произведениями Констан, Шатобриана, мадам де Сталь, Гюго и т. д. Обращаясь к другим европейским литературам, Пушкин продолжает учитывать классицистические образцы: например, Шекспира он сопоставляет с Мольером и Расином. Последний этап (с 1830 года) отмечен интересом поэта к романтической историографии (Гизо, Тьерри и т. д.), французской прессе, современной прозе (Бальзак, Стендаль, Ж. Санд и др.). Томашевский подробно описывает взгляд поэта на французских авторов XVII—XIX веков и освещает его критические оценки французской словесности.

Третьякова Е. Ю. О принципах периодизации журналистской деятельности А. С. Пушкина // Историческое развитие отечественной и зарубежной журналистики в контексте современности: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Ростов н/Д., 21—23 сент. 2006 г. Ростов н/Д., 2006. С. 185—188.

Обращаясь к вопросу о периодизации деятельности Пушкина-журналиста, Е. Ю. Третьякова спорит с представлением, согласно которому публицистическая работа поэта делится на этапы до и после 1830 года. По мнению исследователя, еще до появления «Литературной газеты» и «Современника» Пушкин выражал суждения о принципах журналистики, которые в значительной мере повлияли на формирование его «модели просвещенной печати». В рамках последней сформировались два проекта реформы периодики. Первый был связан с писателями пушкинского круга, «школой очистителей языка», другой — с «любомудрами», желавшими распространять философские идеи. Пушкин в своих изданиях объединил эти стратегии, вписав «познавательный компонент» в художественные и публицистические формы.

Третьякова Е. Ю. Истоки и особенности взглядов Пушкина на задачи журналистских полемик // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. 2009. № 2. С. 182—193.

Статья посвящена взглядам Пушкина на журнальную полемику. Е. Ю. Третьякова прослеживает их развитие и выделяет в нем три ключевых этапа: отказ от споров с М. Т. Каченовским (1818 — начало 1820-х годов), уход от сугубо теоретических полемик (1825—1829) — и создание собственной модели журнального общения (1830—1836). Характеризуя последнюю, исследователь утверждает, что она явилась синтезом положительных черт классицизма, сентиментализма и романтизма, основанном на естественном развитии языка и культуры. Истоки этой модели Третьякова усматривает в опыте Карамзина-историка, делая вывод о целостном карамзинско-пушкинском комплексе «просвещенных реформ русской печати».

Третьякова Е. Ю. Тактико-стратегические задачи просвещенных реформ печати и модель «журнала русского»: К 175-летию пушкинского «Современника» // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 4 (42). С. 115—119.

Статья посвящена роли Пушкина в «просвещенных реформах» русской печати. Исследователь описывает пушкинский замысел «журнала русского» и основные этапы его осуществления («Литературная газета», проект «Дневника», «Современник»). Целью издательской деятельности писателя, по мысли Е. Ю. Третьяковой, было создание печатного органа, который обеспечил бы органическое развитие национальной культуры. Воплощением этой идеи стал «Современник»: в нем Пушкин моделировал «тип мифотворчества», устойчиво передающий «из прошлого в будущее матрицу (структурную подоснову) эпического народного самосознания».

Тюнькин К. И. Критико-публицистическая проза // Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л.: Наука, 1966. С. 486—501.

В указанной главе рассматривается история изучения критико-публицистической прозы Пушкина и предлагается обзор трудов, посвященных этой теме. Давая оценку дореволюционному этапу, К. И. Тюнькин отмечает господство «догматических» представлений о Пушкине как приверженце «чистого искусства» и стороннике самодержавия. Подлинно научное изучение темы исследователь связывает с достижениями советской пушкинистики: критические и литературно-теоретические тексты поэта были рассмотрены в связи с эволюцией его эстетических воззрений и с учетом исторического контекста. В конце работы автор намечает пути дальнейшего изучения вопроса: обобщение результатов конкретных разысканий, решение вопроса об усвоении Пушкиным европейской эстетической мысли XVIII—XIX веков и т. д.

Урбан А. Критика — работа // Звезда. 1976. № 3. С. 193—201; о Пушкине: с. 195—196.

В указанном фрагменте статьи дается краткая характеристика критики Пушкина. Обращаясь к заметке «О критике», А. А. Урбан отмечает то значение, которое поэт придавал критической деятельности (состояние критики — «свидетельство развития литературы»), и его требования к работе критика («любовь к искусству», изучение внутренних законов произведения, беспристрастность и т. д.). Автор также рассматривает критические тексты Пушкина (рецензии на «Карелию...» Ф. Н. Глинки, на «Фракийские элегии» В. Г. Теплякова), подчеркивая точность формулировок и краткость изложения, способность поэта справедливо судить как о достоинствах, так и о недостатках произведений.

Филиппова Н. Ф. Пушкин и Толстой о критериях истинной поэзии // Яснополянский сборник. 1978: Статьи, материалы, публикации. Тула: Приок. кн. изд-во, 1978. С. 128—148. См. с. 138—146: критические статьи Пушкина.

В указанном фрагменте работы критические статьи и заметки Пушкина рассматриваются в свете его оценки Ф. И. Тютчева, гипотетически реконструируемой исследователем. Н. Ф. Филиппова рассматривает высказывания поэта о немецкой философии (в статье «Мнение М. А. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной»), об элегии, о поэзии Е. А. Баратынского и К. Н. Батюшкова, а также ряд его рецензий (на «Фракийские элегии» В. Теплякова, на сочинения Сент-Бёва, на «Путешествие В. Л. П.» И. И. Дмитриева и др.). На основе этих источников исследователь формулирует важнейшее для Пушкина требование к поэзии — «истину чувства», воплощение индивидуально пережитого, неповторимого душевного опыта. По мнению Филипповой, поэзия Тютчева несомненно обладает этим качеством — и потому получила бы высокую оценку Пушкина.

Филиппова Н. Ф. Критик-поэт Александр Сергеевич Пушкин. М.: Наследие, 1998. 263 с.

Рец.: *Драгомирецкая Н. В.* «Односторонность есть пагуба мысли» (А. С. Пушкин) // Вестник Рос. гуманит. науч. фонда. 1999. № 1. С. 364—367; *Исакова И. Н.* [Реф.:] Филиппова Н. Ф. Критик-поэт Александр Пушкин. М., 1998 // Социальные и гуманит. науки. Отеч. и зарубеж. лит.: РЖ. Сер. 7: Литературоведение. 2000. № 4. С. 49—57.

Монография посвящена общим принципам литературно-критической деятельности Пушкина. Во введении Н. Ф. Филиппова обозначает жанровый репертуар публицистики поэта и говорит о внутреннем единстве его эстетических суждений. В первой главе исследуются критика пушкинской эпохи, оценки, данные Пушкину-критику современниками и потомками, особое внимание уделяется заметке «О критике». Во второй и третьей главах автор анализирует критические высказывания поэта, отмечая такие их качества, как историзм, требование «народности», переосмысление авторитетов и др. В четвертой главе исследуется специфика «писательской критики», в частности рассматриваются суждения в художественном творчестве Пушкина. В заключительном разделе речь идет о последнем выступлении поэта в печати — стихотворении «Полководец». По мнению Филипповой, критические работы Пушкина положили начало русской литературной критике как науке.

Фомин А. Г. Пушкин и журнальный триумвират 30-х годов // Пушкин А. С. [Сочинения]: [В 6 т.] СПб.: Изд. Брокгауз—Ефрон, 1911. Т. 5. С. 451—492 (Б-ка великих писателей / Под ред. С. А. Венгерова).

В статье рассматривается журнальная борьба Пушкина с Н. И. Гречем, Ф. В. Булгариным и О. И. Сенковским. Исследователь освещает отношения поэта с этими авторами, полемику «Литературной газеты» с «Северной пчелой», выступления Пушкина в «Телескопе», замысел газеты «Дневник», полемический контекст издания «Современника», литературную позицию Белинского. Фомин также анализирует мотивы участников полемики, отмечая, что Пушкиным руководили не личные пристрастия, но соображения литературной борьбы с руководящей ролью «бездарных критиков». Вместе с тем исследователь замечает, что «личный характер» все же нередко затушевывает идейное содержание статей Пушкина. В заключение Фомин обозначает общественное значение, которое имела борьба Пушкина с журнальным триумвиратом.

Фомин А. Г. К вопросу об авторах неподписанных статей в «Литературной газете» 1830 г. и статья Ал. С. Пушкина об Ив. В. Киреевском по поводу его обзора русской литературы. СПб., 1914.

31 с.; с. 21—28: публ. текста рец. Пушкина «Денница». Альманах на 1830 г., изданный М. Максимовичем»; впервые: Фомин А. Г. К вопросу об авторстве неподписанных статей Пушкина, кн. П. А. Вяземского и др. в «Литературной газете» 1830 г. // Рус. библиофил. 1914. № 4. С. 41—52. То же: Фомин А. Г. Новооткрытая статья Пушкина / С послесл. Н. О. Лернера: «Поэт действительности» // Нива. 1914. № 22. 31 мая. С. 430—434. Сообщение о статье: Новооткрытая статья Пушкина // Речь. 1914. № 107 (2776). 21 апр.: Лит. неделя. С. 3.

Материалом исследования являются экземпляры «Литературной газеты» (1830. № 1—23), отправленные П. А. Вяземским в Париж А. И. Тургеневу. А. Г. Фомин анализирует сделанные в них рукописные пометы, позволяющие атрибутировать ряд анонимных статей. Ученый приводит полный список этих помет — с указанием автора (28 принадлежат Вяземскому, 2 — Тургеневу), названия текста, к которому относится запись, а также данных о ее расположении: номере, странице и т. д. Особое внимание Фомин уделяет статье Пушкина об альманахе «Денница», содержащей благосклонный отклик на «Обозрение русской словесности 1829 года» И. В. Киреевского.

Фридман Н. В. К истории борьбы Пушкина и Гоголя с реакционной литературой // Пушкин и литература народов Советского Союза: [Сб. статей] / Ереван. гос. ун-т; ИМЛИ им. А. М. Горького АН СССР. Ереван, 1975. С. 138—144.

Влияние литературной критики Пушкина на Гоголя рассматривается в статье Н. В. Фридмана в свете их совместной борьбы с «торговым направлением». Автор обращает внимание на то, что сатирическая тема статьи «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов», направленной против Ф. В. Булгарина, была подхвачена Гоголем. В своем письме к поэту он изложил проект «эстетического разбора», в котором дополнил пушкинские иронические замечания. Влияние приема пародийных сравнений, использованного в статье Пушкина, исследователь усматривает также в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Эту переключку Фридман считает особенно важной, поскольку она указывает на редкий случай заимствования литературой художественных приемов критической полемики.

Фризман Л. Г. А. С. Пушкин и «Северные цветы» // Северные цветы на 1832 год. М.: Наука, 1980. С. 295—337 («Лит. памятники»).

Статья посвящена взаимосвязи между творческой биографией Пушкина и литературной судьбой альманаха «Северные цветы». Охарактеризовав значение альманашного формата в первые десятилетия

XIX века, автор переходит к повествованию о дельвиговском издании, участие в котором Пушкина описывается в широком историко-культурном контексте. Л. Г. Фризман рассказывает о редакционных принципах альманаха, о литературных отношениях внутри круга его участников (А. А. Дельвига, П. А. Плетнева, О. М. Сомова), об их полемике с другими печатными органами и т. д. Отдельное внимание исследователь уделяет последнему выпуску «Северных цветов», вышедшему уже после смерти Дельвига.

Фрик Т. Б. Пушкинский журнал «Современник» как единый текст // Сибирский филологический журнал. 2008. № 4. С. 20—28.

В статье «Современник» Пушкина исследуется как художественное единство. Т. Б. Фрик рассматривает журнал в контексте «Северных цветов» и «Литературной газеты», а также неосуществленных проектов поэта («Дневник», «Летописец») и анализирует концептуальную структуру «Современника». В качестве факторов единства издания исследователь выделяет «пушкинский текст», послуживший содержательной моделью всего журнала, организацию публикаций вокруг магистральных проблем («диалог культур», просвещение, историческое развитие и т. д.). По мнению автора, «Современник» явился журналом нового типа, представляющим собой проблемно-эстетическое целое.

Фрик Т. Б. Формирование издательской стратегии А. С. Пушкина: От «Северных цветов» и «Литературной газеты» к «Современнику» // Вестник Томск. гос. ун-та. 2008. № 312. С. 25—32.

По мнению Т. Б. Фрика, концепция «Современника» формировалась в процессе работы Пушкина над другими издательскими предприятиями и нереализованными проектами. Так, в период сотрудничества в «Северных цветах» поэт выработал методы отбора и организации материала; в «Литературной газете» — сформировал структуру отделов и представил разнообразные публицистические жанры, объединенные сквозными темами; в проекте «Дневника» — планировал создать печатный орган, исследующий историю современности, и т. д. Журнал «Современник», вобрав в себя опыт предшествующих изданий, стал воплощением «культурно-философского концептуального пласта эпохи», что позволяет исследователю рассматривать его не только как литературную форму, но и как «форму времени».

Фрик Т. Б. «Современник» А. С. Пушкина как единый текст: Монография. Томск: Изд-во Томск. политехнич. ун-та, 2009. 191 с.

Журнал «Современник» рассматривается в монографии как художественное единство. Первая глава посвящена публикациям разных авторов. Уделяя особое внимание текстам Пушкина, Т. Б. Фрик анализирует их жанровый репертуар, созданные в них образы издателя и героя-современника. Обращаясь к текстам других авторов, иссле-

дователь отмечает роль Гоголя, Вяземского, Одоевского в формировании идеологии журнала. Во второй главе рассматриваются ключевые темы «Современника», обусловившие его эстетическую целостность: проблема «Востока и Запада», связи русской культуры с Францией и Англией, вопросы просвещения, исторического развития и т. д. Работа снабжена приложениями, систематизирующими материалы журнала по типам представленных в них текстов (пушкинский, ориентальный, научно-библиографический и т. д.), и именованным указателем.

Хозяинов С. А. Проблема авторства приписываемой А. С. Пушкину публицистики: Содержание и методы изучения // Вестник Санкт-Петербургск. ун-та. Сер. 9. 2007. Вып. 4. Ч. 2. С. 274—280.

В статье анализируются методы и результаты атрибуции анонимных статей, приписываемых Пушкину. Разбирая главным образом те случаи, в которых вопрос авторства решался посредством анализа стиливых особенностей текста, С. А. Хозяинов рассматривает предположения П. В. Анненкова, Н. О. Лернера, Б. В. Томашевского и др. По мнению исследователя, существенными недостатками обладает подход Лернера, ориентированный на поиск «пушкинского» слога и не учитывающий стилистику других писателей. Более верным Хозяинову представляется метод Виноградова, опирающийся на конкретный материал и анализ «внутренних признаков» текста, а не на произвольные эстетические суждения. Решение проблемы исследователь видит в развитии «статистических» принципов атрибуции, используемых в работах М. А. Марусенко.

Чавчанидзе Д. Л. След «влияния немецкого» в литературно-критических суждениях А. С. Пушкина // Взаимосвязи и взаимовлияние русской и европейской литератур: Тез. докл. междунар. науч. конф. СПб., 13—15 ноября 1997 г. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургск. ун-та, 1997. С. 148—149.

Статья посвящена влиянию эстетической теории немецкого романтизма на воззрения Пушкина. Значительное место в работе уделено рассмотрению литературно-критических суждений, сформулированных на страницах «Евгения Онегина». Многие высказывания поэта прямо или косвенно связаны с немецкими источниками: метафора «жизнь — роман» напоминает о фрагментах Ф. Шлегеля и Новалиса, размышления о степени читательского понимания — о переведенной «любомудрами» книге В. Г. Вакенродера и Л. Тика «Сердечные излияния отшельника — любителя искусств», игра с понятием «рифма» и замысел перехода к «смиренной прозе» — об осмыслении рифмы Ф. Шлегелем. По мнению Д. Л. Чавчанидзе, немецкая эстетика не оказала значительного воздействия на художественную практику Пушкина, но сыграла важную роль в формировании его взглядов на искусство.

Чернов А. В. Пушкин и русская беллетристика 20-х гг. XIX века // Крымские Пушкинские чтения, 3-и: Материалы (13—19 сент. 1993 г.): Русская культура и Восток / Симфероп. гос. ун-т, Бахчисарайск. истор.-культ. заповедник; Крым. общ-во рус. культуры и др. Симферополь, 1993. С. 24—25.

Доклад посвящен взгляду Пушкина на прозу как форму словесности. Материалом исследования служат его критические и полемические высказывания. А. В. Чернов отмечает, что писатель, противопоставляя прозу поэзии, использовал термин в широком значении, включая в объем понятия политические, философские, эпистолярные и прочие нехудожественные тексты. Суждения, высказанные в пушкинской критике, отражают функционирование прозы в системе литературы 1820-х годов: ее периферийность и «утилитарно-беллетристическую» направленность. Вместе с тем, по мнению исследователя, в творчестве Пушкина происходит повышение статуса прозы, ее постепенное уравнивание с поэзией.

Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы. Статья четвертая // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1947. Т. 3. С. 132—134: Пушкин как критик.

Отмечая безупречный художественный вкус Пушкина и поэтов его круга, Н. Г. Чернышевский утверждает, что их журналистская деятельность не имела существенного влияния на общественное мнение. Причиной этого он называет сознательную установку на элитарность, на узкий круг избранных читателей. Эстетические принципы, общепринятые среди авторов «школы Пушкина», стали достоянием русской публики позднее — благодаря литературным деятелям «гоголевского периода», к описанию которого Чернышевский переходит во второй половине указанного фрагмента.

Ширинкин В. И. К вопросу о художественном своеобразии критических статей Пушкина: (Жанровые и композиционные особенности) // Актуальные проблемы общественных, естественных и технических наук: Тез. докл. первой межвуз. конф. молодых ученых г. Перми / Перм. гос. пед. ин-т. Пермь, 1980. С. 263—264.

В критике Пушкина В. И. Ширинкин выделяет следующие жанры: рецензия на вновь вышедшую книгу, полемическая статья, литературный фельетон, заметка о писателе, библиографическое сообщение и др. Композиция критических текстов поэта определяется развитием центральной мысли, логика которой обуславливает расположение материала. Свои статьи Пушкин, как правило, начинает с общего историко-литературного тезиса, а затем переходит к частному примеру. Одним из наиболее частотных приемов в пушкинских критических статьях является кольцевая композиция, которая придает тексту завершенность.

Ширинкин В. И. К вопросу о типе литературно-критической оценки в рецензиях А. С. Пушкина // Типология литературного процесса: (На материале русской литературы XIX века): Межвуз. сб. науч. тр. / Пермский гос. ун-т им. А. М. Горького. Пермь, 1988. С. 42—53.

Развивая «карамзинистский» критерий «вкуса», Пушкин выработал собственный метод эстетической оценки, требующий гармоничной взаимосвязи всех элементов текста. В рамках такого «органического» подхода, наследующего классицистической эстетике, задача критики состоит в том, чтобы устанавливать внутренние закономерности произведения, открывать его «красоты и недостатки». Эти принципы позволили поэту непредвзято судить о произведениях, принадлежащих к разным художественным системам (например, литературным направлениям). К культуре «карамзинизма» — а именно к литературной переписке «Арзамаса» — восходят и стилистические особенности критической прозы Пушкина (лаконизм, афористичность, тяготение к малой форме).

Ширинкин В. И. Пушкин в общественно-литературном движении 1830-х годов // Проблема художественности и анализ литературного произведения (в вузе и школе): Тез. докл. зон. науч.-практ. конф., 24—26 окт. 1989 г. / АН СССР. Урал. отд-ние; Перм. гос. пед. ин-т. Пермь, 1989. С. 32—34.

В докладе дается концептуальная трактовка пушкинской журналистской деятельности. По мнению В. И. Ширинкина, редакторская и издательская стратегия поэта обнаруживает две противоборствующие тенденции — стремление к «эстетическому суверенитету» и желание сплотить литературных соратников вокруг журнала. Первая из них сформировалась в период «арзамасского братства», участники которого провозглашали творческую независимость каждого. «Центростремительная» тенденция проявилась во время издания «Литературной газеты»: ее сотрудники подчеркивали единство своей позиции. В эволюции Пушкина-журналиста конца 1820-х — 1830-х годов нарастают тенденции, нашедшие воплощение в замысле «Дневника» и особенно в «Современнике».

Ширинкин В. И. Пушкин о нравственности в критике // Эстетические принципы русской литературы и их художественное воплощение: Межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. пед. ин-т. Пермь, 1989. С. 33—41.

Статья посвящена этическим и эстетическим принципам критической деятельности Пушкина. Во второй половине 1820-х годов культура литературных кружков уходит в прошлое, их место занимают журнально-литературные сообщества. Меняются принципы литературной борьбы и полемики: с одной стороны, в них вторгаются коммерческие

интересы, предполагающие ориентацию на вкусы массового читателя, и, с другой стороны, противостоящие этой тенденции «романтические» критики замыкаются в отвлеченном «систематизме». Самоопределение Пушкина в новых условиях восходит к допрофессиональной классицистической критике, которая требовала «любви к искусству» и беспристрастности суждений, а эстетическое познание рассматривала как форму сотворчества. Ориентация на внутренние законы литературного развития позволила поэту преодолеть как внехудожественность «безнравственных» полемических приемов Булгарина, так и внеисторичный «систематизм» Полевого и Надеждина.

Шкловский В. Пушкин — редактор «Современника» // Большевицкая печать. 1937. № 2—3. С. 71—75.

Отзыв: *Мордовченко Н.* Биография Пушкина. Обзор литературы за 1937 год // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. Т. 4—5. С. 525.

Статья посвящена редакционной политике «Современника». Основное место в работе отводится разбору материалов журнала, на основании которого В. Б. Шкловский формулирует ряд выводов. Так, по его мнению, статья Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» не была программной для издания — как и ряд других значимых публикаций. «Современник» был авторским журналом; его идейная и литературная позиция воплотилась в редакторской работе Пушкина — отборе и расположении материалов. Так, например, центральной для второго и третьего томов является тема Отечественной войны 1812 года, позволяющая поэту выразить свои политические убеждения.

Шкоринов В. П. А. С. Пушкин — критик и теоретик // Материалы второй научной конференции аспирантов / Ростов. н/Д. гос. ун-т. Ростов н/Д., 1960. С. 208—212.

На материале статей, набросков и писем В. П. Шкоринов рассматривает наследие Пушкина как критика и теоретика литературы. В центре внимания исследователя находится круг вопросов, поставленных или разработанных Пушкиным. К их числу относятся проблемы назначения и путей развития словесного искусства, формы и содержания, народности и фольклора, языка прозы и т. д. Поэт, по мысли Шкоринова, создал последовательную и стройную эстетическую систему, создав принципы литературной критики, которые получили дальнейшее развитие в творчестве В. Г. Белинского.

Шоу Д. Т. Проблема «вымышленного автора» в журналистике: Феофилакт Косичкин Пушкина // Современное американское пушкиноведение: Сб. статей. СПб.: Академический проект, 1999. С. 225—248.

Работа посвящена проблеме вымышленного автора в публицистике Пушкина. Рассматривая две статьи поэта, опубликованные под псевдонимом «Феофилакт Косичкин», Д. Т. Шоу анализирует этот образ и описывает обстоятельства полемики Пушкина с Булгариным в 1829—1831 годах. Исследователь показывает, как литературная маска позволяет Пушкину использовать и дискредитировать приемы оппонента. Выражая свои взгляды на литературу и журнальную этику от лица профессионального журналиста неаристократического происхождения, Пушкин выводит полемику с Булгариным из области сословной проблематики и личных пристрастий. Шоу также характеризует стиль пушкинских статей, отмечая разнообразие иронических средств.

Эдишеров И. О публицистичности творчества А. С. Пушкина // А. С. Пушкин и его межнациональное значение: Материалы науч. конф., посв. 200-летию со дня рожд. А. С. Пушкина / Тбилис. гос. ун-т им. И. Джавахашвили. Тбилиси, 1999. С. 122—123.

«Публицистичность» творчества Пушкина, наследующая культуре XVIII века, может быть рассмотрена в религиозно-нравственном, философском, историческом, бытовом и других аспектах. Гражданские произведения поэта, созданные в конце 1810-х годов, связаны с влиянием декабристов и несут на себе отпечаток «романтической» традиции. В годы ссылки Пушкин открывает «реалистическую публицистичность», основанную на историзме как «единственно возможном» способе изображения действительности в искусстве. В конце 20-х годов писатель пытается создать концепцию «монархии с человеческим лицом», однако его изыскания о Петре I приводят к пониманию, что образ идеального царя лишен исторической основы. Такова, по мнению И. Эдишерова, идейная эволюция Пушкина: от юношеского максимализма — к сознательному отрицанию самодержавия.

Эйхенбаум Б. М. набросок критической заметки: [«Смешно как веруют у нас каждой шутке...»] // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 3. С. 14—15.

В статье рассматривается пушкинский черновой набросок, посвященный вопросу об употреблении эпитетов. Б. М. Эйхенбаум публикует реконструированный текст этой заметки и датирует ее 1827 годом. Связывая содержание наброска с полемикой вокруг карамзинистского стиля, исследователь устанавливает, что источником процитированного в тексте высказывания Вяземского является его рецензия на «Марьину рошу» Жуковского. В шуточной форме спора с Вяземским, который называет эпитет «оправой существительного», Пушкин выражает свое неприятие пустых стилистических украшений.

Энгельгардт Н. А. Философия русского самосознания: Статья третья // Книжки недели. 1897. № 3. С. 225—234.

«Пушкинскую эпоху» Н. А. Энгельгардт разделяет на два периода: время «арзамасцев-романтиков» и зарождение «реальной критики». Характеризуя критику «романтического» направления, исследователь видит ее главное достижение в протесте против «псевдоклассицизма», однако полагает, что она оказалась не способна осмыслить новые явления искусства — в частности, зрелое творчество Пушкина. Сам поэт понимал проблему и пытался создать собственную критику в журнале «Современник», однако она, по мнению исследователя, не продвинулась дальше эпиграмм и библиографий. Причину этого Энгельгардт видит в «литературном аристократизме» Пушкина и авторов его круга.

Юрьева И. Ю. Христианская тема в критических статьях Пушкина 1830-х годов // *Духовный труженик: А. С. Пушкин в контексте русской культуры.* СПб.: Наука, 1999. С. 339—342.

В статье дается обзорная характеристика литературно-критической и журналистской деятельности Пушкина в аспекте ее связи с христианской темой. До 1830 года в статьях поэта встречаются лишь единичные высказывания по духовным вопросам. Однако в 1830-е годы Пушкин создает ряд текстов, в которых размышляет о христианстве: рецензию на 2-й том «Истории русского народа» Н. А. Полевого, замысел статьи «О новейших романах», куда должен был войти отзыв на «Путешествие ко Святым местам в 1830 году» А. Н. Муравьева, рецензии на «Собрание сочинений Георгия Конисского», на «Словарь о святых», на перевод книги С. Пеллико «Об обязанностях человека» и др. В редакционной политике «Современника» и в позднем творчестве поэта И. Ю. Юрьева находит проявления «высоко-религиозного настроения» Пушкина, его глубокого интереса к духовной проблематике.

Юшков С. В. Пушкин-историк // *Учен. зап. Свердловского пед. ин-та.* Свердловск, 1938. Вып. 1 (исторический). С. 87—109. См. с. 87—99: критические работы.

Статья посвящена взглядам Пушкина на историю. В указанном фрагменте С. В. Юшков рассматривает суждения поэта, сформулированные в его критических работах: в рецензии на второй том «Истории русского народа» Н. А. Полевого, в заметке о французской революции, в «Заметках по русской истории XVIII в.». По мнению исследователя, поэт критически переосмыслил историософские воззрения французских современников (Ф. Гизо, О. Тьерри) и создал оригинальную концепцию исторического развития России. При ее описании Юшков обращает особое внимание на пушкинскую трактовку феодализма, подчеркивая ее «прогрессивность» в сравнении с представлениями Н. А. Полевого, Н. М. Карамзина и западноевропейских историков.

Якушева Г. В. Пушкин о честном слове: Злободневное в критике и публицистике нашего гения // Пушкинские чтения // Пушкинские чтения: Сб. науч. работ по итогам Междунар. научно-практ. конф. «XXVIII Пушкинские чтения», М., 17—19 окт. 2018 г. М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2019. С. 57—63.

Статья посвящена «проблеме честного (то есть правдивого, ясного, искреннего и выразительного) русского слова» в критических и публицистических текстах Пушкина. Г. В. Якушева рассматривает его суждения о цензуре, о претенциозности «чувствительного» стиля, о богатстве «простонародной» словесности. По мнению исследователя, главным в работе поэта со слогом было чувство «языкового такта». Размышляя о пушкинских высказываниях, Якушева проводит многочисленные параллели с современностью, в частности, выступает против неоправданного использования иноязычных заимствований.

Brang P. Die Bedeutung des Begriffs der “Achtung” bei Puškin // Zeitschrift für Philologie. 1954. Bd. 22. H. 2. S. 304—315.

Статья посвящена пушкинскому осмыслению понятия «уважение» («самоуважение», «достоинство», «гордость»). Эта категория рассматривается автором в широком спектре значений: уважение к себе, к великому человеку, к историческому прошлому и т. д. Основным материалом работы являются письма и критические статьи поэта («О г-же Сталь и о г. А. М-ве», «<Опровержение на критики>», «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности...», «Александр Радищев» и мн. др.). Описывая воззрения Пушкина, П. Бранг восстанавливает их историко-культурный и биографический контекст, характеризуя его отношение к цензуре, к аристократии, к «торговой словесности». Вывод, к которому приходит ученый, состоит в том, что пушкинская позиция сближается с гетевской: уважение к человеческому достоинству является фундаментальной ценностью, которая должна быть целью истинного просвещения.

Emerson C. Pushkin, literary criticism and closed places // New lit. history. 1998. Vol. 29. № 4. P. 653—672; реферат: *Юрченко Т. Г.* // Социальные и гуманитар. науки. Отеч. и зарубеж. лит.: РЖ. Сер. 7: Литературоведение. 1999. № 4. С. 11—14.

Статья посвящена литературно-критической деятельности Пушкина. К. Эмерсон анализирует воззрения поэта на задачи критики, такие как формирование читательской аудитории, создание культуры обмена мнениями, защита собственного доброго имени. Автор также уделяет внимание реакции Пушкина на изменение социальных форм литературной рефлексии — на переход от салонной культуры к журнальной, на зарождение массового читателя и т. д. Особое место в работе уделено проблеме несвободы, включающей в себя и семейные обстоятельства, и отношения с властью, и законы литературного рын-

ка. По мнению К. Эмерсон, именно эта несвобода парадоксальным образом способствовала развитию чуткости Пушкина-критика, остро необходимой в стесненном мире. Материалом исследования являются статьи писателя, созданные им на разных этапах творческой биографии.

Emerson C. Pushkin as critic // The Pushkin Handbook / Ed. by D. Bethea; Preface and Introd. by D. Bethea. Madison, 2005. P. 321—333. (Publ. of the Wisconsin Center for Pushkin St.).

В статье дается общая характеристика литературных воззрений Пушкина и его критической деятельности. Будучи не философом-эстетиком, но критиком-практиком, он тем не менее стремился к аналитическому осмыслению словесности и к точности определений, считая литературную критику наукой. Восстанавливая историко-культурный контекст, К. Эмерсон пишет о профессионализации журналистики и росте литературного рынка в условиях ужесточения цензуры, о конфликте между аристократизмом Пушкина и его просветительскими установками. В работе также сформулирован ряд соображений по дальнейшему изучению пушкинской критики. Так, по мнению автора, на суждения поэта о литературе следует взглянуть не только с точки зрения хронологии, но и в других ракурсах: например, жанровом — с учетом специфики разных форм высказывания (афоризм, эпиграмма, личное письмо, предисловие, рецензия).

Meunieux A. Pouchkine, homme de lettres et la littérature professionnelle en Russie. Thèse pour le Doctorat ès Lettres <...>. Paris, 1966. 695 p. Из содерж.: С. 466—518: Гл. 4, 5: [1830-е гг.: Профессионализм литературного труда, журналистика Пушкина].

Четвертая глава диссертации А. Менье посвящена формированию литературного рынка и профессионализации писательского труда. В 1830-е годы расширяется читательская аудитория, развиваются книготорговля и книгоиздание, начинается становление литературы как массового социально-экономического института. К числу важнейших факторов этого процесса Менье относит коммерческую деятельность А. Ф. Смирдина и его альманах «Новоселье», журнальную работу О. И. Сенковского в «Библиотеке для чтения», широкую популярность романа «Иван Выжигин» Ф. В. Булгарина. Анализ книжного рынка произведен с привлечением торговых каталогов первых десятилетий XIX века. Объектом изучения в пятой главе является издательская деятельность Пушкина (замысел газеты «Дневник» и журнал «Современник»), которая рассматривается в биографическом контексте, а также в контексте журнальной борьбы 1820—1830-х годов. Стремление поэта создать собственный печатный орган ученый объясняет, с одной стороны, финансовыми соображениями, а с другой — желанием положить конец монополии Булгарина и Н. И. Греча, заняв ведущее место в русской журналистике. Споря

с представлением о «демократических» установках Пушкина, исследователь полемически подчеркивает его «аристократизм», который не способствовал успеху издательских предприятий.

Todd III W. M. Pushkin and literary criticism // The Cambridge companion to Pushkin / Ed. by A. Kahn. Cambridge, 2006. P. 143—155.

Статья У.-М. Тодда, напечатанная в посвященном Пушкину справочном сборнике, содержит обзорную характеристику критической деятельности поэта. Журналистская биография Пушкина включает непосредственное участие в двух периодических изданиях («Литературной газете» и «Современнике»), однако его прижизненные литературно-критические публикации весьма немногочисленны и часто довольно кратки. Вместе с тем писатель неустанно размышлял о литературе: его критическое наследие составляют многочисленные тексты, написанные в самых разных формах, от раннего стихотворения «К другу-стихотворцу» — до личного письма А. О. Ишимовой, созданного незадолго до последней дуэли. «Критической автобиографией» Пушкина Тодд называет роман «Евгений Онегин», на страницах которого автор-повествователь полемизирует с современниками, размышляет о стилях и жанрах, играет с читательскими ожиданиями.

II. ДИССЕРТАЦИИ

Алешкевич А. А. Болдинские полемические заметки А. С. Пушкина 1830 года: (От «<Опровержения на критики>» к «Опыту отражения некоторых нелитературных обвинений»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тарт. гос. ун-т. Тарту, 1988. 22 с.

Диссертация посвящена двум полемическим произведениям, написанным Пушкиным Болдинской осенью 1830 года: «<Опровержению на критики>» и «Опыту отражения некоторых нелитературных обвинений». Исследованию подверглись фотокопии их автографов. Цель работы состоит в том, чтобы описать развитие замыслов в ходе создания текстов. В первой главе А. А. Алешкевич анализирует работу писателя над рукописью и процесс композиционного оформления общей идеи цикла. В приложении дается реконструкция пушкинского замысла. Вторая глава посвящена историко-литературной, в первую очередь журнальной и полемической, обстановке, в которой возникли болдинские заметки, а также критическим текстам, написанным Пушкиным в 1830 году. В третьей главе рассматривается жанровое своеобразие и проблематика «Опыта отражения...». В числе выводов Алешкевич указывает на то, что при публикации заметок в академическом собрании сочинений процесс авторской работы над текстом следует комментировать с предельной тщательностью.

Вайнтриб С. Е. Терминологическая лексика (литературоведческая и языковедческая) в критико-публицистической прозе А. С. Пушкина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Киев. гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко. Киев, 1956. 16 с.

Вайнтриб С. Е. Литературоведческая и языковедческая терминология в произведениях А. С. Пушкина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / АН УССР. Отд. лит., яз. и искусствовед. Киев, 1967. 24 с.; с.: 9—11: слово «критика».

Диссертация посвящена литературоведческим и лингвистическим терминам в языке Пушкина. Они описаны с учетом данных различных словарей и в контексте их употребления современниками поэта. В первой части работы изучаются литературоведческие понятия. С. Е. Вайнтриб рассматривает категории «словесность», «литература», «критика», названия направлений («лжеклассицизм», «истинный романтизм»), «родов» (драма, послание) и т. д. Языковедческая терминология проанализирована во второй части диссертации. Исследователь характеризует понятия «речь», «словарь», «грамматика», «язык» («славенский», «славяно-русский», «простонародный», «прозаический», «стихотворный», «технический», «метафизический») и т. д. Литературная лексика рассматривается в свете эстетической мысли эпохи, а лингвистическая — в связи с современными Пушкину представлениями о языке; обозначается вклад писателя в развитие терминологического аппарата русской филологии. Материал каждого из разделов подвергается тщательной классификации и аналитическому обобщению.

Еремин М. П. Журнал А. С. Пушкина «Современник» (1836 год): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1950. 22 с.

В диссертации дается целостная характеристика пушкинского «Современника» с точки зрения его места в общественной борьбе 1830-х годов. Первая глава исследования посвящена историческим предпосылкам программы этого издания. Во второй главе М. П. Еремин описывает социально-политическую ориентацию журнала. Третья глава содержит анализ критико-эстетической позиции печатного органа. В четвертой главе рассматриваются роль издания в журнальной полемике эпохи и конфликт внутри редакции «Современника». Рассказывая об истории журнала в широком историко-культурном контексте, исследователь охватывает широчайший круг тем: политическую проблематику критических статей Пушкина, его литературные отношения с современниками — критиками и писателями, идеологемы и социокультурную ситуацию николаевской эпохи. Роль Пушкина в истории русской культуры интерпретируется Ереминым с опорой на ленинскую концепцию «трех этапов освободительного движения» в России.

Ерофеев В. В. «Современник» Пушкина в журнально-литературном движении 30-х годов XIX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / АН СССР. ИРЛИ (Пушкинский Дом). Л., 1952. 21 с.

Ерофеев В. В. Журнал Пушкина «Современник» (1836 год) в связи с журнально-литературным движением 30-х годов XIX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / АН СССР. ИРЛИ (Пушкинский Дом). Л., 1952. 23 с.

Диссертация посвящена истории пушкинского «Современника». В первой главе В. В. Ерофеев дает общую характеристику журналистики 1830-х годов и рассматривает отношение Пушкина к изданиям этого времени. Вторая глава рассказывает об эволюции политических воззрений одного из сотрудников печатного органа — П. Б. Козловского, который писал для журнала научно-популярные статьи. В третьей главе исследователь повествует о планах преобразования «Современника», опираясь на составленный В. Ф. Одоевским и А. А. Краевским проект договора, который был предназначен для предъявления Пушкину. Четвертая глава содержит анализ социально-экономического направления журнала. В пятой главе Ерофеев характеризует литературно-критическую позицию «Современника».

Краснобородько Т. И. Журнальные замыслы А. С. Пушкина и «Современник»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / АН СССР. ИРЛИ (Пушкинский Дом). Л., 1991. 19 с.

В диссертации рассмотрены формы журнальной организации «Современника» и эволюция замыслов, приведшая Пушкина к такому типу печатного органа. В первой главе исследуется история издательских проектов поэта: с середины 1820-х годов — до основания собственного журнала в 1836 году. Второй раздел, основанный на текстологическом анализе рукописей, посвящен изучению наиболее значительных литературно-критических работ Пушкина, оставшихся незаконченными. В третьей главе описывается специфика формата «Современника», а также его прообразы в европейской (английские критические «Обозрения») и русской (альманах «Мнемозина») печати. В четвертой части диссертации проанализирована композиция журнала, в котором разнообразные материалы сгруппированы вокруг тем, находившихся в центре творческих интересов Пушкина в последние годы его жизни.

Лерман И. Н. Борьба вокруг французского романтизма в русской критике (20-е годы — начало 30-х годов XIX века): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. обл. пед. ин-т. М., 1956. 16 с. Из содерж.: с. 11—13: Гл. «Пушкин о французском романтизме».

В диссертации исследуется осмысление французского романтизма русской критикой пушкинской эпохи. В первой главе описываются

мнения декабристов, во второй — выступления «консервативной критики», в третьей — позиция «Московского телеграфа». Анализ воззрений Пушкина представлен в четвертой главе. Рассматривая его оценки Шагобриана, Б. Констана, Гюго, Мюссе, де Сталь и других авторов, И. Н. Лерман утверждает, что поэт положительно оценивал «прогрессивные» тенденции французского романтизма, такие как освобождение от правил «эпигонского классицизма» или утверждение гуманистического свободомыслия, однако возражал против «реакционных» явлений (субъективизма, идеализации Средневековья и пр.). Пушкин, по мнению исследователя, одним из первых начал разрабатывать принципы «реалистической эстетики», заложив основу для критической деятельности В. Г. Белинского.

Липницкая Е. А. Эволюция творчества А. С. Пушкина — критика и публициста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Сев. (Аркт.) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова. Архангельск, 2011. 23 с.

В диссертации на материале статей и писем Пушкина исследуется эволюция его публицистического творчества. Е. А. Липницкая выделяет в нем три периода: «эстетико-теоретический» (1820—1826), «критико-полемиический» (1827—1832), «политический» (1833—1837). Каждому из периодов соответствует отдельная глава. Первый раздел посвящен формированию стиля критической прозы Пушкина и круга его литературных интересов. Во второй главе описывается литературно-критическая деятельность поэта: изучается развитие его взглядов на полемику, участие в «Литературной газете» и «Телескопе», рассматриваются причины того, почему многие пушкинские заметки остались неопубликованными. Предметом анализа в третьей главе являются статьи 1833—1837 годов, в том числе созданные для журнала «Современник».

Литвиненко Н. Г. Формирование воззрений Пушкина на драму и театр: Автореф. дис. ... канд. искусствовед. / Ин-т истории искусств. М., 1969. 23 с.

В диссертации рассматривается развитие взглядов Пушкина на драму и сценическое искусство. Работа состоит из четырех глав, в которых последовательно описаны этапы жизни и творчества поэта. Первый раздел посвящен лицейскому периоду (1811—1817), второй — петербургскому периоду и времени южной ссылки (1817—1824), третий — михайловской ссылке (1824—1826), а четвертый — эпохе художественной зрелости поэта (1826—1837). Н. Г. Литвиненко анализирует театральные впечатления Пушкина, его отношения с писателями и литературными обществами, оценки драматургов-современников и предшественников, суждения об актерах и других людях сцены. Исследователь также рассматривает пушкинские критические статьи, драматические произведения, занимавшие поэта эстетические

проблемы, такие как народность, драматическое правдоподобие или «истинный романтизм».

Потапова Г. Е. А. С. Пушкин и русская критика его времени: (Становление литературной репутации А. С. Пушкина): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом). СПб., 1994. 20 с.

Исследование посвящено литературной репутации Пушкина в критике его эпохи. Эстетические суждения о поэте, высказанные в 1820—1830-е годы, рассматриваются в трех аспектах; каждому из них соответствует отдельная глава. В первом разделе описывается эволюция, которую претерпели взгляды критиков на отношения художника со светским обществом. Во второй главе Г. Е. Потапова анализирует трансформацию представлений о поэтической славе, произошедшую в связи с расширением читательской аудитории, а также под влиянием романтической эстетики. Третий раздел посвящен литературно-критическим оценкам жанровой динамики творчества Пушкина. Исследователь подчеркивает, что изучение литературной репутации предполагает характеристику наиболее общих тенденций в суждениях критиков.

Сергиевский И. В. Пушкин и Белинский: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / ИМЛИ им. А. М. Горького АН СССР. М., 1949. 13 с.

Диссертация посвящена идейным и литературным взаимоотношениям Пушкина и Белинского, описанным с позиций марксистско-ленинской идеологии. И. В. Сергиевский рассматривает критика как пушкинского преемника в борьбе за «реалистическую эстетику». Центральное место исследователь уделяет сходству в воззрениях двух авторов: в понимании народности, в интерпретации «истинного романтизма», в представлении о задачах журналистики, в оценке литературных явлений современности и т. д. По мнению Сергиевского, в редакции «Современника» против Пушкина созрел «заговор», явившийся реакцией на идейную эволюцию, следствием которой стал интерес к Белинскому. «Духовная драма» поэта состояла в том, что ему не удалось наладить живую связь с новыми, демократическими общественными силами.

Третьякова Е. Ю. Пушкинская модель журналистики: структура, культурологическая стратегия и практика просвещенных реформ печати: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2010. 39 с.

Диссертация посвящена пушкинским «просвещенным реформам» русской печати. Е. Ю. Третьякова доказывает, что созданная писателем модель журналистики обеспечивает органическое развитие национальной культуры, открывая принципиальную возможность выхода

из современного «постмодернистского кризиса». Исследователь рассматривает широчайший круг проблем: истоки и этапы осуществленных писателем преобразований, различные стратегии мифотворчества, конкурировавшие в пушкинскую эпоху, противостояние журнальных партий и мн. др. В работе также предложен ряд оригинальных интерпретаций художественных произведений Пушкина.

Филиппова Н. Ф. Метод Пушкина-критика: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / АН СССР. ИМЛИ им. А. М. Горького. М., 1954. 17 с.

Пушкин в диссертации рассматривается как основоположник «реалистического метода» русской критики. Цель исследования состоит в том, чтобы охарактеризовать специфику этого метода. Первая глава работы посвящена современному поэту литературной публицистике, ключевым историко-культурным предпосылкам его критической деятельности, пушкинскому пониманию задач «истинной критики». Во второй главе описывается историзм Пушкина, который воплотился в аналитическом подходе, предполагавшем рассмотрение произведений искусства через их отношение к действительности. Третья глава содержит описание метода эстетического анализа художественных текстов, проявившегося в пушкинской критике. В четвертой главе Н. Ф. Филиппова характеризует статьи поэта с точки зрения их формы — жанровой, стилистической и т. д. В заключении дается общее описание основных особенностей критики Пушкина и определяется его роль в истории русской эстетической мысли.

Фрик Т. Б. «Современник» А. С. Пушкина как единый текст: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Томск. гос. ун-т. Томск, 2006. 22 с.

Диссертация посвящена исследованию «Современника» в аспекте его композиционной целостности. Целью Т. Б. Фрик является выявление тех принципов, которые позволяют рассматривать журнал как единый текст. В первой главе описывается формирование издательской стратегии Пушкина и анализируется расположение публикаций в «Современнике». Исследователь говорит о «пушкинском тексте», который служит «структурно-содержательной моделью» издания, и выясняет закономерности, определяющие организацию материалов других авторов. Во второй главе указаны оформившиеся в журнале проблемно-тематические группы публикаций. Фрик выделяет «ментальный» (посвященный проблеме «Востока и Запада»), «научно-библиографический» и «историософский» тексты. Работа снабжена приложениями: в них материалы «Современника» систематизируются в соответствии с предложенной классификацией.

Хозяинов С. А. Атрибуция публицистических произведений, приписываемых А. С. Пушкину: (Тексты 1830—1836 гг.): Автореф.

дис. ... канд. филол. наук / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб., 2008. 24 с. См. с. 11: список атрибутируемых текстов.

Работа посвящена атрибуции приписываемых Пушкину критических статей 1830—1836 гг. Вопрос об авторстве текстов, не имеющий однозначного ответа в рамках традиционной историко-литературной парадигмы, решается С. А. Хозяиновым с помощью математических методов, основанных на структурном моделировании и формализации языковых единиц. В первой главе описывается история изучения проблемы, освещенная исследователем в методологическом аспекте. Вторая глава посвящена приемам и принципам проверки атрибуционной гипотезы, которые рассматриваются в первую очередь с точки зрения их объективности. В третьей главе описывается эксперимент по установлению авторства публицистических текстов, опирающийся на «теорию распознавания образов». В заключении изложены выводы: 22 статьи атрибутируются Пушкину, опровергается мнение о том, что его перу принадлежит ряд других статей, подтверждаются предположения о совместном авторстве 13 текстов и о сотрудничестве поэта в «Литературной газете» во время его отъездов из Петербурга.

Ширинкин В. И. А. С. Пушкин-критик и русская литературная критика 1820—1830-х годов: (Метод и жанры): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Л., 1983. 18 с.

Диссертация посвящена литературно-критической деятельности Пушкина, которая рассмотрена В. И. Ширинкиным в культурном, в первую очередь журнально-публицистическом, контексте эпохи. Исследование основано на конкретно-историческом и сравнительно-типологическом подходах. Цель работы состоит в том, чтобы определить специфику развития воззрений, методов и приемов Пушкина-критика. В первой главе проанализирована история вопроса. Во втором разделе описаны жанры пушкинской критики в первый период его творчества (до 1825 г.), охарактеризованные в свете литературного быта 1810—1820-х годов. В третьей главе исследуется эволюция «карамзинистских» эстетических принципов, критических форм и полемических приемов после 1825 года, в результате которой сформировался «органический», конкретно-исторический взгляд Пушкина на искусство.

ОКСАНА ЯКИМЕНКО

**«СЕГОДНЯ В НОВУЮ УПРЯЖКУ
РЕШИЛ Я ПУШКИНА ЗАПРЯЧЬ»**

Проза Пушкина в поэтических переложениях
Иштвана Гати

Книгу Иштвана Гати,¹ венгерского поэта, выпускника библиотечного факультета Будапештского университета им. Лоранда Этвеша, автора книг для детей и переводчика с русского языка, сложно классифицировать. С одной стороны, в нее вошли перевод стихотворения Пушкина «Разговор книгопродавца с поэтом» — стихотворный перевод поэтического текста, с другой — стихотворные переводы прозаических произведений классика русской литературы; в таком виде представлены три из пяти «Повестей Белкина»: «Станционный смотритель» (в венгерском варианте «Почтмейстер»), «Выстрел» и «Гробовщик» (именно поэтому в названии фигурирует «Тройка») и переложенная стихами «Пиковая дама», а с третьей — два оригинальных стихотворения Гати на пушкинскую тему — «Случай Евгения Онегина» и «Пушкин на Арбате». Стихотворный вариант «Выстрела» под названием «Последний выстрел Пушкина» также предваряет рифмованное изложение «Записки доктора В. И. Даля» о смерти Пушкина с подзаголовком «Смерть Пушкина». Все стихотворные тексты (за исключением «Пушкина на Арбате») написаны онегинской строфой (четырёхстопным ямбом с характерным чередованием рифм).

За одиннадцать лет до выхода сборника, в 2011 году, в журнале «Кортарш» («Kortárs») был опубликован первый из переводов-

---

¹ *Gáti István. A Puskin-trojka. Budapest: Napkút, 2022 (Гати Иштван. Тройка Пушкина. Будапешт, 2022).*

пастишей — «Почтмейстер» («Станционный смотритель»). Выдающаяся исследовательница русской литературы Каталин Сёке в предисловии к публикации писала: «У читателя возникает ощущение, будто он читает нарративный поэтический текст, написанный венгерским поэтом XIX века, одним словом, стилизация идеальная, это могла бы быть и совершенно венгерская история».² Подобный эффект — не случайность. Венгерская повествовательная поэзия XIX века во многом сформировалась именно под влиянием пушкинского «Евгения Онегина». Первый стихотворный перевод романа, выполненный Кароём Берци и опубликованный в 1866 году, послужил отправной точкой (наряду с текстами Байрона) для возникновения венгерского стихотворного романа. Среди почти десятка венгерских стихотворных романов последней трети XIX века следует особенно выделить незаконченный роман Пала Дюлаи «Ромхани» (1869—1897), где автор находится в постоянном диалоге с читателем и параллельно «общается» с главным героем (венгерский аристократ Ромхани проходит в романе путь от скучающего и тщеславного барина до патриота, борца за национальную независимость), и выразительный портрет венгерского «лишнего человека» эпохи национально-освободительной борьбы и габсбургской реакции — «Герой миражей» (1873) Ласло Араня. В конце XX — начале XXI века онегинская строфа как форма вновь возвращается в венгерскую литературу в романе «Паулус» (Paulus — с учетом прямой библейской аллюзии название романа можно также перевести как «Павел», однако Паулус / Паулус — это еще и фамилии трех персонажей: Фридриха Паулуса, немецкого военачальника и будапештского хакера) крупнейшего поэта этого периода Яноша Терей (1970—2019).

В отличие от монументального и многослойного романа Терей, книга Гати скорее изящный пастиш, литературная игра, в которой автор с самого начала играет «по правилам». В стихотворном вступлении Гати упоминает переводчиков «Евгения Онегина» — Кароя Берци, Гедеона Месея (его перевод вышел в 1945 году), Лайоша Априли (1953) и Арпада Галгоци (1992) и обещает не замарать их лавры и не испортить проторенную колею.

С самого начала Гати настраивает венгерского читателя на включения в духе Онегина. «Станционный смотритель» открывается почти пародийным перифразом начальной строфы первой главы пушкинского романа, помещая онегинского рассказчика в пространство современной Венгрии:

² Szőke K. Puskin: A postamester — Anyegin-sztrófáiban elbeszélve // *Kortárs*, 55. évf. 2. sz., 2011. P. 24.

Текст Гати:

Nagynéném, jámbor, drága lélek,
 Az édességre rákapott.
 Nyolcvan fölött övé az élet!
 Szájában prima keksz ropog.
 Ha nincs cukor, mit ér az ember?³
 Olasz csokit havonta rendel.
 Nyugdíj ha jön, számol, s beoszt.
 Számlák után első a koszt!
 Garzonja rejt megannyi kincset.
 Megtöltve váza és komód.
 Szokatlan tárolási mód.
 De Olvasóm, őt meg ne intsed!
 Huszonhat négyzetméteren
 Tenyérynyi rendben, szépen él.³

Перевод:⁴

Мой дядя самых... то есть тетя,
 Когда иных пережила,
 Свой век продолжила в заботе
 И столько выдумать смогла!
 Медовый хворост, кексы, плюшки,
 Брильянты в крохотной однушке!
 Все на местах, все к месту здесь,
 И есть на что, и есть что есть!
 Палитра смыслами богата,
 Представь себе, читатель мой,
 Какую глубину порой
 Скрывают двадцать шесть квадратов.
 Ничто не омрачает быт,
 Когда к нему душа лежит.

Мотив «дяди» / «тети» возникает вновь в стихотворении «Случаи Евгения Онегина», где автор вслед за упомянутым в подзаголовке Хармсом множит дядюшек и тетушек самого Пушкина и его героя. Влияние романа на стихотворную практику Гати столь велико, что в поэтической версии «Пиковой дамы» появляется «Письмо Лизы к Герману» (стилистика — нечто среднее между вариантами перевода письма Татьяны у Галгоци и Априли). Однако, переходя непосредственно к содержанию повестей, автор меняет тон и уже относительно точно следует за пушкинским текстом:⁵

Текст Гати:

Jártál-e már felénk batáron?³
 Kocsid zötyög sok verszten át.
 Elátkozod, szegény barátom,
 Ki néked rossz gebéket ad.

Перевод:

Когда поедешь в угол дальний
 Ты вкось по родине своей,
 То проклянешь, мой друг печальный,
 Все масти местных лошадей.

³ Подстрочный перевод: «Моя тетушка, благочестивая, драгоценная душа, / Помогла сладости. / В возрасте за восемьдесят может себе позволить! / Во рту у ней хрустит отличное печенье. / Если нет сахара, чего стоит человек? / Каждый месяц она заказывает итальянский шоколад. / Когда приходит пенсия, она высчитывает и распределяет. / Первое после оплаты счетов — еда! / Ее маленькая квартирка таит столько сокровищ. / Полна ваза и комод. / Необычный способ хранения. / Но, читатель, не отмахивайся! / На двадцати шести квадратных метрах / Она прекрасно живет в уютном порядке».

⁴ Здесь и далее стихотворные переводы выполнены Дарьей Анисимовой.

⁵ Текст Пушкина: «Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался? Кто, в минуту гнева, не требовал от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснение, грубость и неисправность? Кто не почитает их извергами человеческого рода, равными покойным подьячим или, по крайней мере, муромским разбойникам?» (VIII, 97).

Hintód ölen morogva fekszel:
— Gonosz zsvány a postamester!
Tengely zörög, behull a hó,
Vagy ímmel-ámmal híz a ló?
Falvak során utazni rémes;
Hibás az út, a híd törött.
Száz kellemetlen nyűg között
Vigasztaló találni vétkest.
Sok elgyötört utas szerint
A postamester bűne mind!

Ворчишь себе под шум рессор:
— Ямщик подлец, смотритель вор.
Деревни тянутся докучно,
Скрипят колеса однозвучно,
В пути то яма, то канава,
Ложится снег, горит закат.
Кто в этой блажи виноват,
Ответь, читатель — трудно, право?
Для путника один расклад:
Всегда смотритель виноват!

Стоит отметить, что в непосредственно «пушкинских» текстах — в отличие от собственных вариаций на тему — Гати активно использует русизмы, характерные для переводов русской классики (в приведенном отрывке это слово *verszt* — верста).

Сравнивая переводы-пастиши с оригинальными текстами, написанными в «пушкинском духе», и далее, в свою очередь, с «пушкинскими» текстами других венгерских авторов, нельзя не заметить некоторую вторичность собственных сочинений Гати на фоне выполненных им же переводов («Разговор книгопродавца с поэтом») и стихотворных переложений прозы Пушкина. Усложняет анализ текстов Гати и не всегда очевидная авторская стратегия. Если отталкиваться от пушкинского призыва судить писателя «по законам, им самим над собою признанным», законы, которыми руководствуется автор сборника, так и остаются не до конца проясненными. Соединение заявленного прямого следования за пушкинским текстом с вставками «от себя» порой создает дополнительный комический эффект, значительно превосходящий по силе изначальную тонкую иронию, заложенную в пушкинском тексте, и приводит к потере целых пластов смыслов, но, с другой стороны, создает новые. Так, реплика графини из «Пиковой дамы» «пришли мне какой-нибудь новый роман, только, пожалуйста, не из нынешних <...> где бы герой не давил ни отца, ни матери, и где бы не было утопленных тел» (VIII, 232) в диалоге, который завершается намеком Томского на существование иных, новых русских романов, в варианте Гати обретает куда более комическое звучание с явным венгерским колоритом: книга, которую читает графиня (и которая вызывает у нее недовольство современными ей романами) называется «Ужасная рыба атакует купальни» — таким образом возникает удачная для постмодернистского прочтения пушкинской повести аллюзия на популярную культуру в духе фильма «Челюсти», а также намек на совершенно венгерскую реальность (купальни). Однако подобные, не лишённые некоторого изящества, вольности характерны не для всех стихотвор-

ных переложений, что вызывает ощущение разнородности. Развитие этой стратегии можно наблюдать в оригинальном произведении Гати «Случаи Евгения Онегина» — прямой отсылке к хармсовским «Случаям», однако и здесь автор словно бы не решается совершить следующий шаг и вслед за Хармсом перевести пушкинский роман в пространство литературы абсурда.

Сборник Иштвана Гати свидетельствует о глубоком «одомашнивании» Пушкина в венгерской культуре. Важную роль в этом, по признанию самого автора, сыграла и венгерская традиция преподавания мировой литературы в средней школе и, далее, в гимназии (так в Венгрии называется предшествующая поступлению в университет ступень старшей школы). «Евгений Онегин» входит в число обязательных к изучению произведений, — таким образом, уже на этом этапе знакомства с литературой тексты русского поэта входят в обиход среднестатистического венгерского школьника и потенциального студента. Венгерский автор также демонстрирует блестящее владение формой, показывая, что онегинская строфа, несмотря на принципиальное отличие венгерского стихосложения (силлабического по своей природе) от русского, стала неотъемлемой составляющей инструментария венгерской поэзии. На данном этапе Иштван Гати работает над новым переводом «Евгения Онегина» — шестым в истории переводов пушкинского романа на венгерский язык.

III. СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

ОТГОЛОСКИ «МЕЛЬМОТА СКИТАЛЬЦА» В СТИХАХ И ПРОЗЕ ПУШКИНА

В 1820 году в Англии вышел роман Чарльза Метьюрина (Maturin; 1780—1824) «Мельмот Скиталец». Он оказался последним в ряду очень популярных в преромантическую эпоху готических романов.

Главным героем романа стал таинственный и могущественный Мельмот, получивший прозвище Скиталец (Wanderer). Мельмот наделен сверхчеловеческими способностями. Он живет уже 150 лет и способен мгновенно перемещаться в пространстве, переходить из страны в страну, проникать сквозь любые стены, любые преграды. Возможно, Метьюрин не хотел явно следовать Гёте, драма которого начинается с продажи души дьяволу, поэтому на всем протяжении огромного романа (почти 600 страниц в издании 1820 года) мы не знаем, человек ли Мельмот или сам дьявол, воплотившийся на земле. Только на последних страницах мы узнаем, что такая продажа некогда состоялась: «Это действительно был Мельмот Скиталец, такой же, каким он был сто лет назад, такой же, каким, может быть, будет в грядущих столетиях, если возобновится действие того страшного договора, который продлевал его дни».¹ Притом некоторые параллели к «Фаусту» в романе все же имеются,² да и сам герой (по крайней мере, на словах) немного напоминает гётевского протагониста своей любознательностью, неумной жадной знаний. Он говорит своему потомку, Мельмоту-младшему: «...вы <...> проникнуты той бесплодной и неистойвой пытливостью ума, которая в прежнее время сделала бы вас моей жертвой...» (556); «...за непомерное

---

¹ Метьюрин Ч. Р. Мельмот Скиталец / Изд. подгот. М. П. Алексеев и А. М. Шадрин; Пер. А. М. Шадрина. Л., 1976. С. 555 («Лит. памятники»); далее ссылки на это издание будут даваться в тексте с указанием страницы.

² См.: Алексеев М. П. Ч. Р. Метьюрен и его «Мельмот Скиталец» // Там же. С. 604—606.

M E L M O T H

THE

W A N D E R E R :

A

T A L E.

BY THE AUTHOR OF "BERTRAM," &c.

IN FOUR VOLUMES.

VOL. I.

EDINBURGH:

PRINTED FOR ARCHIBALD CONSTABLE AND COMPANY,
AND HURST, ROBINSON, AND CO. CHEAPSIDE,
LONDON.

1820.

*Титульный лист первого издания
романа «Мельмот Скиталец»*

любопытство вы можете поплатиться жизнью. Именно оно-то и заставило меня согласиться на ставку, которая больше, чем жизнь, и — я проиграл» (560—561).

После своего появления «Мельмот», хотя и не сразу, завоевал широкую европейскую известность. Особенно популярным роман быстро стал во Франции. Им восхищались и испытали на себе его влияние Нодье, Гюго, Бодлер, Бальзак и др. Метьюрин стал любимым писателем Бальзака,³ который в 1835 году написал блистательную пародию⁴ (и это стало апогеем славы Метьюрина в Европе), умную, ироничную и очень пессимистичную, горько поиронизировав над основной идеей любимого романа. Она называлась «Прощенный Мельмот».

Дело в том, что, в отличие от Фауста, Мельмот в любой момент имеет возможность освободиться от тягостного договора. Автор сформулировал эту возможность как важнейшую нравственную идею своего романа уже в предисловии: «Замысел этого романа (или повести) возник из абзаца одной из моих проповедей (которую, как можно полагать, мало кто читал), поэтому я позволю себе его процитировать. Вот он. “Несмотря на то, что мы можем удаляться от Бога, не повиноваться Его воле, не обращать внимания на Его слова — найдется ли сейчас хоть один человек, кто мог бы отказаться от спасения души? Нет ни одного такого глупца на свете, которого враг рода человеческого мог бы подвигнуть принять его предложение!” В этом абзаце высказана главная мысль “Мельмота Скитальца”. Читатель найдет развитие этой мысли на следующих страницах. И ему судить, насколько успешно оказалось ее исполнение».⁵

---

³ См.: Алексеев М. П. Ч. Р. Метьюрен и его «Мельмот Скиталец». С. 639—646.

⁴ Ю. Н. Тынянов так определяет этот жанр: «Стилизация близка к пародии. <...> ...за планом произведения стоит другой план, стилизуемый или пародируемый. Но в пародии обязательна невязка обоих планов, смещение их; пародией трагедии будет комедия...» (Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 201). Бальзак превращает трагедию Мельмота в язвительную комедию.

⁵ [Maturin Ch. R.] Melmoth the Wanderer: A Tale: In 4 vol. Edinburgh, 1820. Vol. 1. P. 1—2; подлинник: «The hint of this Romance (or Tale) was taken from a passage in one of my Sermons, which (as it is to be presumed very few have read) I shall here take the liberty to quote. The passage is this. ‘At this moment is there one of us present, however we may have departed from the Lord, disobeyed his will, and disregarded his word — is there one of us who would, at this moment, accept all that man could bestow, or earth afford, to resign the hope of his salvation? — No, there is not one — not such a fool on earth, were the enemy of mankind to traverse it with the offer!’ This passage suggested the idea of ‘Melmoth the Wanderer’. The Reader will

И действительно, никто из попадавших в критические обстоятельства героев книги не соглашался поменяться судьбами с изгоем, отдавшим душу дьяволу. Он «был отвергнут среди ужасов тюрьмы и виселицы, среди криков сумасшедшего дома и костров Инквизиции» (520). Мельмот сам признается: «Никого из людей нельзя было заставить разделить мою участь, нужно было его согласие — и ни один этого согласия не дал...» (557). «Ни одно существо не поменялось участью с Мельмотом Скитальцем. Я исходил весь мир и не нашел ни одного человека, который <...> согласился бы погубить свою душу. Ни Стентон в доме для умалишенных, ни ты, Монсада, в тюрьме Инквизиции, ни Вальберг, на глазах которого дети его умирали от голода, никто другой...» (558). Эту основную идею романа Бальзак и сделал сюжетом своей пародии.

С его точки зрения, люди (французы) в нынешнее время вовсе не дорожат спасением души, не думают о доброте и милосердии, чести и достоинстве. У них другие страсти и приоритеты, прежде всего корыстолюбие и сладострастие. Первый же человек, к которому обратился Мельмот, кассир банковской конторы, охотно соглашается на утрату вечного блаженства. Мельмот спасает его от суда и тюрьмы и не ограничивает в средствах. Насладившись земными благами, кассир передает свой дьявольский дар с приплатой 500 тысяч франков разорившемуся биржевику. Дальше утрата вечного блаженства с приплатой — ускоряется. История кассира занимает в повести сорок страниц. Остальные перемещения дьявольского дара — пять.⁶ От банкира он переходит к подрядчику, затем к торговцу скобяным товаром, плотнику, маляру. Плата за продажу души тоже стремительно падает. В конце концов обладателем зловещего дара Мельмота и десяти тысяч франков становится писец нотариальной конторы, влюбленный в проститутку. Купив на эти деньги дорогую шаль, он, наделенный дьявольской мощью, проводит у Ефрасии двенадцать дней, заболевает сифилисом и умирает от чрезмерного приема ртути. Французский гений смотрел на человечество гораздо скептически, чем любимый им английский писатель.

1

В России, как и в других странах Европы, роман Метьюрина сразу нашел внимательных читателей и поклонников. Одним из них

---

find that idea developed in the following pages, with what power or success he is to decide».

⁶ См.: Бальзак О. Собр. соч.: В 15 т. М., 1956. Т. 13. С. 600—644.

был Пушкин. В пушкинском кругу имя Мельмота стало нарицательным.⁷

Ниже мы попробуем проследить некоторые мотивы романа, которые в большей или меньшей мере отозвались в творчестве Пушкина. Речь пойдет о не замеченных ранее или лишь мельком отмеченных сближениях.

Творческие переключки Пушкина с романом Мэтьюрина, кажется, начинаются очень рано, почти сразу после выхода «Мельмота». В. Д. Рак в энциклопедической статье отметил, что «Отзвуки “Мельмота Скиталеца” предполагаются в <...> “Братьях разбойниках”...».⁸ Вот эти строки:

Пред ним толпились привиденья,
Грозя перстом издалека.
Всех чаще образ старика,
Давно зарезанного нами,
Ему на мысли приходил;
Больной, зажав глаза руками,
За старца так меня молил:
«Брат, сжался над его слезами!
Не режь его на старость лет...
Мне дряхлый крик его ужасен...
Пусти его — он не опасен;
В нем крови теплой капли нет...»
(IV, 148)

К ним можно присоединить еще несколько строк, где второй разбойник, вспоминая умершего брата, говорит:

...иногда щажу морщины:
Мне жалко резать старика;
На беззащитные седины
Не подымается рука.
(IV, 151)

В девятой главе «Мельмота» мы сталкиваемся с похожей ситуацией.

---

⁷ Позднее оно получило довольно широкое распространение и даже вошло в словарь «крылатых слов» (см.: Алексеев М. П., Ч. Р. Мэтьюрен и его «Мельмот Скиталец». С. 674; Аишукин Н. С., Аишукина М. Г. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. М., 1955. С. 318—319).

⁸ Рак В. Д. Мэтьюрин // Пушкин и мировая литература: Материалы к «Пушкинской энциклопедии». СПб., 2004. С. 215 (Пушкин: Исследования и материалы. Т. 18—19).

Рассказчик, испанец Монсада, бежит из монастыря в обществе отцеубийцы, который во сне в бреду вспоминает о своем злодеянии: «Старик? <...> Ну хорошо, меньше будет крови. Седые волосы? Не беда <...> ночью сегодня они окрасятся кровью... <...> ...кончай с ним. Не можешь? Трусишь? Боишься его седин? <...> Ну, ну, колено мое сдавило ему грудь... Где же нож?.. Где нож?.. <...> Вот оно, вот, вот!.. в крови по самую рукоять... в крови старика. <...> ...я вытираю лезвие. Нет, ничего не выходит, седые волосы смешались с кровью...» (213—214).

Помимо седин, крови, ножа, ужаса и раскаяния убийцы на предыдущей странице встречаются и *толпящиеся* у постели *привидения*, жертвы злодейств: «Я их вижу, и они видят меня; они ждут той минуты, когда душа будет расставаться с телом <...> Ну вот теперь они повсюду, — вскричал страдалец и испустил дух» (213).

Принято считать, что Пушкин познакомился с романом Метьюрина в 1823 году, когда переехал в Одессу.⁹ Если замеченные Раком сближения справедливы, то первое знакомство поэта с «Мельмотом» нужно отнести к более раннему времени, почти сразу после выхода романа из печати.

«Братья разбойники» написаны в 1821—1822 годах. Роман вышел, напомним, в 1820-м, французский перевод — в 1821 году. Пушкин в это время жил в Кишиневе, где встречался со многими умными и образованными людьми, которые могли интересоваться новинками европейской литературы и выписывать их. Здесь, наверное, прежде всего нужно назвать И. П. Липранди, владельца прекрасной библиотеки, книги из которой «читал и, как говорят, снабжал своими заметками Пушкин».¹⁰

В июле 1823 года Пушкин переехал из Кишинева в Одессу. Здесь он имел возможность, особенно в начале, до ссоры с М. С. Воронцовым, пользоваться его великолепной библиотекой. Англоман Воронцов наверняка получил новый роман английского писателя. С ним наверняка ознакомились и люди из английского окружения Воронцова. В частности, и доктор Хатчинсон (Hutchinson), с которым Пушкин, как известно, был достаточно близок.¹¹ Через них Пушкин мог познакомиться и с оригинальным текстом английского романа.

⁹ «“Мельмот Скиталец” впервые был прочтен Пушкиным в Одессе в 1823 г. ...» (Алексеев М. П. Ч. Р. Метьюрин и его «Мельмот Скиталец». С. 656).

¹⁰ Эйдельман Н. Я. Из потаенной истории России XVIII—XIX веков. М., 1993. С. 435.

¹¹ См.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1988. С. 123—124.

Этот роман живо обсуждался в интеллектуальном кругу тогдашнего одесского общества. «Каждый из участников этого круга, — пишет Ю. М. Лотман, — получал литературное имя, которое определяло тип его поведения, а вся жизнь превращалась в непрерывную импровизированную пьесу. <Александр> Раевский именовался Мельмотом <...> роман был литературной новинкой».¹²

С Александром Раевским у Пушкина были очень сложные и противоречивые отношения: от дружбы и восхищения до неприязни, может быть, даже до ненависти. Лотман дал ему очень глубокую и пронизательную характеристику: «Александр Николаевич Раевский приехал в Одессу глубоко несчастливым и изломанным человеком. Непомерное честолюбие получило в нем раннее развитие: неполных семнадцати лет прославленный как герой и сын героя, двадцати двух лет — полковник, он был убежден, что судьба предназначала ему высокое поприще. Это убеждение разделяли и поддерживали в нем окружающие. Пушкин в 1820 году, едва познакомившись с А. Н. Раевским, писал, что он “будет более нежели известен” (XIII, 19). Затем наступило горькое разочарование: не хватало ума, силы характера и смелости, чтобы избрать себе любой из возможных неофициальных путей, а официальные жизненные дороги он презирал. Оказавшись на положении посредственности (а он был умен и посредственностью не был), он озлобился, тайно завидовал отцу, вероятно, ревновал Пушкина¹³ к его ранней славе и находил утешение в том, чтобы внушать провинциальным дамам ужас перед своим злым языком и мепистофелевскими выходками».¹⁴

В октябре 1823 года было написано стихотворение «Демон». При всей философской глубине поставленных в этом стихотворении проблем оно биографически и идеологически связано с внутренним обликом А. Н. Раевского.¹⁵

Поскольку Раевского называли Мельмотом, то «мельмотические» мотивы могли отразиться в стихотворении. В эти же самые дни¹⁶ Пушкин писал первую главу «Евгения Онегина», протагониста которого назовет позже, в восьмой главе, Мельмотом. В пуш-

¹² Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки. 1960—1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995. С. 89—90.

¹³ Л. М. Аринштейн даже считает Раевского автором анонимного пасквиля, предшествовавшего роковой дуэли (см: Аринштейн Л. М. Пушкин: Непричесанная биография. М., 1998. С. 178—194).

¹⁴ Лотман Ю. М. Пушкин. С. 89.

¹⁵ См.: Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2009. Вып. 1. С. 433—434 (статья Е. О. Ларионовой).

¹⁶ «Демон» написан в октябре—ноябре 1823 года, первая глава «Онегина» окончена в октябре 1823 года.

кинском Демоне можно разглядеть некоторые черты Мельмота, которые обнаруживаются и в Онегине. Эти черты суть:

...улыбка, чудный взгляд,¹⁷
Его язвительные речи
Вливали в душу холодный яд.
<...>
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел...
(II, 299)

Первая глава «Онегина» была окончена 4 октября 1823 года, то есть тогда, когда был написан «Демон». В конце ее мы находим характеристику Онегина, которая напоминает нам Демона и заставляет вспомнить Мельмота:

Неподражательная странность
И резкий охлажденный ум.
Я был озлоблен, он угрюм;
Игру страстей мы знали оба:
Томила жизнь обоих нас;
В обоих сердца жар угас;
Обоих ожидала злоба
Слепой Фортуны и людей...
(VI, 23—24)

Такой Онегин похож не только на Мельмота, но — опосредованно — и на Раевского, которого, таким образом, можно считать прототипом (точнее, одним из прототипов) пушкинского романа. Такое сближение, кажется, подтверждается заключительной характеристикой Онегина в восьмой главе. Эта характеристика очень похожа на того Раевского, о котором писал Лотман:

Дожив без цели, без трудов
До двадцати шести годов,
Томясь в бездействии досуга
Без службы, без жены, без дел,
Ничем заняться не умел.
(VI, 170)

---

¹⁷ Ср., например, у Метьюрина: «<Мельмот> вдруг разразился смехом, столь громким, неистовым и раскатистым, что крестьяне, которых смех этот ужасал <...> поспешили скорее убраться ...» (31); «зловещий блеск глаз <Мельмота>» (343), «один из тех взглядов, которые всех повергали в трепет» (330) и пр.

В черновом варианте последней строки, может быть намекая на давние честолюбивые замыслы своего бывшего друга, Пушкин написал: «Быть чем-нибудь давно хотел —» (VI, 495). И может быть, не случайно в той же двенадцатой строфе говорится, что Онегин может «прослыть <...> даже Демоном моим». Так у Онегина появляется наряду с литературным прототипом — Мельмотом — и живой прототип — А. Н. Раевский.¹⁸

2

Особенно заметными и существенными были переключки с «Мельмотом» на всем протяжении «Евгения Онегина», от первой до последней главы. Эта связь неоднократно отмечалась исследователями и во всех комментариях, и в отдельных работах.¹⁹ Так, давно было замечено, что начало первой главы пушкинского романа сюжетно совпадает с «Мельмотом Скитальцем». Онегин едет к умирающему дяде, надеясь на богатое наследство и «приготавливаясь, денег ради, // На вздохи, скуку и обман» (VI, 27). Роман Метьюрина начинается чуть не теми же словами: «Осенью 1816 года Джон Мельмот, студент Дублинского Тринити колледжа, поехал к умирающему дяде, средоточию всех его надежд на независимое положение в свете» (7).

В дальнейшем ссылки на Метьюрина, явные и скрытые, встречаются в пушкинском романе неоднократно. Так, уже первая глава, начавшись с очевидной ссылки на «Мельмота», заканчивается, как мы видели, характеристикой Онегина, напоминающей героя английского романа. И в самом тексте первой главы, кажется, тоже можно заметить переключку с этим романом.

В первой вставной новелле о злключениях Стентона на нескольких страницах рассказывается о постоянном посещении героем лондонских театров, и автор разворачивает перед читателем пеструю панораму английской театральной жизни XVII столетия, «около 1677 года» (40—44).

---

¹⁸ Наряду со многими другими. Вполне справедливо замечание Лотмана: «...в образе Онегина можно найти десятки сближений с различными современниками поэта — от пустых светских знакомцев до таких значимых для П<ушкина> лиц, как Чаадаев или Александр Раевский» (Лотман Ю. М. Пушкин. С. 487).

¹⁹ См.: например, добротную статью П. Рейфмана «Кто такой Мельмот» (Toronto Slavic Quarterly. 2006. № 15. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/15/raifman15.shtml>; обращение 26.09.2023), а также: Крилицын А. Б. Пушкин и Метьюрин: (Из комментария к восьмой главе «Евгения Онегина») // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. №2. С. 19—29.

Можно думать, что пространное описание лондонских театров как-то сказалось на описании театральной жизни Онегина (строфы XVII—XXII). Речь, разумеется, идет не о сознательном заимствовании и подражании, а об общем впечатлении от яркого описания театральной жизни у Метьюрина, которое невольно наложилось на собственные живые и непосредственные воспоминания о вовлеченности в театральную жизнь Петербурга, в которой герой русского романа, как и сам автор, в 1819 году (этим годом Пушкин обозначил время действия первой главы) принимал самое непосредственное участие и подробно описал петербургскую театральную жизнь.

Богатых и знатных посетителей столичных театров сопровождают слуги, терпеливо ожидающие их выхода:

...усталые лакеи
На шубах у подъезда спят;
<...>
...прозябнув, бьются кони,
Наскуча упряжью своей,
И кучера, вокруг огней,
Бранят господ и бьют в ладони...
(VI, 14)

Таких же лакеев и богатые кареты видим мы у театральных подъездов в романе Метьюрина, разумеется, с разницей между обычаями и нравами Лондона и Петербурга, XVII и XIX веками: «У дверей их <театров> с одной стороны выстраивались лакеи какого-нибудь знатного дворянина (с оружием, которое они прятали под ливреями) и окружали портшез известной актрисы, которую они, как только она садилась в него, должны были увозить *vi et armis* <силой и оружием, — лат.>, как только она садилась в него по окончании спектакля» (41). В примечании Метьюрин называет имя актрисы (миссис Маршалл), которая таким образом действительно была увезена знатным лордом, называет сыгранную ею роль и сообщает некоторые факты ее биографии. Далее упоминаются, со ссылкой на театральные мемуары, две актрисы (миссис Бари и миссис Баутел), первую ранила на сцене вторая — настоящим кинжалом вместо бутафорского.

Пушкин тоже называет имя одной из знаменитых балерин того времени, посвящая ей почти целую строфу:

Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина; она,

Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух от уст Эола;
То стан совет, то разовьет,
И быстрой ножкой ножку бьет.

(VI, 13)

Имя Истоминой тоже было окружено зловецим ореолом. Из-за нее в 1817 году произошла знаменитая четверная дуэль. Истомина была любовницей Шереметева. Грибоедов привез ее к Завадовскому, у которого балерина прожила два дня. Шереметев вызвал на дуэль Завадовского. Секундантом у него был знаменитый бретер Якубович, у Завадовского — Грибоедов. Секунданты должны были стреляться после главных участников. Шереметев был смертельно ранен. Грибоедов и Якубович стрелялись спустя год на Кавказе. Действие первой главы, как мы помним, происходит в 1819 году. В отличие от Метьюрина, который должен был рассказывать читателям о театральной жизни Лондона спустя полтора века, имя Истоминой тут же вызывало у читателей воспоминания о недавней трагедии.

Подробно рассказывает Метьюрин о постоянных посетителях театральных зрелищ. В ложах было много женщин, «городские остряки» (кавычки Метьюрина) в галстуках из фламандских кружев и нечесаных париках развязно поносили современных (XVII века) драматургов — Драйдена, Ли и Отвея, цитировали Седли и Рочестера.

Так же и в петербургском театре

...каждый, критикой дыша,
Готов охлопать *entrechat*,
Обшикать Федру, Клеопатру,
Моину вызвать (для того,
Чтоб только слышали его).²⁰

²⁰ Мы цитируем текст по отдельному изданию первой главы (1825). В черновой рукописи строка читалась: «Каждый вольностью дыша» (VI, 229). Затем в белой рукописи «чужой рукою» было исправлено: «критикой дыша». Так же в копии рукою Льва Пушкина (VI, 547). Пушкин правку принял. И во всех четырех прижизненных изданиях напечатано «критикой дыша», что более соответствует содержанию текста: зритель *критикует* и пьесы, и игру актеров (*шикает, вызывает*). С точки зрения эвфонии печатный вариант тоже лучше. Второе «р» подкрепляет парную мужскую рифму: *кРитикой дыша — антРаша*. Редакторы академического издания, видимо, посчитали, что у Пушкина были цензурные

Столь же дерзко, невежливо и развязно ведет себя Онегин. Так же поносит современные спектакли:

Всё хлопает. Онегин входит,
Идет меж кресел по ногам,
Двойной лорнет, скосясь, наводит
На ложи незнакомых дам...
<...>

...лицами, убором
Ужасно недоволен он...
<...>

...на сцену
В большом рассеянье взглянул,
Отворотился — и зевнул,
И молвил: «всех пора на смену...»
(VI, 13—14)

Онегин не только, опоздав, ходит «по ногам» зрителей, но и ведет себя вызывающе: «...рассматривать не сцену, а зрительный зал (к тому же еще — *незнакомых дам*) — дерзость поведения щеголя, глядеть *скосясь* — также оскорбительно для тех, на кого смотрят. <...> Особенно неприличным считалось смотреть через очки или лорнет на дам».²¹

Метьюрин рассказывает о давней театральной жизни: «Спектакли начинались тогда в четыре часа и оставляли людям много времени для вечерних прогулок и полуночных встреч в масках при свете факелов...» (41). Пушкину не нужно сообщать читателям, когда начинаются спектакли. Они и так знают, что в шесть часов,²² и оставляют много времени для ночных светских увеселений. Именно так ведет себя Онегин, торопясь после театра на бал:

Еще Амуры, черти, змеи
На сцене скачут и шумят...
<...>

опасения, и вернулись к рукописи. Однако чуть ниже, в следующей строфе, во всех вариантах текста Фонвизин назван «другом свободы», властелином «сатиры смелой». И, насколько мы знаем, никаких цензурных претензий эти строки не вызвали. Думается, что следует вернуться к одобренному (четырежды!) самим автором тексту.

²¹ Лотман Ю. М. Пушкин. С. 569.

²² «Спектакли в петербургских театрах начинались в 6 часов вечера» (Там же. С. 568).

А уж Онегин вышел вон;
Домой одеться едет он.
(VI, 14)

И, переодевшись, «подобный ветреной Венере», он устремляется на ночной бал:

Взлетел по мраморным ступеням,
Расправил волоса рукой,
Вошел. Полна народу зала...
(VI, 16—17)

В следующих главах сходство Онегина с героем Метьюрина усиливается. В третьей главе к мрачному миру этого готического романа приобщается и Татьяна:

Британской музы небылицы
Тревожат сон отроковицы,
И стал теперь ее кумир
Или задумчивый Вампир,
Или Мельмот, бродяга мрачный,
Иль вечный жид, или Корсар,
Или таинственный Сбогар.
(VI, 56)

Здесь имя Мельмота появляется первый раз, и Пушкин разъясняет в примечании, которое появилось только в первом полном прижизненном издании «Онегина» (1833): «Мельмот, гениальное произведение Матьюрина» (VI, 193).

И в объяснении Онегина с влюбленной девушкой, кажется, действительно проявляются некоторые зловещие черты героя готического романа. «Мне ваша искренность мила», — говорит Татьяне Онегин в самом начале разговора (VI, 77). Прочитав эту строку, Писарев в своей известной статье не без ехидства замечает: «Тон довольно султанский!»²³ Остроумному и язвительному критику нельзя отказать в наблюдательности. Онегин действительно в разговоре, особенно в начале его, ведет себя несколько свысока и покровительственно, подобно Мельмоту в центральной части романа Метьюрина.

---

²³ Писарев Д. И. Пушкин и Белинский // Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. М., 2003. Т. 7. С. 244.

Эту центральную часть занимает обширный вставной рассказ о трагической любви Мельмота и кроткой невинной красавицы Иммали, поначалу одиноко живущей на маленьком необитаемом острове в Индийском океане. Обладающий способностью «переноситься из страны в страну» (417), Мельмот неожиданно появляется там и рассказывает прекрасной девушке о «греховном, суетливом, полном страданий мире» (300). Он пытается развратить и погубить ее, что в конце концов и происходит.

При этом сам Мельмот начинает испытывать к прелестной и наивной девушке то ли жалость, то ли сочувствие, то ли любовь. Жалея и щадя свою жертву, он пафосно и возвышенно, что свойственно поэтике готического романа, пытается предостеречь ее: «Выслушай меня, несчастная! — вскричал он голосом, в котором попеременно звучали то дикая злоба, то сострадание, привычная неприязнь и необычная мягкость, — выслушай меня. Я ведь знаю, с каким чувством ты борешься <...>. Подави его, прогони, уничтожь!» (335)

Сходные чувства испытывает Онегин, и сходные советы дает он влюбленной девушке. При этом русский автор избегает излишнего пафоса и выпренности английского романиста:

...получив посланье Тани,
Онегин живо тронут был...
<...>
И в сладостный, безгрешный сон
Душою погрузился он.
<...>
Но обмануть он не хотел
Доверчивость души невинной.
(VI, 77)

Мельмот далее пытается рассказать влюбленной девушке, какой недостойный, неподходящий объект избрала она для своей страсти: «Существо непривлекательное на вид, с отвратительными привычками, отъединенное от жизни и человечества непроходимой пропастью, обездоленного пасынка природы...» (335).

Это очень похоже на то, что говорит Онегин Татьяне. Только вместо признания собственной исключительности, одиночества, положения изгоя среди людей, о чем говорит посланник дьявола, Онегин обращается к обычным, банальным человеческим проблемам: семейная жизнь, скука, собственный скверный характер и пр.:

Что может быть на свете хуже
Семьи, где бедная жена
Грустит о недостойном муже...
<...>
Где скучный муж... <...>
Всегда нахмурен, молчалив,
Сердит и холодно-ревнив!
Таков я. И того ль искали
Вы чистой, пламенной душой...
(VI, 79)

Немного позднее Онегин становится «Мельмотом» и в представлении Ленского. Убедившись, что Ольга не изменяла ему, влюбленный поэт обращает свой гнев на вчерашнего друга. В его воспаленном воображении тот становится соблазнителем невинной девушки, подобно тому как Мельмот соблазняет невинную Иммали, открывая ей глаза на пороки человеческого общества:

Не потерплю, чтоб развратитель
Огнем и вздохов и похвал
Младое сердце искушал...
(VI, 123–124).

Разврат, искушение, искунитель — слова, определяющие отношение Мельмота к Иммали. В самом начале его встреч с девушкой «Незнакомец» (Мельмот) говорит с ней, «пуская в ход всю присущую развращенности софистику» (301).²⁴ Так что представление о Мельмоте как развратителе появляется сразу после встречи его с невинной девушкой.

Те же ассоциации в обличениях Ленского вызывает глагол *искушать*. Тот, кто искушает, — искунитель. Вспомним, что так называет Татьяна Онегина в своем письме:

Кто ты, мой ангел ли хранитель,
Или коварный искунитель...
(VI, 67)

Искунитель наряду с *развратом* дважды встречается на той же странице книги Метьюрина: «Ее <Иммали> природное и безо-

²⁴ В оригинале употреблено слово «разврат». Ср.: «...said the stranger, with the sophistry of corruption» ([*Maturin Ch. R.*] Melmoth the Wanderer. Vol. 3. P. 116).

шибочное чутье в отношении того, что хорошо, что плохо <...> смущало, приводило в замешательство искусителя <...> Искуситель помрачнел и собирался уже уйти...» (301). Это слово неоднократно встречается на страницах, посвященных отношениям Иммали и Мельмота.

Ленский продолжает свои инвективы сравнением, как будто взятым прямо из романа Метьюрина:

Не потерплю <...>
Чтоб червь презренный, ядовитый
Точил лилеи стебелек;
Чтобы двухутренный цветок
Увял еще полуоткрытый.
(VI, 123—124).

Выразительный образ червя в цветке возникает в речах «искусителя»: «А неужели тебе никогда не случилось видеть в лепестках его <цветка> червяка», — спросил чужестранец (301). Тот же образ возникает в словах автора о своем герое: «Он <Мельмот> сидел в тени смоковницы, не думая о черве, который подтачивал ее корень; может быть, бессмертный червь, который впился в его собственное сердце и неустанно подтачивал его и глодал, мог бы один заставить его забыть о том, как он терзал сердце девушки» (377).

Давно отмечено, что предсмертные стихи Ленского, написанные позднее в тот же самый день, имеют «насквозь цитатный характер, распадаясь на знакомые читателю штампы и обороты». ²⁵ Если наши предположения справедливы, Пушкин показывает ту же банальность не только в стихах, но и в мыслях юного поэта накануне дуэли.

Предлагаемые читателю параллели, думается, несколько обогащают наше представление о связи «Онегина» с «Мельмотом».

3

Роман Метьюрина интересовал Пушкина на протяжении всей его творческой жизни. Интерес этот особенно усилился к 1830-м годам, когда поэт всерьез занялся английской литературой и начал достаточно свободно читать английские тексты. В его библиотеке имелись «Мельмот Скиталец» в издании 1820 года и пьеса Метьюрина «Бертрам, или Замок Сен-Альдобран» («Bertram or the Castle of

²⁵ Лотман Ю. М. Пушкин. С. 674—677.

St. Aldobrand») (мы не знаем, когда они были приобретены).²⁶ Не удивительно, что реминисценции, отголоски знаменитого романа особенно часто встречаются у Пушкина в последнее десятилетие его жизни.

Так, в середине 1830-х годов Пушкин пишет одно из самых страшных своих стихотворений «Не дай мне Бог сойти с ума...». В начале он говорит, что, сойдя с ума, был бы счастлив на лоне природы:

Когда б оставили меня
На воле, как бы резво я
    Пустился в темный лес!
<...>
И я б заслушивался волн,
И я глядел бы, счастья полн,
    В пустые небеса...
(III, 322)

Но в реальности идиллия оборачивается кошмаром:

    ...сойди с ума,
И страшен будешь, как чума,
    Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака...
<...>
А ночью слышать буду я
Не голос яркий соловья,
    Не шум глухой дубров —
А крик товарищей моих
Да брань зрителей ночных,
    Да визг, да звон оков.
(III, 322—323)

В статье, посвященной этому стихотворению, О. С. Муравьева отметила, что оно перекликается с эпизодом из романа «Мельмот Скиталец».²⁷ И действительно, в первой вставной новелле романа герой ее попадает в сумасшедший дом, где, как и у Пушкина, он

²⁶ См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: (Библиографическое описание). СПб., 1910. С. 284. № 1145—1146.

²⁷ См.: Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2017. Вып. 3. С. 314 (статья О. С. Муравьевой). Позволю себе заметить, что обратил внимание на сходство этого эпизода со стихами Пушкина до знакомства с этой статьей.

«вкушает часы одиночества, скрашенные голодными воплями, безумными криками, щелканьем бичей и безутешными рыданиями тех, кто <...> сочтены сумасшедшими или доведены до сумасшествия преступными действиями других» (57).

Выразительное противопоставление прекрасной, умиротворенной природы кошмарному безумству обитатели сумасшедших мы тоже находим у Метьюрина, только пение соловья здесь заменяет чириканье воробьев: «Теперь он уже не замечал ни чириканья воробьев, ни шума дождя, ни завываний ветра — звуков, к которым он, сидя на своем убогом ложе, прислушивался, ибо они напоминали ему о природе» (55).

Приблизительно в то же время в «Медном всаднике» (1833) снова возникает похожая реминисценция. Обратимся к началу романа Метьюрина, когда молодой Джон Мельмот, подобно Онегину, приезжает к умирающему дяде. Наслушавшись рассказов о своем зловещем предке, он начинает читать рукопись, которую мы только что упоминали и в которой речь идет о таинственном Скитальце: «...за стенами опустевшего дома завывал ветер, а дождь уныло стучал в дребезжащие стекла, ему захотелось — чего же ему захотелось? Только одного, чтобы звук ветра не был таким печальным, а звук дождя таким однообразным» (28).

В сходной ситуации находится и герой пушкинской поэмы. Джон Мельмот приезжает в запущенный полуразвалившийся дом: «...на всем лежала печать крайнего запустения», «беспросветная нищета» (9). Евгений «живет в чулане» (V, 489, 497).²⁸ Вернувшись домой, он тягостно и грустно размышляет, и эти размышления, думается, вполне совпадают с тягостными ощущениями Джона Мельмота: «И грустно было / Ему в ту ночь, и он желал, / Чтоб ветер выл не так уныло / И чтобы дождь в окно стучал / Не так сердито...» (V, 140).

Неоднократно отмечалось сходство старого Мельмота со скупцом Бароном. На деле сходство это чисто внешнее, лишь в том, что для обоих потеря богатства — гибель: «Кабы я мог встать и увидеть, как меня разорили, как все прахом пошло. Но ведь это меня бы убило...» (15). И Барон умирает от сознания, что его сокровища «потекут <...> в атласные дырявые карманы» (АПСС. Т. 7. С. 114). Для барона сундуки с золотом — «священные сосуды», а само оно — «царский елей». Барон — философ, идеолог, форму-

---

Может быть, два независимых наблюдения подтверждают истинность отмеченного сближения.

²⁸ Варианты первой и второй белой рукописи; в окончательном тексте: «Живет в Коломне» (V, 138), в не самой престижной части Петербурга.

лирующий силу «золотого тельца», его власть над миром. Обладая золотом, он потенциальный, по крайней мере ощущающий себя таковым, владыка мира («лишь захочу»). Мельмот же просто жалкий скряга, как Гарпагон или Плюшкин. На создание последнего образа Метьюрин оказал несомненное влияние, что тоже неоднократно отмечалось.²⁹

При этом другая трагедия, «Каменный гость», может быть более сложно, опосредованно, через «Гробовщика», связана с романом Метьюрина. Исследователи давно уже обратили внимание на близость центральных сцен в «Каменном госте» и «Гробовщике»: приглашение надгробного памятника на любовное свидание героя и приглашение мертвецов на пирушку. Некоторое различие заключается в том, что Дон Гуан (как и все его предшественники) приглашает *одну* статую, а гробовщик Адриан — *толпу* своих захороненных «клиентов».

В «Мельмоте» мы находим рассказ о встрече Дон Жуана со своими мертвецами (толпой): «Он <Дон Жуан> входит в храм, и его там встречает многолюдное общество — души всех тех, кому он причинил на земле зло, кого он убил, тени, вышедшие из могил, закутанные в саваны, стоят там и кланяются ему! Когда он проходит среди них, они глухими голосами предлагают ему выпить за них и протягивают ему кубки с их кровью...» (557).

Сходное сборище находит в своем доме и гробовщик Адриан. Оно описано с некоторой иронией и не столь страшно: «Комната была полна мертвецами. <...> Адриан с ужасом узнал в них людей, погребенных его стараниями <...>. Все они, дамы и мужчины, окружили гробовщика с поклонами и приветствиями <...> все одеты были благопристойно: покойницы в чепцах и лентах, мертвецы чиновные в мундирах <...>. Между мертвецами поднялся ропот негодования <...> бедный хозяин, огушенный их криком и почти задавленный, потерял присутствие духа, сам упал на кости отставного сержанта гвардии и лишился чувств» (VIII, 93—94).

Думается, что некоторые сходные мотивы имеются в обоих описаниях. К Дон Жуану приходят загубленные им души, к Адриану — похороненные им мертвецы. Там, в церкви, души, одетые в саваны,

---

²⁹ Ср., например, соответственно у Метьюрина и у Гоголя: «...писавший стремился елико возможно полнее использовать каждый листик бумаги, бережно сокращая каждое слово и даже не оставляя полей» (21); Плюшкин «стал писать, выставляя буквы, похожие на музыкальные ноты, придерживая поминутно прыть руки, которая рассказывалась по всей бумаге, лепя скупо строка на строку, и не без сожаления подумывая о том, что все еще останется много чистого пробела» (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М., 2012. Т. 7. Кн. 1. С. 121).

у Адрияна — одетые благопристойно. Дон Жуана мертвецы угощают своею кровью, и «под алтарем зияет бездна погибели, которая должна его поглотить!» (557). Адрияна встречает «меж мертвецами <...> ропот негодования, брань и угрозы» (VIII, 94).

Таковы некоторые сближения, отголоски, параллели, может быть иногда подсознательные, а иногда, может быть, их появление является типологическим совпадением, вызванным сходством ситуаций. Эти сближения показывают, насколько органично входила европейская культура в литературную жизнь России уже в начале XIX века.

Марк Альтшуллер

ФАЛЬШИВЫЙ ПЕСНОПЕВЕЦ История одной поэтической ошибки Пушкина

Демьян, ты мнишь себя уже
Почти советским Беранже.
Ты, правда, «б», ты, правда, «ж»,
Но все же ты не Беранже.

А. В. Луначарский.
Эпиграмма на Демьяна Бедного¹

...это похоже на Яшку, который горланит на мирской сходке: да что вы, да сунься-ка, да где вам, да мы то!

П. А. Вяземский
о народных стихах Пушкина²

ЛОЖНАЯ АТРИБУЦИЯ

У пушкинского пародийного казарменно-простонародного патристического стихотворения «Рефутация г-на Беранжера», написанного осенью 1827 года, прочитанного (точнее, спетого хором) на праздновании лицейской годовщины 1828 года и впервые напеча-

¹ Эткинд Е. Г. 323 эпиграммы. Париж, 1988. С. 41.

² Цит. по: Беляев М. Д. Польское восстание по письмам Пушкина к Е. М. Хитрово // Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово, 1827—1832. Л., 1927. С. 294.

танного в «Отечественных записках» в 1861 году,³ есть, как остроумно заметил американский комментатор, две атрибуционные проблемы: во-первых, оно никак не опровергает (*refute*) Беранже, ибо представляет собой издательскую переделку бонапартистской песенки другого французского поэта, Поля-Эмиля Дебро (*Paul-Émile Debraux*, 1796—1831), а во вторых, возможно, что оно вообще не написано Пушкиным (по крайней мере полностью).⁴ В настоящее время авторство Пушкина признается большей частью исследователей,⁵ а атрибуция Пьеру-Жану Беранже (1780—1857) куплетов, написанных в 1817 году его современником, считается какой-то странной ошибкой или оговоркой поэта.

Приведем зачин французского стихотворения Дебро, ставшего в 1820—1830-е годы популярным романсом, а затем известной военной песнью:

*Te souviens-tu, disait un capitaine
Au vétéran qui mendiait son pain,
Te souviens-tu qu'autrefois dans la plaine,
Tu détournas un sabre de mon sein?
Sous les drapeaux d'une mère chérie,
Tous deux jadis nous avons combattu;
Je m'en souviens, car je te dois la vie!
Mais, toi, soldat, dis-moi, t'en souviens-tu?* etc.⁶

Русский пересказ этой песни (целиком она, насколько мы знаем, никогда не переводилась) был напечатан в книге «Отечественная война и русское общество, 1812—1912» и напоминает нечто среднее между воспоминаниями оссиановских бардов о минувших битвах и дуэтом Сильвы и Эдвина из оперетты Имре Кальмана:

Старый капитан встречает нищего-солдата, спасшего когда-то ему жизнь. Они вместе предаются воспоминаниям о пирамидах, Италии, Москве, Ватерлоо:

³ Гаевский В. П. Празднование лицейских годовщин в пушкинское время // Отечественные записки. 1861. Т. 139. №11. С. 36; 3-я паг. В собраниях сочинений Пушкина входит начиная со второго издания под редакцией Г. Н. Геннади (1870).

⁴ *Wachtel M.* A Commentary to Pushkin's Lyric Poetry, 1826—1836. Madison (WI), 2011. P. 66. Автографа этого стихотворения, известного по нескольким спискам в рукописных сборниках конца 1820 — 1830-х годов, не сохранилось.

⁵ О полемике об авторстве этого стихотворения см. обобщающую статью Н. Л. Дмитриевой в «Пушкинской энциклопедии» (Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2020. Вып. 4. С. 489—492).

⁶ *Debraux P.-É.* Chansons nationales et autres. Paris, 1822. P. 256.

Помнишь эти ледяные равнины,
Куда победоносно вступали французы
И где сугробы их кутали потом с головой?⁷
Там леденело их тело, но сердце продолжало гореть.
Скажи мне, скажи мне, солдат, помнишь ли ты?..

А помнишь ли ты... но тут мой голос дрожит.
Не нужно вспоминать об этом.
Пойдем, друг мой, поплачем вместе
В ожидании лучших дней.
А когда смерть придет в мою хижину
И позовет на заслуженный отдых,
Ты тихо закроешь мне веки
И скажешь: «А помнишь ли ты?..»⁷

Песня Дебро имела социально-историческую основу (легализация бродяжничества для инвалидов Наполеоновских войн) и эксплуатировала центральную мифологему эпохи Ста дней — тоску по героическому прошлому, смешанную с надеждой на возвращение века славы. Иллюстрацией этой «бонапартистской эмоции» является хорошо известный исторический анекдот о том, как старые товарищи-гвардейцы перешли на сторону императора, вернувшегося с острова Эльба весной 1815 года. Один из них отдал Наполеону честь ружьем, и «сей, взяв его за подбородок, сказал: “а! старый усач, помнишь ли, что и ты был с нами при Маренго?”»⁸ После поражения Наполеона и восстановления королевской власти большая часть солдат и офицеров Великой армии была демобилизована или отправлена в отставку на мизерную пенсию.⁹ В конце 1810-х — первой половине 1820-х годов песня Дебро на музыку Жозефа-Дени Доща-отца (Joseph Denis Doche père, 1766—1825) вошла в репертуар парижских «goguettes» (песенных клубов или компаний), часто посещавшихся разочарованными и ропчущими наполеоновскими ветеранами. Несмотря на правительственный запрет на политические куплеты и беседы, «память о Наполеоне была тщательно ин-

⁷ Отечественная война и русское общество, 1812—1912. М., 1912. Т. 6. С. 185.

⁸ Цит. по заметке: [Б. н.] Побег Наполеона с острова Эльбы в Париж (окончание) // Санкт-Петербургские ведомости. 1820. № 3. 9 янв. С. 23.

⁹ Athanassoglou-Kallmyer N. Sad Cincinnatus: Le soldat laboureur as an Image of the Napoleonic Veteran after the Empire // Arts Magazine. 1986. № 60 (May). P. 67.

тегрирована в вечерние пирушки»,¹⁰ ставшие питательной средой французского националистического ресентимента.

Исполненная Пушкиным и его однокашниками 19 октября 1828 года русская пародическая версия «Te souviens-tu...» была написана приблизительно за год до празднования лицейского дня. Скорее всего, именно о ней идет речь в письме Н. М. Языкова к брату от 20 ноября 1827 года, где он сообщил о получении двух новых пьес Пушкина — «Стансов» императору (1826) и «солдатской песни», которая в «своем роде лучше, но и в ней есть кое-что неприличное: стихи для рифмы, выражения неуместные».¹¹ Под названием «Рефутация Гна Беранжера» эта песня фигурирует в собственноручно написанном «Пушкиным-Французом» протоколе лицейской «сходки» 1828 года.¹²

Приведем полностью (не без некоторой брезгливости, вызванной современными историческими обстоятельствами) эту «солдатскую» переделку (или, используя подходящий термин Н. Остолопова, *перепеснь*¹³) популярных бонапартистских куплетов, приписанных русским поэтом главному французскому песеннику:

Ты помнишь ли, ах, ваше благородье,
Мусьё француз, г<овённый> капитан,
Как помятся у нас в простонародье
Над нехристом победы россиян?

¹⁰ Day B. A. Political Dissent and Napoleonic Representations during the Restoration Monarchy Historical Reflections // Réflexions Historiques. 1993. Vol. 19. № 3. P. 409—432.

¹¹ Языковский архив. СПб., 1913. Вып. 1: Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829). С. 343. Добавим два слова о рифме в зачине этого стихотворения, являющейся частой в русской литературе XIX века (обычно с ироническим оттенком). Например, она встречается у друга Пушкина В. К. Кюхельбекера в «Ижорском» (отрывок из драматической поэмы, опубликованный в «Сыне отечества» в начале 1827 года): «*Ямщик*: Так точно, Ваше Благородье... / Поют, признаться, так у нас — в простонародье» (Ч. 111. № 1. С. 96). Эта рифма нередко использовалась в водевилях (у М. Н. Загоскина в «Женатом женихе»: «Хоть так ее любите, мой родной, / Как любят жен у нас, в простонародьи. / Простите, ваше благородье!» — *Загоскин М. Н.* Полн. собр. соч. СПб., 1898. Т. 10. С. 10) и сатирических песенках (от огаревской «Песни русской няньки у постели барского ребенка»: «Спи, потомок *благородья*, / Баюшки-баю, / Я, дитя *простонародья*, / песенку спою» — Вольная русская поэзия второй половины XIX века. Л., 1959. С. 207 — до басенки Демьяна Бедного об Акиме).

¹² См.: Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания. Официальные документы. 2-е изд. М., 1997. С. 605.

¹³ *Остолопов Н.* Словарь древней и новой поэзии. СПб., 1821. Ч. 2. С. 332.

Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, <ебёна мать>?

Ты помнишь ли, как за горы Суворов
Перешагнув, напал на вас врасплох?
Как наш старик трепал вас, живодёров,
И вас давил на ноготке, как блох?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, <ебёна мать>?

Ты помнишь ли, как всю пригнал Европу
На нас одних ваш Бонапарт-буян?
Французов видели тогда мы многих <жопу>,
Да и твою, г<овённый> капитан!
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, <ебёна мать>?

Ты помнишь ли, как царь ваш от угара
Вдруг одурел, как бубен гол и лыс,
Как на огне московского пожара
Вы жарили московских наших крыс?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, <ебёна мать>?

Ты помнишь ли, фальшивый песнопевец,
Ты, наш мороз среди родных снегов
И батарей задорный подогревец,
Солдатской штгык и петлю казаков?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, <ебёна мать>?

Ты помнишь ли, как были мы в Париже,
Где наш казак иль полковой наш поп

Морочил вас, к винцу подсев поближе,
 И ваших жён похваливал <да ёб>?¹⁴
 Хоть это нам не составляет много,
 Не из иных мы прочих, так сказать;
 Но встарь мы вас наказывали строго,
 Ты помнишь ли, скажи, <ебёна мать>?¹⁵
 (III, 81—82)¹⁴

Первым на ошибку Пушкина (если это был Пушкин) и правильную атрибуцию французской песни указал редактор собрания сочинений поэта известный библиограф П. А. Ефремов.¹⁵

Как же получилось, что Беранже у русского поэта оказался в ответе за Дебро? Что именно пародирует Пушкин в «Рефутации»? Какое место занимает это стихотворение в истории русской военно-патриотической песенной традиции?

ОШИБКА ИЛИ ОБМАНКА

Исследователь творчества Беранже Ю. И. Данилин признавался, что ему «вовсе непонятно», зачем Пушкину нужно было опровергать авторство французского поэта на основании песни другого сочинителя, ведь он хорошо знал произведения Беранже и хранил в своей библиотеке ряд его изданий (заметим, что последние относятся к более позднему времени¹⁶).

Причины ошибки Пушкина (опять же если это был он) комментаторы обычно находят в творческой и идеологической близости двух французских поэтов-песенников. Беспечный и бездомный «литературный бродяга» Дебро был талантливым учеником и политическим единомышленником Беранже. Последний несколько раз в сво-

¹⁴ Насколько нам известно, первое печатное упоминание нецензурной песни Пушкина содержится в статье Е. И. Якушкина «По поводу последнего издания сочинений А. С. Пушкина» (Библиографические записки. 1858. № 10. С. 307). В собраниях сочинений Пушкина конца XIX — начала XX веков это стихотворение публиковалось с французским эпиграфом из зачина песни о капитане, дурно переведенного в 1919 году В. Я. Брюсовым, поместившим «Рефутацию» в раздел Dubia: «Ты помнишь ли, как молвил капитан, / Когда просил о хлебе ветеран» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. и 6 ч. / Ред., вступ. ст. и коммент. В. Брюсова. М., 1919. Т. 1. Ч. 1. С. 285).

¹⁵ Пушкин А. С. Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. 8-е изд. М., 1882. Т. 7. С. 349.

¹⁶ Самое раннее: Chansons inédites de P.-J. de Béranger, suivies des Procès. Paris, 1828 (см.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: (Библиографическое описание). СПб., 1910. С. 157. № 597, 598).

ем творчестве обращался к песне о наполеоновском капитане. На ее мотив он написал стихи, посвященные памяти Дебро («Émile Debraux. Chanson-prospectus pour les œuvres de ce chansonnier», 1831). Беранже также издал сборник песен своего друга. Иными словами, полагают, что Пушкин просто перепутал близких по духу и тесно связанных между собой сочинителей и обрушился на более известного (которого русский поэт не любил)¹⁷.

Между тем существуют и более изысканные истолкования его ошибки.

В примечании к стихотворению в собрании сочинений Пушкина 1882 года Ефремов в шутку предположил, что песня о капитане, вероятно, была завезена в Россию «под именем Беранже каким-нибудь гр<афом> Нулиным», то есть каким-то поверхностно образованным визитером.¹⁸

По мнению Е. Г. Эткинда, «Рефутация» представляет собой «как бы перевод из Беранже»: «Пушкин, вероятно, ошибся (или обманул)», создав в итоге «перевод некоего обобщенного текста, которого по-французски нет, хотя он в то же время и существует в совокупности различных песенных произведений».¹⁹

Л. М. Аринштейн утверждает, что имя Беранже появилось здесь не в результате недоразумения, как полагают другие комментаторы, «а вполне сознательно»: «Пушкин, конечно, знал, что <эту песню> сочинил Дебро. Но Пушкину не надо было, чтобы стихотворение прочитывалось как ответ Дебро. Ему нужна была ироническая двусмысленность, и имя другого песенника — Беранже, более чем подходило для его замысла».²⁰ Более того, «даже если допустить, что Пушкин перепутал имя автора песни», «то неужели никто из двадцати пяти бывших лицеистов, распевавших вместе с Пушкиным 19 октября 1828 г. эту песню, не заметил ошибки и не обратил на нее внимания Пушкина?»²¹ В интерпретации Аринштейна, Пушкин сознательно мистифицирует читателей и отсылка на «Бе-

---

¹⁷ Свидетельство П. А. Вяземского (см.: Томашевский Б. В., Вольперт Л. И. Беранже // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 18—19: Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». С. 62—63. Об использовании текста Дебро во французской песенной традиции 1820—1830-х годов см.: Laforte С. Le catalogue de la chanson folklorique française. Québec, 1983. Т. 6. Р. 69.

¹⁸ Пушкин А. С. Соч. 8-е изд. Т. 7. С. 349.

¹⁹ Эткинд Е. Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М., 1999. С. 525. Курсив наш. — И. В.

²⁰ Аринштейн Л. М. Пушкин: «Когда Потемкину в потемках...»: По следам «Непричесанной биографии». М., 2012. С. 212.

²¹ Там же. С. 209.

ранжера» скрывает за собой имя его (будущего) литературного антагониста Булгарина — отставного капитана наполеоновской армии (справедливости ради нужно сказать, что в 1827 году никакой вражды к Булгарину Пушкин не испытывал).

Александр Гаврилов в монографической статье об этом стихотворении, удачно озаглавленной «Наш ответ бонапартистам», обращает внимание на то, что лежащую в его основе песню друзья Пушкина Вяземский и Вульф также связывали с именем Беранже.²²

При великой славе Беранже и часто изустной передаче французской песни о «Капитане» в России нетрудно было сбиться на мысль, что это сочинение знаменитейшего из французских песельников, политическим воззрением которого текст Дебро не противоречит. А уж сочиняя некое возражение французам, безусловно, авантажнее было метить в более знаменитого из них. Так и связали русскую перепевку «Капитана» с Беранже. Наконец, сбивающим с толку обстоятельством было, пожалуй, и то, что песня к середине 1820-х гг. (не забудем о махровой Реставрации в этот исторический момент) стала распеваться и за пределами Франции, прямотаки соблазняя к переделке и всевозможным литературным проделкам — тому самому, что с некоторых пор музыканты называют римейком, то ремиксом и вообще *second hand song*.²³

С этими рассуждениями мы в принципе согласны, но история пушкинского «римейка» ложного Беранже представляется нам гораздо проще и — интересней.

МНИМЫЙ БЕРАНЖЕ

В 1820-е годы слава Беранже как французского народного поэта достигает своей высшей точки, чему, безусловно, способствовал судебный процесс против него, начавшийся в 1821 году и привлечший к себе внимание тысяч людей во Франции и других европейских странах, включая Россию. В декабре 1821 года «Сын отечества» сообщил читателям, что «Сочинитель многих замысловатых Песень» был «осужден Парижскою Уголовною палатою по приго-

---

²² См. в дневниковой записи Вульфа от 9 апреля 1829 года: «...провели вечер, твердя Романс Беранжера: “Souvenir d'un Capitaine”» (Любовные похождения и военные походы А. Н. Вульфа: Дневник 1827—1842 годов. Тверь, 1999. С. 85).

²³ Гаврилов А. К. Наш ответ бонапартистам: «Рефутация г-на Беранжера» // Звезда. 2012. № 12. С. 219.

вору Присяжных на трехмесячное заключение в тюрьму, уплату 500 фр <анков> пени и судебных издержек за напечатание Собрания Песень в числе 10,000 экземпляров, в коих он оскорбил нравственность и особу Короля. Все издание сих Песень конфисковано»²⁴ (известно, что несколько сотен экземпляров успели раскупить). Укажем, что, очевидно, на этот знаменитый процесс (известный как «un procès pour des chansons»²⁵) намекает Пушкин в письме к брату из Михайловского от 20 декабря 1824 года, говоря о том, что опасается «попасть в крепость *pour des chansons*» за какую-то свою (или чужую) «святочную песенку» (неизвестный ноэль) (XIII, 130). Имя Беранже становится знаменем поэтического вольномыслия и оппозиционности (несомненно влияние его политических куплетов на песни декабристов, например, на «Царь наш немец русский» Рылеева и Бестужева²⁶).

В конце 1826 года «Московский телеграф» печатает «извлечение» из «Письма из Парижа», представляющее собой настоящую апологию французской политической поэзии и ее главному «песельнику», названному здесь «едва ли не первым поэтом Франции»:

Вам, вероятно, известны некоторые песни Беранже, но не все, по той причине, что сей беспечный Анакреон совращается иногда с пути ко храму славы и сколько волею, а вдвое того неволею (как говорится в наших сказках) заходит в тюрьму Св. Пелагии и там постится за нескромности Музы, не вовремя откровенной. Но впрочем, он и там *живет припеваючи*, и многие из песен его, писанных под затворами тюремными, так же свободны и милы, как и прежние.

<...> ...в своих патриотических песнях он от шутки вдруг взлетает до высшей степени отваги лирической; в нежных и эротических куплетах он изобилует элегическими прелестями, и Муза его, увенчанная розами и плющем, вздыхая сквозь улыбку, наводит на вас радость и уныние по воле; в куплетах сатирических он ювеналовскими стрелами клеймит своих противников.²⁷

²⁴ Сын отечества. 1821. Ч. 74. № 52. С. 284.

²⁵ «Un procès pour des chansons!.. en France!» См.: Procès fait aux chansons de Pierre Jean de Béranger. Bruxelles, 1822. P. 45. У Пушкина в библиотеке было издание 1828 года (Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. С. 157. № 597—598).

²⁶ Ср., например, рефрен к издательской песенке Беранже 1823 года о царе Навуходоносоре: «Gloire à Nabuchodonosor!»

²⁷ [Вяземский П. А.] Письмо из Парижа (извлечение) // Московский телеграф. 1826. Ч. 12. № 22. Отд. II. С. 63—64.

Pierre Jean de Béranger, Victor Joseph Etienne de Jouy, Alexis Lagarde, E. de Pradel, etc. *La marotte de Sainte-Pélagie*, ou: *Motus en prison*. Paris, 1825. Эпиграф из рефрена к стихотворению Беранже «Ma guérison»

«Письмо из Парижа» было написано П. А. Вяземским, «одним из первых поклонников в России великого песенника». ²⁸ Как отмечает С. Н. Дурылин, в исторической обстановке конца 1826 года (года процесса над декабристами) эта мистификация «с немалой гражданской смелостью дает апологию политической поэзии и поэта, как политического деятеля». ²⁹

Слава Беранже порождает моду на Беранже. Его стихотворения, в том числе запрещенные, переписывают, переводят и перепевают на русский лад; популярностью пользуются портреты песенника и литография картинки, изображающей беспечного стихотворца в парижской тюрьме. ³⁰

Пушкин, как известно, упоминает какую-то «последнюю песню» поэта, вывезенную из Франции галломаном Нулиным (заметьте, что сама поэма о незадачливом графе была опубликована в конце 1827 года, то есть приблизительно в то же время, когда была написана «Рефутация»). По предположению Н. Н. Мазур, пушкинский комический герой привез в Россию третий том парижского собрания сочинений Беранже, вышедший в 1825 году и включавший его «новые песни» (то есть те самые, на которые намекал в сво-

---

²⁸ *Нечаева В. С.* Французская литература и П. А. Вяземский в преддекабрьскую эпоху // Литературное наследство. М., 1937. Т. 31—32. С. 85. «Это письмо и следующие из Парижа, — признавался Вяземский позднее, — писаны просто в Москве. Участвуя в “Телеграфе”, хотел я придать этому журналу разнообразие и, так сказать, движение жизни». Материалом для его обзора стали французские газеты и журналы (прежде всего «Revue Encyclopédique») и письма парижских знакомых, из которых Вяземский, по собственному признанию, составлял «свои подложные письма, которые в то время читались с живым любопытством» (*Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1878. Т. 1. С. 222; см.: *Дурылин С. Н.* П. А. Вяземский и «Revue Encyclopédique» // Там же. С. 105). Вяземский еще в 1818 году предлагал Пушкину перевести одну из песен Беранже на русский язык (см.: *Нечаева В. С.* Французская литература и П. А. Вяземский в преддекабрьскую эпоху. С. 86).

²⁹ *Дурылин С. Н.* П. А. Вяземский и «Revue Encyclopédique». С. 105.

³⁰ Стихотворения Беранже переводили во второй половине 1820-х годов Дельвиг, Вяземский, В. И. Туманский, Лермонтов и В. Л. Пушкин. Драгоценный том Беранже, якобы съеденный собакой Дельвига, упоминается в шуточных стихах последнего, датированных 1827 годом: «Хвостова кипа тут лежала, / А Беранже не уцелел! / За то его собака съела, / Что в песнях он собаку съел!» (*Дельвиг А. А.* Соч. Л., 1986. С. 170). Эти стихи, по воспоминаниям Анны Керн, были положены на музыку и исполнялись хором (см.: *А. С. Пушкин в воспоминаниях современников.* М., 1974. Т. 1. С. 402). Заметим, что в приведенном экспромте, по всей видимости, каламбурно обыгрывается идиома «собаку съел, только хвостом» (здесь: Хвостовым. — *И. В.*) подавился» (*Даль Вл.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., Т. 4. 1909. С. 333), относящаяся к кому-то, сделавшему трудное дело, но не справившемуся с простым.

ем «подложном письме» Вяземский).³¹ Но более вероятно, что граф приобрел во время своего путешествия совсем другое издание, не выпущенное в Париже, но нелегально туда завезенное. По крайней мере, именно оно, как мы постараемся показать, оказалось в распоряжении Пушкина.

Когда печатание и продажа песен Беранже были запрещены в королевстве, эстафету подхватила соседняя либеральная Бельгия, славившаяся на всю Европу дешевыми пиратскими изданиями популярных авторов. В 1820-е годы в Брюсселе вышло несколько скороспелых контрафактных собраний произведений поэта, изобиловавших, как указывает Жюль Бривуа в подготовленной им библиографии произведений Беранже, ошибками и ложными атрибуциями.³² Эти издания очень быстро раскупались и развозились по всей Европе. «За томик этого великого поэта, — писал в марте 1824 года Стендаль, — который благодаря г-ну Дема стоит три франка в Женеве, в Лионе платят двадцать четыре франка, и не всегда еще можно его достать. Нет ничего забавнее списка запрещенных к ввозу произведений, вывешенного в канцелярии таможни в Бельгарде, расположенном между Женевой и Лионом. В то время как я читал этот список, смеясь над его бессилием, несколько честных путешественников переписывали его, чтобы выписать указанные в нем произведения. Все они говорили мне, что везут в Лион Беранже».³³

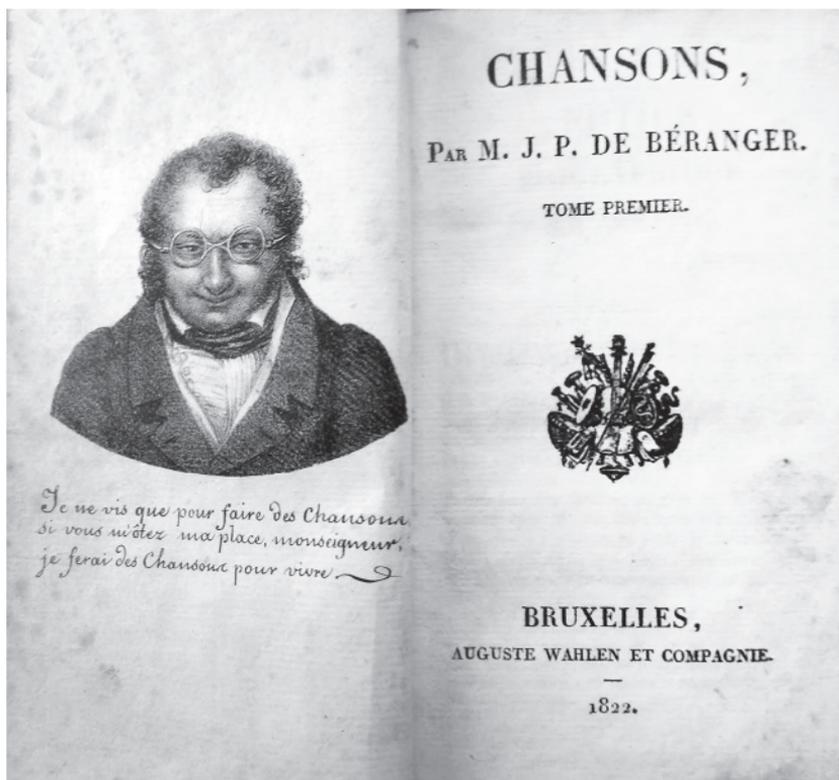
Добавим, что этот завезенный из Бельгии пиратский Беранже включал несколько чужих песен и открывался... чужим портретом, изображавшим какого-то круглолицего кучерявого весельчака (возможно, стилизованное изображение бога-насмешника Мома) в круглых очках с толстой оправой. Этому курьезному портрету француз-

---

³¹ В черновиках поэмы говорится о «последнем томе» и «новейшей песне Беранжера» (V, 168). См. остроумную гипотезу Н. Н. Мазур, идентифицировавшую эту песню как «La Double Chasse» («Двойная охота») (*Мазур Н. Н. Пушкин и Беранже: К источникам фабулы «Графа Нулина» // Stanford Slavic Studies. Stanford, 2007. Vol. 33, 1: The Real Life of Pierre Delalande: Studies in Russian and Comparative Literature to Honor Alexander Dolinin. P. 38–51*). Б. М. Гаспаров считал, что речь у Пушкина шла о кощунственном политическом стихотворении Беранже «Mon Dieu», которое поэт упоминает в письме к Вяземскому, предлагая шутки ради приписать его перевод благонамеренному и робкому дяде (см.: *Гаспаров Б. Поэтический язык Пушкина. СПб., 1999. С. 262*).

³² См.: *Brivois J. Bibliographie de l'œuvre de P.-J. de Béranger. Paris, 1876. P. 5*.

³³ *Стендаль. Расин и Шекспир. II / Пер. Б. Г. Рейзова // Собр. соч.: В 15 т. М., 1959. Т. 7. С. 73*. Российская цензура также регулярно запрещала ввоз сборников песен Беранже, что не мешало их широкому распространению. См.: Общий алфавитный список книг на французском языке, запрещенным иностранною цензурою безусловно с 1815 по 1853 год включительно. СПб., 1855. С. 29–30.

Chansons par M. J. P. Béranger. Bruxelles, 1822. Deux volumes

ский песенник посвятил остроумные «Couplets sur un prétendu portrait de moi» («Куплеты к моему портрету», 1826):

Ах, фантастический портретик,
Попавший в новый сборник мой,
Ужель ты думаешь, что каждый
Смешает здесь меня с тобой?
Ты можешь сам себя украсить
Венком лавровым, впрочем, нет, —
Гирляндой роз себя обвей ты,
Но все же ты не мой портрет.

Нет, нет!

Ведь ты совсем не мой портрет.³⁴

³⁴ Бера́нже П.-Ж. Полное собрание песен. В переводе русских поэтов / Под ред. С. С. Трубочева. СПб., 1905. Т. 3. С. 116; пер. А. А. Коринфского.

Во все упомянутые бельгийские собрания, принесшие недобросовестным издателям изрядную прибыль,³⁵ включена была песня «Ты помнишь ли?» («Te souviens-tu») под заголовком «Souvenirs d'un militaire (de 1790 à 1821)» (последняя дата — очевидный намек на смерть Наполеона) и с указанием на мотив известной песни «Du lancier Polonais».³⁶ Кроме того, в середине 1820-х годов бонапартистское «Воспоминание война» было напечатано в Брюсселе в составе семи переплетенных песен с указанием на авторство Беранже, нотами Анри Жерома Бертини (Henri Jérôme Bertini, 1798—1876) и литографией бельгийского иллюстратора Жана-Батиста Маду (Jean-Baptiste Madou, 1796—1877), изображающей наполеоновского офицера в треуголке и седого усатого солдата, просящего милостыню (стереотипный сюжет визуальной пропаганды бонапартистов), в присутствии внимательно слушающей их разговор собачки («une levrette») (возможно, тоже ветеранки, вроде Серого Платона Каратаева, а может быть, той самой, что, по преданию, съела томик Беранже барона А. Дельвига, не покусившись на лежащую рядом рукопись графа Хвостова³⁷).

Скорее всего, «ошибка» Пушкина объясняется тем, что с текстом песни он познакомился по некачественному брюссельскому изданию (не сохранившемуся в его библиотеке) или по долетевшим до России листкам с песней Беранже на музыку Бертини, использованным бонапартистами для политической агитации.³⁸ (Менее ве-

---

³⁵ В одной из заметок в «Отечественных записках» указывалось, что бельгийские издатели ничего не платят автору книги, не имеют «никаких расходов на объявления и программы, и, конечно, не удивительно, что дешевые издания французских книг числом экземпляров гораздо превышают оригинальные парижские, служа неистощимым источником обогащения для бельгийских книгопродавцев». Здесь же сообщается, что «бельгийская контрфакция более всего нанесла убытков Беранже», напечатав 30 000 экземпляров сочинений последнего (Контрфакция французских книг в Бельгии // Отечественные записки. 1841. Т. 14. № 1. Отд. VII. С. 21).

³⁶ Chansons par Pierre Jean de Béranger. Bruxelles, 1822. Т. 2. Р. 193. Тот же текст в брюссельском издании «Chansons par Pierre Jean de Béranger» 1826 года (р. 458). В сводном индексе запрещенных иностранных книг (Общий алфавитный список книгам на французском языке. С. 29) значителен бельгийское издание песен Беранже 1824 года (Bruxelles: Chez Auguste Wahlen et Co., 1824. Tome I—II; запр. д. п. 1825, № 525).

³⁷ О мотивах Беранже в творчестве Дельвига см.: *Бодрова А. С.* К истории одного куплетного мотива: «La bonne aventure, ô gué» // (Не)музыкальное приношение, или Allegro affettuoso: Сб. статей к 65-летию Бориса Ароновича Каца. СПб., 2013. С. 179—180.

³⁸ Эти издания, несмотря на цензурные запреты, были известны российским читателям. Так, по сообщению историка русской книги XIX века А. А. Сидорова, деревянные виньетки из брюссельского издания Беранже «перекочевали в Рос-

*Titre d'une chanson politique de Béranger publiée à Bruxelles
Lithographie du peintre Madou, vers 1825*

роятно, хотя и не исключено, что поэт мог слышать чье-то исполнение этих куплетов, приписанных главному французскому песеннику бельгийскими издателями.)

сию» (Сидоров А. А. Искусство русской книги // Русская книга: Деятнадцатый век. М., 2008. Ч. 2. С. 182).

Показательно, что не только Пушкин, Вяземский и Вульф ориентировались на брюссельского Беранже, но и большой поклонник творчества последнего И.-В. Гёте. В 1827 году он прислал своему другу композитору Карлу Фридриху Цельтеру том с песнями Беранже.³⁹ В ответном письме, датированном 14 марта 1827 года, Цельтер признался, что «Souvenirs d'un militaire» выжали из него самые горькие слезы: «Лишь тот, кто страдал, может иметь опыт, говорить и чувствовать, и только это может быть утешением».⁴⁰

Жертвой бельгийской коммерческой мистификации стал и молодой философ Карл Маркс (а за ним его немецкие и русские последователи и переводчики). В известной статье о прусской цензуре, вышедшей в 1842 году в «Рейнской газете» (Rheinische Zeitung. 1842. Mai. № 139), он, рассуждая о влиянии политики и экономических обстоятельств на свободу творчества, приводит в пример высказывание своего любимого французского поэта:

Беранже поет: «Je ne vis, que pour faire des chansons, / Si vous m'ôtez ma place Monseigneur, / Je ferai des chansons pour vivre».

В этой угрозе кроется ироническое признание, что поэт унижает свое звание, когда поэзия становится для него средством.⁴¹

В русских переводах начиная с издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса 1928 года французская цитата представлена в виде следующего малохудожественного *стихотворного* отрывка:

Живу для того лишь, чтоб песни слагать,
Но если, о сударь, лишен буду места,
То песни я буду слагать, чтобы жить.⁴²

---

³⁹ Мнение Гёте о поэзии Беранже записал в 1827 году Иоганн Петер Эккерман: «Беранже всегда напоминает мне Горация и Гафиза, эти оба тоже стояли над своим временем, с веселой насмешкой бичуя упадок нравов. Беранже занял ту же позицию в отношении окружающего его мира. Но так как он выходец из низких слоев общества, то беспутство и пошлость не столь уж ненавистны ему, я бы даже сказал, что он говорит о них не без некоторой симпатии» (Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни / Пер. с нем. Н. Ман. М., 1986. С. 209).

⁴⁰ Briefwechsel zwischen Goethe und Zelter in den Jahren 1796 bis 1832. Berlin, 1834. 4. Theil. S. 275. О восприятии творчества Беранже в Германии см.: Linder-Beroud W. "Schier dreißig Jahre bist du alt..." Zur populären Wirkung des Chansonniers Pierre-Jean de Béranger (1780–1857) in Deutschland // Lied und Populäre Kultur. 2012. Vol. 57. S. 57–79.

⁴¹ Маркс К. Дебаты шестого рейнского ландтага. Статья первая. Дебаты о свободе печати и опубликовании протоколов Собрания земских чинов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. / Под ред. и с примеч. Д. Рязанова. М.; Пг., 1923. Т. 1. С. 144.

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. / Под ред. Д. Рязанова. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 181.

Проблема заключается в том, что ни такого стихотворения, ни вообще такого высказывания у Беранже нет. Маркс позаимствовал эти строки из одного из контрафактных бельгийских изданий песен французского поэта, где эта вымышленная *прозаическая* цитата, набранная курсивом («Je ne vis, que pour faire des Chansons, si vous m'ôtez ma place, monseigneur, je ferai des Chansons pour vivre»), помещена под упоминавшимся выше портретом фиктивного Беранже.⁴³ В позднейших биографиях поэта эти апокрифические строки, впоследствии растиражированные интерпретаторами Маркса, приводились как остроумный ответ песенника французскому министру, угрожавшему ему увольнением (были и другие версии). Эта легенда, по всей видимости, восходит к автобиографическому примечанию самого Беранже к одному из самых популярных своих политических стихотворений «Les Oiseaux» («Птицы»): «Песня попала в руки полиции. Беранже сделали выговор и грозили лишить его должности. Тогда-то отвечал он, смеясь: “Если у меня отнимут место, я сделаюсь журналистом. Что для них лучше?” Его оставили в должности экспедитора».⁴⁴

По иронии судьбы Маркс пустил в идеологический оборот литературную коммерческую фальшивку (так сказать, «призрак Беранже»), «примкнув» к ряду введенных в заблуждение бельгийским издателем авторов.

Но мы ушли в сторону. Летом 1827 года новая «песня Беранже» о капитане становится известна в пушкинском кругу. А. И. Тургенев в письме к брату Николаю из Эмса от 17 июля 1827 года сообщает, что в тот день он читал новые стихи Вяземского «Коляска» и «подтягивал» внучке фельдмаршала Суворова кн. Марье Аркадьевне Голицыной, исполнившей романс на «слова Беранжера “Т'en souviens-tu?”», восхитившие Тургенева: «Они так хороши, что хочется прислать их к тебе. Он не называет Наполеона, но все подвиги Франции и Наполеона — в воспоминаниях старого солдата».⁴⁵ На том же вечере у Голицыной был и ее давний поклон-

---

⁴³ Эта цитата также приводится в сноске к стихотворению Беранже «Adieux à la Campagne» в изд.: *Ideler L. Handbuch der französischen Sprache und Literatur*. Berlin, 1835. Bd 4. S. 292. Соблазнительно предположить, что и Пушкин мог обратить внимание на эту приписанную Беранже цитату, — вопрос о цене вдохновения был для него тогда весьма актуален (от «Разговора книгопродавца с поэтом» (1824) до «Египетских ночей» (1835)).

⁴⁴ *Dernières chansons de P. J. de Béranger: 1834 à 1851*. Paris, 1859. P. 260. Цит. по русскому переводу М. Михайлова: *М. И. Птицы // Слово*. 1878. № 11. С. 144.

⁴⁵ Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу. Лейпциг, 1872. С. 43. Французская песня о капитане была хорошо известна в России в 1830—

ник В. А. Жуковский.⁴⁶ Сам Пушкин мог слышать этот романс в исполнении Голицыной на одном из ее музыкальных вечеров в Петербурге в мае 1828 года, но к этому времени текст его пародии уже был написан.

Иначе говоря, несмотря на существовавшие издания Дебро,⁴⁷ песня о тоскующих по героическому прошлому наполеоновских ветеранах в 1820-е годы в Европе прочно ассоциировалась с именем Беранже. Ошибочная атрибуция была устранена только в начале 1830-х годов.⁴⁸ Видимо, отсылку к этой песне Дебро Беранже сознательно — ради восстановления справедливости — ввел в свой поэтический реквием по умершему последователю:

Бедный Эмиль — он пред нами мелькнул
Милой веселью, лучистою тенью;
Много блуждает напевов его,
От поколенья летя к поколенью.
В области песен веселых царя,
Дал он шарманкам и хорам свободу;
Из кабачка в кабачок шли за ним
Песни любви к беднякам и народу...
<...>

1860-е годы: она упоминается в произведениях Казака Луганского В. И. Даля («Вакх Сидоров Чайкин», 1843), Д. В. Григоровича («Проселочные дороги», 1852) и М. Е. Салтыкова-Щедрина (высмеивается в «Помпадурях и помпадуршах»). Последний куплет этой песни цитируют В. С. Печерин в эпитафии к главе «Новинциат (1840—1841)» в «Замогильных записках» и А. И. Герцен в четвертой части книги «Былое и думы», где описывается «медовый месяц» и крушение Французской республики: «Об этих днях я много писал. Я мог бы тут кончить, как старый капитан в старой песне: “*Te souviens-tu?.. mais ici se m’arrête, / Ici finit tout noble souvenir*”. Но с этих-то проклятых дней и начинается последняя часть моей жизни» (Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 10. С. 24).

⁴⁶ Жуковский В. А. Полн. собр. сочинений и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 13. С. 273.

⁴⁷ Chansons nationales et autres. Paris, 1822. P. 256—258; Paris, 1826. P. 140—142.

⁴⁸ Представление о возможной принадлежности этой песни Беранже дошло до начала 1840-х годов. См., например: «В песне, приписываемой Беранже, на которую он не предъявляет прав, мы находим следующий трогательный призыв к французскому воинству» (Fraser’s Magazine for Town and Country. 1842. Vol. 26. P. 747). Сам Пушкин мог узнать о ее настоящем авторе из примечания к стихотворению «Эмиль Дебро» в имевшейся в его библиотеке (и, кстати, запрещенной цензурой к ввозу в Россию в 1833 году) книге Беранже, посвященной Люсьену Бонапарту (Chansons nouvelles et dernières de P. J. de Béranger, dédiées à M. Lucien Bonaparte. Paris, 1833; Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. С. 157. № 599). Страница с этим примечанием разрезана поэтом (р. 237).

В сумрак могилы сошел молодым.
— Старый — его провожал я угрюмо;
Из кабачка долетел к нам напев
Пьяниц каких-то среди гула и шума.⁴⁹

ПАМЯТЬ ЖАНРА

К европейской истории песни мнимого Беранже относятся многочисленные отсылки к ней и пародии на нее (французские, бельгийские, голландские, немецкие, датские, итальянские, испанские, английские, чешские и польские; либеральные, монархические, националистические, милитаристские, антивоенные, комические и эротические; студенческие, гимназические, журналистские и «простонародные»), начиная с шуточного перепева, написанного ее настоящим автором («La Riporée»)⁵⁰. Переводы и вариации на тему этого стихотворения появлялись на разных языках вплоть до середины XIX века.⁵¹ Не стала исключением и Россия.⁵²

17 сентября 1832 года поэт-патриот Михаил Иванович Максимов (ок. 1810 — не ранее 1859)⁵³ опубликовал в «Северной пчеле» приуроченное к Бородинской годовщине стихотворение «Воспоминания воина. (Подражание Беранже)» на голос «T'en souviens-tu, disait un Capitaine». Эта же песня вышла в первой части его сборника «Минстрель: Песни» (М., 1833) с посвящением его высокопревосходительству Ивану Ивановичу Дмитриеву.⁵⁴ В 1836 году Мак-

⁴⁹ Беранже Ж. П. Полн. собр. песен. СПб., 1905. Т. 3. С. 272—273; пер. А. А. Коринфского. Курсив наш. — И. В.

⁵⁰ Сразу за этой песней в издании Дебро 1826 года (р. 142—144) помещена пародия на нее под названием «La Riporée», «где с использованием структуры и узнаваемых вкраплений из “Капитана” на мелодию Доша описана жизнь довольно буйных бродяг» (Гаврилов А. К. Наш ответ бонапартистам. С. 218). Примечательно, что в мартовском номере журнала «Le kaléidoscope: journal de la littérature, des mœurs et des théâtres» за 1828 год выходит написанный на голос песни о капитане «Ответ г-ну Беранже» («Réponse à M. de Béranger»). Le kaléidoscope: journal de la littérature, des mœurs et des théâtres. Bordeaux, 1828. Т. 10. P. 291—292.

⁵¹ См.: Hougaard Ch. “Erindrer de” chez les peuples slaves // Revue des études slaves. 1977. Т. 50. Fasc. 3. P. 403—416.

⁵² Об истории русского восприятия Беранже см.: Старицына Э. А. Беранже в русской литературе. М., 1980.

⁵³ О поэте М. И. Максимове, представляющем собой «архаический по типу, хотя и распространенный в 19 в., феномен “поэта-патриота”, продолжающий традицию одописцев 18 в.», см. статью В. Г. Беспрозванного и Р. Г. Лейбова в биографическом словаре «Русские писатели. 1800—1917» (М., 1994. Т. 3. С. 484).

⁵⁴ Как отмечают Беспрозванный и Лейбов, в «Минстреле» «соединились офицонная риторичность с ориентацией на песенную традицию Беранже» (Там же).

символ напечатал это стихотворение в брошюре «Патриотические песни» (1836; с приложенными нотами и посвящением вел. кн. Михаила Павловичу). Во второй половине XIX века оно вошло в репертуар солдатских песен и приобрело широкую известность.

Прочитируем этот дифирамб российским победам от 1812 до 1832 года целиком:

* * *

Ты помнишь ли, товарищ неизменный,
Так капитан солдату говорил:
Ты помнишь ли, как гром грозы военной
Святую Русь внезапно возмutil?
Ты помнишь ли, как мы под знаменами
Отечества сражались со врагом?
Как он бежал несметными толпами?
Скажи, солдат: ты помнишь ли о том?..

* * *

Ты помнишь ли поход тот незабвенный,
Когда мы шли Царей восстанавливать,
Когда нас вел наш Царь Благословенный
Желанный мир народам даровать?
Ты помнишь ли, как наш орел двуглавый
На высотах Монмартра, бросив гром,
Дал миру мир во имя Русской славы?
Скажи, солдат: ты помнишь ли о том?..

* * *

Ты помнишь ли, когда Париж надменный
Нам отворил заветные врата,
И отдал лавр, коленопреклоненный,
И ждал от нас с покорностью суда?
Ты помнишь ли, как русские знамена
Явились в нем с победным торжеством
И мир сложил ярмо Наполеона?..
Скажи, солдат: ты помнишь ли о том?..

* * *

Ты помнишь ли, как с громом НИКОЛАЯ
Мы перешли заоблачный Кавказ!
Как дух вражды грома и укрощая
К победам вел герой Паскевич нас!

Ты помнишь ли, когда над Эриванью
Вознесся наш, каратель злобы, гром
И нам Иран предстал с покорной данью?..
Скажи, солдат: ты помнишь ли о том?..

* * *

Ты помнишь ли: как Русский за Балканы
Перешагнул? — Ни меч, ни тяжкий зной
Не заградил пути во вражьей страны
И музульман бежал гоним грозой!..
Ты помнишь ли, как мы в Адрианополе
Явились вдруг с губительным штыком...
И нам открыт был путь в Константинополь...
Скажи солдат: ты помнишь ли о том?..

* * *

Ты помнишь ли, как древней нашей славы
Не признавать дерзнул мятежный Лях?..
Ты помнишь ли, как он в стенах Варшавы
Раскаялся — и пал, погранный, в прах?
Ты помнишь всё, товарищ славы бранной!
Дай руку мне, войди в мой мирный дом...
Жив Русский Бог! Жив ЦАРЬ Боговенчанный!
И Русь славна!.. Да помнят ввек о том!⁵⁵

В сборнике композитора-фольклориста Вильгельма Наполеоновича (sic!) Гартевельда «1812-й год в песнях: собрание текстов 33 русских и французских песен эпохи нашествия Наполеона I-го в Россию в 1812 г.» (М., 1912) приводятся первые три строфы этой «солдатской песни про 1812—1814 годы», с некоторыми изменениями⁵⁶. «Песня эта, — говорится в публикации, — очень красивая по мелодии, возникла сначала у французов, и текст у них посвящен воспоминаниям французского капитана о победах Наполеона и о его походах. Впоследствии возник русский текст песни, где говорится о победах Александра I. В конце концов надо еще прибавить, что автор мелодии немец Голтей».⁵⁷

⁵⁵ Максимов М. И. Минстрель. М., 1833. Ч. 2. С. 11—14.

⁵⁶ Отдельным изданием с нотами эта «приноровленная к русским чувствам» песня вышла в изд.: Гартевельд В. Н. Ты помнишь ли?: Солдатская песня про 1812 год: Для пения соло с аккомпаниментом фортепьяно. Записал и гармонизировал В. Н. Гартевельд. СПб., [б. г.].

⁵⁷ Гартевельд В. Н. 1812-й год в песнях: Собрание текстов 33 русских и французских песен эпохи нашествия Наполеона I-го в Россию в 1812 г. М.,

О существовании пушкинского патриотического нецензурного варианта, напечатанного Гаевским в 1861 году, составитель сборника ничего не говорит (очевидно, не знал). Судя по зачину, именно эту солдатскую песню, сочиненную Максимовым, пародирует переводчик Беранже Василий Курочкин в стихотворном памфлете на катковский журнал «Русский вестник» «Ты помнишь ли, читатель благосклонный».⁵⁸

О. И. Сенковский в рецензии на «Патриотические песни», напечатанной в «Библиотеке для чтения» в 1836 году, не только едко высмеял фанфаронаду Максимова, назвав ее «самым явным подражанием *Московским Ведомостям*», но и намекнул на ее литературную генеалогию: желая написать «Воспоминания Русского воина», автор якобы «взял их из “воспоминаний Французского воина”, то есть из известной песни Беранже — “Помнишь ли ты, храбрый воин” и еще не из *Французского подлинника*, но из *рукописного Русского подражания этой песне*. Это самый новый и удобнейший способ вспоминать без утруждения своей памяти».⁵⁹ Весьма вероятно, что Сенковский намекает здесь на пушкинскую нецензурную пьеску, разошедшуюся в многочисленных списках под разными названиями — «Пародия», «На голос: Те souviens-tu?», «Французская песня» и просто «Песня».⁶⁰

1912. С. 41. Здесь явная ошибка публикатора, назвавшего композитором немецкого поэта и драматурга Карла фон Холти (Karl von Holtei, 1798—1880), переложившего в 1825 году «Te souviens-tu, disait un capitaine» для своего зингшпиля о Тадеуше Костюшко «Der alte Feldherr» («Старый генерал»). Рефреном этой «арии» были слова «Soldat, denkst du daran?» («Солдат, ты думаешь об этом?»).

⁵⁸ Курочкин В. С. Песни, сатиры и рифмы (оригинальные и переводные). СПб., 1869. Т. 2. С. 103. Еще раньше, в 1840 году, мотив песни о капитане использовал для своего переложения известного стихотворения Беранже «Мой фрак» («Mon Habit», 1819) водевиллист Д. Т. Ленский: «Будь верен мне, приятель мой короткий, / Мой старый фрак, другого не сошью» (Смирдин М. Песни для русского народа: с приложением куплетов: В 2 т. СПб., 1839. Ч. 1. С. 357). Заметим, что от «Mon Habit» отталкивался князь Вяземский в знаменитом «Послании к халату» («Прости, халат! Товарищ неги праздной...», 1817, опубл. 1821). Известна также пародия Ф. А. Кони «Дифирамб искреннему другу мелочному лавочнику» (1848) на комплиментарную переделку французской песни в честь благодетеля Излера: «Хвала тебе, торговец благородный...», с рефреном: «Ты помнишь ли? но не забудем мы!» (Поэты 1840—1850-х годов. Л., 1972. С. 333—334 («Б-ка поэта». Большая сер.)). В свою очередь, формулы из песни Максимова прочно вошли в лексикон русской военно-патриотической песни: «Блести, товарищ неизменный, / Блести, мой треугольный штгык! / Как к брату брат, о друг мой верный, / Так точно я к тебе привык» (Володкович Н. К штгыку // Библиотека для чтения. 1836. Т. 18. № 9. Отд. I. С. 21).

⁵⁹ Библиотека для чтения. 1836. Т. 17. № 7. Отд. VI. С. 4.

⁶⁰ См. перечень списков и упоминаний этой песни: III, 1151—1152.

Примечательно, что именно эти «народные» куплеты Максимова, ставшие своего рода эталоном официально-простонародного русизма в период (подавления) европейских революций, подразумевает лесковский священник Савелий Туберозов в дневниковой записи о «новых новостях» от 9 декабря 1849 года, посвященной «фраштыку» у недавно назначенного городничего, который «подвыпив изрядно» пел: «Ты помнишь ли, товарищ славы бранный?»⁶¹, а «сынишка его, одетый в русской рубашке» продолжал: «Ах, мороз, морозец, молодец ты русский!»⁶¹

К концу XIX века «Ты помнишь ли, товарищ неизменный» становится одной из самых популярных солдатских песен⁶² и часто упоминается в художественной литературе. Ее разучиванию и исполнению в школе кантонистов посвящен колоритный пассаж из книги В. Н. Никитина «Многострадальные»:

Федоренко обращается к хору с наставлением:

— Хорошенько откашляться; в пении у меня не хрипеть, вперед не выскакивать, позади тоже не оставаться. Брать тон дружно, вместе, всякий голос знай свой такт. Где нужно тихо — щебечи, как снегирь, где надо громко — стрельни, как пушка. Чувствуете? Ну, а где надо ровно, плавно — раздробись на соловьиную трель и тяни раскатисто, как ружейная стрельба. Слышали? Поняли? Ну, с Богом! «Ты помнишь ли, товарищ неизменный?» Сапунов, начинай со мной вместе. (Сапунов, мальи́й лет 20, был главным его помощником и запевай.) Раз-два-три!

— «Ты помнишь ли, товарищ неизменный?»⁶³, — запекает Федоренко, подперев щеку левою рукою. — «Так капитан солдату говорил; ты помнишь ли, как гром грозы военной святую Русь внезапно возмутил?»

Песенники подхватывают.

— Отставить! — вдруг среди песни гаркнул Федоренко, побавляя глас.

Хор смолкает.

— Ну как вас не пороть, свиньи? Как вас не пороть, когда вы своим криком режете кишки мои, визжанием пилите мне по сердцу? Козлы вы этикие! Берегись! «Грянул внезапно»... слушать меня! Припевать в такт! Вздую, ей-ей, вздую.⁶³

⁶¹ Лесков Н. С. Божедомы: (Эпизоды из неоконченного романа «Чающие движения воды») // Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 2000. Т. 7. С. 96.

⁶² Известна, в частности, ее переделка, приспособленная к севастопольской кампании: после слов «когда мы шли» здесь вставлено было «под Севастополь» (Клепиков С. А. Русская песня. М., 1939. С. 136).

⁶³ Никитин В. Н. Многострадальные: Очерки прошлого. СПб., 1895. С. 49.

Песня мнимого Беранже имела и другие патриотические отголоски в русской поэзии. Так, комментаторы пушкинского стихотворения о капитане указывают на курьезные стихи приятеля Вяземского, веселого стихоплета и композитора-дилетанта князя Александра Сергеевича Голицына (1789—1858) «Песнь, петая русским гренадером в Париже французскому ветерану, в ответ: *Te souviens tu*», опубликованные без прохождения цензуры в Ленчице Калишской губернии в том же революционном 1849 году. Автор этих незатейливых куплетов, возможно подражавших пушкинским, был участником Бородинского сражения, закончил войну в чине капитана, впоследствии принял участие в подавлении Венгерской революции и с 1843 по 1858 год служил калишским военным губернатором:

К чему поешь — о нищий Ветеран!
Без смысла песнь — где жлет твой Капитан?
К чему опять — Вы рветесь с нами в драку
Забыли вы — Сколько биты были в сраку?
<...>
Припомнишь ли — как мы вдоль всей Европы
Стреляли мы — не в лица Вам, но в жопы
Припомнишь ли — как стыдно под конец
Ты сдал Париж — без боя, как подлец!⁶⁴

Любопытно, что эта череда издевательских напоминаний, адресованных нищему французскому ветерану, заканчивается на примитивной ноте, видимо соответствовавшей историческому моменту (подавление «европейской весны» с помощью российской армии и восстановление старого порядка в Европе):

Я все сказал, — время помириться
Целуй меня — перестань сердиться
Я так же дряхл — дай руку мне пожать
А уж тогда — легко нам умирать.

ХОР. Забыл уж я — как шибко ты бежал
Забудь и ты — Кто сильно Вас бивал, bis.

---

⁶⁴ [Голицын А.] Песнь, петая русским гренадером в Париже французскому Ветерану, в ответ: *Te souviens-tu?* [Ленчиц, 1849]. Цит. по экземпляру с авторской правкой из собрания Российской национальной библиотеки. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1192048/?ysclid=lo5h1dqhlh626864487 (обращение: 28.10.2023).

Шутливый характер этого стихотворения подчеркивается посвящением «моему другу» барону Николаю Романовичу фон Бистрому (1806—1873), офицеру лейб-гвардии Уланского Ее Величества полка, и указанием на обстоятельства, при которых была сочинена эта песня:

Александр Князь ГОЛИЦЫН 5.
От скуки при рекрутском
наборе 22 Сентября (4 Октября)
1849 года. В Г. Ленчице.

Известен еще один (кавказский) перепев песни о капитане на русский лад, представляющий собой воспоминания русского офицера о горской экспедиции и битве за Гимры, столицу имама Шамиля, в октябре 1832 года. По словам барона А. Е. Розена, старший адъютант корпусного штаба Лев Львович Альбрандт (Альбранг; 1804—1849) воспел в нем «главных вождей того времени на Кавказе в подражание известной песни *Беранже*»:

Не помнишь ли, товарищ славной брани,
Когда мы шли, неся и смерть и страх,
Когда удар могучей русской длани,
Вздвогнув, познал наш непокорный враг?
Когда дрожа, со страхом перед нами,
Свободы знамя Горец преклонил,
Когда у нас горячими слезами,
Как робкий раб, пощады он молил.

Не помнишь ли, как на скалах Галгая
Наш гром за сводом дальних облаков
Гремел и, горы грозно потрясая,
Борьбу небесных потрясал громов?
Забыл ли ты, когда Мюрат Кавказский,
Наш храбрый Засс, летя вперед с мечом,
В Герменчуке нас вел на приступ адский
И взял завал, в окоп влетя орлом?

Не помнишь ли, товарищ мой прекрасный,
Когда в лесу средь неприступных скал
Наш злобный враг готовил пир ужасный
И дерзко звал на гибельный завал?
Когда пошли — и бездны задрожали —
Вольховский вел вперед со славой нас:

Там каждый шаг мы кровью обагрjali,
Но смело шли — и страх склонил Кавказ.

Забыл ли ты, когда наш *Розен* смелый
Через бездны в бездну Гимрскую провел,
Когда кавказцам, воин поседельный,
Он новый лавр победный приобрел?
Когда на льдистом теме Гимридага
Наш *Вельяминов* знамя воздрузил,
И в пасти страшной Гимрского оврага
Он колыбель злодеев сокрушил?

Не помнишь ли, но нет... я перестану,
Товарищ мой, бывшее вспоминать;
Когда от бури жизни я устану,
С семьей родной дни буду доживать,
Прийди тогда, молю, в мою ты хату,
Ее огнем любви ты озари;
С тобой молиться будем мы Пенату,
Любви святой воздвигнем алтари!⁶⁵

Наконец, следует упомянуть еще один случай российской трансформации песни Беранже, на этот раз прямо связанный с более ранней пушкинской пародией. Михаил Федорович Федоров в своих «Походных записках на Кавказе» рассказывает о состоявшемся накануне занятия в 1838 году ущелья Шапсуго разговоре с одним капитаном:

Во время закуски он по-прежнему начал просить меня, после десанта, написать что-нибудь по случаю участия в этом деле корпусного командира, и добавил: «Нельзя ли, вот, например, на этот голос?» и запел куплет из пародии на известную французскую патриотическую песню Беранже:

«. . . . .
Да что с тобою толковать нам много;
Не из таких мы прочих, так сказать.
А встарь мы вас наказывали строго...
Ты помнишь ли, француз е. . . .».

⁶⁵ *Розен А. Е.* Записки декабриста. Лейпциг, 1870. С. 377. В публикации в «Отечественных записках» (1876. № 11) указание на авторство Беранже снято и приведенные стихи названы пародией «известной песни в память наполеоновских войн и походов: “Т'en souviens-du? disait un capitaine”» (с. 133).

«Знаю, знаю», — перебил я его, заметив, что наша беседа обращает на нас внимание людей весьма солидных.⁶⁶

На другой день Федоров передал своему капитану написанную им «песню на занятие Шапсуго на голос: “Т'en souviens-tu, disait un capitaine”»:

К Творцу миров взнесем молитвы, други,
Он нас в час битв десницей осенил:
В горах Туапсе, на берегах Шапсуги,
Победный путь наш Он благословил.

Давно ль точил черкес свои булаты,
И встретить нас в Шапсуго слово дал?
Но лишь сверкнул в долине штык крылатый —
И враг-хвастун стремглав от нас бежал.

Он не забыл туапского ущелья,
Где с верой в Бога вышли мы на брег,
Где дали мы веселое сраженье —
И где враг бросился в постыдный бег.

Нам не забыть Шапсуг с его горами,
Где чуть явились ряды дружин —
И враг в лесах спасался перед нами;
Где с нами был бесстрашный Головин.

Друзья! вождям — сердец благодаренье,
Надежды звездами они в боях!
Они грозой врагам, в огонь сраженья
Идут бесстрашно с первыми в рядах.⁶⁷

«Дня через три после написания этой песни, — продолжает Федоров, — капитан говорит мне: “Что это такое? когда я сам пою вашу песню — идет хорошо, у песенников что-то не складно; хотел переменить голос, но, черт знает, никакой не приходится; пробовал и «При долинушке», и «Среди долины» — все-таки не приходится; порешил оставить для себя — буду петь под гитару. Сделайте милость, не обижайтесь»». Мемуарист замечает, что «хорошо понял причину затруднения песенников, привыкших петь, так сказать, под

⁶⁶ Федоров М. Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год // Кавказский сборник. Тифлис, 1879. Т. 3. С. 142.

⁶⁷ Там же. С. 144—145.

барабан, в четный такт, и потому весьма естественно, что пятистопный ямб напеву их не подчинялся». ⁶⁸ Между тем проблема здесь была не в пятистопном ямбе (песня Максимова успешно исполнялась армейскими песенниками на несколько упрощенный вариант мелодии Доша), а, скорее всего, в качестве самих возвышенно-невыразительных («надежды звездами») и труднопроизносимых стихов («миров взнесем», «враг в лесах» и т. д.).

Наконец, в николаевское царствование в списках ходило стихотворение Петра Саакадзева «Песня. Подражание Беранжеру», начинавшееся стихом: «Ты помнишь ли, спросил у инвалида...» ⁶⁹ Автор этого переложения «Т'en souviens-tu» происходил из известного грузинского княжеского рода, учился в Первом Кадетском корпусе, участвовал в Русско-турецкой войне 1828—1829 годов и в подавлении польского восстания. Любопытно, что в середине 1830-х годов он оставил военную карьеру и стал учителем русской литературы в польских гимназиях, где требовал от учеников «выбить из головы Польшу». В 1849 году он был отправлен в отставку за «беспокойный и сварливый нрав». ⁷⁰

Как видим, в царствование Николая I в России сформировалась целая традиция (суб-жанр) патриотических (серьезных, шуточных, издевательских) перепевов стихотворения мнимого Беранже, у хронологических истоков которой, по всей видимости, находится «солдатская песня» Пушкина, первым заменившего историческую меланхолию оригинала бравурными куплетами в честь героических командиров и российских побед. (Показательно, что в опубликованной М. А. Щербининым тетради П. П. Каверина конца 1820-х — начала 1830-х годов были записаны и французская песня о капитане, и пушкинская пародия, и «Воспоминание война» Максимова — очевидно, что единство жанра хорошо осознавалось товарищем Пушкина.) На сюжетно-стилистическом уровне к этой литературной традиции (но с иной метрической схемой) примыкает и «простонародная» батальная баллада большого поклонника французского поэта М. Ю. Лермонтова «Бородино» (1837), воспроизводящая ключевые формулы песни мнимого Беранже, пропущенные, как в версиях Пушкина и Максимова, сквозь сознание (язык) старого солдата-ветерана:

⁶⁸ Там же. С. 145—146.

⁶⁹ См.: Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М., 1980. Ч. 2. С. 266.

⁷⁰ Цабан В. Русские учителя в Королевстве Польском в XIX — начале XX века // Столица и провинция в истории России и Польши. М., 2008. С. 288.

«Скажи-ка, дядя, ведь недаром
 Москва, спаленная пожаром,
 Французу отдана?
 Ведь были ж схватки боевые?
 Да, говорят, еще какие!
 Недаром помнит вся Россия
 Про день Бородина!»
 <...>
 Изведал враг в тот день немало,
 Что значит русский бой удалый,
 Наш рукопашный бой!..
 Земля тряслась — как наши груди,
 Смешались в кучу кони, люди,
 И залпы тысячи орудий
 Слились в протяжный вой...⁷¹

Как пронизательно заметил К. В. Душенко, образ лермонтовского «дяди» можно считать «частичным аналогом образа гроньяра» — солдата-ворчуна из наполеоновского мифа французской литературы. Такое сходство, по мнению исследователя, становится еще заметнее, «если вспомнить, что в “ворчании” дяди (“Богатыри — не вы!”) нередко усматривали аллюзию на уход с исторической сцены поколения декабристов».⁷² Уточним, что не только (или не столько) декабристов, но всего поколения героев Наполеоновских войн, оплакиваемых в песнях Беранже и Дебро.

Новый импульс национально-политическим переделкам песни псевдо-Беранже в стиле *à la russe* дала Восточная (Крымская) война

⁷¹ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 4 т. СПб., 2014. Т. 1. С. 282—283; курсив наш. — И. В. См. также перепев русского переложения Беранже в ученическом стихотворении М. М. Стасюевича «Инвалид», помещенном в рукописном журнале учеников Ларинской гимназии «Нестройная лира» 1840 года: «Ты помнишь ли мои забавы / И помнишь ли Бородино, / Когда мы в цепь Российской славы / Вплетали славное звено!? / Ты знаешь воина игрушку, / Непобедимый Русский штык, / Когда, начав с врагом пирушку, / Он кончит пир победой в миг. / Хотя штык кован не из золота, / Да лишь бы весело шалил / И с ним ты Русского солдата / Наверное не позабыл / Ты помнишь общее веселье, / Когда скомандуют: в штыки! / И тут врагам всегда похмелье, / Похмелье славное в крови. / Какое, друг, воспоминанье / Во мне всё это возбудит! / С тех пор люблю солдата званье? / Горжусь, я русский Инвалид» (М. М. Стасюевич и его современники в их переписке. СПб., 1911. Т. 1. С. 34—35). Отголоском песни «Беранже» является стихотворение М. А. Демидова (1818—1841) «Воспоминания воина» («Ты помнишь ли, брат, как молва прилетела...») (Демидов М. А. Дельные безделки. М., 1840).

⁷² Душенко К. В. Никола Шовен, легендарный патрон шовинизма // Литературоведческий журнал. 2022. № 2 (56). С. 55.

1853—1856 годов, вернувшая к жизни образ хвастливого французского интервента и воспоминания о былой русской славе, предлагавшие, как точно заметила Ольга Майорова, «одну из возможностей утвердить статус России как первостепенной европейской державы».⁷³ В 1854 году в «Москвитянине» появляется стихотворение давно забывшего о своем былом либерализме П. А. Вяземского «Не помните?» (с французским эпиграфом из песни о наполеоновском капитане), написанное в Карлсруэ и служащее ярким примером свойственного некоторым русским (и не только русским) поэтам умения жонглировать историческими шапками под барабанное биение себя в грудь пятистопными ямбами:

У вас, господ из шайки Бонапарта,
Набегами тревожившей весь свет,
У вас своя история и карта,
Где черных дней, где темных точек нет.
Свой ряд имен пустили вы в огласку,
Ведете счет одним удачным дням;
А там, где мы путем вам дали таску,
Не помните? — так мы ж напомним вам.⁷⁴

Обращение Вяземского к старому мотиву было ответом на новую волну бонапартизма во Франции, где песня о капитане опять вошла в моду и распевалась на новый лад в связи с войной в России⁷⁵. В конце жизни знаток, хранитель и популяризатор француз-

---

⁷³ *Maïorova O. From the shadow of empire: Defining the Russian nation through cultural mythology, 1855—1870. Madison (WI), 2010. P. 129.*

⁷⁴ Цит. по публикации в характерном сборнике того же времени: *Путтилов Н. Сборник известий, относящихся до настоящей войны. Отд. 5. Патриотизм России. Стихотворения. М., 1855. С. 141. Ср. пародию на мемориально-патриотическую тему в шуточном перепеве лермонтовского стихотворения Д. Д. Минаева «Война и мир» (1868): «Скажи-ка, дядя, без утайки, / Как из Москвы французоз шайки, / Одетых в женские фуфайки, / Вы гнали на ходу» (*Минаев Д. Д. Избранное. Л., 1986. С. 117*).*

⁷⁵ Известно несколько ура-патриотических французских переделок песни о капитане, включавших отсылки к севастопольской кампании (например: «*Te souviens-tu, des plaines de Crimée, / Dont sous nos pas, on vit trembler le sol, / Te souviens-tu qu'un jour la Renommée, / De ses cent voix, cria Sébastopol!*», etc. — *Blainville J. de. Zou-zou dis-moi, t'en soviens-tu // Album chantant, ou La chanson de tous et pour tous. Paris, 1864. Т. 3. P. 161*). Очень любопытно переложение песни Дебро, напечатанное в 1854 году под названием «*L'Invalide*» и датированное днем высадки союзников в Крыму (14 сентября): старый солдат (одна из реинкарнаций Николая Шовена) возвышенно напутствует своего идущего на новую войну сына, вспоминая одну за другой десять ран, которые он получил в десяти

ской песенной традиции Вяземский обвинил Беранже в поэтическом воскрешении Наполеона:

Да, песней тех не будь, да, *Беранже не пой* —
И ваш Наполеон, отшедший на покой,
Остался б на скале и после смерти узник;
Не вспомнили б о нем ни маршалы, ни блузник.
Но ловкой выходкой удачного певца
Французские умы, французские сердца,
Под обаянием и магнетизмом песни,
Давно умершему сказали: «Ты, воскресни!»
И ожил их мертвец, воскрес Наполеон.
(«Santa Elena», 1864)⁷⁶

LES LANCIERS COSAQUES

Вернемся к «Рефутации» Пушкина. Совершенно очевидно, что ее автор не перепутал сочинителя военно-ностальгической песни о капитане, не был обманут лукавым мистификатором вроде Мери-ме и сам не мистифицировал публику, а, ориентируясь, как многие его современники, на брюссельское издание, счел это популярное стихотворение политическим манифестом нелюбимого им поэта и образцом новой французской национально-демократической песни. Но зачем он решил его опровергать с помощью снижающей (унижающей) пародии под маской грубого солдата-патриота? (Заметим,

---

наполеоновских баталиях (см.: *Brame Ch. A. H. Chants de la guerre de Russie: A l'alliance anglo-française. Paris, 1854. P. 22).*

⁷⁶ *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 58. Забегая (далеко) вперед, укажем, что эхо мемориально-фамильярно-компенсаторской песни о капитане, абсорбирующей сентиментально-элегическую по своему происхождению формулу-эмотив «скажи, [солдат,] ты помнишь?», слышится во многих стихотворных дружеских посланиях-песнях о войнах и военных конфликтах XX—XXI веков — от «Ты помнишь, товарищ, как вместе сражались, / Как нас обнимала гроза?» (Михаил Светлов) и «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины» (Константин Симонов) до (пост)советской элегической военной поэзии на темы «никогда не забудем», «нас предали» или «можем повторить» (например, «Скажи, ты помнишь, мой браток, Берлин с тобою взятый» <<https://spasibo.pobeda.tv/contest/55269>; обращение: 28.10.2023>). В заключение экскурса в историю русской военной песни на мотив фальшивого Беранже вспомним радикальное переосмысление традиционного элегического монолога застрявшего в прошлом капитана в замечательной песне «русского Беранже» XX века Владимира Высоцкого «Случай в ресторане» (1967): «Он все больше хмелел. Я за ним по пятам. / Только в самом конце разговора / Я обидел его, я сказал: — Капитан! / Никогда ты не будешь майором!» (*Высоцкий В. С. Избранное. М., 1988. С. 44).*

что в ноябре 1827 года отношения имперской России и королевской Франции были прекрасными — только что вместе с англичанами союзники разгромили турецкий флот в Наваринской бухте.)

Александр Гаврилов в числе возможных причин указывает на резкое неприятие Пушкиным бонапартизма, угрожавшего политической стабильности Европы.⁷⁷ Добавим, что в ноябре 1827 года (к слову, 18 брюмера / 9 ноября — свято чтимый бонапартистами день прихода к власти Наполеона) Франция оказалась на грани нового переворота: победа на выборах либералов и националистов привела к уличным волнениям и баррикадным боям в Париже. В этом же году бонапартистская тема проникает в высокую поэзию («Ода колонне Вандомской площади» («Ode à la Colonne de la Place Vendôme») Виктора Гюго), выводя наполеоновскую легенду на новый — политико-эстетический — уровень.

Наконец, в том же году в Эдинбурге выходит многотомное исследование Вальтера Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов» («Life of Napoleon Buonaparte, Emperor of the French»; во французском переводе, напечатанном в 1827 году в Париже, — «Vie de Napoléon Buonaparte, Empereur Des Français»), представляющее наполеоновскую эпопею как историю наказания Франции за надменность и слепой эгоизм великого военачальника и государственного деятеля. Российская кампания Наполеона рассматривается в седьмом томе английского издания. Причину «этой самой страшной катастрофы» Великой армии Скотт видит не в суровой русской зиме, а в «моральной ошибке и даже преступлении» Наполеона, вызвавшего своими оторванными от реалий действиями подъем русского национального чувства «от берегов Борисфена до стен Китая», которое «вооружило» против него «разноплеменных обитателей сей обширной Империи, любящих свою веру, свое правление и свое отечество с такою пламенною преданностью, которой он не в состоянии был оценить».⁷⁸ Критика деятельности Наполеона Вальтером Скоттом немедленно вызвала отповедь адъютанта императора, бывшего генерала гвардии Гаспара Гурго (Gaspard

⁷⁷ В этом стихотворении исследователь видит «русский отклик на европейские споры об исторической роли Наполеона в ответ на сверхпопулярную и за пределами Франции песню Дебро». И далее: «На бонапартистскую ностальгию французских авторов, из которых в России всех известнее был Беранже, пушкинская, судя по внешним свидетельствам, песня-пародия отвечала, в обстановке новых военных предприятий со стороны русского правительства, героическими воспоминаниями о 1812 г.» (Гаврилов А. К. Наш ответ бонапартистам. С. 221).

⁷⁸ Scott W. Life of Napoleon Buonaparte. Edinburgh, 1827. Vol. 7. P. 421—422. Цит. по русскому переводу: Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарте, Императора Французов / Пер. С. де Шаплет. СПб., 1832. Ч. 10. С. 175—176.

Gourgaud, 1783—1752) в трактате «Опровержение “Жизни Наполеона” сэра Вальтера Скотта» («Réfutation de la “Vie de Napoléon” Par Sir Walter Scott»), напечатанном в том же Брюсселе в 1827 году.⁷⁹ Тогда же в Париже и Брюсселе вышел еще один памфлет в защиту памяти Наполеона — «Опровержение доклада капитана Мейтланда, командира корабля “Беллерофон”, о посадке Наполеона на корабль».⁸⁰ Автором этого бонапартистского трактата был либеральный юрист Феликс Барт (Félix Barthe, 1796—1863), ставший в 1828 году адвокатом Беранже на новом «антипесенном» процессе.⁸¹

Установление брюссельского источника «Рефутации г-на Беранже» позволяет конкретизировать исторический и идеологический контекст, в котором могло восприниматься Пушкиным это стихотворение. Так, указание на мотив его исполнения («Du lancier Polonais») включало в ассоциативный ряд современников легенду о верных Наполеону польских уланах, нашедшую отражение в сочиненной поэтом-бонапартистом, «старым солдатом» Эженом де Праделем (Eugène de Pradel, 1784—1857) ко дню возвращения императора в Париж в марте 1815 года песне «Польские уланы. Дань уважения храбрецам, отличившимся в боях под французским флагом» («Les Lanciers polonais. Hommage aux Braves qui se sont illustrés en combattant sous les drapeaux français») (впоследствии мотив этой популярной песни стал основой для гимна революционной Бельгии «La Brabançonne» («La Bruxelloise»)):

Dans la froide Scandinavie,
Du héros retentit le nom.
Soudain la Pologne asservie,
Se lève pour Napoléon.

⁷⁹ См.: Catalogue d'une belle collection de livres. Gand, 1828. P. 9. Публикация этого сочинения, по мнению Гаврилова, могла послужить стимулом обращения Пушкина к жанру réfutation в стихотворении, написанном в конце осени 1827 года (см.: Гаврилов А. К. Наш ответ бонапартистам. С. 220—221). Следует добавить, что только в 1827 году во Франции вышло более десяти книг и брошюр, включавших в название слово «Réfutation» (см.: Bibliographie de la France. 1827. Index). В свою очередь, связь этого жанра с именем Беранже актуализировалась судебным процессом над поэтом и его песнями (см.: Béranger P.-J. de. Procès faits aux chansons. Paris, 1828. P. 146).

⁸⁰ Réfutation de la relation du capitaine Maitland, commandant de le *Bellérophon*, touchant l'embarquement de Napoléon à son bord; rédigée par M. Barthe. Paris, 1827.

⁸¹ В декабре 1828 года во Франции прошел второй процесс над Беранже и его песнями, в результате которого поэт был приговорен к 9 месяцам тюремного заключения и штрафу в 10 000 франков.

Il avait brisé les entraves
 De ce peuple ami des Français.
 Et la France au rang de ses braves
 Compta les lanciers polonais, etc.⁸²

Едва ли Пушкин слышал знаменитую песню «старого солдата» Праделя (или о песне Праделя), но включенная в бельгийские публикации «Souvenir d'un militaire» отсылка к теме национального освобождения Польши с помощью наполеоновской армии (теме, ставшей впоследствии ключевой для Беранже⁸³) могла послужить для него дополнительным раздражителем (как известно, взгляды автора незаконченного послания «Графу Олизару» и «Бориса Годунова» на Польшу как на естественного непримиримого соперника России во славянстве сформировались у Пушкина задолго до восстания и войны 1830—1831 годов⁸⁴).

Показательно, что в исторической перспективе стихотворение о капитане, приписывавшееся Беранже и исполнявшееся на «польский» мотив, стало образцом для нескольких патриотических переделок на польский язык, написанных в начале 1830-х годов.⁸⁵

Приведем в качестве примера «приноравления», говоря словами Гартевельда, «Souvenir d'un militaire» «на польские чувства» анонимную «Песню ротмистра», впервые напечатанную в «Warszawie

⁸² Перевод: «В холодной Скандинавии / Звенит имя героя. / Внезапно поработенная Польша / Восстала за Наполеона. / Он разбил оковы / Этого народа, друга французам, / И Франция среди храбрецов своих / Считала польских уланов и т. д.» (франц.). В публикации в «Poésies révolutionnaires et contre-révolutionnaires» эта песня подписана: «Par Pradel, vieux soldat» (Nancy, 1821. Т. 2. Р. 183—185). Об истории песни см: Ireland W. H. The Napoleon anecdotes. London, 1823. Pt. 3. P. 27.

⁸³ Как хорошо известно, Беранже был активным сторонником польской независимости. В 1830 году он стал одним из инициаторов парижского Польского комитета, в пользу которого напечатал сборник, состоящий из четырех произведений («Спешите», «Понятовский», «14-е июля 1829 г.», «Друзьям, которые стали министрами») и посвящения генералу Лафайету — «Президенту Польского комитета и первому гренадеру варшавской национальной армии» (см. Кацнельсон И. Неопубликованные письма Беранже // Литературное наследство. М., 1939. Т. 33—34. С. 678).

⁸⁴ См.: Беляев М. Д. Польское восстание по письмам Пушкина к Е. М. Хитрово. С. 259—262.

⁸⁵ См.: Kaleta R. “Wspomnienia weterana”: Polskie potomstwo pieśni Bérangera // Kaleta R. Sensacje z dawnych lat. Wrocław, 1974. S. 210; Zieliński A. Poetyckie echa doby napoleońskiej w powstaniu listopadowym // Prace Polonistyczne: Studies in Polish Literature. 1974. Т. 31. S. 282—286. Автором этих песен польские исследователи считают переводчика и поэта, храброго наполеоновского офицера Людвика Камински (Ludwik Kamiński, 1786—1867).

Oswobodzone» в 1830 году⁸⁶, а в следующем году перепечатанную с изменениями в составе комической оперы в трех актах «Popłoch Moskali» («Испуг москалей»); текстом-посредником здесь, как полагает польский исследователь Р. Калета,⁸⁷ стало переложение песни о капитане в стихотворном дуэте Тадеуша Костюшко и храброго солдата Лагиенки из немецкого зингшпиля Карла фон Холти «Der alte Feldherr» («Старый генерал») 1825 года.⁸⁸ Польский офицер напоминает солдату-соотечественнику о том, как храбро они сражались под предводительством Костюшко за свободу Польши от Московии:

Czyli pamiętasz — mówił do żołnierza
Poważny rotmistrz od znaku pancerza —
Czyli pamiętasz, jak z kosynierami,
Mężnie walczyłeś pod Raclawicami?
Czyli pamiętasz, jak wobec Kościuszki,
Wpadł jeden Polak na moskiewskie pusзки,
Przez jedno czapkę zapalu pokrycie
Ocalił wodza, i rycerzy życie?⁸⁹

Большой популярностью пользовалось еще одно вышитое по канве песни «Беранже» стихотворение «Памяти старого рыцаря» («Wspomnienie starego rycerza»), напечатанное в 1833 году в сборнике «Bard nadwiślański, nad brzegami Duransy i Rodanu». «А помнишь

⁸⁶ См.: *Kaleta R.* “Wspomnienia weterana”. S. 238.

⁸⁷ *Popłoch Moskali: Komedyo-opera we trzech aktach.* Warszawa, 1831. S. 14–15.

⁸⁸ Куплеты старого солдата Лагиенки на мелодию «Soviens-tu...» Доша получили широкое распространение в немецкой литературе и вызвали целый ряд подражаний и переделок, включавших написанную в 1870 году известную антивоенную песню «Ich bin Soldat» (финальная строфа: «Ihr Brüder all', ob Deutsche, ob Französen, / Ob Ungarn, Dänen, ob vom Niederland, / Ob grün, ob rot, ob blau, ob weiß die Hosen, / Gebt euch statt Blei zum Gruß die Bruderhand! / Auf, lasst zur Heimat uns zurückmarschieren, / Von den Tyrannen unser Volk befrei'n; / Denn nur Tyrannen müssen Kriege führen, / Soldat der Freiheit will ich gerne sein!» — *Franz J.* Sozialdemokratische Lieder und Deklamationen. Zürich, 1875. S. 30–32). Эта песня с несколько измененным текстом получила второе рождение во время Первой мировой войны. Современную версию с русским переводом можно послушать здесь: <https://www.youtube.com/watch?v=HYTf0LrmBul>

⁸⁹ «Помнишь ли, говорил солдату / Суровый ротмистр панцирной кавалерии, / Помнишь ли, как [вместе] с косинерами / Храбро сражался под Рацлавицами? / Помнишь ли, как перед Костюшко / Набросился один поляк на московские пушки / И только лишь шапкой прикрыв запал / Спас жизнь вождя и рыцарей» (*польск.*; пер. С. И. Николаева). Эту песню можно послушать здесь: https://www.youtube.com/watch?v=MX_zPxMMF1k

времена? — спрашивал в этом стихотворении польский ротмистр своего товарища-солдата, — слишком короткие дни, к сожалению, — когда славилась эта польская земля. Помнишь ли, когда за нанесенные нам обиды мы в ответ точили мечи о стены Кремля?» (заметим, что и в польских, и в русских версиях песни псевдо-Беранже «рифмуются» «кремлевские» исторические сюжеты 1612 и 1812 годов):

Pamiętasz — mówił Rotmistrz do żołnierza,
Co długo służąc wyszedł na żebraka;
Pamiętasz kiedyś w szturmie Sandomierza
Zwrócił ode mnie oręż Austryjaka?
Pod jednym znakiem i w równym zaszczycie,
Dzielnym Ojczyznę broniliśmy grotem,
Ja to pamiętam, bom ci winien życie,
Lecz ty, żołnierzu, czy pamiętasz o tém?

Pamiętasz czasy? zbyt krótkie niestety!
Kiedy ta polska słyęła kraina,
Pamiętasz, gdyśmy krzywd niosąc odwety,
Miecze ostrzyli na murach Kremlina.
Mimo fal, w których groziła zatrata,
Wszak Orły nasze zwycięskim polotem,
Wyspy nowego odwiedziły świata
Powiedz żołnierzu, czy pamiętasz o tém?⁹⁰

Антироссийская направленность этих польских переделок совершенно очевидна. Надо полагать, что приведенная выше песня Максимова 1832 года была ответом не на бонапартистское стихотворение мнимого Беранже, популярное во время Июльской революции 1830 года, а на его польский национально-освободительный перепев, подготовленный патриотической песней Праделя и немецкой версией Холти: «Powiedz żołnierzu, czy pamiętasz o tém» —

⁹⁰ Bard nadwiślański, nad brzegami Duransy i Rodanu. 1833. № 1. S. 5—6; перевод: «Помнишь ли, говорил ротмистр солдату, / Что долго служил, а стал нищим, / Помнишь ли, когда при штурме Сандомира / Отвернул от меня оружие австрияка? / Под одним знаменем и с равной честью / Доблестным копьем мы защищали родину. / Я это помню, потому что обязан тебе жизнью, / А ты, солдат, помнишь ли об этом? // Помнишь ли время, краткое, к сожалению, / Когда славилась эта польская земля, / Помнишь ли, когда мы, отмищая, / Точили мечи о стены Кремля. / Несмотря на волны, которые грозили гибелью, / Однако наши орлы в победительном полете / Навестили острова нового мира, / Скажи, солдат, помнишь ли об этом?» (польск.; пер. С. И. Николаева).

«Скажи, солдат: ты помнишь ли о том?» К слову, напомним, что в начале 1830-х годов Беранже был активным сторонником польского дела.

Наконец, в связи с полемической русской темой «Рефутации» имеет смысл подробнее остановиться на вскользь упомянутом Гавриловым знаменитом стихотворении Беранже «Песня казака» («*Le Chant du Cosaque*»), написанном на голос «*Dis-moi, soldat, dis-moi, t'en souviens-tu?*» и включенном в «новые песни» поэта.⁹¹ Это политико-апокалиптическое стихотворение воспроизводит в новой итерации восходящую к наполеоновской эпохе тему «казачьей угрозы» Европе и строится как обращение французского поэта к могучему демоническому дикарю.⁹² Последний изображается здесь как новый Аттила, несущий разрушение прогнившей европейской цивилизации (рефреном песни является обращение казака к своему коню: «*Hennis d'orgueil, o mon coursier fidèle, / Et foule aux pieds les peuples et les rois!*» — «Славься гордо, мой верный конь, / И топчи под ногами народы и царей!»). По словам историка французской политической поэзии, это стихотворение суммирует «взгляды рядового француза на роль России, вдохновляемой принципами Священного Союза, — роль международного полицейского, умиротворяющего революционные движения Запада». Казак Беранже, идущий «по зову тиранов на расправу с бедными подданными, о морали и психологии которых не сказано ни слова», есть не что иное, как «резкое орудие деспотизма», его «миссия» «не имеет ни тени привлекательности, ничем не объясняется, кроме трусости и подлости с одной стороны, и жадной грабежа и удалью — с другой!»⁹³

Эта песня была включена во все брюссельские издания 1820-х годов, указанные в библиографии Бривуа (в издании 1826 го-

⁹¹ См.: Гаврилов А. К. Наш ответ бонапартистам. С. 219.

⁹² О генеалогии и истории «книжного мифа о казаке-варваре» во Франции см.: Кабакова Г. Свечкоед // Новое литературное обозрение. 1998. № 6 (34). С. 55–77; Гладышев А. 1814 год: «Варвары Севера» имеют честь приветствовать французов. М., 2019. В одном из ярких антиказацких памфлетов 1814 года, введенных в научный оборот Гладышевым, приводится перевод с русского языка (очевидно, мистификация) песни убитого под Монтро казака, поющего о том, что «золото и женщины станут здесь нашей добычей», а французские дети и женщины «заселят наши пустынные просторы» (с. 48).

⁹³ Петров Д. К. Очерки по истории политической поэзии XIX в.: Россия и Николай I в стихотворениях Эспронседы и Россетти. СПб., 1909. С. 150. См. также из современной рецензии на том Беранже, включавший это стихотворение: «...пугающий, угрожающий Европе призрак варварства, куда оно, похоже, намерено вновь вторгнуться» (*Revue encyclopédique*. Paris, 1826. Т. 30. Р. 383). В более поздних стихах Делавиня, Гюго и Эспронседы на эту тему дикий казак обрушивался на незащищенную Польшу и на Европу.

да она помещена на страницах 555—557). Она постоянно упоминалась в европейских журналах, и Пушкин вполне мог обратиться к ней внимание (разумеется, здесь мы вступаем в область догадок). Либеральный буржуа Беранже (вспомним гётевскую оценку его творчества) аристократическую Францию не жаловал, но казаков (русских) изображал, разумеется, не как потенциальных освободителей, но как демоническую, хищную, грязную (замечено Константином Леонтьевым⁹⁴) и бессмысленную орду, находящуюся на культурном уровне гораздо ниже европейских народов, с чем русский поэт, кичившийся своим древним дворянством и гордившийся былыми победами империи, не мог согласиться (мотив национальной обиды звучит в рефрене пушкинской песни, впоследствии повторенном поэтом в письме к Плетневу («...хоть я и не из иных прочих, так сказать...» — XIV, 118): «Хоть это нам не составляет много, / Не из иных мы прочих, так сказать»⁹⁵).

Для полноты картины укажем, что эта популярная песня Беранже, написанная на мотив песни о старом капитане, была позднее переделана на (про)русский лад Виктором Тепляковым и напечатана под заголовком «Песнь казака» и с эпиграфом из «Кавказского пленника» Пушкина «О чем ты думаешь, казак?»:

Над Рейном богатым, над Сеной живой
Ты помнишь лихие забавы? ...
Бывало... но в дивном, пророческом сне,
Угрюмой полуночи темной,
Гиганта, с перуными взорами, мне
Привиделся Гений огромный —
То призрак Аттилы, владыки царей.
Смеясь, он потомку секирой своей
На Запад указывал вольный...

Когда-ж, окрыленный гремучей трубой,
Мой конь, ты запляшешь в узде золотой,
Как прежде, над Сеной крамольной!

⁹⁴ Леонтьев К. Н. Письма отшельника // Собр. соч.: В 12 т. СПб., 2005. Т. 7. Кн. 1. С. 551.

⁹⁵ Очевидно, обыгрывается старинная формула «иные-прочие», употреблявшаяся еще в древнерусских летописях и усвоенная солдатом-простолоудином в значении «не из какой-то там шушеры». У Пушкина эта формула встречается в нескольких текстах (см.: Гаврилов А. К. Наш ответ бонапартистам. С. 223). Ср. также в письме Т. Н. Грановского (октябрь или ноябрь 1839 года) к Н. В. Станкевичу: «Мы люди известные, не из иных прочих» (Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 2: Переписка Т. Н. Грановского. С. 363).

<...>

И пика казачья одна заблестит
На месте, где с прахом могучих копыт
Сольется ваш прах горделивый!..⁹⁶

По сути дела, стихотворение Теплякова вполне можно назвать литературным ответом-опровержением «русской темы» Беранже.⁹⁷

Если наше предположение об идеологической связи стихотворения Пушкина с «Песнью казака» верно, то опровержение Беранже полемически предстает как вызывающая апология наводящего на французов ужас русского солдата.

Вообще не будет преувеличением назвать написанную на мотив «*Souvenir d'un militaire*» «казачью» песню Беранже и связанную с ней политико-поэтическую традицию одним из источников скифского мифа русской поэзии.⁹⁸ Отзвуки этой песни, написанной на мелодию «Воспоминаний воина» псевдо-Беранже, слышны в «Грядущих гуннах» Валерия Брюсова и в знаменитом стихотворении Александра Блока, включавшем скрытую внутреннюю рифму на слово «Европа», в полный голос произнесенную в нецензурных версиях Пушкина и Голицына:

Мы помним всё — парижских улиц ад,
И венецьянские прохлады,
Лимонных роцц далекий аромат,
И Кельна дымные громады...

Мы любим плоть — и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах...

⁹⁶ Тепляков В. Г. Стихотворения. СПб., 1836. Т. 2. С. 164—166.

⁹⁷ Заметим, что целиком «Песнь казака» Беранже была переведена на русский язык только в конце XIX века, причем с показательной купюрой в названии — «Песнь Киргиза. Вольный перевод Иван-да-Марьи» (то есть известных популяризаторов творчества французского поэта Ивана Феликсовича и Александры Александровны Тхоржевских). См.: Полное собрание песен Беранже. В переводе русских поэтов / Под ред. С. С. Трубачева. СПб., 1905. Т. 3. С. 60—64. В. В. Орехов в содержательной статье «“Клеветникам России”»: Авторская позиция и литературная репутация» приводит рефрен из перевода «Песни казака», опубликованного в первом томе «Полного собрания песен» Беранже 1935 года («Встряхни же гривой, о, скакун проворный, / И в прах топчи народы и царей!» (с. 586), но ошибочно датирует оригинал Беранже 1830 годом. Впервые эта песня появилась в третьем томе парижского издания «Песен» 1821—1825 годов в разделе «*Chansons nouvelles*» (Р. 127—129).

⁹⁸ См.: Орехов В. В. Русские «скифы»: Эволюция образа // Вестник славянских культур. 2009. № 1 (XI). С. 68—69.

Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

<...>

Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!⁹⁹

Парадоксальным образом тема угрозы западной цивилизации со стороны «скифской» России представляет собой в истории русской поэзии культурную полемическую апроприацию (или, используя пушкинский термин, «рефутацию») одного из бонапартистских мотивов, связывавшихся с именем Беранже.

ДВА КАПИТАНА

Пора перейти к выводам (и так уже в реконструируемой нами истории песни слишком много нот). В своей «Рефутации» Пушкин не обманывался и не обманывал читателя, а пародировал военно-элегический бонапартистский нарратив, который считал, как и многие его современники, принадлежавшим главному французскому народному поэту — идеологически и стилистически.¹⁰⁰

Грубые, издевательские и даже «зверские» стихи пушкинской пародии (или «перепесни») представляют собой романтический (сниженный, «казачий с пиками») ответ воображаемого русского солдата (потомка Аттилы, в терминологии Беранже) на «натянутую и манерную» (в терминологии Пушкина) лирическую lamentацию французского ветерана, ставшую популярной песней в парижских клубах и столичных салонах и привлекающую к себе внимание друзей поэта.

Между тем перед нами случай не только идеологической, как показал А. Гаврилов,¹⁰¹ полемики (опровержение Беранже метит, как мы полагаем, и в апологию французского «песельника», напеча-

⁹⁹ Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1999. Т. 5. С. 77.

¹⁰⁰ Используя точную формулировку А. А. Долинина, рассмотревшего похожий случай (приписывание Пушкиным замечательной похоронной оды Ч. Вулфа лорду Байрону), можно сказать, что «от перемены имени автора» увеличивается «смысловой вес» чужого текста, пародируемого поэтом (см.: Долинин А. А. Байроновский след в книге Пушкина «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» // Memento vivere: Сборник памяти Л. Н. Ивановой. СПб., 2009. С. 127).

¹⁰¹ См.: Гаврилов А. К. Наш ответ бонапартистам. С. 220.

танную Вяземским в «Московском телеграфе»¹⁰²), но и своеобразного литературного пародического состязания — борьбы за жанр народной (здесь: солдатской) историко-политической песни, решающей в случае Пушкина задачу выразить не только то, о чем, но и как думает и говорит русский казак.¹⁰³ Литературным контекстом здесь, как мы полагаем, были характерные для романтического движения 1820-х — начала 1830-х годов споры о месте и роли «простонародного» песенного жанра (и, соответственно, национального барда) в современной исторической (политической) эпохе, — споры, непосредственно связанные с феноменом Беранже (Гёте, Стендаль, Мериме, Сент-Бёв, Вяземский, Дельвиг, Гейне, Бёрнс и т. д.).¹⁰⁴

Показательно, что, согласно свидетельствам современников, оригинал «Воспоминаний война» мнимого Беранже и пародия на него воспринимались в этот период в России как двуязычный поэтический диалог «народных» поэтов с поэтическими «подогревцами» в рефренах. Так, Феликс Петрович Фонтон, бывший в 1829 году секретарем при русской дипломатической миссии в Бургасе, рассказывал о счастливых днях своей службы: «Тут поют и беседуют, шумное веселье не перестает. Мы часто Беранже, а иногда и “Капитана” Пушкина пропеваем».¹⁰⁵

Вообще ни в коем случае не стоит игнорировать карнавално-пародический характер пушкинской песни, переводящей меланхоли-

---

¹⁰² См. примеч. 27. Сам Вяземский объяснял скептическое отношение Пушкина к Беранже тем, что его друг «вообще <...> как-то инстинктивно не любил репутаций, слишком, по мнению его, дешево приобретенных» и «держался в литературе и в отношениях к себе какою-то местничества» под девизом «чин чина почитай» (*Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика*. М., 1984. С. 431). Заключение, на наш взгляд, очень меткое: судя по всему, буржуа-демократ Беранже воплощал для аристократа Пушкина ложную модель народной славы (и национального поэта), основанную на мнении толпы, а не на суждениях посвященных.

¹⁰³ Фрагмент «солдатской песни» Пушкин, как известно, стилизовал в одном из эпиграфов в повести «Капитанская дочка» («Мы в фортеции живем...» — VIII, 294).

¹⁰⁴ В русской литературе своеобразный конкурс на создание «аутентичной» солдатской (народно-монархической) песни затянулся на десятилетия: от опытов Державина и поэтов эпохи 1812-го года до стихотворений Жуковского, Вяземского, Лермонтова и (во время Севастопольской кампании) Льва Толстого.

¹⁰⁵ Фонтон Ф. П. Воспоминания. Юмористические, политические и военные письма. Лейпциг, 1862. Т. 2. С. 182. Слова из песни Беранже Фонтон вспоминает, говоря о балканском походе русской армии: «Французы, в известной песни капитана, хвастают, что в четыре дня сделали поход. Но это было в доброй, жирной Германии. Пусть так когда-либо здесь попробуют» (20 июля — 11 августа, 1829; Там же. С. 74—75). Ср. в песне о капитане: «Te souviens-tu qu'aux champs de l'Allemagne / Nos bataillons, arrivant impromptu, / En quatre jours ont fait une campagne: / Dis-moi, soldat, dis-moi, t'en souviens-tu?»

ческую тональность (и идеологию) оригинала в русло непристойных *chansons paillardes*, исполнять которые предполагалось в состоянии алкогольного энтузиазма (эта жанровая подсветка исчезает при чтении стихотворения в отрыве от «лицейского» контекста). Не случайно племянник поэта Лев Павлищев (мемуарист, конечно, мало-достоверный, но хорошо умеющий суммировать семейные предания) отнес эту песню к числу «немногих мелких стихотворений» Пушкина в пародийно-непристойном роде: «Эту шутку — написанную, впрочем, не столько в “порнографическом”, сколько в “ругательном” вкусе, дядя набросал 19 октября 1828 года на лицейском празднике и остался очень ею доволен: часто произносил ее в кругу друзей, заливаясь громким смехом».¹⁰⁶ Как остроумно заметила в письме к нам В. А. Мильчина, возможно, поэту просто «захотелось порадовать однокашников вот такой казарменной жеребятиной (живо представляю себе, как они чокаются во время припева!..)».¹⁰⁷ Добавим, что комический эффект здесь, очевидно, усиливался диссонансом с сентиментально-меланхолической мелодией Доша, на которую, по Томашевскому, «скотобратцы»-лицейсты пели эту песню.¹⁰⁸

Иначе говоря, если Языковым пушкинское стихотворение воспринималось как грубоватая «солдатская песня» (напомним, что младший поэт все же предпочел ее «Стансам» императору),¹⁰⁹ то бывшие лицеисты, по всей видимости, вписывали ее в иной жанровый и аллюзионный контекст, подчеркнутый в игриво-литературном авторском названии «Рефутация Гна Беранжера». Как мы знаем из пушкинского протокола, собравшиеся 19 октября 1828 года однокашники вначале спели лицейский гимн «Лето, знойна» Алексея Илличевского, затем, побеседовав и выпив, исполнили «Рефутацию», за которой хором спели «песню о царе Соломоне» барона Дельвига (блестящая стилизация французских «вакхических песен» Николя Бразье и Шарля Колле), а также «куплеты прошедших шести годов» (того же Дельвига), после чего разошлись, «завидев на дворе час первый и стражу вторую», «пожелав доброго пути воспитаннику императорского лицея Пушкину-Француз, иже написа сию

¹⁰⁶ Павлищев Л. Н. Из семейной хроники: Воспоминания об А. С. Пушкине // Семейные предания Пушкиных. СПб., 2014. С. 153.

¹⁰⁷ Исполнение патриотических песен входило в игровой лицейский репертуар. См. современную реконструкцию «Рефутации г-на Беранжера» Юрием Бавыкиным, написанную «под Марсельезу» и с использованием видеоряда из фильма Сергея Бондарчука «Война и мир»: <https://www.youtube.com/watch?v=wEApfuYhix4>

¹⁰⁸ См.: Томашевский Б. В. [Заметки о Пушкине]: Рефутация Беранжера // Пушкин и его современники. Л., 1928. Вып. 37. С. 119—120.

¹⁰⁹ См. примеч. 11.

грамоту».¹¹⁰ Иначе говоря, пушкинский перепев мнимого Беранже вошел в ряд лицейских «национальных песен» (шуточных текстов, описывавших лицейский быт и обычно вышитых по канве тогдашних литературных образцов — прежде всего «Певца во стане русских воинов» Жуковского).¹¹¹

Более того, если включить пушкинскую песню в интертекстуальный круг этого замкнутого дружеского сообщества, то можно заметить, что она напоминает не только ранние стихотворные гимны и пэаны поэтов-лицейстов, но и — по своей сказовой технике — опубликованную в одном из лицейских журналов прозаическую пьеску «Слова истинного Русского» — вымышленного суворовского капитана Силы Силыча Усердова (явная отсылка к патриоту из патриотов Силе Андреевичу Богатыреву графа Ф. В. Ростопчина и шовинистическим военным афишкам последнего, написанных на сконструированном «народном» языке):

Молвить правду-матку, а французы — сущая саранча. На Итальянские поля возлетела, да все поела; Немецкие достались не за денежку; Швейцарские мало пощипала; Голландские сожрала; с Прусских скоро улетела; от Польских не скоро отстала: а Русские так полюбила, что зимовать осталась... — Что с фигьярами прикажешь делать? — Корсиканец сам с ноготок, а борода с локоток. Куда конь с копытом, туда и рак с клешней. <...> Всех бы их ботажьем. Он бы лучше пурганца выжал — не потребного морсу. — Нет, Бонапарт! — Не смей к нам ни ногой; а то по прежнему примут хорошо в гости, да проводят по старому малый Ярославец с Красным. Сколько вору не воровать, а кнута не миновать.

Бывало, как мы с Суворовым пригрянем в штыки колонной, так искры посыплются, а Улиты-та как намазанные колеса заскрыпят. — Ура! Вперед! Ступай! Не робей! а конница-та тро-тото-тото и примут живодеров в руки. — *Вспомнишь, так сердце заноет. — Память тебе Требио; не Карфагенцам четы. Русские отдули потомков та Галлов. А им все нейметя!* — <...> Они не христиане, не бусурмане, не раскольники, не поклоняются идо-

¹¹⁰ Грот К. Я. Празднование лицейских годовщин при Пушкине и после него // Пушкин и его современники. СПб., 1910. Вып. 13. С. 47.

¹¹¹ На связь песни о капитане с этой лицейской традицией справедливо указал автор написанной в период кампании по борьбе с космополитизмом книги «Музыкальный мир Пушкина» (М.; Л., 1950) А. Н. Глумов. По мнению исследователя, этот «национальный лицейский гимн» Пушкина был выражением «глубокой патриотической гордости своей нацией, гордости “победами россиян”, Суворовым, “родными снегами”, торжеством над Наполеоном, пребыванием русских солдат в Париже» (с. 166).

лам, а их Зевес — Наполеон. <...> Нашим старухам придется в потомстве назвать его кашею бессмертным или Змеем Горынычем или какою-нибудь Гидрою Лернскою; — Кутузова сильным богатырем, а Москву замком. Чего от того ждать путного, который и образины не перекрестит. У них ум за разум зашел. Все как пузыри надулись, а после как лопнут, то так присядут, что ну, пади! Худо казаки попотчевали нагайками.¹¹²

Этот состоящий из простонародно-благонамеренных штампов текст К. Я. Грот атрибутировал лицеисту М. Яковлеву (автограф был написан его рукой), но допустил, что сочинить его мог Дельвиг, который пользовался потом псевдонимом «Русский». Интересно, что исследователи Пушкина, даже из одного круга, принципиально расходятся в интерпретации этого сочинения. Ю. Н. Тынянов в статье о Кюхельбекере и в романе «Пушкин» утверждал вслед за Гротом, что оно является благонамеренной ученической стилизацией «под Ростопчина».¹¹³ Б. В. Томашевский, в свою очередь, видел в нем едкую пародию на ура-патриотическую прозу, эмблемой которой был ростопчинский Сила Богатырев.¹¹⁴ К этой точке зрения присоединился потом и Н. Я. Эйдельман: «Патриотический порыв, ненависть к Бонапарту — хорошо! Но в некоторых столичных журналах появляются уж такие призывы (в основном исходящие от людей, уехавших от огня, в свои приволжские и другие владения), что тринадцатилетних лицеистов неудержимо тянет к пародии».¹¹⁵

Мы полагаем, что в лицейском кругу «Рефутация г-на Беранжера», написанная, как мы знаем, еще осенью 1827 года, воспринималась именно как пародическая имитация «истинно русской» песни на французскую мелодию, но из этой имитации явно торчали литературные уши Пушкина — едва ли старый патриотически настроенный простолудин использовал бы обращение к «фальшивому песнопевцу». Материалом для языковой маски ее героя являются, как и в случае с монологом Силы Силыча Усердова, разнородные патриотические клише времен суворовских кампаний («наш ста-

¹¹² Грот К. Я. Пушкинский Лицей (1811—1817): Бумаги 1-го курса. СПб., 1911. С. 251—252.

¹¹³ См.: Тынянов Ю. Н. 1) Пушкин и Кюхельбекер // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 323—324; 2) Пушкин: Роман. М., 1937. С. 363.

¹¹⁴ Томашевский Б. В. Пушкин: В 2 кн. М.; Л., 1956. Кн. 1: (1813—1824). С. 706.

¹¹⁵ Эйдельман Н. Я. Твой 18-й век. Прекрасен наш союз... М., 1991. С. 263. См. также: Грибанов А. Б. Сказ и речевое сознание в «Левше» Н. С. Лескова // Тыняновский сборник. М., 1998. Вып. 10. С. 86.

рик» — традиционное обращение солдат к полководцу в анекдотах о последнем¹¹⁶) и Отечественной войны — инвективы Г. Р. Державина против «буйного и нечестивого» корсиканца Наполеона «с буйственными и развратными скопищами»,¹¹⁷ ростопчинские «афишки», «солдатские песни» на тему 12-го года, хвастливые истории о похождениях русских в Париже (вроде воспоминаний Федора Глинки о парижских красотах, предпочитавших российских «варваров» галантным французам¹¹⁸), а также заливчатские стихотворные и прозаические подписи к популярным лубочным иллюстрациям времен Отечественной войны, переименовавшим французские карикатуры на стереотипных русских мужиков-медведей и диких казаков-«свечкоедов».

Так, по точному наблюдению Н. И. Михайловой, стих о Наполеоне, который «как бубен гол и лыс», напоминает о листе Ивана Теребенёва «Русская баня», где французского императора «парят и бреют русские солдаты».¹¹⁹ Михайлова также обратила внимание на ряд других мотивов из сатирических листов 1812 года, нашедших отражение в «Рефутации»: «наш мороз среди родных снегов» (авторы картинок изображали Мороза-Вавилу), «Вы жарили московских наших крыс» (популярный сюжет картинок — французский суп). Уточним, что образ жареных крыс, скорее всего, заимствован был автором «Рефутации» из лубочного листа «Кухня главной квартиры, в последнее время пребывания в Москве», изображающего французских поваров, жарящих на вертеле кошку, лягушек и раскладывающих на столе крыс и ворон (впереди на полу изображены пять мышеловок с вензелем Наполеона, а под картинкой поставлена подпись: «Рисовано с натуры, самовидцем»)¹²⁰.

¹¹⁶ «Старик наш, — говорили они вслух, — Бог весть, куда нас завел!» (Усов П. История Суворова. СПб., 1900. С. 240).

¹¹⁷ Державин Г. Р. Соч. СПб., 1883. Т. 9. С. 546.

¹¹⁸ См.: Глинка Ф. М. Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции; с подробным описанием похода россиян против французам в 1805 и 1806, также отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. М., 1815.

¹¹⁹ См.: Михайлова Н. И. «Витийства грозный дар...»: А. С. Пушкин и русская ораторская культура его времени. М., 1999. С. 111—112. В недавней заметке Н. Л. Дмитриева повторила (без ссылки) это наблюдение Михайловой (см.: Дмитриева Н. Л. Лысый Наполеон в «<Рефутации г-на Беранжера>» // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2023. Вып. 37. С. 89—92).

¹²⁰ См.: Ровинский Д. А. Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 2. С. 181—182; Кн. 4: Примечания и дополнения. СПб., 1881. С. 433. Подпись: «Не только в Москве, но и в Штетине французские рестораторы жарили водяных крыс и кормили ими почтенных своих воинов (Сын Отечества». 1813, № 41)». На другом листе, «Отступление великой армии», на переднем плане

А еще вероятнее то, что в этих пушкинских стихах преломился патриотический мотив из известной «солдатской песни» Ивана Кованько, написанной в сентябре 1812 года и «срифмовавшей», как и в польских переделках песни о капитане, эпоху Смуты (поляки в Москве) с войной с Наполеоном:

Вспомним, братцы, что Поляки
Встарь бывали также в ней;
Но не жирны кулебаки —
Ели кошек и мышей.
Напоследок мертвячину
Земляков пришлось им жрать,
А потом пред Руским спину
В крюк по Польски изгибать.¹²¹

Нашли отражение в «Рефутации» и другие сатирические топоры «солдатских песен» и подписей к лубочным картинкам того времени, изображавшим, в частности, расправы крестьянских богатырей над французскими мародерами-«миродерами». Так, на одной из карикатур изображается, как «Русский Геркулес загнал француз в лес и давил как мух» (ср.: Суворов «вас давил на ноготке, как блох»).¹²² Типично для лубочных листков и обращение «мусью» с оттенком угрозы к нехристям-французам. «Вить очнется басурман, — говорит русский «милицейский мужик» Иван Долбило, — не вдовайся брат в обман! — што, мусье кувырнулся рас два три ась не

французы разделявают лошадиную тушу, а на штыке и сабле жарятся крысы (ср. также карикатуру «Французы голодные крысы, в команде у старости Василицы». — *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки. Кн. 2. С. 201—202).

¹²¹ Сын отечества. 1812. Ч. 1. № 1. С. 45—46. Песня была перепечатана в «Собрании стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» (М., 1814. Ч. 1. С. 181), куда вошло еще несколько «солдатских песен» (например, «Песня к Руским воинам, написанная отставным из Фанагорийского гренадерского полку солдатом Никанором Остафьевым, Июля дня, 1812»: «Братцы! грудью послужите, / Гряньте бодро на врага / И вселенной докажите, / Сколько Русь вам дорога! / Посмотрите, подступает / К вам соломенный народ; / Бонапарте выпускает / Разных наций хилый сброд» (Ч. 1. С. 181).

¹²² О полемической направленности этой картинки, выворачивающей наизнанку ее враждебный французский прототип см.: *Проскурин О. А.* Русский Геркулес: Патриотическая карикатура 1812 года и ее французский источник // Новое литературное обозрение. 2012. № 6 (118). С. 143—157. Как и в случае «Рефутации г-на Беранжера», не упоминаемой Проскуриным, «образная система, идеологические и политические смыслы французского прототипа используются для их символического отрицания и для замены их иной системой ценностных координат» (Там же. С. 155).

Открытка начала XX в.

прибавитли мусье?»¹²³ (рефлекс этой стилистики у Лермонтова в «Бородино»: «Постой-ка, брат мусью!»; «И отступили басурманы»).

Наконец, источниками циничных стихов о казаке или полковом попе, овладевших француженками (мотив изнасилования побежденной страны), были как анекдоты о русских солдатах и офицерах в Париже, так и популярные гравюры того времени (на одной из них, описанной Ровинским, русский воин в Пале-Рояле — место, названное в одном из вариантов соответствующего стиха в «Рефутации», — «ласкает сидящую у него на коленях сильно декольтированную женщину»)¹²⁴.

Сгустком всей этой квазинародной антифранцузской сатиры является обращение к Наполеону героя одной из самых грубых патриотических инвектив того времени:

О ты, ебена-мать, поганец,
Прескверный, подлый корсиканец,
Природы выблядок, урод,
Разсукин-сын, каналья, скот!
Испанию поставил раком,

¹²³ Ровинский Д. А. Русские народные картинки. Кн. 2. С. 206.

¹²⁴ «1814. Союзники в Палерояле» (Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1889. Т. 1: А—О. Стб. 215. № 952).

В Голландию свой хуй всучил,
Святейшего, средь Рима, Папу
Заставил ты едой трясти,
Ах, мать твою ети!!...¹²⁵

Неважно, знал или не знал Пушкин эту матерную инвективу, но она позволяет установить, в какую именно традицию переносит он свою грубую «солдатскую песню». Перекликающийся с приведенным выше фрагментом нецензурный рефрен («Ты помнишь ли, скажи, <ебена мать?>») был ранее опробован Пушкиным в стихотворении «Телега жизни» («Кричим: валяй, ебена мать» — XIII, 126¹²⁶), восходящий к лингво-патриотическому дифирамбу этому выражению в «Девичьей игрушке» («Рондо на ебену мать»):

...Ебена мать как соль телам, как масло каши,
Вкус придает речам, беседы важит наши.
Ебена может мать период дополнять,
Французское *жан футр* у нас ебена мать.

...А храбрости есть знак: кто нас! ебена мать!...

...Ебена мать душа есть слов...¹²⁷

Барковский гимн этой идиоме косвенно подтверждает предположение Гаврилова о каламбурном обыгрывании Пушкиным в слове «рефутация» французского «foutre»: получается что-то вроде «allez faire foutre», то есть опровержение Беранже представляет собой фигуральную отправку противника к той самой матери. Возможно, что и ругательство «говенный капитан» (ср. двусмысленность в собственноручно записанном Пушкиным названии «Рефутация Гна Беранжера»¹²⁸) также имеет французское происхождение — «capitaine de merde» (в популярнейших «Сочинениях» Пьера де Бурделя Брантома (Pierre de Bourdeille, seigneur de Brantôme, ок. 1540—1614),

¹²⁵ Kryptadia: Folklore de l'Ukraine. Folklore de la Grande Russie. Folklore polski. Folklore polonaise. Paris, 1898. Vol. 5. P. 199.

¹²⁶ Пропуск «русского титула» в этой публикации восстановлен по бесцензурному экземпляру изд.: Пушкин А. С. Соч. Переписка / Под ред. и с примеч. В. И. Саитова. СПб., 1906. Т. 1. С. 151.

¹²⁷ Барков И. С. Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова / Под ред. А. Зорина, Н. Сапова. М., 1992. С. 260.

¹²⁸ А. К. Гаврилов считает, что в написании «Гна» в приведенном в Протоколе названии песни «не стоит видеть анально-скатологический намек» (см.: Гаврилов А. К. Наш ответ бонапартистам. С. 228).

имевшихся в библиотеке Пушкина,¹²⁹ упоминается «petit Capitaine de merde» Жанлис¹³⁰).

Наконец, в контексте пушкинского творчества этого времени двязычная цензурная брань «Рефутации» связывает последнюю со знаменитым пейоративным лингвистическим экспериментом в сцене битвы русско-польского и московского войск близ Новгород-Северского в «Борисе Годунове» (1825). Речь идет о языковой маске французского капитана Мержерета, который, как писал Пушкин Вяземскому 7 ноября 1825 года, «все по-матерну бранится; цензура его не пропустит» (XIII, 240). Эти высказывания действительно возмутили рецензента III Отделения, которым был Ф. В. Булгарин: «...должно заметить, что человек с малейшим вкусом и тактом не осмелился бы никогда представить публике выражения, которые нельзя произнести ни в одном благопристойном трактате! Например, слова Мержерета».¹³¹ Эмоциональный капитан обрушивается на бегущих русских солдат крепкими словами, комически смягченными в переводе (здесь есть и «foutre» и «cul»): «Qu'est-ce à dire pravoslavni?... Sacrés gueux, maudites canailles! Mordieu, mein herr, j'enrage: on dirait que ça n'a pas des bras pour frapper, ça n'a que des jambes pour foutre le camp» (VII, 73);¹³² «Ventre-saint-gris! Je ne bouge plus d'un pas — puisque le vin est tiré, il faut le boire. Qu'en dites-vous, mein herr?» (VII, 74);¹³³ «Tudieu, il y fait chaud! Ce diable de Samozvanetz, comme ils l'appellent, est un bougre qui a du poil au cul. Qu'en pensez vous, mein herr?» (VII, 74)¹³⁴ и т. д. В свою очередь, православные русские воины называют капитана «проклятым басурманом» и «лягушкой заморской».

¹²⁹ Œuvres du Seigneur de Brantôme, nouvelle édition, plus correcte que les précédentes. Paris, 1787. Т. 1—8; Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. С. 175. № 672.

¹³⁰ Œuvres du Seigneur de Brantôme. Paris, 1787. Т. 6. Р. 319.

¹³¹ Александр Сергеевич Пушкин: Документы к биографии. 1799—1829. СПб., 2007. С. 580.

¹³² «Что значит pravoslavni?... Прощельги окайнные, проклятая сволочь! Черт побери, mein Herr <мой сударь — нем.>, я взбешен: можно подумать, у них нет рук, чтобы драться, а только ноги, чтобы бежать» (точнее — «у*бывать»).

¹³³ «Пропади ты пропадом! Я не сдвинусь ни на шаг; раз дело начато, надо его кончить. Согласны, mein Herr?».

¹³⁴ «Дьявольщина, становится жарко! Этот чертов Самозванец, как его называют, парень хоть куда (дословно: «мохнатая жопа». — И. В.), mein Herr». См.: Gordienne R. Dictionnaire des mots qu'on dit gros, de l'insulte et du dénigrement. Paris, 2002; Куркин Б. А., Мурашкина О. В. Ненормативная лексика в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов»: цель и значение // Язык и текст. 2019. Т. 6. № 3. С. 16—27.

Эту макароническую балаганную перебранку можно назвать своего рода прообразом непечатного ответа лубочного православно-го воина из «Рефутации» «говенному капитану», бежавшему от русских в 1812-м году (здесь показательна перекличка имен двух капитанов — «Маржарет» и «Беранжер»). Как заметил исследователь барковской традиции А. А. Илюшин, в своей песне Пушкин постарался в качестве литературного опыта «подключить мат <...> к русской патриотической идее», имитируя «понятную логику»: «...поговорим-ка с врагами России... по-русски, т. е. матерно. Шапками закидаем, и уже закидали в 12-м году, когда мусье француз показал нам “жопу”, удирая от нас в свой Париж».¹³⁵

Безусловно, снижающие, пародические перепевы «Souvenir d'un militaire» были санкционированы автором этой песни и его последователями, но в «Рефутации» вульгаризация текста, играющего старинными «народными» шапкозакидательскими топосами времен суворовских походов и войны с Наполеоном, доводится до лексического предела (этого «низкого» плана, разумеется, нет в стерильно-бравурных переделках «Беранже» Максимовым и других авторов 1830-х годов).

Возникает вопрос: что же именно пародирует прозвучавшая вместе с другими «национальными песнями» лицеистов «Рефутация»? Является ли ее объектом бонапартистская эмоция (и начинающий набирать обороты французский реваншизм), представленная в песне «Беранже», или, как в случае с давними лицейскими «Словами истинного Русского», псевдонародный стиль ростопчинской закваски? Мы полагаем, что и то и то, или, коротко говоря, *клубно-трактирный беранжизм* как особый тип демократического поэтического высказывания, отвергавшийся тогда поэтом-аристократом Пушкиным и эстетически, и идеологически.

Между тем исполненная лицеистами песня была не только веселой игрой с галло-росскими патриотическими клише, но и одновременно (вне лицейского контекста) отражала начинающийся роман Пушкина с имперской идеологией, поставившей задачу создания «истинного русского» *vox populi* в национальной литературе. Смеш-

---

¹³⁵ Илюшин А. А. Ярость праведных: Заметки о непристойной русской поэзии XVIII—XIX вв. // Литературное обозрение. 1991. № 11. С. 11. Разумеется, народный лирический герой пушкинской песни является идеологическим конструктом, рупором определенной политической идеологии. Перед нами, как писал о сходном случае политической пропаганды О. А. Проскурин, «образ народа для образованных слов, образ такого народа, каким его хотели видеть консервативно-монархически настроенные “патриоты” 1810-х (в случае «Рефутации» — 1820—1830-х. — И. В.) годов» (Проскурин О. А. Русский Геркулес. С. 156).

ные (в лицейском смысле) стихи на жесткой барковской подкладке органично встраивались в его «серьезную» национально-патриотическую лирику первых лет царствования Николая, «оживившего», по словам поэта, страну победоносными войнами — Русско-турецкой (Наваринское сражение, напомнившее Пушкину о его предке, наваринском герое И. А. Ганнибале) и Русско-персидской (взятие Эривани в 1827 году). В историческом контексте 1828 года эта песня, несомненно, аукается с «Полтавой», в центре которой находится мифологически первая (прототипическая) победа над надменным врагом в истории Российской империи.¹³⁶

Иначе говоря, стилизованное «под народ» стихотворение, исполненное на дворянской пирушке «между Лафитом и Клико», стало своеобразной непристойной пародической увертюрой к циклу имперских произведений поэта, написанных в конце 1820-х — начале 1830-х годов, и, по сути дела, «опережающей» репутацией «коллективного Беранже» — то есть бонапартистско-либерального общественного мнения французов о России и Польше, «озвученного» знаменитым песенником. Давно доказано, что если «поскрести» русского философа-славянофила, то найдешь немца, поклонника Фихте и Шеллинга. Но верно и то, что если хорошенько вслушаться в русские — да и не только русские — патриотические песни и поэмы, то услышишь в них голос кичливого французского капитана Маржерета или — что точнее с историко-культурной точки зрения — пьяного воина-землепашца Никола Шовена, горляющего в клубе бонапартистские песни Поля-Эмиля Дебро и Пьера-Жана Беранже.¹³⁷ Очевидно, что корни французского и русского шовинизма, наиболее ярко представленного в жанре литературных «солдатских песен», восходят к периоду (травмам и триумфам) Наполеоновских войн.

В свою очередь, меланхолические куплеты французского оригинала резонировали с настроениями Пушкина и многих его современников — воспоминания об утраченной героической эпохе, увиденной с другой, противоположной, исторической точки зрения. Этот элегический характер «народной» песни с сентиментальным повтором

¹³⁶ «Я смело чувства выражаю, / Языком сердца говорю» (III, 89) — кредо «истинного», а не фальшивого песнопевца, сформулированное Пушкиным в послании «Друзьям».

¹³⁷ Амбивалентность и идеологическая трансформация этого символического персонажа на протяжении XIX века рассматриваются в книге: *Пюимеж Ж. де. Шовен, солдат-землепашец: Эпизод из истории национализма / Пер. с фр. В. А. Мильчиной. М., 1999.* См. содержательную статью об историко-культурной семантике этого фарсового по происхождению персонажа: *Душенко К. В. Никола Шовен, легендарный патрон шовинизма. С. 52–77.*

«ты помнишь?» нашел отражение в нескольких пушкинских произведениях 1830-х годов и достиг высшей точки в незаконченном лицейском воспоминании «Была пора: наш праздник молодой...» (октябрь 1836 года), где место участников великих событий прошлого занимают восторженные (и уже далеко не молодые) свидетели последних:

Вы помните: когда возник лицей,
Как царь для нас открыл чертог царицын,
И мы пришли. И встретил нас Куницын
Приветствием меж царственных гостей.
Тогда гроза двенадцатого года
Еще спала. Еще Наполеон
Не испытал великого народа —
Еще грозил и колебался он.

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидую тому, кто умирать
Шел мимо нас... и племена сразились,
Русь обняла кичливого врага,
И заревом московским озарились
Его полкам готовые снега.

Вы помните, как наш Агамемнон
Из пленного Парижа к нам примчался.
Какой восторг тогда пред ним раздался!
Как был велик, как был прекрасен он,
Народов друг, спаситель их свободы!
Вы помните — как оживились вдруг
Сии сады, сии живые воды,
Где проводил он славный свой досуг...
(III, 432)

Иными словами, «фальшивый Беранже» уловил и канонизировал ностальгическую «мелодию» конца 1820-х годов, а Пушкин (тут мы окончательно встаем на сторону тех исследователей, которые атрибутируют поэту этот провокативный стихотворный палимпсест), по своему обыкновению и в русле наметившегося государственно-националистического милитаристского поворота русской культуры, ему «подсвистнул» на барковско-казачий манер (правда,

если говорить беспристрастно, свистнуто это было довольно средне), породив ненароком шумную ресентиментально-агрессивную «народную» поэтическую традицию.

Илья Винуцкий

ЕЩЕ РАЗ О ПРИРОДЕ ПУШКИНСКОЙ ЗАМЕТКИ «LA LIBÉRATION DE L'EUROPE...»

Суть короткой французской заметки Пушкина «La libération de l'Europe...» («Освобождение Европы...», 1835) имеет разные толкования. Автограф был обнаружен Б. Л. Модзалевским между страницами «Путевых картин» («Reisebilder», 1826—1831) во втором томе французского издания сочинений Генриха Гейне, сохранившегося в библиотеке Пушкина (*Œuvres de Henri Heine. Paris, 1834—1835*).¹ Б. Л. Модзалевский предположил, что это «выписка из Гейне». ² Однако во французском издании, перевод для которого Гейне осуществил сам, опустив ряд текстов из немецкого оригинала, нет слов, прямо совпадающих с пушкинской записью. В издании «Рукою Пушкина» было высказано мнение, что эта запись — не цитата и не пересказ, а «самостоятельная заметка». ³ Опущенные во французском издании тексты между тем коррелируют с пушкинским — в частности, высказывание Гейне о том, что именно Россия способна избавить Европу от деспотизма (ср. с первой фразой пушкинской заметки: «Освобождение Европы придет из России» — XII, 207, 485; ориг. по-франц.).

Близость текста Пушкина отсутствующим во французском переводе соображениям Гейне свидетельствует о том, что они должны были каким-то образом попасть в его поле зрения. Весьма убедительным представляется предположение о том, что это могло произойти при частных разговорах Пушкина, например, с австрийским посланником Ш.-Л. Фикельмоном, мужем Д. Ф. Фикельмон.⁴

¹ Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: (Библиографическое описание). СПб., 1910. С. 247. № 976.

² Там же.

³ Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935. С. 211 (коммент. М. Г. Муравьевой и М. А. Цявловского).

⁴ См.: Романов Н. М. Пушкинская заметка при чтении «Путевых картин» Г. Гейне // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1982. Т. 10. С. 321.

В тот же том сочинений Гейне из пушкинской библиотеки было вложено письмо графа Фикельмона, доставившего 27 апреля 1835 года Пушкину два тома «контрабанды» (XVI, 22) (несомненно, имеются в виду сочинения Гейне, на которые в России был наложен цензурный запрет). По вероятному предположению Н. М. Романова, Пушкин мог знать суждения Гейне о России и заинтересоваться ими до получения французского издания. Обнаружив отсутствие этих высказываний в издании, он, вероятно, по памяти записал не содержание пропущенной главы, а то, что его интересовало, — этим объясняется различие текстов, не позволяющее считать заметку непосредственной выпиской из Гейне.⁵ Через секретаря шведско-норвежского посольства Г. Нордина Пушкин получил еще два тома издания Гейне, содержащих книгу «О Германии» («De l'Allemagne»). В конце апреля 1835 года Пушкин просил Нордина достать ему «книгу о Германии этого повесы Гейне» (XVII, 72; ориг. по-франц.). Ранее, в 1834 году, Пушкин разговаривал с Г. Нординым о русском дворянстве (см.: XII, 334).⁶ Гейне-публицист был интересен Пушкину своими мыслями и рассуждениями о сути революции, взглядами на историю и, в частности, на историческое назначение аристократии.

Известно, насколько живо волновал Пушкина вопрос о дворянстве. В 1820—1830-х годах он неоднократно обращается к этой теме в своих художественных сочинениях, в исторических работах, в публицистике. Сохранились три наброска, свидетельствующие о его намерении написать статью, специально посвященную теме русского дворянства: «Что такое двор<янство>?...» (1830), «Attentat de Феодор...» (1831?), «Русск<ое> дв<орянство>, что ныне значит?...» (1834). Этот интерес не оставляет его и в дальнейшем. В дневниковой записи от 22 декабря 1834 года он передает свой разговор с великим князем Михаилом Павловичем о потомственном дворянстве. Он пишет: «...что же значит наше старинное дворянство с имениями, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с просвещением, с ненавистью противу аристократии и со всеми притязаниями на власть и богатства?» (XII, 335). Возникает вопрос, насколько близка Пушкину, потомку древнего дворянского рода, мысль Гейне о главной задаче современности. Гейне пишет: «Mais quelle est la grande tâche de notre temps? C'est l'émancipation <...> l'émancipation de tout le monde, surtout de l'Europe qui est devenue majeure, et s'arrache aujourd'hui des lisières des privilégiés, de

⁵ См.: Там же.

⁶ Отмечено: *Найдич Э. Э.* Письмо Пушкина к Густаву Нордину // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 218.

l'aristocratie».⁷ Пушкин писал в 1830 году: «...никогда не разделял я с кем бы то ни было демократической ненависти к дворянству» (XI, 161). Рассматриваемая запись Пушкина не совпадает и с иными его высказываниями о дворянстве. Потому представляется, что в заметке изложены не его собственные мысли, а запись идей Гейне. Слова о том, что в России нет «предрассудка аристократии», «в России в аристократию не верят», соответствуют мнению Гейне о демократическом характере русского правительства, не поддерживающего старинное дворянство, поскольку, как он пишет, право на дворянское звание дается в России государственной службой. Пушкину же не импонирует такое положение вещей, когда «во дворянство можно будет поступать из других состояний, как из чина в чин, а не по исключительной воле г<осуда>ря, а по порядку службы», потому что «вскоре дворянство не будет существовать или (что все равно) все будет дворянством» (дневник 1835 года. — XII, 335). В Европе «верят в аристократию» — сказано в заметке, а в России в ней не видят серьезной силы. Пушкину же антипатична «новая» аристократия («аристокрация», как он пишет), то есть те ее представители, кто получил дворянский титул, достигнув определенного служебного чина (ср. в «<Романе в письмах>»: «Он аристократ <...> Ты знаешь, что значит наша Аристокрация» — VIII, 49). Гейне категорически выступает против привилегий рождения. Пушкин же верит в потомственное дворянство; обращаясь к великому князю, он говорит о «старом дворянстве»: «Мы такие же хорошие дворяне, как император и вы...» (ориг. по-франц.). И силу, способную к мятежным действиям, он видит в дворянстве, а не в третьем сословии: «Эдакой страшной стихии мятежей нет и в Европе. Кто был на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько же их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется, много» (XII, 335). Следует также отметить, что в пушкинском тексте о России сказано «с'est là seulement», то есть «только там», — если бы Пушкин излагал свои суждения, он должен был бы написать «здесь».

Впрочем, краткость пушкинской записи все-таки не позволяет с полной уверенностью интерпретировать ее смысл.

Н. Л. Дмитриева

---

⁷ Œuvres de Henri Heine. Paris, 1834—1835. Т. 2. P. 139; перевод: «В чем же заключается главная задача нашего времени? Это эмансипация <...> эмансипация всего мира, особенно Европы, которая достигла совершеннолетия и рвется из помочей, на которых ее держат привилегированные сословия, аристократия» (франц.).

IV. ИЗ ИСТОРИИ ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

Д. М. ЦЫГАНОВ

«И МИРУ ТИХУЮ НЕВОЛЮ В ДАР НЕСЛИ...»

Идеология и прагматика пушкиноведческих работ
профессора Д. Д. Благого (1920—1950-е годы)

В Доме Герцена один молочный вегетарианец, филолог с головенкой китайца — этакий ходя, хао-хао, шанго-шанго, когда рубят головы, из той породы, что на цыпочках ходят по кровавой советской земле, некий Митька Благой — лицейская сволочь, разрешенная большевиками для пользы науки, — сторожит в специальном музее веревку удушенника Сережи Есенина.

О. Э. Мандельштам.
Четвертая проза (1929—1930)

1

Научная карьера Дмитрия Дмитриевича Благого (1893—1984) — «родоначальника советского литературоведения»¹ — не-

---

¹ Именно так партфункционеры от литературы определяли роль ученого в конце 1940-х — начале 1950-х годов. Примечательно, что именно Благого Б. В. Дубин выбирает в качестве фигуры, олицетворяющей собой все «советское литературоведение», воцарившееся на «сцене теории литературы» после распада ОПОЯЗа, ликвидации «школы Переверзева» и разгрома молодых социологистов в конце 1930-х гг. (см.: Дубин Б. В. «Русский ремонт»: Проекты истории литературы в советском и постсоветском литературоведении // Дубин Б. В. Очерки по социологии культуры: Избранное. М., 2017. С. 619—620). Подробнее о направлениях и результатах научной деятельности Благого в качестве учено-

разрывно связана с контекстом «нового» пушкиноведения, возникновение которого в середине — конце 1920-х годов связано с очередным обострением интереса к творческому наследию поэта.² Примечательно, что Благой, как и, например, занимавшийся в двадцатые проблемами гоголевской поэтики В. В. Виноградов,³ позднее последовательно отмежевывался от ранних научных опытов, ощущая себя пушкинистом, и локализовывал свою специализацию именно в области изучения пушкинских текстов. В первой половине 1920-х годов Благой работал в Институте живого слова⁴ и Государственной академии художественных наук (ГАХН).⁵ Однако первые печатные пушкиноведческие тексты Благого начали появляться лишь с 1926 го-

---

го, выдвинутого партией и правительством «на руководящую работу» в области советского литературоведения, см.: *Благой Д. Д.* Мой путь в науку о литературе, 1971 г. // Советские писатели: Автобиографии. М., 1972. Т. 4. С. 84–97; также см.: *Лаврецкий А.* Дмитрий Дмитриевич Благой // Известия Академии наук СССР. 1963. Т. 22. Вып. 1. С. 72–73; *Берков П. Н.* Дмитрий Дмитриевич Благой: (К 70-летию со дня рождения и 45-летию научно-литературной деятельности) // Русская литература. 1963. № 2. С. 267–272; *Пигарев К. В.* Дмитрий Дмитриевич Благой: (К 75-летию со дня рождения) // Известия Академии наук СССР. 1968. Т. 27. Вып. 1. С. 76–78; *Кулишов В. И.* Ученый и учитель: (К 100-летию со дня рождения Д. Д. Благого) // Известия Российской Академии наук. 1993. Т. 52. Вып. 1. С. 70–77.

² Не случайно весной 1931 года при деятельном участии А. В. Луначарского в Институте новой русской литературы воссоздается Пушкинская комиссия Академии наук (подробнее см.: *Турчаненко В. В.* 1) Научные заседания, организационные собрания и совещания Пушкинской комиссии Академии наук СССР в Ленинграде в 1931–1936 гг.: (По материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2020. Вып. 34. С. 144–180; 2) Пушкинская комиссия vs профессор Пиксанов: Из истории академического пушкиноведения // *Studia Slavica*. Таллин, 2020. [Вып.] 18. С. 64–74). В состав комиссии (наряду с С. М. Бонди, Т. Г. Зенгер (Цявловской), Н. К. Козминым, Г. Лелевичем, А. В. Луначарским, Ю. Г. Оксманом, Б. В. Томашевским, Ю. Н. Тыняновым, М. А. Цявловским и Д. П. Якубовичем) входил и Д. Д. Благой, тогда уже опубликовавший ряд важных пушкиноведческих работ.

³ Подробнее см.: *Чудаков А. П.* Ранние работы В. В. Виноградова о поэтике русской литературы // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: Избранные труды. М., 1976. С. 465–481.

⁴ В 1919–1920 годах — Государственный институт слова, в 1920–1922 годах — Государственный институт декламации (подробнее см.: *Вассена Р.* К реконструкции истории деятельности Института живого слова (1918–1924) // Новое литературное обозрение. 2007. № 4 (86). С. 79–95; *Горяева Т. М.* «Фабрика поэтов»: К истории Института живого слова // Встречи с прошлым. М., 2011. Вып. 11. С. 231–328).

⁵ Личное дело Благого см.: РГАЛИ, ф. 941, оп. 10, ед. хр. 54. Также см. личное дело Благого в фонде Государственной академии искусствознания (ГИАС): Там же, ф. 984, оп. 1, № 73.

да, тогда как все предыдущее десятилетие (с 1917 года) ученый был увлечен вопросами поэтической биографии Ф. И. Тютчева. Перелом в самоопределении Благого намечился в 1927 году, когда он опубликовал две объемные работы по социологии пушкинского творчества — брошюру «Классовое самосознание Пушкина: Введение в социологию творчества Пушкина»⁶ и двухчастную статью «Евгений Онегин» Пушкина: (Опыт социологического анализа)».⁷

Параллельно Благой работал над рукописью книги «Социология творчества Пушкина: Этюды», вышедшей в 1929 году в издательстве «Федерация» тиражом 3000 экземпляров и переизданной с дополнениями через два года в кооперативном издательстве «Мир» тиражом 5000 экземпляров. В этой книге Благой реализует детерминистский принцип классового анализа,⁸ причудливо совмещая его с методологическими и терминологическими нововведениями Общества изучения поэтического языка (ОПОЯЗ) — ленинградской «формальной школы»: «...дворянское самочувствие Пушкина, — отмечает Благой, — является <...> драгоценнейшим социологическим ключом, открывающим не одну дверь художественного творчества Пушкина, разрешающим, как нам представляется, немало загадок его творческой эволюции».⁹

Собственно литературные тексты интересовали Благого как свидетельства идеологических трансформаций пушкинского творческого кредо. Вместе с тем уже в этой ранней книге содержится принципиально важное для ученого теоретико-идеологическое положение, состоящее в констатации постепенного усиления в пушкинских поэтике и стиле реалистической тенденции. Так, Пушкин, по мнению Благого, в трагедии «Борис Годунов» «действительно, дал <...> образец величайшей художественной объективности, высокого художественного реализма».¹⁰ В следующих главах Благой

⁶ Благой Д. Д. Классовое самосознание Пушкина: Введение в социологию творчества Пушкина. М.: Изд-во Всероссийского союза поэтов, 1927. Позднее работа была переиздана в составе сборника «А. С. Пушкин», вышедшего в 1929 году в издательстве «Никитинские субботники».

⁷ Родной язык в школе. 1927. № 5—6.

⁸ Еще прижизненные биографы из желания получить покровительство влиятельнейшего Благого будут оправдывать его ранее пристрастие к «вульгарному социологизму». Так, К. В. Пигарев в биографической заметке к 75-летию литературоведа напишет, что якобы уже в 1920-е «наметились в творческом методе Д. Д. Благого и задатки преодоления крайностей “социологизма”»; и далее: «Залогом этого <преодоления> была чуткость исследователя к художественной стороне литературного произведения, а также опора на факты, которыми зачастую пренебрегали “социологи”» (Пигарев К. В. Дмитрий Дмитриевич Благой. С. 76).

⁹ Благой Д. Д. Социология творчества Пушкина. 2-е изд. М., 1931. С. 5.

¹⁰ Там же. С. 73.

последовательно фиксирует реалистический компонент в «Евгении Онегине», где «художник-реалист быстро вступает в Пушкине в свои права»,¹¹ и поэтому, следуя логике ученого, «в романтических поэмах, с одной стороны, с другой — в романе в стихах мы имеем как бы две совершенно различные “природы” — природу поэта-романтика и природу художника-реалиста».¹² Столь навязчивое повторение одной и той же мысли в связи с разными текстами понятно и весьма симптоматично, если держать в уме политико-социальный контекст конца 1920-х — начала 1930-х годов: Благой попросту избрал для себя наиболее безопасный «срединный» путь истолкования творческого метода Пушкина, который позволил ему, с одной стороны, не отказываться от важной для него методологической рамки и, с другой стороны, избежать нападков со стороны еще не усмиренных критиков-налитпостовцев (литераторов, объединившихся вокруг журнала «На литературном посту»), грезивших об эстетической гегемонии «пролетарского реализма».¹³ Следствием этих многочисленных теоретических итераций становится следующий тезис:

От «дворянства» к «мещанству», в пушкинском смысле этого слова, — такова была тенденция и социального бытия поэта, и обусловленного этим бытием его классового самосознания.

В том же направлении шла эволюция его художественного творчества.

---

¹¹ Благой Д. Д. Социология творчества Пушкина. С. 141.

¹² Там же. С. 167. Позднее в книге «Стиль Пушкина» Виноградов свяжет усиление «национально-реалистической» тенденции в пушкинской прозе с особым «чувством языка»: «В пушкинском стиле к половине двадцатых годов ярко обнаруживается процесс постепенного преобразования “романтической” системы экспрессивных форм, основанной на эмоциональных изломах, скачках, на резких словесных “поворотах” и напряжениях, на драматической таинственности, — в систему реалистическую. Можно, по-видимому, утверждать, что обе эти системы экспрессивного выражения, меняясь, смешиваясь, дожили до конца пушкинского творчества. Новая реалистическая система экспрессивной изобразительности, развившись из романтических форм экспрессии, приспособив их к новым стилистическим тенденциям и вступив с ними в частичное противоречие и борьбу во второй половине двадцатых годов, не приглушила совсем романтических приемов, но существенно изменила, осложнила и углубила их новой психологической перспективой, разнообразием средств национальной характеристики» (Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941. С. 95). Следует также отметить, что Виноградов упоминает работы Благого весьма и весьма дозированно: в 620-страничной монографии содержится всего шесть ссылок, лишь три из которых снабжены кратчайшими прямыми цитатами (в более ранней книге Виноградова «Язык Пушкина» (М.; Л., 1935) ссылки на работы Благого отсутствуют вовсе).

¹³ См., например: Зонин А. Какая нам нужна школа // На литературном посту. 1927. № 11—12. С. 8—15.

В своем бытии поэт все тверже становился на профессионально-писательские ноги.

В своем классовом самоощущении он все более спускался со своих дворянских «аристократических» высот, все яснее проникался сознанием своего действительного социального бытия.

Наконец, в отношении художественной эволюции Пушкина этот же процесс выражался во все большем отходе поэта от начальных «романтических» позиций, в непрерывном нарастании в его творчестве элементов «суровой прозы» — реализма.¹⁴

Именно это положение позднее несколько видоизменится и ляжет в основу концепции книги Благого «Творческий путь Пушкина: 1813—1826».¹⁵

Тогда же, в 1931 году (когда вышло второе издание «Социологии творчества Пушкина»), Благой выступает в качестве автора развернутого предисловия к четвертому тому шеститомного «краснониевского» собрания сочинений Пушкина, а также статей «Критика о Пушкине», «Медный всадник» и «Цензура и Пушкин» в «Путеводителе по Пушкину» (шестой том этого издания). С этого момента Благой начал активную публикационную деятельность, ежегодно увеличивая процент пушкиноведческих работ.¹⁶ В 1934 году появилась программная статья «Проблема построения научной биографии Пушкина»,¹⁷ где отчетливо обозначила себя монополистская претензия Благого, в чьих планах было пересоздать концепцию пушкинской биографии.¹⁸ (В предисловии ко второму изданию «Социологии творчества Пушкина» Благой писал, что не претендует осветить творческий путь Пушкина целиком, а лишь намечает его

---

¹⁴ Благой Д. Д. Социология творчества Пушкина. С. 227—228. Позднее Благой напечатает отдельную многостраничную статью «Развитие реализма в творчестве Пушкина» (Литературная учеба. 1935. № 1), в которой приведенное выше суждение обрстет еще большим числом текстовых примеров.

¹⁵ Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1813—1826). М.; Л., 1950.

¹⁶ Подробнее см.: Дмитрий Дмитриевич Благой: К 65-летию со дня рождения. [Список печатных работ Благого, статей и рецензий на его работы]. М., 1958.

¹⁷ Благой Д. Д. Проблема построения научной биографии Пушкина // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 247—270.

¹⁸ Отметим, что работа Благого явилась одним из первых опытов концептуализации пушкинской биографии; позднее в связи с 100-летним юбилеем кончины Пушкина число этих попыток значительно возросло (подробнее см.: Мордовченко Н. И. Биография Пушкина: Обзор литературы за 1937 г. // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. Т. 4—5. С. 513—529). По случаю юбилея Благой переработает статью 1934 года и напечатает ее под названием «На путях к научной биографии Пушкина» (Вестник Академии наук СССР. 1937. № 2—3).

«некоторую предварительную схему».¹⁹) Этой статьей Благой буквально расправлялся со всеми предшественниками в деле написания пушкинской биографии: он не только поочередно дисквалифицировал П. А. Плетнева, П. И. Бартенева, П. В. Анненкова, В. Я. Стоюнина, А. А. Венкстерна, А. И. Незеленова, В. В. Сиповского, С. А. Венгерова, П. Е. Щеголева, Б. Л. Модзалевского, В. В. Вересаева, а также ряд иностранных исследователей, но и отмежевывался от бывшего увлечения уже тогда поруганным и заклеянным «вульгарным социологизмом». В его суждениях все больше проступала близость с идеями А. В. Луначарского.²⁰ Благой заключил эту статью жестом приверженности новому идеологическому курсу:

Узко-личная жизнь Пушкина — его житейские перипетии, быт, связи и отношения с людьми, пресловутые пушкинские «романы» и т. д. и т. д. — более или менее существенный подсобный материал к созданию социальной биографии Пушкина, в которой личное, отдельное будет дано в его пронизанности общим, социальным, во всех его конкретно-исторических связях и опосредствованиях, в которой человек неразрывно слит с творцом, с великим культурно-историческим деятелем.

Такая биография Пушкина может быть создана *только в пределах советского марксистско-ленинского литературоведения*. И обязанность нашего литературоведения к столетнему юбилею смерти поэта ее создать.²¹

Накануне 100-летия пушкинской кончины, в 1936 году, в рамках дискуссии о «формализме» произошло разоблачение так называемого «вульгарного социологизма» в изводе Переверзева — Фриче, к которому, как уже отмечалось, в конце 1920-х методологически тяготел Благой. Главной печатной площадкой разоблачителей «формалистов» стал марксистски ориентированный журнал «Литературный критик», ответственным редактором которого был будущий академик П. Ф. Юдин. К этому моменту публикационная активность

¹⁹ Благой Д. Д. Социология творчества Пушкина. С. 3.

²⁰ Подробнее о спорах середины 1930-х годов вокруг наследия Пушкина и роли работ Луначарского в этих спорах см.: Перхин В. В. Русская литературная критика 1930-х годов: Критика и общественное сознание эпохи. СПб., 1997. С. 171—174.

²¹ Благой Д. Д. Проблемы построения научной биографии Пушкина. С. 270. Курсив мой. — Д. Ц. Благой еще раз повторил эту мысль в газетной статье «За научное познание Пушкина», опубликованной в «Известиях» (1935. № 197 (5750)).

Благого заметно снизилась: если в 1934 году он напечатал четыре большие статьи, одну энциклопедическую заметку и две рецензии, то в 1935-м — всего две научные статьи и одну газетную. Однако в 1936 году Благой опубликовал сразу две небольшие пушкиноведческие работы — «О Пушкине: (Ответ А. Селивановскому): Сокращенная стенограмма речи на дискуссии о “Спорных вопросах пушкиноведения”»²² и «Академическое издание Пушкина» — в громившем «вульгарных социологов» «Литературном критике» (№ 2 и 5). (Сам Благой до конца жизни будет самокритично отстраняться от ранних методологических пристрастий.) Приближение юбилея обостряло необходимость создания и публикации новой пушкинской биографии, однако с себя Благой эту — им же провозглашенную — обязанность снял.²³ Ни одна из шести его пушкиноведческих статей, вышедших в «юбилейном» году, не претендовала и, в сущности, не могла претендовать на сколько-нибудь серьезное обобщение по вопросу биографии поэта. Тем не менее уже в середине 1930-х годов Благой имел репутацию уважаемого пушкиниста, о чем свидетельствует хотя бы статья «Пушкиноведение» (примечательно, что ее автором была В. С. Нечаева — жена Благого) в девятом томе «Литературной энциклопедии». В ней текстам литературоведа уделен отдельный абзац:

Ряд работ, посвященных по преимуществу вопросу о классовой сущности творчества Пушкина, дал Д. Д. Благой <...>. Творчество Пушкина им рассматривается как отражение перехода русского дворянства от XVIII в. к XIX в., от феодально-дворянского мира к новым буржуазным отношениям. Противоречия между «старинной» и «новизной» в личном бытии П<ушкина>, по Благому, сказались, с одной стороны, в осознании им себя «шестисотлетним дворянином», а с другой — вживанием его в качестве профессионала-писателя в мир буржуазных отношений. Неправильная оценка роли профессионализации в эволюции пушкинского творчества, излишнее доверие к личным высказываниям П<ушкина> о себе при объяснении идейно-исторического смысла его мировоззренческой концепции в известной мере ослабляют убедительность высказываний Благого. Не вполне правильно рассматривает он и социальный смысл декабрьского восстания. Ценной стороной ра-

²² Стенограмму выступления Благого на дискуссии о творчестве Пушкина см.: РГАЛИ, ф. 631, оп. 18, № 20, л. 1—21.

²³ Исчерпывающий список вышедших в 1937 году историко-литературных биографических работ о Пушкине см. в кн.: Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем, 1937—1948. М.; Л., 1963. С. 108—128.

боты Благого является его внимание к художественной стороне произведений П<ушкина> и синтетическое, обобщающее раскрытие его творчества в его противоречиях.²⁴

Несмотря на кокетливый псевдокритический тон, тем не менее требовавший от Благого немедленных оправдательных жестов (они закономерно последовали, о чем уже было сказано выше), статья эта подчеркивала особость занимаемого литературоведом положения в советской филологической науке. В то же время заслуги всех ленинградских филологов, пренебрежительно названных Нечаевой «текстологами-комментаторами», обобщены в одном крохотном фрагменте энциклопедической статьи.

К концу 1930-х годов Благой, ставший доктором филологических наук (1938) и назначенный заведующим научным и исследовательским секторами Музея им. А. С. Пушкина, не только полностью сменил методологические ориентиры, но и значительно скорректировал стратегию научной самореализации. В 1938 году благополучно перенесший время Большого террора литературовед стал научным сотрудником Института мировой литературы им. Горького. Тогда же он, по всей видимости, окончательно осознал неизбежность идеологической работы и охотно принялся создавать псевдопушкиноведческие пропагандистские поделки, совмещая это с работой в академической институции. Неразделение научного и политического во второй половине 1940-х годов обеспечит Благому быстрый карьерный рост и позволит стать «первым человеком в советском литературоведении».²⁵ 6 июля 1939 года в «Известиях» появилась статья «Наследие Пушкина», а затем и немецкоязычная статья «Der einsame Puschkin» («Одинокий Пушкин») в изданном в Москве и предназначенном для распространения в нацистской Германии сборнике.²⁶ Кроме упомянутых текстов Благой написал двухстраничную заметку «Лермонтов и Пушкин: К 125-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова».²⁷ Ни до, ни первое время после принятия постановления Оргбюро ЦК «О литературной критике и библиогра-

²⁴ Нечаева В. С. Пушкиноведение // Литературная энциклопедия. М., 1935. Т. 9. Стб. 445.

²⁵ Именно такой патетической формулой члены Комитета по Сталинским премиям уже в начале 1950-х годов определяли значение занятий Благого для советской литературной науки (подробнее см.: Цыганов Д. М. Сталинская премия по литературе: Культурная политика и эстетический канон сталинизма. М., 2023. С. 512–514).

²⁶ Puschkin: Eine Sammlung von Aufsätzen dem großen russischen Dichter Puschkin gewidmet. М.: Gesellschaft für kulturelle Verbindung der Sowjetunion mit dem Auslande, 1939.

²⁷ Смена. 1939. № 10.

фии» от 26 ноября 1940 года Благой из свойственной ему политической осторожности не написал ни одной работы, посвященной пушкинскому творчеству. Отсутствие определенности было вызвано не столько давно наметившимся «национал-большевистским» поворотом,²⁸ сколько переконфигурацией институционального комплекса сталинской культуры: вскоре перестал выходить «обособленный от писателей» журнал «Литературный критик» (к августу 1941 года будет прекращено издание «Литературного обозрения» — двухнедельного приложения к ликвидированному журналу), на страницах которого Благой активно публиковался во второй половине 1930-х годов. Во всех «толстых» литературно-художественных журналах и даже центральных газетах («Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Красная звезда» и др.) создали постоянно действующие отделы критики и библиографии. Вопрос о статусе «советского литературоведения» в его отношении к литературной критике впервые встал столь остро. Главным следствием этого постановления оказалось оформление единого интеллектуального пространства, где отсутствовали границы между литературной критикой и литературоведением. Именно этим объясняется тот факт, что критическая статья о сугубо научном тексте в будущем сможет стать предлогом для серьезной дискуссии.²⁹ Словом, литературная критика, которая по-прежнему оставалась принадлежностью писательской практики, в позднесталинском СССР не просто обрела «конкурентоспособность», но встала в один ряд с точными, естественными и гуманитарными науками, не имея даже четко определенного понятийного (и тем более методологического) аппарата. Результат этого взаимодействия был закономерным. Уровень филологического знания падал, происходила широчайшая экспансия публицистики в академические исследования, а сама наука становилась производной от идеологизированных тезисов газетных передовиц. Именно поэтому

²⁸ Подробнее см.: *Бранденбергер Д. Л.* Национал-большевизм: Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931—1956 гг.). СПб., 2009.

²⁹ Так, например, самым грозным выпадом против книги Виноградова «Русский язык» (1947) станет рецензия Б. Н. Агапова и К. Л. Зелинского «Нет, это — не русский язык», опубликованная 29 ноября 1947 г. в «Литературной газете» (№ 59 (2374). С. 3). Вдова ученого вспоминала: «Его обвиняли в идеализме, формализме, низкопоклонстве перед Западом, и даже хотели объявить его “космополитом”. Последнее обвинение было снято самим ЦК, где нашли, что В[иктор] В[ладимирович] русский ученый и для обвинения в космополитизме не подходит» (Из воспоминаний Н. М. Малышевой-Виноградовой // *Вестник Европы.* 2010. Т. 28—29. С. 234). Подробнее о дискуссии по поводу книги Виноградова см.: *Дружинин П. А.* Идеология и филология: Ленинград, 1940-е: Документальное исследование. М., 2012. Т. 1. С. 574—581.

один и тот же текст мог быть опубликован сперва, например, в «Литературной газете», а затем с минимальной доработкой — в «Известиях Академии наук СССР».

2

На начало 1940-х годов пришлась подготовка сразу двух книжных проектов — сборников статей и материалов «Пушкин — родоначальник новой русской литературы»³⁰ и «Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова».³¹ В подготовке этих изданий Благой, тогда заметно снизивший темпы научной работы, тем не менее принял активное участие, по-видимому, не без личной заинтересованности карьеристского толка (не случайно уже в 1943 году филолог займет должность профессора кафедры русской литературы Московского университета). Более того, первый из упомянутых сборников вышел под редакцией Благого (совместно с В. Я. Кирпотиным) и включал сразу две его статьи, организующие концепцию тома.

В давней название «пушкинскому» сборнику статье «Пушкин — родоначальник новой русской литературы» литературовед тщательно, шаг за шагом подбирал новое риторическое оформление мифологизированной фигуре поэта: Пушкин, если идти вслед за Благой, — не отрицатель культурного прошлого,³² но вдумчивый критик политического настоящего, потому как он «один из первых начинает сознавать основную слабость и европейских буржуазных национально-освободительных всплшек, и, в еще более сильной степени, движения русских дворянских революционеров — неучастие в нем народных масс».³³ Следом Пушкин объявлялся подлинно *народным* поэтом, чем и определялась его роль «создателя новой литературы» — литературы, якобы созданной для *массового* читателя.³⁴

³⁰ Пушкин — родоначальник новой русской литературы: Сб. научно-исследовательских работ. М.; Л., 1941.

³¹ Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Сборник первый: Исследования и материалы. М., 1941.

³² В этом состоит принципиальное расхождение Благого с В. А. Десницким — автором одноименной статьи, напечатанной четырьмя годами раньше (см.: Десницкий В. А. Пушкин — родоначальник новой русской литературы // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1937. Т. 3. С. 43—65; позднее републиковано в изд.: Сто лет со дня смерти А. С. Пушкина: Труды Пушкинской сессии Академии наук СССР. 1837—1937. М.; Л., 1938. С. 117—140).

³³ Благой Д. Д. Пушкин — родоначальник новой русской литературы // Пушкин — родоначальник новой русской литературы. С. 51.

³⁴ В этом и последующих тезисах идеологизированная риторика берет верх над строгими научными сведениями, о которых Благой предпочел умолчать. Еще в 1937 году В. Страхов опубликовал библиологический очерк «Пушкин и массо-

Благой акцентировал: «И только потому, что Пушкин стремился делать и делал свое основное жизненное дело не без народа и не мимо народа, а с народом, в предельной близости к народному слову, к народному духу, смог он стать родоначальником новой, подлинно национальной русской литературы».³⁵ Отсюда, по мысли Благого, вырастает специфическое отношение к предшествующему (до)национальному культурному опыту: «Своим отношением к литературе XVIII в. Пушкин дает замечательный образец предельно-критического и одновременно подлинно-творческого усвоения литературного наследства».³⁶ И, что куда важнее в контексте нараставшей советско-западной конфронтации, отношение к традиции мировой. «Пушкин, — утверждал Благой, — создает новую русскую литературу в теснейшем литературно-идейном общении с великанами Запада. <...> Отношение Пушкина к величайшим западным гениям — не отношение ученика к учителям (подражает им Пушкин только в ранние годы своей литературной деятельности), а равного к равным»;³⁷ и далее: «Первым из наших писателей Пушкин не только берет от Запада, но и сам начинает давать Западу».³⁸ Таким образом, Пушкин как бы раскрыл экспансивный потенциал русской культуры, ее способность *влиять* на наднациональную эстетическую обстановку. Те же самые смыслы в середине 1939 — начале 1941 года аккумулировались и центральной периодикой: советское политическое руководство, нуждавшееся в оправдании собственной геополитической активности, искало его в прошлом.

вый читатель», в котором подробно реконструировал статистическую сторону вопроса о количестве прижизненных и посмертных изданий пушкинских текстов (см.: *Страхов Вас.* Пушкин и массовый читатель // А. С. Пушкин. 1837—1937: Сб. статей и материалов. Саратов, 1937. С. 115—123). Также см. об этом: *Рейтблат А. И.* Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки. М., 2001.

³⁵ Благой Д. Д. Пушкин — родоначальник новой русской литературы. С. 52. В этом тезисе Благой следует давней точке зрения Луначарского, сформулированной еще в статье 1922 года «Пушкин» (Известия ВЦИК. 1922. № 34. 12 февр.); ср.: «В Пушкине-дворянине на самом деле просыпался не класс (хотя класс и наложил на него некоторую свою печать), а народ, нация, язык, историческая судьба» (цит. по: *Луначарский А. В.* Статьи о литературе. М., 1957. С. 143). Подробнее см.: *Sandler S.* Commemorating Pushkin: Russia's Myth of a National Poet. Stanford, 2004.

³⁶ Благой Д. Д. Пушкин — родоначальник новой русской литературы. С. 54.

³⁷ Там же. С. 55.

³⁸ Там же. Вскоре позиция Благого по этим вопросам резко изменится. В 1949 году он будет писать, что Пушкин «беспощадно бичевал <...> раболепство перед иностранщиной, космополитизм, свойственные верхушке русского дворянства и XVIII в., и его времени» (*Благой Д. Д.* Мировое значение Пушкина. М., 1949. С. 10).

Параллельно с этим происходило и укоренение сталинского эстетического режима, которое потребовало сперва сформировать у массового реципиента искаженное представление о литературном процессе прошлых столетий, а затем внушить ему мысль о закономерном перерождении «буржуазной» литературы, объятой кризисом, в эстетический эквивалент партийной политики — литературу «социалистическую».

Во время войны существенно сместились ценностные ориентиры всей советской публичной сферы: на первый план выдвинулась тема «советского патриотизма» — основы национальной идентичности. Так, 18 ноября 1942 года А. Н. Толстой выступил в Свердловске на очередной, юбилейной секции Академии наук СССР с позднее многократно переизданным докладом «Четверть века советской литературы», в котором подвел итоги 25-летнему периоду литературного развития. Важность этого выступления состояла в том, что в нем наметились тенденции, затем подхваченные и углубленные писательским начальством: одним из ключевых положений доклада стал вопрос о «советском патриотизме», подготовленном опытом классической литературы прошлого столетия и лежащем в основе литературы современной. Советское «культурное строительство», по мысли Толстого, все отчетливее приобретало «общечеловеческий нравственный и исторический смысл», а единственной формой существования «пролетарского по своему содержанию» искусства оказывалась именно «национальная». Затем положения толстовского доклада развил руководивший писательской организацией Фадеев. В заключительном слове, произнесенном 29 марта 1943 года на закрытии совещания Союза писателей, он заострил внимание собравшихся: «Наш патриотизм — это вовсе не квасной патриотизм. Мы не собираемся представлять себе путь развития русского народа и других национальностей как развитие изолированное».³⁹

---

³⁹ «Мы предчувствовали полыханье...»: Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны: Документы и комментарии. Июнь 1941 — сентябрь 1945 г. М., 2015. Т. 2. Кн. 1. С. 704. Об этом же Фадеев писал в недатированном письме к Вишневскому (см.: Фадеев А. А. Письма, 1916—1956. М., 1967. С. 179). Основные положения Фадеева быстро были «взяты на вооружение»: уже 10 апреля 1943 года в «Литературе и искусстве» (№ 15 (67). С. 1) появилась передовица «О русской национальной гордости»; 7 августа В. Ермилов опубликовал статью «О традициях национальной гордости в русской литературе» (№ 32 (84). С. 2), а 20 ноября — статью «Образ Родины» (№ 47 (99). С. 3), посвященную обзору лирических текстов советских поэтов (среди них были Андрей Белый, Ахматова, Городецкий, Каменский, Пастернак, Хлебников и даже некогда поруганный Есенин), вошедших в «Сборник стихов» (М., 1943; составители В. В. Казин и В. О. Перцов).

Проблема «советского патриотизма» со временем становилась все острее: в середине августа Фадеев выступил по радио с речью «О советском патриотизме и национальной гордости народов СССР»,⁴⁰ в которой наметил основной круг идеологом (подвиг Гастелло, мученическая судьба Зои Космодемьянской, сюжет обороны у разъезда Дубосеково («двадцать восемь героев-панфиловцев») и даже «Седьмая симфония» Шостаковича), не изживших себя и по сей день. Уже тогда началось «воскрешение героев прошлого», призванное пробудить у «среднего человека» способность к «историческому мышлению»:⁴¹ не забыл Фадеев упомянуть Ивана Тургенева, Льва Толстого, Михаила Салтыкова, Федора Достоевского (!), Антона Чехова, Максима Горького, процитировать тенденциозный фрагмент из статьи «О сочинениях Державина» Белинского, «Железную дорогу» Некрасова и «Несколько слов о Пушкине» Гоголя. Венчал эту речь примечательный по своей изворотливости и затененности подлинного смысла патетический фрагмент:

Это понимание советского патриотизма и национальной гордости не только не имеет ничего общего с шовинизмом и национализмом, а, наоборот, является лучшей гарантией против шовинизма и национализма, ибо корни шовинизма и национализма подрублены в нашей стране, ибо никогда еще национальные задачи народов СССР так не совпадали с интернациональными общечеловеческими задачами, как в великой освободительной борьбе народов против германского фашизма.⁴²

---

⁴⁰ В названии использована формула из заглавия статьи Ленина «О национальной гордости великороссов» (1914).

⁴¹ Первые «симптомы» этого процесса проявились уже осенью 1941 года, о чем свидетельствует запись из дневника А. Первенцева: «...она (родная земля. — Д. Ц.) горит, павшая жертвой нашей военной неорганизованности и слабости. Горят прекрасные поля, горят хижинки, улетают птицы, над Украиной носятся черные стаи бомбардировщиков, носятся почти безнаказанно. Мы оказались слабее в воздухе, мы оказались слабее на земле. Этого не простят нам великие мужи, поставившие на ноги Россию. В могилах поднимаются, как видения Страшной мести, отец отечества Петр Великий, Потемкин, Суворов, Румянцев — победитель Кагула, Кутузов, Богдан, Сирко, Богун, Сагайдачный, Багратион, Нахимов, Корнилов... Поднимаются даже те, кто был сражен в силу своих убогих политических знаний, но сильной любви к отчизне: Лавр Корнилов, Неженцев, Марков, Брусилов, Алексеев, Чернецов, Каледин. Они смотрят на нас: вы взяли силой у нас власть из рук — побеждайте. Мы привыкли видеть, что мы ошиблись и большевики — спасители Отечества русских, — побеждайте, но если вы не победите, почему уничтожили нас, почему не посторонились?» (Первенцев А. А. Дневники: 1941—1945. М., 2011. С. 51).

⁴² «Мы предчувствовали полыханье...»: Союз советских писателей СССР. Кн. 1. С. 793. По-видимому, такое нагромождение риторических союзов (по

Позднее, 6 ноября 1944 года, в речи на торжественном заседании Московского совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы Сталин провозгласит:

В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза. Советский патриотизм не разъединяет, а, наоборот, сплавливает все нации и народности нашей страны в *единую братскую семью*. В этом надо видеть основы нерушимой и все более крепнущей дружбы народов Советского Союза.⁴³

Литературоведение, тогда рассматривавшееся как разновидность *творческой работы*, было подчинено решениям «руководящего центра» Союза советских писателей. Именно поэтому реакция на вышеприведенные слова Фадеева оказалась незамедлительной. В 1943 году Благой, эвакуированный с большей частью коллектива ИМЛИ в Ташкент,⁴⁴ выпустил в местном издательстве 72-страничную брошюру «Пушкин — великий национальный поэт», а в следующем году — статью «Пушкин на фронте» о порубке леса в Михайловском парке (в соавторстве с Н. К. Гудзием) в газете «Литература и искусство».⁴⁵

Идеологическая нестабильность военного времени делала пушкинскую тему ненадежной и до некоторой степени опасной. Отклониться от «партийной линии» в рассуждениях о специфике «русско-

В. Виноградову) призвано зафиксировать и усилить пафос этого фрагмента, построенного на логическом контрапункте.

⁴³ Доклад Председателя Государственного Комитета Обороны товарища И. В. Сталина // Правда. 1944. № 268 (9725). 7 ноября. С. 2. Курсив мой. — Д. Ц.

⁴⁴ В Ташкенте Благой по совместительству заведовал кафедрой Ташкентского педагогического института (в 1941—1943 годах). По всей видимости, там Благой начал готовить свой лекционный курс «Проза Пушкина», позднее прочитанный студентам МГУ (подготовительные материалы к курсу см.: АРАН, ф. 1828, оп. 1, № 77, л. 1—102).

⁴⁵ См.: Литература и искусство. 1944. № 23 (127). 3 июня. С. 2. Позднее сформулированные Благом тезисы будут взяты на вооружение советскими авторами в своей писательской практике. Так, в частности, В. Инбер в стихотворении «Русский гений» (1949) напишет: «Неправда, будто на войне / Смолкает голос муз. / На фронте с Пушкиным вдвойне / Был крепок наш союз. // Без типографского свинца / И там не обошлось, / Он, спаян с пулею бойца, / Разил врага насквозь» (см.: *Инбер В. Избранное*. М., 1950. С. 32—33; представление Инбер о литературе как об инструменте ведения войны выразилось и в ее публицистике (ср.: *Инбер В. Боеспособность стиха: [Из выступления на творческом совещании в Союзе писателей] // Литература и искусство. 1943. № 14 (66). 3 апр. С. 2)*).

*Профессора МГУ Н. К. Гудзий и Д. Д. Благой на фронте
с лекцией о творчестве А. С. Пушкина для солдатских частей
действующей армии. Март 1944 года.*

Фото майора П. Логинова (АРАН, ф. 1828, оп. 1, № 707)

го национального характера» и его истоках значило поставить себя и свою научную репутацию под удар, который неминуемо бы последовал со стороны завистников и конкурентов, желавших продвигаться в номенклатурной иерархии и заполучить под свой контроль заветные управленческие рычаги. Думается, с этим и было связано погружение Благого в подробное изучение литературной культуры XVIII века и параллельная подготовка им учебника,⁴⁶ который негласно должен был стать своеобразной московской альтернативой ленинградскому учебнику Г. А. Гуковского.⁴⁷ Вновь к проблемам творчества Пушкина Благой возвратится уже в ждановскую эпоху, после окончательного осуществления *тоталитарной реставрации*. И возвращение это окажется весьма характерным.

3

Четырехлетнее противостояние завершилось победой над гитлеровской Германией. Однако милитаризм не перестал быть частью идентичности советского человека. Уже в начале 1944 года некогда оборонительная война стала войной «освободительной». «Избавление» Восточной Европы от «призрака фашизма» для СССР означало возможность осуществить как территориальное приращение, так и укрепление собственного символического статуса. Советский Союз впервые с конца 1920-х годов разомкнул свои границы и стал до некоторой степени «открытой» политической системой, заинтересованной в межгосударственном дипломатическом взаимодействии. Такое (пере)осмысление имперской культурой собственной *безграничности* (или, если говорить точнее, возросшей *проницаемости границ* советского «закрытого общества») определило и характер тоталитарной экспансии: во второй половине 1940-х годов воображение как некогда главный инструмент нарушения суверенности «внешнего» уступает место иным социально-культурным практикам «перекройки» послевоенного мира.⁴⁸

⁴⁶ См.: Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века. М., 1945.

⁴⁷ Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века: Учебник для высших учебных заведений. М., 1939.

⁴⁸ В качестве центральной практики реализации сталинского имперского воображения Е. А. Добренко справедливо выдвигает разгоревшуюся в конце 1940-х гг. кампанию по «борьбе за мир» (см.: Добренко Е. А. Поздний сталинизм: Эстетика политики. М., 2020. Т. 2. С. 400—419). Отнюдь не случайно и то, что Т. Шишкова — пусть и с явно ревизионистских позиций — рассматривает внутреннюю культурную политику послевоенных лет как инструмент осуществления новой экспансионистской задачи — создания и предъявления внешнему миру «правильного» образа СССР (Шишкова Т. Внеждановщина: Советская

Этот краткосрочный временной промежуток, когда политика предьявляла себя «в чистом виде», стал периодом подъема культуры, которая так долго была «служанкой» этой политики. На несколько месяцев (приблизительно до начала марта 1946 года, когда Черчилль выступит с Фултонской речью) пропала и потребность в агитации. Прежний враг был разбит, а новый еще не найден. Имевшие место локальные всплески идеологической активности не омрачали ситуацию в целом, а то и дело доносившиеся призывы к неукоснительному соблюдению принципов социалистического реализма до середины 1946 года были не столько элементами новой эстетической доктрины, сколько почти рефлекторными попытками партфункционеров от искусства создавать видимость активной пропагандистской работы. Не случайно, что именно тогда стало возможным появление на страницах одного из главных «толстых» журналов, «Октябрь», статьи Ф. И. Панферова «О черепках и черепушках», в которой жесткой критике подверглись методы «партийного руководства» литературой.⁴⁹ В обществе не ощущался былой страх, до войны буквально витавший в воздухе (хотя вскоре людей культуры вновь scuет ужас от возможности начала новой войны⁵⁰).

Не случайно, что именно в таком контексте Благой, обретя уверенность в дальновидности своих робких довоенных попыток глобализации роли Пушкина в истории культуры, вновь обращается к его творчеству и на этот раз избирает еще более наглядную риторическую форму для своих политически выверенных штудий. Сталинизм, видевший источник своей легитимности в «закономерном» ходе исторического процесса, даже в благоприятной геополитической обстановке требовал обращенных в прошлое реинтерпретации и переоценки роли русской литературы в общемировом культурном процессе. Об обеих задачах — «экспорте» сталинской культурной по-

---

послевоенная политика в области культуры как диалог с воображаемым Западом. М., 2023).

⁴⁹ Подробнее о значении статьи Панферова для послевоенного культурного контекста см.: Добренко Е. А. Поздний сталинизм: Эстетика политики. Т. 2. С. 276—277.

⁵⁰ Так, М. М. Пришвин 16 марта 1946 года запишет в дневнике: «В голове кружится речь Черчилля и ответ Сталина: Черчилль выступает как человек со всеми знакомыми нам человеческими личными свойствами. В словах Сталина все нет личного человека и тоже сверхчеловека с истерическим петушиным подпрыгиванием и выкрикиванием. Сталин говорит безлично, как механический робот. И если Черчилль сказал как ему “хочется”, то Сталин говорит как “надо”. Будет война или нет? По словам вождей открытых и смелых, кажется, нет: слишком все открыто. По фактам, особенно в Греции, война уже началась» (Пришвин М. М. Дневники: 1946—1947. М., 2013. С. 82).

литики и его легитимации — в советском публичном пространстве говорилось вполне открыто, поэтому их усвоение в среде интеллектуалов происходило без малейшей задержки. Уже в январе 1946 года Благой опубликовал на страницах первого номера журнала «Литература в школе» статью «Всемирное значение русской литературы»⁵¹ и позднее написал предисловие к изданию прозы Пушкина на литовском языке, вышедшему в Государственном издательстве художественной литературы (ГИХЛ) и предназначенному для экспорта в прибалтийский регион.⁵²

Вплоть до 1949 года, на который пришелся 150-летний юбилей поэта, Благой не отваживался объединять тему пушкинского творчества с вопросом о всемирном значении русской классической литературы. Так, в 1947 году появились две работы о Пушкине: «Пушкин — великий русский национальный поэт»⁵³ и «Пушкин — поэт действительности»,⁵⁴ — а в 1948 году литературовед напечатал еще несколько текстов со смежной проблематикой: стенограмму лекции «Мировое значение русской классической литературы», прочитанной в Центральном лектории Общества по распространению политических и научных знаний в Москве, статью «Мировое значение русской литературы»⁵⁵ и брошюру «Пушкин — великий национальный поэт». Во всех этих публикациях, кишачих повторами и патетическими банальностями, Благой постепенно разрушал некогда насаждавшееся представление о герметичных границах русской национальной художественной традиции. Его логика была весьма прозрачной и вместе с тем беспроегрышной: если русская классика обладает мировым эстетическим значением, то Пушкин, являющийся ее «родоначальником», буквально воплощает в себе это мировое эстетическое значение. Об этом Благой и написал в брошюре «Мировое значение Пушкина», где встраивал Пушкина в контекст сталинской культуры, подспудно утверждая,

---

⁵¹ Примечательно, что название этой статьи Благого полностью совпадает с названием первой главы в книге А. М. Еголина «Освободительные и патриотические идеи русской литературы XIX века» (М., 1946), которую литературовед не только читал, но и неоднократно цитировал. И примечательно, что именно Еголин выступил ответственным редактором монографии Благого «Творческий путь Пушкина (1813—1826)» (1950).

⁵² Тремя годами позднее, в 1949 году, почти 100-страничную биографическую брошюру Благого «А. С. Пушкин» (М., 1949) перевели уже на три языка — венгерский, польский и японский.

⁵³ Стенограмма публичной лекции, прочитанной 16 февраля 1947 года. М., 1947.

⁵⁴ Литература в школе. 1947. № 1.

⁵⁵ Начальная школа. 1948. № 5.

что в его творчестве воплотились все ключевые категории соцреализма:⁵⁶

1) «народность» (ср.: «Гениальный Пушкин — подлинное олицетворение и символ русского национально-исторического бытия. В исключительной ясности его ума, в беспримерной творческой мощи, многогранности облика, небывалой стремительности развития выразилась замечательная одаренность и могучая сила породившего его великого народа»;⁵⁷ «...величайший интерес, тяга, любовь к простому народу, к широким народным массам сказывались в Пушкине в течение всей его жизни»⁵⁸);

2) «идейность» (ср.: «В своих вольных стихах Пушкин явился горячим и вдохновенным провозвестником идей декабризма»⁵⁹);

3) «историзм» (ср.: «Историзм — стремление познать и отразить жизнь общества, народа в ее движении, изменениях, увидеть в настоящем результат предшествующего исторического развития — составляет одну из существеннейших сторон и мировоззрения, и творчества Пушкина»⁶⁰);

4) «партийность» (ср.: «Пушкин стремился и прямо влиять на общественное мнение, рвался к деятельности публициста. <...> В тридцатых годах принялся за издание журнала “Современник”, к которому привлек лучших писателей того времени, к которому хотел привлечь, в противовес “литературным аристократам”, молодого Белинского»⁶¹);

5) «революционный романтизм» (ср.: «В своих рабочих тетрадях молодой Пушкин сделал следующую замечательную запись: “Только революционная голова... может любить Россию — так, как писатель только может любить ее язык. Все должно творить в этой России и в этом русском языке”»⁶²).

Благой пока что не объявлял Пушкина первым полноценным практиком социалистического реализма, но через несколько лет он уже писал об этом вполне недвусмысленно. В то же самое время литературовед прекрасно ориентировался в сугубо бюрократическом контексте советской литературной жизни и, помня о недавней травле И. М. Нусинова за вышедшую в 1941 году книгу «Пушкин и ми-

⁵⁶ Подробнее см.: Балина М. Р. Идейность — классовость — партийность // Соцреалистический канон: Сб. статей. СПб., 2000. С. 362—376; Гюнтер Х. Тоталитарная народность и ее истоки // Там же. С. 377—389.

⁵⁷ Благой Д. Д. Мировое значение Пушкина. С. 5.

⁵⁸ Там же. С. 7.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. С. 7—8.

⁶¹ Там же. С. 9.

⁶² Там же. С. 10.

ровая литература», по-новому ставил вопрос и адресовался к выгодным идеологическим контекстам.⁶³ Благой писал: «Пушкин уже не только свел поэзию с жизнью, а превратил поэзию в жизнь и жизнь в поэзию».⁶⁴ В этом суждении содержится явная отсылка к статье В. В. Ермилова «За боевую теорию литературы»,⁶⁵ во второй части которой («Против отрыва от современности» — в № 73) главный редактор «Литературной газеты» сосредоточился на сформулированном в «классическом по своей ясности и глубине» докладе Жданова требовании «вторжения литературы во все стороны советского бытия». Именно в этом фрагменте ермиловской работы содержалось суждение, косвенно указавшее на кризисный характер «соцреалистической миметичности». Ермилов писал:

Теория советской литературы до сих пор еще не разрабатывается нами в направлении содействия все большему сближению литературы с действительностью. Более того, — за последнее время в разработке вопросов теории социалистического реализма наметились такие неправильные тенденции, которые могут способствовать не усилению связей литературы с жизнью, а, наоборот, ослаблению этих связей, созданию своеобразных форм ухода литературы от живой действительности.

Однако речь здесь шла о сближении литературы с особой, «социалистической» действительностью (ср.: «...сама наша реальная действительность, в ее трезвой, деловой повседневности, *романтична*, глубоко поэтична по своей внутренней сути. Эта ермиловская идея сформировалась задолго до 1948 года. Еще до войны критик был привлечен к написанию глав, посвященных литературной ситуации

⁶³ В этой ситуации даже свойственные Благому самоповторы обретали новые смыслы. Например, взятая из статьи 1941 года и немного видоизмененная фраза «<Пушкин> сообщил нашей литературе подлинную и всестороннюю народность, сделал ее “поэзией действительности” — органом художественного самосознания общества» (*Благой Д. Д.* Мировое значение Пушкина. С. 11; ср.: *Благой Д. Д.* Пушкин — родоначальник новой русской литературы. С. 59—60) — в наметившейся культурно-политической обстановке прочитывалась как отсылка к главному положению ермиловской квазитеооретической работы.

⁶⁴ *Благой Д. Д.* Мировое значение Пушкина. С. 24.

⁶⁵ См.: *Ермилов В. В.* За боевую теорию литературы! // Литературная газета. 1948. № 69 (2452). 29 авг. С. 3; № 73 (2456). 11 сент. С. 3; № 74 (2457). 15 сент. С. 3; № 91 (2474). 13 нояб. С. 3; № 92 (2475). 17 нояб. С. 3; № 93 (2476). 20 нояб. С. 3. Подробнее об этой статье в контексте позднесталинской культурной политики см.: *Цыганов Д. М.* «Литературная газета» как один из институциональных механизмов демонтажа послевоенного соцреалистического канона // Текст: Исследования молодых ученых. М., 2021. № 2 (5). С. 313—323.

1932—1941 годов, для академической «Истории советской литературы», но подготовленный им материал оказался неудовлетворительным, о чем К. Л. Зелинский писал О. Ю. Шмидту еще в апреле 1942 года. Однако интересна причина недовольства текстом Ермилова: «Написанное им, — сообщил Зелинский, — оказалось неподходящим. Материал был взят вне всякого исторического аспекта, по признаку только *иллюстрации поэтичности советской действительности*». ⁶⁶ Как видим, Благой прямо отсылает к ермиловскому тезису, вновь повторенному критиком во вступительной заметке к брошюре «Наш Пушкин». ⁶⁷ Следует отметить, что брошюры Благого и Ермилова отличаются подозрительным обилием таких «общих мест» как с идейной, так и с сугубо текстуальной стороны: в текстах встречаются не только идентичные фразы, но даже целые фрагменты из одного или нескольких предложений. ⁶⁸

Последовательно Благой расправляется в этой работе и с эйхенбаумовско-тыняновским «формалистским» пристрастием к утверждению исключительной роли Гоголя в истории русской культуры: «...Пушкин прямо подготовил и Гоголя, и так называемую “натуральную школу”». Больше того, Пушкин принимал непосредственное и активнейшее участие и в формировании “гоголевского направления”. <...> “Начало всех начал” русской литературы, Пушкин был началом и гоголевского ее направления». ⁶⁹ В данном случае литературовед следует еще дореволюционной научной традиции (ср. работы О. Миллера, К. Б. Бархина, В. И. Шенрока, В. Н. Мочульского и др.). ⁷⁰ Сводил счета Благой и с уволенным из ЛГУ в ходе

---

⁶⁶ «Мы предчувствовали польханье...»: Союз советских писателей. Кн. 1. С. 388. Курсив мой. — Д. Ц.

⁶⁷ См.: Ермилов В. В. Наш Пушкин. М., 1949. С. 3. Книгу Ермилова Союз писателей рекомендовал Комитету по Сталинским премиям. Грабарь дал чрезвычайно резкую оценку этому тексту: «А книга Ермилова о Пушкине — это полная чепуха. Это смешно было выставлять. Пошловатая брошюрка. Это дешевка» (Стенограмма пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 12 января 1950 года // РГАЛИ, ф. 2073, оп. 1, № 36, л. 89).

⁶⁸ Брошюра Ермилова была подписана к печати 3 июня 1949 года, а брошюра Благого — 23 июля 1949 года, что позволяет говорить о намеренной текстуальной вторичности построений филолога.

⁶⁹ Благой Д. Д. Мировое значение Пушкина. С. 13.

⁷⁰ Так, В. В. Виноградов в статье 1925 года «Гоголь и натуральная школа» отмечал: «С проблемой гоголевской поэтики все теснее и теснее сплетается вопрос о “натуральной” школе, который в последнее время стал очередным. Раньше “натуральный” стиль выступал как синоним “реалистического”. Ввиду неопределенности и широты этого последнего термина самая проблема о “натуральной” (иначе “реалистической”) школе теряет устойчивые исторические очертания. И задача прежних исследователей была ограничить роль Гоголя (особенно решительно

кампании по борьбе с «космополитизмом» В. М. Жирмунским — автором книги «Байрон и Пушкин: Из истории романтической поэмы», опубликованной еще в 1924 году: «Южные поэмы Пушкина до недавнего времени упорно именовались “байроническими”. Нет более ложного термина! Пушкин стоял на высотах мировой культуры, владел накопленным веками мировым художественным опытом и свободно, по-хозяйски, распоряжался им. <...> Но если говорить об южных поэмах Пушкина исходя из отношения их к творчеству Байрона по существу, то следовало бы заменить старый термин на прямо противоположный, назвать их а н т и б а й р о н и ч е с к и м и поэмами».⁷¹ Ясно, что Благой занимался подготовкой очередного карьерного витка, который позволил бы ему не только окончательно закрепиться в качестве главы «нового советского литературоведения», но и претендовать на роль его «основателя».

Вместе с тем самым существенным элементом этой *теоретической* конструкции явилось утверждение генетической связи советской соцреалистической литературы с традицией, идущей от Пушкина. Закономерным следствием этой генеалогической мистификации оказались последующие суждения Благого, касавшиеся и органической природы «основного метода», вызревавшего в русской культуре с начала XIX века, и мирового значения соцреалистической книжной продукции, и легитимности сталинской культурной экспансии.⁷²

выдвинутую Белинским и Чернышевским) в создании “реального направления” и восстановить честь Пушкина и Лермонтова» (*Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: Избранные труды. М., 1976. С. 222*). Позднее Виноградов существенно пересмотрел свои взгляды и отказал Гоголю в праве на определяющую роль в становлении русской литературной традиции (подробнее см.: *Цыганов Д. М. Пушкиноведческие труды академика В. В. Виноградова и идеологический контекст эпохи сталинизма // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2023. Вып. 37. С. 181—203*). После смерти Сталина смягчил свою позицию в отношении гоголевского творчества и Благой, который написал небольшую заметку «Великий русский писатель» для сборника «Изучение творчества Н. В. Гоголя в школе» (М., 1954).

⁷¹ Благой Д. Д. Мировое значение Пушкина. С. 33. В этой цитате очевидна переключка с фрагментом довоенной статьи Благого, где мысль о «хозяйском» положении Пушкина формулировалась еще не так ультимативно (ср.: «...замечательный художественный синтез Пушкина впитал в себя весь коллективный опыт предшествующего и современного ему литературного развития. Создавая великую национальную сокровищницу своего творчества, Пушкин ощущал себя полновластным хозяином, свободно распоряжающимся всеми накопленными литературными средствами, черпая потребное ему добро всюду, где бы он его ни находил». — Благой Д. Д. Пушкин — родоначальник новой русской литературы. С. 59).

⁷² О. Воронина пишет по этому поводу: «С годами тезис (о Пушкине как об общем знаменателе, разделяемом экспансионистским советским государством

Брошюра Благого в то же самое время была лишь одним из сотен текстов, формировавших культурно-политический контекст времени. 8 июня 1949 года в «Известиях» была напечатана статья К. М. Симонова «Великий поэт великого народа», в которой связь между творчеством Пушкина и сталинской конфронтационной политикой прорисовывалась наиболее четко:

Мир в наши дни бесповоротно разделился на два лагеря — на лагерь демократии и на лагерь реакции, на лагерь сторонников мира во всем мире и на лагерь поджигателей новой войны, на лагерь людей, которые ясно видят перед собой светлое будущее человечества и путь к нему, и на лагерь человеконенавистников, которые хотят столкнуть человечество в бездну отчаяния и варварства. Эти два лагеря по-разному смотрят не только на настоящее, не только на будущее, они по-разному смотрят и на прошлое.

И если поджигатели войны и человеконенавистники, те, кто хочет в своих черных целях разбудить в людях самые низменные, самые зверские инстинкты, если этот лагерь ищет себе в прошлом учителей и единомышленников, то он вспоминает знаменитых инквизиторов и знаменитых палачей, знаменитых убийц и знаменитых предателей. Из апостолов он вспоминает Иуду, из дипломатов — Макиавелли, из философов — Ницше. В мировой литературе он повсюду, по капле, собирает всю ложь, весь мрак, весь яд, все разбросанные в истории ее черные страницы. Из истории русской литературы этот лагерь взял себе на вооружение только самые реакционные, самые мрачные, самые клеветущие на человека страницы Достоевского. Так поступает с прошлым лагерь человеконенавистников.

А мы, мы — лагерь людей, видящих перед собой светлое будущее, мы находим в истории, великом прошлом всех народов все ра-

---

и его новыми спутниками. — Д. Ц.) развивался по нескольким направлениям. Одно из них, продвижению которого способствовали восточноевропейские участники пушкинского юбилея 1949 года, пропагандировало идею этического и эстетического совершенства Пушкина как признака нравственного и культурного превосходства России, которое должны были признать и уважать «братские народы», любящие поэзию. Партийные идеологи настаивали на «доступности» Пушкина для всех славянских народов, а также для русских диаспор в новых оккупированных неславянских государствах; и далее: «Изображенный как сверхчеловек, Пушкин времен холодной войны мог беспрепятственно, почти спонтанно расширяться, помогая своим глашатаям претендовать на все культурное пространство как на «законную» российскую (и, соответственно, советскую) территорию» (Voronina O. «The Sun of World Poetry»: Pushkin as a Cold War Writer // Pushkin Review. 2011. Vol. 14. P. 77, 84).

достное, все светлое, все украшающее человеческую душу, все зовущее людей вперед. И среди этого великого наследства человечества мы берем себе на вооружение Пушкина, его светлый гений, его летящую вперед жизнь.

Тем, кто вешает негров, незачем вспоминать Пушкина! Тем, кто на глазах у голодных жжет пшеницу, незачем вспоминать Пушкина! Тем, кто хочет купить совесть народа за яичный порошок, незачем вспоминать Пушкина! Тем, кто хочет залить мир кровью, незачем вспоминать Пушкина, — он их враг, враг каждой их мысли, каждого их слова, каждого их гнусного поступка.

Но тем, кто стоит за мир, тем, кто стоит за равенство людей и равенство народов, тем, кто стоит за свободу и против угнетения человека человеком, тем, кто верит в победу честных людей мира над человеконенавистниками, в победу разума над тьмой, Пушкин — друг, и они, как оружие, поднимают книгу его великих светлых сочинений.⁷³

Симонов зафиксировал сложное культурное разделение не только между СССР и «коллективным Западом», но и между «патриотами» и «низкопоклонниками» в границах Советского государства. И самое примечательное, что маркировало это разделение — оппозиция Пушкина и Достоевского, которые представлялись советской пропагандой как явления идейно и эстетически полярные.⁷⁴ По этой причине пушкинский юбилей 1949 года стал своего рода кульминацией кампании по «борьбе с низкопоклонством перед Западом», что обусловило идеологию и прагматику появившихся тогда пушкиноведческих работ.⁷⁵

Помимо брошюры «Мировое значение Пушкина», Благой в юбилейной гонке 1949 года наспех скомпоновал из почти готовой рукописи «Творческого пути Пушкина» и тут же напечатал еще несколько малостраничных книг брошюрного типа на русском и иностранных языках: «А. С. Пушкин» — 66 страниц, «А. С. Пуш-

---

⁷³ Симонов К. М. Великий поэт великого народа // Известия. 1949. № 133 (9973). 8 июня. С. 2.

⁷⁴ Истоки этого противопоставления, как представляется, кроются в упомянутой в главе «Пушкин против Достоевского» книги И. М. Нусинова «Пушкин и мировая литература»: «Достоевский претендовал на возвеличение Пушкина, на его наиболее глубокую и объективную оценку. Но он лишь искажил и унизил Пушкина» (Нусинов И. М. Пушкин и мировая литература. М., 1941. С. 382).

⁷⁵ Исчерпывающий список вышедших в 1949 году историко-литературных биографических работ о Пушкине см. в кн.: Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем: 1949 юбилейный год. М.; Л., 1951. С. 97—143.

кин — великий русский национальный поэт» — 64 страницы, «Пушкин — великий русский национальный поэт» — 32 страницы, «Творческий путь Пушкина» (Стенограмма публичной лекции из цикла «Пушкинские чтения» к 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина, прочит. в марте 1949 года в Центр. лектории Общества в Москве) — 28 страниц; также Благой опубликовал в научных сборниках, «толстых» журналах и центральных газетах еще около 20 статей, слабо различавшихся не только содержанием, но даже заглавиями (ср., например: «Великий мировой поэт», «Великий поэт великого народа»,⁷⁶ «Великий поэт и патриот», «Великий поэт русского народа (А. С. Пушкин)», «Великий русский патриот (А. С. Пушкин)», «Великий русский поэт», «Гений русского народа», «Гений русской, и мировой литературы», «Пушкин — наша гордость» и проч.). А уже 23 января 1950 года была подписана к печати 580-страничная монография «Творческий путь Пушкина (1813—1826)», затем переведенная на польский и чешский языки.

Книга Благого о Пушкине — образец академического труда, в котором сталинская идеология дана не явно, а буквально вмонтирована в самую концепцию творческого пути поэта. Все ранее обозначившиеся в концептуальном поле работ Благого идеи в монографии переплетены и нарочно поставлены в созависимое положение: таким образом литературовед, по всей видимости, стремился подчеркнуть важность всех этапов *своего* «творческого пути». Весь, на первый взгляд, монолитный концептуальный каркас тома с легкостью можно «разобрать» на ранее не вполне аккуратно смонтированные идеологизированные тезисы, о чем сам Благой «проговаривается» во введении. Так, литературовед отмечает: «В становлении и окончательном утверждении Пушкина как величайшего поэта действительности — заключается его художественное развитие, художественный рост. В этом и состоит замечательный, единственный в своем роде творческий его путь. Этим определяется и мировое значение творчества Пушкина».⁷⁷ В условиях набравшей обороты холодной войны Благой следовал ранее опробованной тактике и намеренно конструировал глобализированный образ Пушкина как поэта общемирового масштаба.⁷⁸ Своей кульминации эта установка

⁷⁶ Эта статья, опубликованная 16 мая 1949 года в «Правде» (№ 136 (11243)), была переведена на английский, испанский, немецкий, румынский и французский языки.

⁷⁷ Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1813—1826). С. 19.

⁷⁸ Подробнее об этом проявлении холодной войны как подчеркнуто эстетического конфликта см.: Voronina O. «The Sun of World Poetry»: Pushkin as a Cold War Writer. P. 63—95.

достигла сперва в докладе «Мировое значение Пушкина» на торжественном заседании общего собрания АН СССР 7 июня 1949 года, позднее вошедшем в состав сборника юбилейных торжеств,⁷⁹ а затем и в одноименной брошюре, напечатанной летом 1949 года. Несколько позже Благой принципиально сместил акцент, сделав Пушкина родоначальником социалистического реализма: «Национальным типом русского искусства, национальным вкладом его в сокровищницу мировой литературы стал русский реализм, основы которого были заложены Пушкиным».⁸⁰ Все эти идеи прямо выразились и в отмеченном Сталинской премией второй степени исследовании Благого. Но предельно ясно, что не *латентный сталинизм*, присущий книге ученого, стал причиной премирования, а банальная бюрократическая вежливость.⁸¹ Благой лично курировал направление литературной критики в Комитете, отвечал за отбор кандидатур и нередко оказывал любезности своим менее успешным в карьерном отношении коллегам.

Награда за такую продуктивность не заставила себя долго ждать. 14 июля 1950 года Политбюро ЦК принимает решение «О т. т. Виноградове В. В. и Благом Д. Д.»,⁸² в котором содержится требование

Принять предложение Министерства высшего образования СССР:

а) об утверждении т. Благого деканом филологического факультета Московского Государственного Университета им. Ломоносова;

---

⁷⁹ См.: Благой Д. Д. Мировое значение А. С. Пушкина // А. С. Пушкин: Материалы юбилейных торжеств, 1799—1949. М.; Л., 1951. С. 36—56.

⁸⁰ Благой Д. Д. О национальной специфике литературы // Вопросы литературоведения в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. М., 1951. С. 96.

⁸¹ Оксман в письме к Струве от 21 декабря 1962 года писал о Благом как о человеке, который не раз способствовал присвоению ученых степеней людям, далеким от академической науки: «На костях погибшего в застенке Г. А. Гуковского сделал карьеру Д. Д. Благой. А укреплял эту карьеру присуждением ученых степеней и званий всем явным и тайным заплечных дел мастерам (именно Благой был председателем Экспертной комиссии при Министерстве высшего образования в 1947—1954 гг.). <...> Этот самый Благой сделал еще одну мерзость. Не успели меня арестовать, как он уже доложил Бонч-Бруевичу и в Главлит, что нужно срочно снять мою фамилию из всех библиографических справочников, которые готовились к юбилею. <...> Мои книги, сданные в печать до моего ареста, выходили без моего имени или под чужими именами, некоторые вовсе не вышли в свет и погибли» (Из архива Губеровского института: Письма Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве // Stanford Slavic Studies. 1987. Vol. 1. P. 37).

⁸² См.: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС. 1922—1991. М., 2000. Т. 1. С. 469—470.

б) об освобождении т. Виноградова В. В. от должности декана филологического факультета Московского Государственного Университета им. Ломоносова в связи с утверждением его директором Института языкознания Академии Наук СССР.⁸³

Страшные сороковые оказались для Благого самым благодатным временем. Всего за несколько послевоенных лет он сумел надежно закрепиться в номенклатурной управленческой «верхушке», а также обрел давно желанный профессиональный статус. Однако амбиции ученого не исчерпывались всем достигнутым. Место «создателя» «нового советского литературоведения» по-прежнему пустовало...

4

В 1951 году Благой переиздал учебник по литературе XVIII века, окончательно потеснив книгу некогда соперника Гукковского, тогда уже погибшего в Лефортовской тюрьме, и выступил автором главы о Пушкине в подготовленной на филологическом факультете МГУ «Истории русской литературы XIX века». Тогда же он вошел в состав Комитета по Сталинским премиям, возглавив в нем секцию искусствоведения и литературной критики. Присуждение Благому Сталинской премии за недавно вышедший труд становится вопросом времени. 14 марта 1951 года Совет министров СССР принял постановление № 981 «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области науки, изобретательства, литературы и искусства за 1950 год»,⁸⁴ которое оказалось самым объемным за всю предшествовавшую историю существования института премии. Общее количество премированных прозаиков, поэтов, драматургов и критиков достигло 34 (!), в числе которых оказался и награжденный за «Творческий путь Пушкина» Благой. Торжественная выдача дипломов и лауреатских знаков состоялась 27 декабря 1951 года. На нем некоторые приглашенные лауреаты традиционно произносили короткие приветственные речи, по большей части состоящие из славословий Сталину. Однако речь Благого несколько выбивалась из контекста прежних выступлений:

Товарищи! Все мы, советские люди, давно убедились в том, что все, что ни совершается большого, передового, двигающего впе-

---

⁸³ Этому решению предшествовала недатированная записка Кружкова и Яковлева Маленкову с характеристикой Благого (см.: РГАСПИ, ф. 17, оп. 118, № 970, л. 233).

⁸⁴ См.: РГАНИ, ф. 3, оп. 53а, № 27, л. 75—113. Документ опубликован: Правда. 1951. № 76 (11913). 17 марта.

ред в нашей стране, все это непосредственно связано с могучей деятельностью того человека, поистине Человека с большой буквы, вниманием и поощрением которого и сегодня обласкан ряд товарищей, лауреатов Сталинской премии 1950 года.

Взять хотя бы область, мне наиболее близкую, — наше советское литературоведение. Перед советским литературоведением советской действительностью были поставлены очень большие, сложные и ответственные задачи: преодолеть старые ложные буржуазные традиции, сделать наше литературоведение подлинной наукой, вывести его на пути передовой марксистско-ленинской науки. Это было нелегко. Много было ошибок, шатаний. Советское литературоведение в буквальном смысле слова выстрадало свое право на советское литературоведение как на передовую науку, и целый ряд лет, как вы помните, в списках Сталинских лауреатов не было ни одного представителя ни литературоведения, ни критики.

И вот в 1948 году были выданы первые премии по критике и литературоведению. Это было и знаком того, что наше литературоведение начинает вступать на правильный путь, и могучим стимулом к дальнейшему развитию.

И вот год за годом, каждый год новые и новые лауреаты в области литературоведения и критики появляются, представляется и выдвигается все больше работ на Сталинскую премию. Это, конечно, большой праздник для нас, деятелей советской литературной науки.

Нечего говорить, товарищи, каким величайшим праздником лично для меня является получение мною Сталинской премии. Огромную радость я ощущаю и очень большую ответственность за то, чтобы носить на груди знак Сталина. Это и значит — быть сталинцем — быть таким же глубоко принципиальным, таким же неподкупно честным, таким же до конца преданным своему народу, делу строительства коммунизма.

И позвольте заверить вас, товарищи, что я все свои силы употреблю на то, чтобы быть достойным этого звания.

Да здравствует на долгие, долгие годы наш Сталин!⁸⁵

Ясно, что Благой, судя по произнесенной речи, вполне определенно оценивал собственную роль в становлении «советского литературоведения», «передовой науки», ставшей для филолога сферой реализации своего неумного карьеризма. Об этом же Благой скажет в речи на Втором съезде Союза писателей 22 декабря 1954 го-

⁸⁵ Стенограмма пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 27 декабря 1951 года // РГАЛИ, ф. 2073, оп. 1, № 50, л. 90—91.

да.⁸⁶ Ученый осознал необходимость подготовить и издать новую «Историю русской литературы».⁸⁷

В начале 1950-х годов Благой все больше занимается возникшими в ходе проработочных кампаний конца прошлого десятилетия вопросами национальной специфики литературы.⁸⁸ За навязчивое включение в научное поле этих сугубо пропагандистских смыслов он в 1953 году был удостоен звания члена-корреспондента Академии наук СССР. В то же самое время круг его исследовательских интересов оставался почти неизменным, а менялась лишь трактовка историко-литературных фактов и, следовательно, идеологическая модальность их презентации. В 1955 году вышла книга Благого «Мастерство Пушкина», объединившая две работы — «Вдохновенный труд» и «Пушкин — мастер композиции». В общем виде эта книжка представляется не вполне удачным опытом диалога / полемики с книгой Виноградова «Стиль Пушкина» 1941 года. Попытка критической реконструкции пушкинской стратегии работы над литературным текстом обернулась несвязными рассуждениями о языковой ипостаси творческого метода Пушкина, перемежающимися пространными цитатами и подкрепленными, например, ссылками на словарь под редакцией Д. Н. Ушакова. В том же году Благой написал статью о поэте для 35-го тома нового издания «Большой советской энциклопедии», ставшую последней крупной пушкиноведческой работой ученого 1950-х годов.

После внезапно начавшейся мнимой «десталинизации» идеологический контроль стал быстро ослабевать. Культура все стремительнее деинструментализировалась и, как следствие, демилитаризировалась, теряла свой «боевой» потенциал, а Пушкин, как символ

---

⁸⁶ См.: Второй Всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчет. М., 1956. С. 389—392.

⁸⁷ Об этом свидетельствует статья «Вопросы построения истории русской литературы» (Известия Академии наук СССР. 1954. Т. 13. № 5). Первый из трех томов «Истории русской литературы» под редакцией Благого вышел в 1958 году (над подготовкой издания работали группы из Института мировой литературы им. А. М. Горького в Москве и Института русской литературы (Пушкинского Дома) в Ленинграде).

⁸⁸ См., например: Благой Д. Д. 1) Национальные особенности русской литературы // Большевик. 1951. № 18. С. 33—46; 2) О национальной специфике литературы: (Доклад на научной конференции при Московском университете, посвященной годовщине выступления И. В. Сталина по вопросам языкознания. Июнь, 1951 г.) // Вестник Московского университета. 1951. № 9. С. 83—103; 3) Национальные особенности русской литературы в свете трудов В. И. Ленина и И. В. Сталина. М., 1952; 4) Роль русской художественной литературы в формировании русской нации // Известия Академии наук СССР. 1954. Т. 13. № 1. С. 22—36.

этой культуры, переставал быть поэтом холодной войны. Эти перемены сказались и на последующих текстах Благого о творчестве поэта, которые появились уже в 1960—1980-е годы. Однако написанные в сталинскую эпоху пушкиноведческие работы ученого, как мы старались показать, были отмечены вполне определенной идеологией и явной политической прагматикой, направленными на оправдание сталинской культурной политики и характерной уже для послевоенного времени тоталитарной эстетической экспансии.

В уже не раз цитировавшейся брошюре «Мировое значение Пушкина» Благой писал о Белинском: «...ему еще неясно было то новое, что нес с собой миру Пушкин, как и вообще само наличие этого нового, поскольку неясно было и то новое, что несла с собой человечеству Россия».⁸⁹ Однако сам Пушкин еще в 1824 году дал ответ на это косвенное вопрошание ученого строкой, вынесенной нами в заглавие настоящей статьи.

---

⁸⁹ Благой Д. Д. Мировое значение Пушкина. С. 16.

В. В. ТУРЧАНЕНКО

**НЕЗАВЕРШЕННЫЙ РЕДАКТОРСКИЙ ТРУД
Д. П. ЯКУБОВИЧА
(седьмой «Временник Пушкинской комиссии»)**

В ночь с 5 на 6 ноября 1936 года по ложному обвинению был арестован заместитель директора Института литературы Академии наук СССР, видный литературовед и текстолог Юлиан Григорьевич Оксман.¹ Приближались пушкинские «торжества» 1937 года,² и Пушкинская комиссия АН СССР, на сотрудников которой легло бремя юбилейных научных, организационных и просветительных работ, осталась без руководителя: де-юре председателем комиссии был академик А. С. Орлов, однако де-факто всю ее деятельность курировал Оксман.

В этих условиях, без преувеличения экстремальных, ответственность за все направления работы Пушкинской комиссии взял на себя ее секретарь — Дмитрий Петрович Якубович. Питомец Пушкинского семинария профессора С. А. Венгерова, ученик Л. В. Щербы и В. В. Виноградова, один из ближайших помощников П. Е. Щеголева в последние годы его жизни, Дмитрий Петрович стал ученым секретарем комиссии весной 1931 года — собственно, в момент ее реорганизации под руководством А. В. Луначарского, бывшего тогда директором Института литературы.³ Тогда же нача-

---

¹ См.: *Фролов М. А.* «Вынужден вновь напомнить о себе и о своем деле...»: К истории ареста, заключения и реабилитации Ю. Г. Оксмана (1936—1958) // *Вопросы литературы.* 2011. № 2. С. 433—440.

² Стоит вспомнить, что пушкинский «юбилей» задумывался властью как грандиозный идеологический проект. Попытки его анализа и комплексного осмысления предприняты, в частности, Ю. А. Молоком (см.: *Молок Ю. А.* Пушкин в 1937 году: Материалы и исследования по иконографии. М., 2000) и Д. Б. Платтом (см.: *Платт Д. Б.* Здравствуй, Пушкин!: Сталинская культурная политика и русский национальный поэт. СПб., 2017).

³ О возобновлении Пушкинской комиссии Академии наук после революции см.: *Турчаненко В. В.* Научные заседания, организационные собрания и со-

лось тесное сотрудничество Якубовича и Оксмана, закаленное борьбой, развернувшейся внутри академического пушкиноведения в первой половине 1930-х годов.⁴ После ареста Оксмана Дмитрий Петрович был одним из немногих, кто открыто выступил в поддержку ученого, осознавая всю степень опасности подобных акций.⁵

Периодический орган «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», наследующий традиции повременного издания дореволюционной Пушкинской комиссии («Пушкин и его современники»), был задуман Оксманом и Якубовичем еще в конце 1933 года. 27 декабря на очередном заседании комиссии Оксман сделал сообщение «об организации в ближайшее время специальных пушкинских сборников размером около 20 п<ечатных> л<истов> каждый».⁶ В плане работ Пушкинской комиссии на 1934 год фигурирует название «Пушкинский Временник», «выходящий не менее 2-х раз в год по особо утверждённому Президиумом Комиссии плану».⁷

Два первых «Временника» вышли под редакцией Ю. Г. Оксмана в 1936 году (причем уже во втором, подписанном в печать в октябре этого года, фамилия редактора была снята с оборота титульного листа). Он же собирал и третий сборник, приуроченный к 100-летию смерти Пушкина.⁸ В третьем «Временнике» (1937) на обороте титула впервые был указан состав редколлегии (В. Д. Бонч-Бруевич, Б. С. Мейлах, А. С. Орлов, М. А. Цявлов-

---

вещения Пушкинской комиссии Академии наук СССР в Ленинграде в 1931—1936 гг.: (По материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2020. Вып. 34. С. 144—145; 153—154 (персональный состав).

⁴ О борьбе за руководство новым академическим изданием, названной М. А. Цявловским «войной» между Пушкинской комиссией и Н. К. Пиксановым, см.: Турчаненко В. В. Пушкинская комиссия vs профессор Пиксанов: Из истории академического пушкиноведения // *Studia Slavica*. Таллин, 2020. [Вып.] 18. С. 64—74.

⁵ Так, Якубович был одним из шести подписантов (вместе с Н. С. Тихоновым, Ю. Н. Тыняновым, М. А. Цявловским, К. А. Фединым и С. М. Бонди) письма, направленного председателю Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) Н. И. Ежову 8 ноября 1936 года (см.: Фролов М. А. «Вынужден вновь напомнить о себе и о своем деле...». С. 440—441).

⁶ Турчаненко В. В. Научные заседания, организационные собрания и совещания Пушкинской комиссии Академии наук СССР в Ленинграде в 1931—1936 гг. С. 164. В протоколе заседания особо отмечено, что «сборникам должны быть предъявлены высокие требования, должен быть обеспечен свежий научный материал и проблемные статьи» (СПбФ АРАН, ф. 150, оп. 1 (1934), № 7, л. 4).

⁷ Там же, л. 3.

⁸ Там же, оп. 1 (1936), № 29, л. 65.

ский, Д. П. Якубович), который оставался неизменным вплоть до шестого выпуска (1941). Начиная со сдвоенного тома 4—5 (1939) ответственным редактором издания становится Д. П. Якубович. Отныне «Временник Пушкинской комиссии» занял одно из ключевых мест в насыщенной научной биографии ученого и его обширной организационной и просветительной деятельности.

Дмитрий Петрович Якубович умер от сердечного приступа 30 мая 1940 года на 44-м году жизни. За несколько дней до этого, 26 мая, он представил на заседании Пушкинской комиссии первую главу своего фундаментального замысла — книги «Пушкин и античность». Отдавая всего себя научной и организационной работе, он спорел, оставив после себя обширное научное наследие.

До настоящего времени было принято считать, что работа над печатным органом Пушкинской комиссии — сборниками «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии» — прервалась в годы Великой Отечественной войны, и впоследствии не была возобновлена. Укреплению этого, как выяснилось, ошибочного утверждения способствовали публичные высказывания членов комиссии, возобновившей свою деятельность осенью 1958 года, в преддверии очередного пушкинского юбилея — 125-летия со дня рождения поэта, которое отмечалось в 1962 году. Так, М. П. Алексеев, ответственный редактор возрожденного «Временника Пушкинской комиссии», писал: «В годы Великой Отечественной войны деятельность комиссии прервалась, так же как прервалось издание ее “Временника” и само академическое издание. По окончании войны последнее возобновилось на материале, почти целиком подготовленном в довоенные годы. Но не возобновились ни деятельность Пушкинской комиссии, ни издание ее “Временников”. Это объясняется в значительной мере тем, что более половины членов комиссии за годы войны и в первые послевоенные годы скончалось, а завершение работ по академическому изданию (в основном законченному в 1949 году) не требовало особых вспомогательных органов».⁹ Подобное утверждение оказалось возможным на фоне ухода из жизни последних активных членов довоенной Пушкинской комиссии — Б. В. Томашевского († 24 августа 1957 года) и Б. М. Эйхенбаума († 24 ноября 1959 года), силами которых работа Комиссии была возобновлена в октябре 1945 года.

Долгие годы в хранилище необработанных фондов Рукописного отдела Пушкинского Дома находилась небольшая коробочка с над-

---

⁹ Временник Пушкинской комиссии. 1962. М.; Л., 1963. С. 5.

писью «Временник. Том 7», внутри которой было около 10 сантиметров «россыпи» (машинописные и рукописные тексты с авторской и редакторской правкой, часть из которых была завернута в газеты 1940 и 1941 годов).¹⁰ Работа с содержимым коробки, а также дополнительные архивные разыскания дают возможность более или менее полно восстановить историю несостоявшегося седьмого тома «Временника».

Вводимые в научный оборот материалы позволяют констатировать: параллельно с подготовкой шестого выпуска сборника «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии» Д. П. Якубович собирал и редактировал седьмой «Временник». До недавнего времени о работе над ним можно было догадываться лишь по косвенным источникам.¹¹ Отдельные тексты, отложившиеся в архивной коробке, содержат редакторскую правку Д. П. Якубовича и обернуты в мартовские и апрельские номера «Литературной газеты» за 1940 год. После смерти Д. П. Якубовича работу над седьмым выпуском «Временника» продолжили его ближайшие коллеги — Б. В. Томашевский, В. В. Гиппиус и Б. С. Мейлах. Редакционный портфель, вероятнее всего, оказался у секретаря Пушкинской комиссии, аспирантки Дмитрия Петровича — Е. С. Гладковой. В «россыпи» оказались фрагменты рукописной таблицы, в которой она подсчитывает объем седьмого выпуска по состоянию на декабрь 1940 года:¹²

№	Составитель и тема	Объем принятых статей	Примечания
15	<u>Т. М. Левит</u> — Запись чеченской песни у Пушкина	0,25 л.	
16	<u>Я. И. Ясинский</u> — Сен Жюльен в России	0,75 л.	

¹⁰ За указание на эти материалы приношу свою благодарность ученому хранителю Пушкинского фонда Т. И. Краснобородько.

¹¹ Например, в календаре-справочнике Академии наук СССР на 1938 год (использовался Якубовичем в последние годы жизни как записная книжка) находим следующую запись: «План на 1940 год <...> Временник т<ом> 6, подгот<овка> т<ома> 7» (РО ИРЛИ, ф. 800, № 60, л. 121 об.).

¹² Там же, ф. 244, оп. 31, № 279, л. 21 об., 22 об. На оборотах листов с таблицей — предназначавшаяся для «Временника» заметка о публикации в журнале «Звезда» (1940. № 8—9) отрывка из письма Е. С. Уваровой к брату, декабристу М. С. Лунину, от 9 августа 1835 года. Листы с началом таблицы (пункты 1—14) не сохранились.

17	<u>П. С. Попов</u> — Заметки о Пушкине	0,5 л.	
18	<u>С. В. Любимов</u> ¹³ — О приобретении Пушкиным книги «Histoire de Pologne...»	0,25 л.	Из архива редакции
19	<u>Н. В. Измайлов</u> — рец<ензия> на фототипическое издание Пушкина	1 л.	Рец<ензиями> на издания Пушкина начинается <u>специальная тема «Временника»: обсуждение академического собр<ания> соч<инений> Пушкина</u> . Необходимость поставить эту тему отмечалась на сессии Отделения Языка и Литературы АН.
20	<u>Я. И. Ясинский</u> — рец<ензия> на Х т<ом> акад<емического> собр<ания> соч<инений> Пушкина	1 л.	
21	<u>Т. М. Левит</u> — рец<ензия> на переводы Пушкина на английский язык	1 л.	Автор представил 2 п. л., ¹⁴ редакторы нашли необходимым дать материал более кратко. Автор переделал.
22	<u>Н. В. Измайлов</u> — рец<ензия на> три биографии Пушкина: Гроссмана, Бродского и Чулкова	1,2 л.	
23	<u>С. А. Клепиков</u> — Пушкин и его произведения в русской народной картинке	1,5 л.	

¹³ В оригинале ошибочно: П. А. Любимов. Сергей Васильевич Любимов (1872—1935) — историк-архивист, генеалог (см. о нем: *Наумов О. Н.* Генеалог Сергей Васильевич Любимов: Материалы к биографии // Генеалогический вестник. СПб., 2011. Вып. 41. С. 36—48).

¹⁴ Об этом см. письмо Т. М. Левита Д. П. Якубовичу от 8 мая 1940 года: «Ярмолинский <речь о кн.: The Works of Alexander Pushkin. Lyrics. Narrative Poems. Folk Tales. Plays. Prose. Selected and edited, with an introduction, by Avraham Yarmolinsky. New York: Random House, 1936> — наглая халтура. Образцы ее <книги> я показывал и пушкинистам, и англистам, и все в голос просили меня писать о книге матерно. Я все-таки старался быть корректным сколько возможно, но прочитайте мои цитаты. Корректность по отношению к таким переводам почти свыше человеческих сил. Вышло в этом разгрома больше 2 п. л. Если будете сокращать, очень прошу со мною согласовать урезки. Рецензия написана почти на последнем регистре перед криком и мне не хочется ослаблять мои права на этот тон» (РО ИРЛИ, ф. 800, № 139, л. 4—4 об.).

24	<u>Хроника</u> (обзор периодической печати, публикации новых текстов Пушкина и о Пушкине)	1,5 л.	Согласно постановлению рабочего заседания редакции от 26 сентября с. г. вводится как <u>новый отдел</u> «Временника»
25	<u>Пушкиниана</u> : библиографический указатель произведений А. С. Пушкина и литературы о нем за 1938—1940 гг. В. М. Лавров	1,7 л.	

Всего: 31 л.

В процессе редактирования и рецензирования материала членами редакционной коллегии Б. В. Томашевским, В. В. Гиппиусом и Б. С. Мейлахом был отклонен ряд работ, общий листаж их около 10 п. л.

Установить, в какой момент работа над седьмым «Временником» была прервана до войны, достаточно трудно. Так, среди материалов сохранился некролог А. Г. Горнфельда, скончавшегося в марте 1941 года, а одна из статей Б. Г. Реизова завернута в апрельский номер «Ленинградской правды» за этот же год. По всей видимости, к весне 1941 года относится и второй слой редакционной правки на отдельных материалах — вслед за Якубовичем их редактировал Б. В. Томашевский. Он же предпринял попытки возродить издание после войны: так, на первом заседании Пушкинской комиссии в октябре 1945 года Томашевский предложил пересмотреть состав собранного выпуска и обозначил необходимость подготовки ряда некрологов бывших членов комиссии и участников «Временника».¹⁵

В январе 1946 года Пушкинская комиссия заказала ряду авторов материалы для седьмого выпуска, при этом самого значительно-

¹⁵ Из протокола № 1 заседания Пушкинской комиссии Института литературы АН СССР от 13 октября 1945 года: «Председатель — Б. М. Эйхенбаум, ученый секретарь — Л. Б. Модзалевский, технический секретарь — Е. М. Хмельевская. Присутствовали: Б. С. Мейлах, Б. В. Томашевский, Н. И. Мордовченко, П. Н. Берков, В. А. Десницкий, А. И. Груздев. <...> 2. Сообщение Б. В. Томашевского о «Временнике Пушкинской комиссии», т.<ом> 7. Необходимо пересмотреть состав всего сборника, отдел хроники совершенно устарел, так как в нем даются сведения за 1941 год. Часть статей желательно перенести в 8-й том и дополнить одной новой статьей проблемного характера. Ввиду большой смертности сотрудников «Временника» за годы войны и блокады Ленинграда необходимо поместить несколько подробных некрологов крупнейших авторов и дать краткий перечень всех остальных сотрудников «Временника». Постановлено: В письмах к членам комиссии предложить информировать президиум Комиссии о готовых или проектируемых работах для «Временника»» (РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 26, № 392, л. 11).

го обновления, естественно, требовали разделы библиографии и хроники. Приведу фрагмент протокола № 2 заседания Комиссии, состоявшегося 12 января 1946 года:

Слушали: Сообщение Б. В. Томашевского о Пушкинском Временнике № 7; о необходимости дополнить сборник новыми статьями, исключить устаревшие и пересмотреть все материалы.

Постановили: Заказать М. А. Цявловскому статью о войне 1812 г., А. Л. Слонимскому статью об «Евгении Онегине», Б. В. Томашевскому и Б. С. Мейлаху вступительную статью.

Оставить для 7 тома следующие статьи: Д. П. Якубович «Арап Петра Великого»,¹⁶ Л. В. Пумпянский «Памятник»,¹⁷ А. И. Грушкин «О лирическом герое», Г. П. Блок «Иноязычные источники «Истории Пугачева»,¹⁸ Т. Г. Зенгер «Сюжет “Влюбленного беса”», М. А. Цявловский — из комментариев к стихотворениям Пушкина.

Включить в 7 номер «Временника» статью Садикова о И. П. Липранди.¹⁹

---

¹⁶ См. примечания к Приложению.

¹⁷ Л. В. Пумпянский, безвременно скончавшийся 6 июля 1940 года в возрасте 49 лет, сотрудничал с Пушкинской комиссией с 1938 года. В 1939 году во «Временнике» была опубликована его статья «“Медный всадник” и поэтическая традиция XVIII века» (Т. 4—5. С. 91—124). В этом же году на заседаниях Пушкинской комиссии прозвучали его доклады «Из наблюдений над “Евгением Онегиным”» (16 января) и «Французские романтики и второй alexandрийский стих Пушкина» (27 апреля). Статья о «Памятнике» Пушкина была написана им еще в начале 1920-х годов; вероятнее всего, Пумпянский предполагал доработать ее по заказу редколлегии «Временника» (см.: Пушкинская комиссия Академии наук СССР // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Т. 6. С. 548). Во второй половине 1970-х годов статья Пумпянского была опубликована Н. И. Николаевым по автографу 1923 года, который сохранился у вдовы ученого Е. М. Иссерлин (*Пумпянский Л. Об оде А. Пушкина «Памятник»* / Публ. Н. Николаева // Вопросы литературы. 1977. № 8. С. 135—151).

¹⁸ В письме от 30 ноября 1939 года Г. П. Блок спрашивал Якубовича о возможности опубликовать во «Временнике» «статьи о некоторых источниках “Истории Пугачева”, о которых не было еще говорено в печати». По словам Блока, «таких источников, литературных и устных, <...> удалось установить несколько» (РО ИРЛИ, ф. 800, № 105, л. 1—1 об.). Статья не была опубликована; сохранился лишь ее фрагмент (Там же, ф. 244, оп. 31, № 278), который в отдельных своих частях соотносится с текстом монографии, подготовленной по материалам защищенной в 1946 году диссертации (см.: Блок Г. Пушкин в работе над историческими источниками. М.; Л., 1949. Ч. 2. Критическая работа Пушкина над сочинениями о Пугачеве на иностранных языках. С. 79 и др.).

¹⁹ Здесь, вероятно, ошибка: статья П. А. Садикова «И. П. Липранди в Бессарабии 1820-х годов: (по новым материалам)» была опубликована в последнем (шестом) выпуске «Временника».

Отложить для следующих выпусков статьи: С. А. Клепикова, Б. Ф. Павлова,²⁰ Б. Г. Рейзова — мелкие заметки.

Статью С. Б. Рудакова — «Новые редакции стихов Катенина»²¹ — поместить в Сборник.

Оставить для 7 номера материалы: Л. Б. Модзалевского, С. В. Любимова, Т. М. Левита, В. П. Вишневецкого, С. В. Обручева.

По Отделу библиографии поручить Л. Г. Гринберг и Е. М. Хмелевской дополнить обзор «Новое о Пушкине в печати».

Оставить для 7 тома библиографии: Н. В. Измайлова, П. Г. Богатырева, Я. И. Ясинского, Т. М. Левита.

В отделе хроники поручить Е. М. Хмелевской дополнить заметку «Пушкинская комиссия Института литературы Академии наук СССР».²² Материалы получить у Мануйлова.

Поручить И. Фейнбергу дополнить заметку «Пушкинская комиссия Союза советских писателей СССР».

Поручить Е. М. Хмелевской собрать материалы для дополнения заметки о Пушкинском Заповеднике. Материалы получить у Д. Д. Благого, С. С. Гейченко и из правительственных актов и сообщений.

Поручить И. Ениколопову дополнить заметку «Работа по Пушкину в Грузии».

Исключить из 7 номера Временника заметки: Пушкинское общество в гор<оде> Пушкине, Дом-музей Пушкина в Гурзуфе.

Поместить во Временнике № 7 ряд некрологов погибших во время войны сотрудников.

Поручить написать некрологи о Ю. Н. Тынянове — Б. М. Эйхенбауму, о В. В. Гиппиусе — Н. И. Мордовченко.

Оставить в томе некролог А. Г. Горнфельда.

---

²⁰ В оригинале ошибочно: Б. Т. Павлов. Инициалы (Борис Федорович) восстановлены по записи Д. П. Якубовича (РО ИРЛИ, ф. 800, № 60, л. 170).

²¹ Статья, подготовленная С. Б. Рудаковым по материалам доклада на заседании Пушкинской комиссии 26 апреля 1940 года, была опубликована М. В. Акимовой (Philologica. 1998. Т. 5. № 11/13. С. 217—253) по машинописи с правкой и рукописными вкладышами автора (РО ИРЛИ, ф. 803, оп. 1, № 2). О том, что доклад был принят к печати в седьмом томе «Временника», сообщает также Э. Г. Герштейн в предисловии к публикации более позднего выступления Рудакова — «Ритм и стиль “Медного всадника”», состоявшегося 12 июня 1941 года (Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1979. Т. 9. С. 294). Отмечу попутно, что это единственное выявленное свидетельство о ходе работы над седьмым «Временником».

²² См. также: Хмелевская Е. Сорок лет Института литературы Академии наук // Ленинград. 1945. № 19—20. С. 31.

Поручить Е. М. Хмелевской собрать сведения о покойных: Ясинском, Комаровиче, Садикове, Грушкине, Пумпянском, Рудакове, Левите и узнать в Москве у М. А. Цявловского, кто еще из числа сотрудников Временника умер за эти годы.²³

Последний раз несостоявшийся седьмой «Временник» упоминается в протоколе № 4 заседания Пушкинской комиссии 23 марта 1946 года. Выпуск в целом собран, остаются небольшие работы по подготовке библиографического обзора, заметок для хроники и вступительной статьи:

Слушали: Сообщение Б. В. Томашевского о подготовке издания «Временника» № 7.

Получено 2 новые статьи — М. А. Цявловского «Война 1812 г. в лицейских стихах Пушкина»²⁴ и А. Л. Слонимского, которая является главой из его диссертации на тему «Народность в творчестве Пушкина», глава посвящена вопросу об «Евгении Онегине».²⁵

Постановили:

1. Поручить Б. В. Томашевскому и Б. С. Мейлаху закончить вводную статью «Временника» к 1 мая 1946 г.

2. Поместить статью Б. В. Томашевского «Пушкин — историк французской революции».

3. Поручить Н. И. Мордовченко написать некролог В. В. Гиппиусу к 1 мая 1946 г.

4. Поручить Е. М. Хмелевской составить список умерших сотрудников «Временника» и собрать о них необходимые сведения, узнать от вдовы С. Я. Гессена (она работает в Управлении по делам искусств) о судьбе Андрея Николаевича Шебунина,²⁶ закончить обзор «Новое о Пушкине». Срок окончания работ — 1 мая 1946 г.

²³ РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 26, № 392, л. 12 об. — 13.

²⁴ М. А. Цявловский начал работу над темой «Пушкин и Отечественная война 1812 года» в годы Великой Отечественной войны; заметки и черновые наброски исследования датируются 1941—1947 годами. Возможно, в протоколе речь идет о статье «Пушкин и Отечественная война», черновой автограф которой сохранился в РГАЛИ (ф. 2558, оп. 2, № 208).

²⁵ Диссертация «Народные основы в поэзии Пушкина» была успешно защищена А. Л. Слонимским на филологическом факультете Ленинградского университета 26 февраля 1948 года (оппоненты — Б. В. Томашевский, Б. М. Эйхенбаум, Г. А. Гуковский, С. М. Бонди), однако экспертная комиссия ВАК потребовала от Слонимского повторной защиты, ссылаясь на отзывы малокомпетентных людей (подробнее см.: *Алексеев М. П. А. Л. Слонимский: [Некролог] // Временник Пушкинской комиссии. 1963. М.: Л., 1966. С. 109—110; подп.: М. А.*)

²⁶ А. Н. Шебунин (1887—1942, по др. сведениям — 1940) — историк, археолог, краевед. В 1935—1938 гг. — научный сотрудник ИРЛИ, занимался

5. Написать Кириллу Васильевичу Пигареву и просить его дать сведения о работе Пушкинской группы при Союзе писателей в период с 1941 года по настоящее время.

6. Написать Дмитрию Дмитриевичу Благому и просить его сообщить о работе Пушкинской группы при Институте мировой литературы им. Горького с 1941 года по настоящее время.

7. Написать И. Ениколопову в Тбилиси (Союз писателей) и просить его дополнить заметку «Работы по Пушкину в Грузии».²⁷

На этом история «Временника» обрывается. Вероятнее всего, причина в том, что все силы пушкиноведов были брошены на активизацию работ по подготовке академического издания Полного собрания сочинений Пушкина — с тем, чтобы закончить его к юбилейному 1949 году.

Сохранившийся корпус текстов невышедшего седьмого тома к моменту прекращения работы над ним включает 18 статей и заметок разного рода, 15 из которых так и не были опубликованы. Прежде всего привлекают внимание обширные работы Т. Г. Зенгер-Цявловской о «Памятнике» Пушкина и А. И. Грушкина «Лирический герой пушкинской поэзии». Среди небольших материалов особенно интересны заметки «Яков Николаевич Толстой о Пушкине» Л. Б. Модзалевского, «Пушкин и французская литература» Б. Г. Реизова, а также обзор английских переводов Пушкина, подготовленный Т. М. Левитом. Материалы к разделу «Хроника» на сегодняшний день представляют исторический интерес. Среди авторов этого раздела — А. М. Гордин, Г. Н. Сатиров, П. Г. Богатырев. Впрочем, небезынтересны и правленные редакторами машинописи трех опубликованных статей (С. А. Клепикова, С. В. Обручева и Т. Г. Цявловской). Не вдаваясь в детали, отмечу чрезвычайно любопытные изменения, которые претерпела статья Цявловской

разбором архивов братьев Тургеневых (РО ИРЛИ, ф. 309) и А. С. и Р. С. Стурдза (РО ИРЛИ, ф. 288). В его личном фонде (ОР РНБ, ф. 849), отложились не опубликованные при жизни пушкиноведческие работы — научно-популярная заметка «Пушкин как историк и критик» (ф. 849, № 128; дата: 14 декабря 1936 г.) и статья «К вопросу о генезисе исторических воззрений Пушкина» (ф. 849, № 137). На машинописи второй статьи имеется помета Д. П. Якубовича: «Б. С. Мейлаху. Для “Временника” IV. Основн<ые> замеч<ания> мои сделаны и здесь уже учтены. 10.06.1937» — статья была принята редколлегией «Временника Пушкинской комиссии», но так и не была опубликована из-за возобновления политического преследования Шебунина (арестован в феврале 1938 года). В октябре 1940 года осужден на 8 лет исправительно-трудовых лагерей и отправлен в Онеглаг, где и погиб. Реабилитирован в 1956 году.

²⁷ РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 26, № 392, л. 15—15 об.

о «Влюбленном бесе», опубликованная лишь в 1960 году. Это именно тот случай, когда редакторы (ими были Д. П. Якубович и Б. В. Томашевский) сыграли решающую роль в формировании научной концепции исследования.

В заключение приведу перечень материалов, которые предназначались для седьмого сборника «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии». После научно-технической обработки они были присоединены к Пушкинскому фонду РО ИРЛИ (ф. 244, оп. 31, № 263—280) и теперь стали доступными для исследователей.

№ 263. *Богатырев Петр Григорьевич*. [Рец.:] М. Азадковский. Литература и фольклор. Очерки и этюды. ГИХЛ. Ленинград, 1938 г., 296 стр.

Авторизованная машинопись с авторской и редакторской правкой. Не опубликовано.

№ 264. *Вишневский В.* Пушкин и Россини.

Автограф с редакторской правкой, в т. ч. рукой Д. П. Якубовича. Не опубликовано (ср.: *Вишневский В.* Пушкин в опере // Учен. записки Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 1940. Т. 29. С. 37—86).

№ 265. *Грушкин Александр Израилевич*. Лирический герой пушкинской поэзии.

Первоначальное заглавие — «Иносказательные отзвуки декабристского мировоззрения» в творчестве Пушкина после 1825 года». Машинопись с редакторской правкой. Не опубликовано.

№ 266. *Клепиков Сократ Александрович*. А. С. Пушкин и его произведения в русской народной картинке.

Машинопись с редакторской правкой, в т. ч. рукой Б. В. Томашевского. Оpubл.: *Клепиков С. А.* Введение // А. С. Пушкин и его произведения в русской народной картинке: 1799—1949 / Науч. описание, коммент. и вступ. ст. С. Клепикова; Под общ. ред. В. Бонч-Бруевича. М., 1949. С. 5—15.

№ 267. *Левит Теодор Маркович (Борух Мордхелевич)*. Новые английские переводы Пушкина.

Рецензия на: *The Works of Alexander Pushkin. Lyrics. Narrative Poems. Folk Tales. Plays. Prose. Selected and edited, with an introduction, by Avraham Yarmolinsky.* New York: Random House, 1936.

Машинопись с редакторской правкой, в т. ч. рукой Б. В. Томашевского. Не опубликовано.

№ 268. *Левит Теодор Маркович (Борух Мордхелевич)*. Чеченская песня Пушкина.

Машинопись с редакторской правкой, в т. ч. рукой Б. В. Томашевского. Не опубликовано.

№ 269. *Любимов Сергей Васильевич*. О приобретении Пушкиным книги «Histoire de Pologne par Salvandy».

Текст написан рукой Е. С. Гладковой; подпись: «С. В. Любимов» и адрес — рукой Д. П. Якубовича²⁸ с его редакторской правкой. Не опубликовано.

№ 270. *Модзалевский Лев Борисович*. Я. Н. Толстой о Пушкине
Публикация письма М. Н. Лонгинова к Я. Н. Толстому. Авторизованная машинопись (без окончания) с редакторской правкой, в т. ч. рукой Д. П. Якубовича. Не опубликовано.

№ 271. *Обручев Сергей Владимирович*. Неизвестная акварель-вариант картины «Пушкин в Бахчисарае».

Авторизованная машинопись с редакторской правкой, в т. ч. рукой Б. В. Томашевского. Опубл.: *Обручев С. В.* Неизвестный вариант картины братьев Чернецовых «Пушкин в Бахчисарайском дворце» // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 369—371.

№ 272. *Павлов Борис Федорович*. Новые архивные материалы о Пушкине.

Машинопись с редакторской правкой, в т. ч. рукой Д. П. Якубовича. Не опубликовано.

№ 273. *Реизов Борис Георгиевич*. Мелкие заметки о Пушкине.

Машинопись с редакторской правкой, в т. ч. рукой Д. П. Якубовича. Не опубликовано.

№ 274. *Реизов Борис Георгиевич*. Пушкин и французская литература.

Машинопись с редакторской правкой, в т. ч. рукой Д. П. Якубовича. Не опубликовано.

№ 275. *Цявловская (урожд. Зенгер) Татьяна Григорьевна*. Влюбленный бес.

---

²⁸ После смерти С. В. Любимова в 1935 году (см. примеч. 13) статья сохранилась в редакционном портфеле «Временника». Так как текст статьи написан рукой Гладковой, убедительным доказательством принадлежности этой статьи С. В. Любимову является совпадение адреса, зафиксированного Якубовичем, с почтовым адресом на конверте, в котором С. В. Любимов прислал Н. В. Измайлову в 1928 году заметки «Пасквильное стихотворение князя А. В. Мещерского по поводу кончины и похорон Ф. М. Достоевского» и «Неизданное стихотворение А. И. Подолинского» (РО ИРЛИ, р. I, оп. 43, № 86, л. 8). В РО ИРЛИ сохранилась также рукописная родословная книга с оглавлением и указателем, написанными рукой С. В. Любимова (Там же, оп. 15, № 285).

Первоначальное заглавие — «Влюбленный бес» и «Продолжение «Фауста» Пушкина». Авторизованная машинопись с редакторской правкой, в т. ч. рукой Д. П. Якубовича. Оpubл. в значительно измененном виде: Цявловская Т. Г. «Влюбленный бес»: (Неосуществленный замысел Пушкина) // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 101—130.

№ 276. Цявловская (урожд. Зенгер) Татьяна Григорьевна. Историко-литературные материалы к пониманию «Памятника» Пушкина.

Машинопись с редакторской правкой, в т. ч. рукой Д. П. Якубовича. Не опубликовано.

№ 277. Материалы для раздела «Хроника»:

1. Неустановленный автор. [Некролог А. Г. Горнфельда].

2. Неустановленный автор. Пушкинская комиссия Союза советских писателей СССР.

3. Неустановленный автор. В г<ороде> Пушкине.

4. Гордин Аркадий Моисеевич. Государственный Пушкинский Заповедник Академии Наук в 1940—1941 гг. Автограф.

5. Ениколопов Иван Константинович. По Грузии. Авторизованная машинопись

6. Сатиров Георгий Николаевич. Дом-музей А. С. Пушкина в Гурзуфе.

Автограф с редакторской правкой, в т. ч. рукой Б. В. Томашевского

№ 278. Блок Георгий Петрович [Фрагмент несохранившейся статьи, посвященной работе Пушкина над историческими источниками].

Машинопись с авторской правкой и редакторскими пометами (ср. с кн.: Блок Г. П. Пушкин в работе над историческими источниками. М.; Л., 1949. С. 127 и др.).

№ 279. Гладкова Елена Сергеевна. [Фрагменты обзора новонайденных автографов].

Автографы и машинопись с авторской правкой и редакторскими пометами рукой Б. В. Томашевского. Не опубликовано.

№ 280. Неустановленный автор. Список иллюстраций к статье С. Б. Рудакова «Новые редакции стихов Катенина»

**Выступление Б. С. Мейлаха
на заседании Пушкинской комиссии АН СССР,
посвященном памяти Д. П. Якубовича¹**

Несмотря на то, что со дня смерти Дмитрия Петровича прошел уже год, очень трудно говорить о нем в прошедшем времени. Совсем недавно вышел последний том «Временника», где напечатана его статья, и в номере еще дается информация о той работе, которую он проделал.² В очередном томе «Временника», который сдан в производство, будет напечатана его статья, и в ближайшее время выходит его монография «Пушкин и Вальтер Скотт».³ Все это свидетельствует о том, что результатами своего труда Дмитрий Петрович еще участвует в нашей работе.

Имя Дмитрия Петровича тесно связано с развитием советского пушкиноведения. Эта связь выражается и в том, что он был руководителем Пушкинской комиссии Академии наук — научного центра пушкиноведения в нашей стране, и тесно связан был с его научно-исследовательской работой. В своих выступлениях и в ряде своих статей Дмитрий Петрович подчеркивал, что история пушкиноведения делится на два этапа — до и после Великой Октябрьской социалистической революции. Он указывал, что только после Октября предоставилась возможность подлинно научной разработки пушкинского наследия.⁴ Стремясь взять и взяв от старой науки все лучшее, что она дала, Дмитрий Петрович сумел также откинуть все старое, ненужное, то, что связано было с консервативным пушкиноведением и что необходимо было отделить от всего передового, от того, что ведет науку вперед. И сама работа Дмитрия Петровича над пушкинской прозой тесно связана с осмыслением Дмитрием Петровичем задачи советского пушкиноведения.

Дмитрий Петрович всей своей работой подчеркивал, что случайно до Октябрьской революции пушкиноведение уделяло мало внимания прозе, и при этом Дмитрий Петрович подчеркивал, что именно пушкинская проза дает возможность понять целый ряд очень важных проблем идейной эволюции Пушкина и эволюции его мастерства.⁵ Дмитрий Петрович не замыкался в узкий круг пушкиноведения. Он стремился взять все лучшее и передовое от революционно-демократической критики, он учился у марксистско-ленинской критики и литературной науки. Мне кажется, не без влияния Чернышевского Дмитрий Петрович установил значение Вальтер

Скотта на эволюцию Пушкина, ибо известно, что Чернышевский отметил огромное значение В. Скотта, скажем, на «Капитанскую дочку». ⁶ И Дмитрий Петрович, стремясь преодолеть элементы компаративизма, так характерные для той науки, которая сейчас в значительной мере осталась в прошлом, сопоставляя творчество В. Скотта и Пушкина, стремясь указать на органическую связь методов этих писателей, он далеко не ограничивался лишь сопоставлениями и заимствованием.

Последняя тема, над которой работал Дмитрий Петрович, тема античности, также носит новаторский характер. Дмитрий Петрович стремился переосмыслить вопрос об отношении Пушкина к античности. Он протестовал против статического подхода к этому вопросу и правильно отмечал определенные и разные этапы отношения Пушкина к античности. ⁷

Говоря о работе Дмитрия Петровича в Институте литературы и Пушкинской комиссии, надо отметить, что он старался расширить рамки работы Пушкинской комиссии, связать ее с общей проблематикой литературоведения и привлечь к работе Пушкинской комиссии новых людей. Даже те задачи, решение которых стояло перед Академией наук, в чем и Дмитрий Петрович принимал участие, которые, казалось, иногда носили узко академический характер, на самом деле, с его точки зрения, имели характер принципиальный. В частности, Дмитрий Петрович много сделал для того, чтобы добиться составления описания пушкинских рукописей и полного свода пушкинской библиографии ⁸ и указывал при этом, что эта работа должна помочь вовлечь новые кадры в пушкиноведение. С большой страстностью он отдавался и работе, и пропаганде пушкинского наследия. Здесь следует отметить большую работу по редактированию и частично по составлению «Путеводителя» к Собранию сочинений Пушкина, роль которого в приобщении советского читателя к пониманию пушкинских произведений огромна. ⁹

Несмотря на тяжелое состояние — на болезнь сердца, Дмитрий Петрович выступал сам и с докладами, и с лекциями. Мне помнится, что однажды, когда мы были с ним в Пушкинском заповеднике, Дмитрий Петрович после дороги очень устал, но не согласился отойти от работы по руководству экскурсиями, и сам руководил экскурсиями в музее Заповедника, и давал необходимые разъяснения колхозникам. Достаточно хорошо известна также его самоотверженная работа по руководству и созданию Пушкинской выставки в Эрмитаже. ¹⁰

Таким образом, все это свидетельствует о том, что стиль работы Дмитрия Петровича — это стиль советского работника и советско-

го ученого. Этот стиль говорит о горячей преданности своему делу, поэтически-эмоциональном отношении даже к мелочам в своей работе. В частности, характерно, что даже к тем из авторов, стремившимся напечатать свои работы во «Временнике» или сделать работу о Пушкине, которые были дилетантами, Дмитрий Петрович подходил с большой чуткостью, ибо он понимал, что при определенных способностях и горячем желании можно из любителя-пушкиниста сделать полезного работника.

Говоря о стиле работы Дмитрия Петровича следует отметить необычайную простоту и искренность в общении с товарищами. Особенно это относится к его работе в редакции пушкинского «Временника». Если условность недопустима в рядовом научном издании, то тем более такая условность недопустима в издании академическом, в редакционной работе. Более того, такая условность может привести к ошибкам и даже провалу работы. И Дмитрий Петрович всегда умел совершенно откровенно и искренно говорить как о работах своих товарищей, так и о своей собственной работе. Когда приходилось вместе с ним редактировать его статьи, то он не только внимательно прислушивался ко всем замечаниям, но и даже стимулировал эти замечания. Он необычайно чутко относился и к молодежи, и вообще к начинающим пушкинистам. Вспоминается мне его совместная работа с Г. Д. Владимирским — человеком очень культурным и разносторонне образованным, но впервые писавшим работу «Пушкин-переводчик».¹¹ Несмотря на то, что работа эта имела целый ряд недостатков и очень существенных, Дмитрий Петрович, работая с Владимирским, смог довести эту работу до необходимого уровня. И мне хочется огласить здесь то письмо, которое Владимирский направил в редакцию «Временника» (*читает*). Таких писем в редакции имеется целый ряд.

Если говорить о том, что Дмитрий Петрович был общественником, то это относится не только непосредственно к его общественной работе, это относится к его работе вообще, ибо никогда нельзя было почувствовать в его отношении к работе отношение как к «службе», всегда его отношение к работе было отношением гражданина, выполняющего свой гражданский долг. Вот почему в самые трудные месяцы работы Института литературы и Пушкинской комиссии, в частности, в месяцы, предшествовавшие пушкинскому юбилею 37-го года, несмотря на огромную работу, которую проделывал Дмитрий Петрович, его видели более бодрым, чем когда бы то ни было, никогда он не жаловался на то, что он слишком загружен, что он не справляется с работой. И, наоборот, в те месяцы, когда в работе Пушкинской комиссии наступало затишье, тогда казалось, что он

является менее удовлетворенным в своей работе и работе Пушкинской комиссии. Для Дмитрия Петровича всегда характерной была хорошая неудовлетворенность результатами своей работы и работы Пушкинской комиссии, он всегда помнил, что перед нами стоят новые задачи, и если хотя бы на один день забыть об этих новых задачах, то это будет означать топтание на месте или движение назад.

Мне кажется, что лучшей памятью о Дмитрие Петровиче будет осуществление тех стремлений, о которых он неоднократно говорил. Это значит продолжать расширять работу Пушкинской комиссии, это значит превратить орган Пушкинской комиссии «Временник» из органа, который в некоторой степени предназначен для узкого круга специалистов, в орган, который, оставаясь на высоком научном уровне, будет нужен также и широким кругам советской интеллигенции, и широким кругам советских читателей.

---

¹ Слово Б. С. Мейлаха от лица редколлегии «Временника Пушкинской комиссии», произнесенное 30 мая 1941 года, публикуется по стенограмме (РО ИРЛИ, ф. 800, № 72, л. 8—13; машинопись с правой рукой неустановленного лица). На том же заседании выступил А. Л. Слонимский (его слово о Д. П. Якубовиче опубликовано: *Турчаненко В. В.* Анна Ахматова и Дмитрий Якубович: штрихи к портретам пушкинистов // «Одна великолепная цитата...»: Сб. ст. и материалов к 70-летию Н. И. Крайневой. М., 2023. С. 255—258).

² Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Т. 6. С. 92—159 (*Якубович Д. П.* Античность в творчестве Пушкина), 5—14 (*Томашевский Б. В.* Д. П. Якубович).

³ Речь идет о несостоявшемся седьмом выпуске «Временника», в котором предполагалось напечатать статью Якубовича «Арап Петра Великого» (четыре десятилетия спустя эта статья была подготовлена к публикации Л. С. Сидяковым; см.: Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1979. Т. 9. С. 261—293). Сохранившая безусловную актуальность монография Якубовича «Пушкин и Вальтер Скотт» по-прежнему ждет своего публикатора.

⁴ «Дореволюционная наука о Пушкине не в состоянии была прочесть настоящего Пушкина, извращала его творчество и образ, бессильна была не только разрешить, но даже поставить кардинальные вопросы его изучения. <...> Революционное время, подходя к Пушкину, прежде всего щедро обогатило наши знания о нем, введя в научный обиход громадное количество ранее неведомых рукописей поэта, среди которых имеются автографы первостепенного значения. <...> Кроме рукописного наследства Пушкина, в научный обиход введены многочисленные косвенные материалы большого значения — мемуары, свидетельства современников и т. п.» (*Якубович Д. П.* Итоги изучения творчества Пушкина в СССР за двадцать лет // Известия АН СССР. 1937. № 5. С. 1183, 1186—1187).

⁵ «Именно проза Пушкина, не говоря уже об ее исключительной художественной высоте, позволяет, благодаря своей насыщенности социальной проблематикой, заглянуть глубже в социальную природу пушкинского творчества его зрелой поры, понять и роль его в литературном процессе, уяснить отчетливее

и самое мастерство и самый образ Пушкина, до сих пор еще не раскрытый до конца во всей своей сложности» (Якубович Д. П. Обзор статей и исследований о прозе Пушкина с 1917 по 1935 г. // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. [Т.] 1. С. 297). Разным аспектам изучения прозы Пушкина посвящены и другие публикации Д. П. Якубовича: Работа Пушкина над художественной прозой // Работа классиков над прозой. Л., 1929. С. 7—29; Пушкин в работе над прозой // Литературная учеба. 1930. № 4. С. 46—64; Издания текстов художественной прозы: Обзор // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 1113—1126 и др.

⁶ Якубович Д. П. «Капитанская дочка» и романы Вальтер Скотта // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. Т. 4—5. С. 165—166.

⁷ См. примеч. 2 к Приложению.

⁸ Д. П. Якубович был одним из ключевых организаторов академического пушкиноведения в 1930-е годы. На посту секретаря реорганизованной весной 1931 года Пушкинской комиссии он инициировал работы по составлению пушкинианы и всячески поддерживал Б. В. Томашевского, предложившего план работ по описанию пушкинских рукописей. Сроки реализации указанных проектов восстанавливаются по хронике (Турчаненко В. В. Научные заседания, организационные собрания и совещания Пушкинской комиссии Академии наук СССР в Ленинграде в 1931—1936 гг. С. 155 и др.).

⁹ Речь идет о шестом томе собрания сочинений Пушкина, вышедшего приложением к журналу «Красная нива» на 1930 год (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1931. Т. 6: Путеводитель по Пушкину); об этом см.: Турчаненко В. В. Дискуссия о «Пушкинской энциклопедии» в 1930-е годы // Летняя школа по русской литературе. 2021. Т. 17. № 2. С. 191—192.

¹⁰ См.: Калаушин М., Шиманов Н. Пушкинская выставка в Ленинграде // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1937. Т. 3. С. 524—527. Д. П. Якубович, помимо деятельного участия в выработке плана и организации всей выставки в Эрмитаже, выступил автором специального раздела «Творческая лаборатория Пушкина».

¹¹ Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. Т. 4—5. С. 300—330. См. также: Владимирский Г. Пушкин переводчик // Резец. 1937. № 1. С. 36—38. Григорий Давыдович Владимирский (1893—1939) — литературовед и переводчик, исследователь творчества Т. Г. Шевченко (см. о нем: Павлюк М. М. Владимирский Григорий Давидович // Энциклопедія Сучасної України. Київ, 2005. Т. 4. С. 652).

У. ХРОНИКА

ФЕСТИВАЛЬ «МОЙ ПУШКИН» В МИХАЙЛОВСКОМ

Опираясь на мощный культурно-исторический потенциал Псковщины, коллектив Государственного бюджетного образовательного учреждения дополнительного образования «Дом детства и юношества «Радуга»» в 1998 году выступил инициатором ежегодного культурного события для детей и юношества России — фестиваля «Мой Пушкин». С момента возникновения мероприятие приобрело масштабы всероссийского конкурса молодых почитателей и исследователей творчества А. С. Пушкина. Молодые пушкинисты — поэты, прозаики, исследователи, чтецы, вокалисты, танцоры, театралы — представляют на конкурс свои творческие работы. Мероприятие традиционно проходит во второй декаде октября в Музее-заповеднике Пушкина «Михайловское» и всегда становится крупным культурным событием для участников и гостей. За эти годы более 15 тысяч детей и подростков из большинства регионов России и стран ближнего зарубежья приняли участие и получили награды. Несколько лет подряд мероприятие входит в перечень олимпиад и иных интеллектуальных и / или творческих конкурсов, мероприятий, направленных на развитие интеллектуальных и творческих способностей, способностей к занятиям физической культурой и спортом, интереса к научной (научно-исследовательской), инженерно-технической, изобретательской, творческой, физкультурно-спортивной деятельности, а также на пропаганду научных знаний, творческих и спортивных достижений. Для оценки творческих работ конкурсантов в жюри приглашаются ведущие пушкинисты, сотрудники пушкинских музеев, преподаватели гуманитарных вузов, актеры, музыканты, деятели искусства. Для участников и руководителей предусмотрена интенсивная культурно-образовательная программа (лекции и мастер-классы, беседы, практические занятия, экскурсии по пушкинским местам и посещение памятников Псковщины),

основная задача которой — выработать устойчивый интерес к русской культуре и пушкинскому наследию.

По итогам фестивальной работы 2020 года руководством было принято решение о приглашении участников из-за рубежа.

Первый Международный открытый творческий фестиваль «Мой Пушкин», приуроченный к 200-летию первых упоминаний, проводился дистанционно при поддержке Комитета по образованию Псковской области и Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) совместно с Государственным мемориальным историко-культурным природно-ландшафтным музеем-заповедником А. С. Пушкина «Михайловское», Всероссийским музеем А. С. Пушкина, Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук.

Целью проекта является популяризация русской культуры и литературного наследия Пушкина.

Проект направлен на:

— содействие международному культурно-гуманитарному сотрудничеству в области популяризации наследия А. С. Пушкина — основоположника русского литературного языка и русской культуры в целом;

— создание творческой среды, направленной на повышение интереса к изучению русского литературного языка и русской культуры среди детей и молодежи за рубежом;

— повышение уровня владения русским литературным языком, — языком государственных и культурных учреждений, школьного обучения, радио и телевидения, науки, публицистики, художественной литературы;

— расширение знаний в области русского литературного языка и русской культуры в целом;

— создание информационных ресурсов, направленных на популяризацию пушкинского литературного наследия и русской культуры за рубежом;

— совместную деятельность с зарубежными образовательными учреждениями, российскими центрами науки и культуры, библиотечными центрами, обществами, клубами, объединениями, ориентированными на изучение русского языка, русской культуры и творчества А. С. Пушкина.

Проект успешно реализуется второй год и охватывает широкую аудиторию в странах ближнего и дальнего зарубежья: дети, юношество, молодежь, те, кто обучается в образовательных учреждениях

разных уровней и направлений и кто владеет русским языком; обучающиеся в образовательных учреждениях, специализирующихся на изучении русского языка и литературы в странах ближнего и дальнего зарубежья; детско-юношеская аудитория литературных клубов, обществ, центров; иностранцы, изучающие русский язык как иностранный, а также педагоги, руководители, родители участников.

Многолетняя активная работа по пушкинскому краеведению отразилась в комплексной программе «Курс “Псковское пушкиноведение”», разработанной Псковским областным домом детства и юношества «Радуга» при поддержке Государственного управления образования и науки Псковской области, Псковского областного института повышения квалификации работников образования, Псковского государственного педагогического института им. С. М. Кирова, Пушкинского музея-заповедника «Михайловское». Успешная реализация этой программы в течение пятнадцати лет на базе учреждений дошкольного образования, общеобразовательных школ и заведений дополнительного образования региона, а также плодотворное взаимодействие с образовательными учреждениями страны предопределила понимание стратегии развития фестиваля «Мой Пушкин».

В Псковской области сложились традиции организации работы с детьми и подростками, которые интересуются биографией и творчеством Пушкина. Начало движения «доброхотов» было положено в 1979 году слетом туристов-краеведов, с 1983 года проводятся праздники детского творчества. Ежегодные фестивали, конференции, летние пушкинские лагеря, конкурсы и смотры творчества детей и педагогов стали традиционными. Участники мероприятий нацелены на углубленное изучение творчества Пушкина, а у некоторых это юношеское увлечение предопределяет дальнейший выбор профессии.

Образовательный центр для детей и юношества «Мой Пушкин» — это долгосрочный многоступенчатый проект, задача которого — объединить талантливую молодежь, будущую интеллигенцию.

Проект подразумевает следующие этапы:

— создание образовательного центра для детей и юношества «Мой Пушкин» с культурно-образовательными, научно-просветительскими и исследовательскими функциями, деятельность которого будет направлена на образование, воспитание, возвращение пушкинистов, будущих деятелей отечественной науки, культуры и искусства. Информационно-методические, образовательные, воспита-

тельные задачи центра помогут систематизировать работу по пушкинскому направлению в регионах страны. Развиваясь, центр сможет укреплять международные связи и контакты в рамках пушкинской программы через фестиваль «Мой Пушкин» и информационно-образовательный портал «Мой Пушкин»;

— создание информационно-образовательного портала «Мой Пушкин» подразумевает организацию базовой платформы, построенной с учетом новейших цифровых технологий, как навигатора в мире пушкинистики. Портал сделает возможным концентрировать информационно-методические и дидактические материалы о Пушкине и сделать их более доступными и адресными для конкретной аудитории. Позволит повысить качество образования в регионах, а также взаимодействовать с самыми отдаленными образовательными центрами страны и мира. Прямой контакт с ведущими пушкинскими центрами (музеи, научные институты, театры, библиотеки, архивы, фонды) позволит энтузиастам развивать «народное пушкиноведение» и заниматься самообразованием всем желающим;

— открытие образовательного историко-литературного лагеря при образовательном центре для детей и юношества «Мой Пушкин».

Программа создания образовательного центра для детей и юношества «Мой Пушкин», рассчитанная на несколько лет (планируемый срок реализации — 5 лет, 2021—2025), будет поэтапно реализовываться рабочей группой автономной некоммерческой организации «Центр образовательных и культурных инициатив “Параллели”» (г. Псков) совместно с ведущими пушкинскими музеями, научными и образовательными учреждениями, а также будет всецело отвечать задачам национального проекта в сфере образования.

М. А. Мариненко

VI. IN MEMORIAM

ЯЗЫК ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ В ТРУДАХ И. Г. ДОБРОДОМОВА

21 октября 2022 года ушел из жизни Игорь Георгиевич Добродомов, лингвист, доктор филологических наук (1974), профессор (1981), исследователь иноязычной лексики русского языка, внесший свой вклад в изучение языка Пушкина и пушкинской эпохи.

И. Г. Добродомов родился 10 ноября 1935 года в селе Ракитное Белгородской области. В 1958 году окончил филологический факультет Московского университета по отделению русского языка и литературы, в 1963 году — аспирантуру Института русского языка АН СССР. В 1966 году защитил кандидатскую диссертацию «История лексики тюркского происхождения в древнерусском языке (На материале “Повести временных лет”)», в 1974 году — докторскую — «Проблемы изучения болгарских лексических элементов в славянских языках». С 1964 года и до последних лет жизни работал на кафедре общего языкознания Московского педагогического государственного университета (в прошлом — МГПИ им. В. И. Ленина), с 1980 по 2014 год заведовал этой кафедрой.

И. Г. Добродомов — автор более 700 печатных работ, из которых несколько десятков посвящены редким (преимущественно иноязычным) и ныне устаревшим или изменившим свое значение словам в произведениях Пушкина и его современников. Одна из первых такого рода тем, к которой исследователь несколько раз возвращался с уточнениями и дополнениями, — семантика загадочного слова *шаматон*. В большинстве случаев, так же как в «Капитанской дочке» («...да будет солдат, а не шаматон»), значение его не вполне ясно из контекста. Соответственно, словарные толкования вполне произвольны: «мот, гуляка, пустой человек»,¹ «шалопай, бездель-

---

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1931. Т. 6: Путеводитель по Пушкину. С. 377 (Приложение к журналу «Красная нива» на 1931 г.).

ник».² Добродомов установил, что слово это встречалось также в других написаниях (*шематон*, *шамотон*, *шиматон*) и что его синонимический ряд эксплицирован в романе А. Ф. Вельтмана «Новый Емеля, или Превращения» (1845): «...денди, или по-русски *шематон*» [3; 23; 25; 26; 34; 35].³

Таким образом, слово *шаматон* должно интерпретироваться в контексте дворянского щегольства и сопоставляться со сменяющимися друг друга терминами *щёголь*, *петиметр*, *фашинебль*, *франт* и некоторыми другими, использовавшимися в русской литературе начала XIX века как полные или частичные синонимы.⁴ В этот же ряд в начале 1820-х годов входит слово *денди* (более ранний вариант: *дендий*, более поздний — *дэнди*), закрепившееся в современном русском языке благодаря первой главе «Евгения Онегина». Однако Пушкин воспринимал это слово как ненатурализованное и писал его по-английски: «Как Dandy Лондонский одет». Поэтому оно отсутствует в «Словаре языка Пушкина» (хотя встречается в пушкинских текстах еще дважды), но зато включается с цитатой из «Онегина» (то есть неправоммерно) в академические словари русского языка [40; 43; 53]. Из-за неучета общеизвестной строки «Словарь языка Пушкина» и «Новые материалы к словарю А. С. Пушкина» ограничивают употребление прилагательного *лондонский* в пушкинских текстах тремя примерами вместо положенных четырех [68, с. 19—27]. Уже этот пример позволяет усомниться в правомочности тезиса Г. О. Винокура о том, что язык писателя представляет собой подмножество фактов национального языка (именно этим тезисом обосновано невключение в «Словарь языка Пушкина» иноязычной лексики).

Пушкинский материал появляется в работах И. Г. Добродомова с конца 1960-х годов. В статье об этнониме *хазары* [1] исследователь обращает внимание на то, что слова с соответствующим корнем встречаются у Пушкина в двух разных написаниях («Младой хазарский хан Ратмир» и «Отмстить неразумным хозарам»); аналогичное колебание в написании корневой гласной обнаруживает су-

---

² Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1940. Т. 4. Стб. 1316; Словарь языка Пушкина: В 4 т. 2-е изд. М., 2000. Т. 4: С—Я. С. 994.

³ Здесь и далее в квадратных скобках даются отсылки к номерам библиографии, публикуемой ниже.

⁴ На более широком материале история этих слов изучена аспирантом И. Г. Добродомова С. Л. Ивановым, автором диссертации «История щегольской лексики в русском языке XVIII—XX вв.» (2003) и статей: 1) Денди // Русская речь. 2003. № 2. С. 95—102; 2) Фешенебельный // Там же. № 3. С. 102—109.

ществительное *казак* (*козак*), образованное от того же тюркского этимона *каз*- 'бродить'. Вариативность обусловлена долгой историей бытования обоих слов в русском языке, принявшем в себя несколько волн заимствований. С хазарами связано еще одно наблюдение Добродомова — на этот раз над текстами пушкинских комментаторов. В позднейшей работе он исправляет ошибку В. В. Набокова, объявившего хазарина (Khazar) Ратмира «хазарейцем» (Nazara), и отвергает поправку В. П. Старка, который, пытаясь скорректировать Набокова, предположил, что афганские персоязычные монголы-хазарейцы — якобы потомки тюрков-хазар [22, с. 411].

Интерес к вариативности орфографии и орфоэпии пушкинского времени неоднократно приводил И. Г. Добродомова к важным историко-лексикологическим и текстологическим наблюдениям. Исследователь обратил внимание на то, что в «романе в стихах» Пушкин пишет слово *roast-beef* не по-английски, а по-французски (*Rost-beef*), а в *beef-steaks* выдерживает английское написание, хотя в черновике пишет это слово по-французски (*Bif-stek*); при этом из русских вариантов *бифтекс* и *бифштекс*, в то время равноупотребимых, он предпочитал второе, возникшее под немецким влиянием, тогда как Карамзин предпочитал первое [32; 52; 54].

В лексикографической заметке о словоупотреблении в «Борисе Годунове» «Не *налог*, а *налога*» [4] Добродомов указал, что, вопреки «Словарю языка Пушкина», в стихах из «Бориса Годунова»: «Опалу, казнь, бесчестие, налоги, / И труд, и глад — всё испытали вы» — имеется в виду не *налог* (финансовая повинность), а *налога*; это слово означает 'притеснение', или, как разъясняет Карамзин в примечаниях к «Истории Государства Российского», «тягость». Аналогичное словоупотребление находим у Ломоносова в оде 1746 года: «От церкви отврати налоги». Впрочем, «Словарь русского языка XVIII века» отмечает, что и в значении 'притеснение' обсуждаемое слово могло употребляться как в женском, так и в мужском роде, поэтому вопрос о лемме, представляющей пушкинское словоупотребление, остается открытым.

В статье «Об одном прилагательном в языке В. Г. Белинского и его современных интерпретациях» [6] показано, что уничижительное определение «фризурная литература», данное Белинским авторам-современникам, должно быть сопоставлено не с прилагательным *фризовый* 'сделанный из грубого сукна со слегка завитым ворсом', а с французским существительным *friseur* — старым разговорным синонимом слова *coiffeur* 'парикмахер'. «Фризурная литература» — это такая, которая годится только на «папилютки» — бумажки для завивки волос. Хотя Белинский играет на паронимии

эпитетов *фризурный* и *фризовый* («сочинители в фризových шинелях»), сходство между «фризовой шинелью» и «фризурной литературой» заключается лишь в том, что оба прилагательных восходят в конечном счете к французскому глаголу *friser* ‘завивать’.

Галлицизмы Белинского помогли исследователю правильно понять значение упреков Татьяны Онегину: «...мой позор <...> мог бы в обществе принести / Вам соблазнительную честь». Последнее словосочетание Белинский перефразировал как «жажда скандалёзной славы». В лексиконе Пушкина еще не было слов *скандал* и *скандалёзный* или *скандальный*, а в лексиконе Белинского они уже были; но для Белинского правильное понимание текста было самоочевидно, а для нас уже нет. Поэтому И. Г. Добродомов и автор этих строк провели исследование, которое продемонстрировало полный параллелизм употребления слов *соблазн(ительный)* и *scandale(ux)* в русских и французских текстах Пушкина и его современников [67; 68, с. 187—206].

В заметке Добродомова «К истории глагола *транжирить*» [9], помимо прочего, впервые с опорой на материал картотеки «Словаря русского языка XVIII века» отмечено, что существительное *транжир* употреблялось уже в XVIII столетии, и приведена цитата из «Вергилиевой Енейды, вывороченной наизнанку» Н. П. Осипова: «Повесы, моты и транжиры» (ч. IV, 1794).⁵ Пушкин, правда, осиповский бурлеск не любил, считая его «холодным» и «однообразным», и предпочитал трагедии Осипова иронические поэмы В. И. Майкова. Но факт остается фактом: слово *транжир* уже принадлежало языку пушкинской и даже допушкинской эпохи.

В заметках о Батюшкове и Гоголе исследователь расшифровал не раскрытые в комментариях значения и формы переданных кириллицей венгерских ругательств [11; 12; 58].⁶ В одном из военных писем 1813 года Батюшков воспроизводит восклицание офицера-венгра «Бассамтарата тарара!». Здесь «бессмысленной тарабарщиной» является лишь заключительный отрезок фразы (...*tarata tarara*), тогда как ее начальная часть (*бассам...*) — это настоящее венгерское слово *baszom* ‘futuo’, с которого начинается матерное ругательство *baszom az anyád(at)* ‘matrem tuam futuo’ [11,

⁵ Осипов Н. П. Вергилиева Енейда, вывороченная на изнанку // Ироническая поэма / Ред. и примеч. Б. Томашевского. Л., 1933. С. 456 («Б-ка поэта». Большая сер.).

⁶ Первооткрывателями темы были А. Бэкунд и В. Кипарский, см.: Bäcklund A. Was bedeutet «teremtete» bei Gogol? // Scando-Slavica. 1954. Т. 1. С. 103—105; Kiparsky V. Ungarisches bei Gogol // Scando-Slavica. 1961. Т. 7. С. 61—63.

с. 263—264]. Это же венгерское ругательство в разнообразно искаженных написаниях (*басе мазенята, пасе мазепято и басамазенята*) появляется у Гоголя в черновиках неоконченного романа «Гетьман» (1830—1832). А в рецензии на «Русский этимологический словарь» А. Е. Аникина Добродомов добавляет еще один классический пример, более поздний, — стихотворение, которое Блок считал «перлом русской лирики»: «Ба́сан, ба́сан, басана́, / Басана́та, басана́та! / Ты другому отдана / Без возврата, без возврата!» (Ап. Григорьев, «Цыганская венгерка», 1857).⁷

В год пушкинского двухсотлетия И. Г. Добродомов и автор настоящего обзора начали публиковать заметки о языке «Евгения Онегина», частично переоформленные в статьи для «Онегинской энциклопедии» [30; 32; 33; 37; 38; 47—57; 60—61; 64; 66; 67; 72—74]. Некоторые из них писались в соавторстве, другие — порознь, а спустя несколько лет мы решили объединить написанное под одной обложкой. Все статьи, независимо от «происхождения», были переработаны нами совместно; так появилась книга «Лексика и фразеология “Евгения Онегина”» [68]. Ее подзаголовок («Герменевтические очерки») призван указать на то, что, по замыслу соавторов, включенные в книгу разыскания имеют отношение не только к истории слов и выражений, но и к пониманию фрагментов текста, в которых эти выражения употреблены, а нередко, по принципу герменевтического круга, и к пониманию текста в целом.

Чтобы дать представление об издании, приведу его аннотацию: «Очерки, собранные в книге, посвящены “темным местам” пушкинского романа, трудность интерпретации которых связана с особенностями словоупотребления и спецификой поэтического языка первой трети XIX столетия. Предмет исследования — редкие и устаревшие слова и обороты, сегодня совершенно забытые или изменившие свое значение. Рассмотрение исторических сдвигов в семантике пушкинских слов и выражений ведется на широком языковом и культурном материале. Изучению поэтического словоупотребления предшествует скрупулезный анализ лексикографических данных. Особое внимание уделено иноязычным и заимствованным словам, а также именам собственным. Проблемы поэтической семантики обсуждаются в тесной связи с вопросами пушкинской текстологии и орфографии».

⁷ См.: Добродомов И. Г. [Рец. на кн.]: Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. Вып. 2: (б — бдынь). 336 с.; 2009. Вып. 3 (бе — болдыхать). 342 с. // Этимология 2009—2011 / Под ред. Ж. Ж. Варбот, Д. И. Эдельман, А. Ф. Журавлева, Л. В. Куркиной. М., 2012. С. 323.

Каждая глава фокусируется на одном-двух словах из романа (включая некоторые имена собственные), для интерпретации которых привлекается языковой материал из других текстов Пушкина, его предшественников и современников, а также из словарей XVIII—XX веков. Лексикографическая история слова становится фоном для его литературной истории. Вот список «очеркообразующих» слов и словосочетаний в порядке их появления в пушкинском романе или его черновиках и в обсуждаемой книге: *Зевес*, *dandy*, *педант*, *Ювенал*, «*поди!*», *rost-beef*, *beef-steaks*, *винегрет* (*vinai-grette*), *Армида*, *Цирцея*, *Филлида*, «*мух давить*», *цваница*, *элегия*, *облучок*, *Виргилий*, «*una gente a cui l' morir non dole*» (эпиграф из Петрарки к гл. 6), *Диана*, *эпикуреец*, *форрейтор*, «*звезды прелестные*», *Нереида*, *соблазнительный* и *соблазн*, *Морали*. Поскольку список привлекаемых для анализа словесных форм гораздо шире, к изданию приложен «Указатель слов, форм и выражений» [68, с. 269—295];⁸ образцом для него стал аналогичный указатель к «Загадкам пушкинского текста и словаря» А. Б. Пеньковского,⁹ взявшего на себя труд выпускающего редактора нашей книги.

Значительным историко-лексикологическим и одновременно историко-литературным достижением И. Г. Добродомова стала история бытования в русской литературе галлицизма *супиры*, ушедшего затем из дворянской речи в народные говоры, чему посвящена статья «Историко-этимологические каламбуры и филологическая достоверность лексико-фразеологического материала» [71]. Наиболее интересна для нашего обзора реплика «пожилого человека» из ранней редакции лермонтовского «Маскерада», примечательная нагнетанием галлицизмов и обыгрыванием их семантики: «Ведь носят же супиры, сувениры / И репантиры? / Дивлюся, как давно не превратят / Отчаянье в какой-нибудь наряд».

Модные реалии, обозначенные здесь французскими словами, долгое время комментировались ошибочно: «Супиры, сувениры — названия дамских туалетов, происходящие от французских слов: *le soupir* — “вздых”, *le souvenir* — “воспоминание”; репантир — название модной прически, от фр. *le repentir* — “раскаянье”».¹⁰ Добродомов установил, что весь перечень аксессуаров заимствован Лермонтовым из повести Бестужева-Марлинского «Фрегат “На-

⁸ Составлен мною и С. Г. Болотовым.

⁹ См.: Пеньковский А. Б. Загадки пушкинского текста и словаря: Опыт филологической герменевтики. М., 2005. С. 274—306 (составлен М. И. Шапиром и мною).

¹⁰ Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6 т. М.; Л., 1956. Т. 5: Драммы. С. 753 (коммент. А. М. Докусова).

дежда”» (1832), контекст которой не оставляет сомнений, что речь идет не о туалетах и прическах, а о бижутерии: «Отчаяние? Нет ли какого перстня или браслета такого имени? Ведь есть же супиры и репантиры и сувениры у любого золотых дел мастера» [71, с. 94—99]. Эти наблюдения частично учтены в юбилейном академическом издании сочинений Лермонтова.¹¹

Помимо прочего, комментаторов, а за ними и позднейших лексикографов вводит в заблуждение употребленное Лермонтовым слово *наряд*, которому приписывается значение ‘одежда’. Между тем еще В. И. Даль истолковывает слово *наряд* двояко — либо как «убор, красивая одежда, платье», либо как «вещи, надеваемые для красоты» [71, с. 100]. Добавлю, что определение Даля восходит к определению «Словаря Академии Российской» и ни в чем не противоречит тогдашней лексикографической традиции; так, в русско-немецко-французском словаре И. Нордстета среди эквивалентов русского *наряд* мы находим немецкое *Schmuck* ‘украшения (в том числе ювелирные)’ и французские *parure* и *ornement* с тем же значением;¹² те же французские эквиваленты приводит среди прочих в своем русско-французском словаре Ф. Рейф.¹³

Как видно из прилагаемой ниже библиографии, И. Г. Добродомов нередко печатал свои работы в нескольких вариантах — например, в академическом и научно-популярном. Чаще же всего поводом для републикации было, по его собственным словам, «обогащение старых заметок новым материалом» (одна из статей о *шаматоне* так и называется — «Двадцать лет спустя» [23]). Несколько раз предметом его исследований становились происхождение и история идиомы «*держат в ежовых рукавицах*», памятной читателям Пушкина по «Капитанской дочке» [5; 7; 10], воздействие на русскую фразеологию гоголевского оборота «*пошла писать губерния*» и его основы — фразеологизма «*пошла писать*», которому посвящено одноименное стихотворение П. А. Вяземского (1821) [14; 18], или два рефлекса французского выражения *faire la cour* ‘ухаживать, заигрывать, флиртовать’ — *ферлякурничать* и *строить куры* [13; 15; 16; 28].

¹¹ Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. СПб., 2014. Т. 3: Драммы. С. 582—583 (коммент. О. В. Миллер при участии Н. А. Дроздова, Н. Г. Охотина и Ю. М. Прозорова).

¹² Нордстет И. Российский, с немецким и французским переводами, словарь. СПб., 1780. Ч. 1. С. 393.

¹³ Рейф Ф. И. Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению; или Этимологический лексикон русского языка. СПб., 1836. Т. 2. С. 807.

Если французская идиома *faire la cour* встречается в текстах Пушкина,¹⁴ то ее русский полуперевод входит, по выражению Добродомова, в «апокрифическую пушкиниану русской лексикографии» [27]. Из фразеологического словаря М. И. Михельсона «Русская мысль и речь» (1903—1904) в академический «Словарь современного русского литературного языка» попали стихи, якобы взятые из пушкинского эпистолярия: «*Девушкам красоткам Он ли строил куры.* Пушк <ин>. Письма».¹⁵ Их неаутентичность была отмечена в статьях Добродомова, напечатанных в «Вопросах языкознания» в 1995 году [13, с. 123] и в журнале «Русский язык в школе» в 1997-м [16, с. 93]; тем не менее десять лет спустя (2007) псевдопушкинский пример перекочевал из старого академического словаря в новый.¹⁶

Историю апокрифа восстановил Д. В. Сичинава. Экспромт о святогорском игумене Ионе, откуда взяты эти строки («Дедушка игумен / Был ли нам приятен?...»), был сообщен по памяти Ал. Н. Вульфом М. И. Семевскому, который и напечатал текст в 1869 году в «Русском вестнике» как пушкинский. Выяснив, что он понял Вульфа не вполне правильно, Семевский в следующем году на страницах «Русской старины» уточнил, что «рифмы “дедушка-игумен” и проч. набраны были Львом Пушкиным, Пановским, Вронченко и другими их собеседниками в 1832 году в Варшаве».¹⁷ Уточнение осталось незамеченным, стихотворение попало в издания сочинений Александра Пушкина и незаконно пребывало там до 1930-х годов.¹⁸ Деориентирующие адреса «А. С. Пушкин к Жуковскому, 1825» (у Михельсона) и «Письма» (в академических словарях) обязаны своим происхождением недоразумению: в изданиях П. А. Ефремова экспромт приведен в подстрочном примечании к письму Пушкина Жуковскому от 17 августа 1825 года.¹⁹ Д. В. Сичинава указал также объект пародии «Дедушка игумен...», написанной редким трехстопным хореем со сплошными женскими

¹⁴ Она зафиксирована в «Разговорах с Н. К. Загряжской»: «...Миних <...> разговаривает с дамами, *leur faisant la cour*» (XII, 175).

¹⁵ Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1956. Т. 5 / Ред. тома А. М. Бабкин (буквы И, И) и Ю. С. Сорокин (буква К). Стб. 1883—1884.

¹⁶ Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич. СПб., 2007. Т. 8. С. 815.

¹⁷ Русская старина. 1870. Т. 1. С. 404.

¹⁸ Сичинава Д. В. Куры и братья Пушкины. URL: <https://mitrius.livejournal.com/973033.html> (запись от 03.01.2015; обращение 05.09.2023).

¹⁹ Пушкин А. С. Соч. 8-е изд., испр. и доп. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1882. Т. 7: Письма 1816—1837 годов. С. 202.

окончаниями, — это «Песня» Дельвига (1820): «Дедушка!» девицы / Раз мне говорили, / “Нет ли небывлицы / Иль старинной были?”»²⁰ В 1829 году М. И. Глинка написал на стихи Дельвига романс, ставший популярным, — чем, вероятно, и объясняется называние каламбурных рифм по его канве.

Иного рода лексикографический казус представляет пушкинское (на этот раз подлинно пушкинское) *урьльник* — слово со вполне прозрачной этимологией (от латинского *urina* ‘моча’; ср. первичный вариант *уринник*) и значением, точно указанным в «Новых материалах к словарю А. С. Пушкина» (‘ночной горшок’). Этот предмет, ранее замеченный в борделе героями ироикомиической поэмы В. Л. Пушкина «Опасный сосед» («Урьльник, самовар и чашки на скамейке»),²¹ поэт-племянник поручил Monsieur Picard’u подать перед сном Нулину. Однако Николай I самолично вычеркнул неприличный *урьльник*, заменив его подходящим по ритму и рифме словом *будильник*, которое печатается в тексте «Графа Нулина» и поныне: «...Ципцы с пружиною, будильник / И неразрезанный роман» (исключения в издательской практике с конца 1930-х годов вплоть до нашего времени единичны). Вариант с *урьльником* напечатан в большом академическом издании только в разделе других редакций (V, 169). И. Г. Добродомов посвятил несколько статей поразительной судьбе этого слова и вариантов пушкинской цитаты в отечественной лексикографии [41; 42; 46]. Удивительнее всего (в это даже трудно поверить), что в ряде новейших словарей *урьльнику* приписано значение «умывальник». Далее, выясняется, что в послевоенном академическом словаре пушкинская цитата фигурирует в «царском» варианте и иллюстрирует слово *будильник*,²² тогда как в «Словаре языка Пушкина» и дополнения к нему слово *будильник* вообще не вошло. Вряд ли это справедливо: по свидетельству Смирновой-Россет, замечание цензора-венценосца «восхитило Пушкина», поэтому поэт поправку принял и пустил в дело.²³ Из нового академического словаря пушкинско-николаевский *будильник* исключен,²⁴ а во второе, дополненное, издание «Словаря языка Пушкина» (2000) так и не включен (в от-

²⁰ Сичинава Д. В. Куры и братья Пушкины.

²¹ Пушкин В. Л. Опасный сосед // Ирои-комическая поэма. С. 650.

²² Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1950. Т. 1 / [Ред. тома И. А. Фалов (гл. ред.), П. Н. Берков, С. А. Аннинский]. Стб. 667.

²³ Смирнова-Россет А. О. Из «Автобиографии» // Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 155.

²⁴ Большой академический словарь русского языка. СПб., 2005. Т. 2. С. 231.

личие от *урьльника*). Каждый том этого издания завершается «Списком слов, не зарегистрированных в «Словаре языка Пушкина», но злосчастный *будильник* не попал даже туда.

Вслед за В. В. Виноградовым И. Г. Добродомов обратился к изучению следов семинарского жаргона в общерусском языке. Для нашей темы представляет интерес глагол *сморозить*, которому посвящен один из разделов статьи «Этимологические заметки о русском семинарском жаргоне: *взъефантулить*, *сморозить*, *аксиос(ы)*» [77]. Самым ранним случаем употребления этого слова в художественной литературе считается реплика протагониста не-красовского водевиля «Петербургский ростовщик» (1844): «Дура сморозила, а ты повторяешь» [77, с. 155]. Однако слово это вошло в употребление еще в 1830-е годы, если не раньше. В третьем томе романа А. И. Чуровского «Ротмистр-чернокнижник, или Москва в 1812 году» (1837; ценз. разр. 8 ноября 1836 года) крестьяне восклицают: «Эк сморозил, дядя Пахомыч!»²⁵ В анонимном переводе романа Поля де Кока «Турлуру» (1838) восклицание «Эк ты сморозила!» тоже вкладывается в уста крестьянки.²⁶ Иначе говоря, Пушкину вполне могло быть уже известно переносное значение глагола *сморозить*, а его семинарское происхождение можно поставить под вопрос.

В последние годы жизни И. Г. Добродомов вернулся к одной из своих любимых тем — тюрко-славике. В статье «О лексикологической неувовимости архаизаций и инноваций в XIX веке», написанной совместно с В. В. Шаповалом [69], предметом изучения становятся тюркизмы персидского происхождения в кавказских повестях Бестужева-Марлинского (*пешкеш* и др.), их вариации в различных тюркских языках и заимствования в русские диалекты, а также их судьба в позднейшей литературе и лексикографии. Несколько статей Добродомова посвящены отношению Пушкина и его современников к тюркскому наследию в русской лексике [75; 76; 78]. Тематически к этим работам примыкают заметки об именах *Морали*, *Кирджали* и этнониме *Османли* [60; 68, с. 207—218] и о слове *кизляр* в «Бахчисарайском фонтане» [21] (дополнения и уточнения: [68, с. 218—220]).

Избранные труды И. Г. Добродомова по этимологии и лексикологии, опубликованные в течение полувека (1964—2014), составили два тома, изданных в Московском педагогическом государственном университете к 80-летию и 85-летию ученого [81; 83]. В них

²⁵ [Чуровский А. И.] Ротмистр-чернокнижник, или Москва в 1812 году: Роман. Из походных записок артиллерийского полковника. М., 1837. Ч. 3. С. 9.

²⁶ Кок П. де. Турлуру: Роман Поль-де-Кока. СПб., 1838. Ч. 1. С. 16.

перепечатаны и некоторые работы, вошедшие в помещаемую здесь библиографию.

Requiescat in pace.

Игорь Пильщиков

РАБОТЫ И. Г. ДОБРДОМОВА О ЯЗЫКЕ ПУШКИНА
И ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ

Составил Игорь Пильщиков

1. Х^азары и русское правописание // Русская речь. 1968. № 3. С. 63—64.
2. Правильно ли мы читаем стихи? // Русская речь. 1970. № 2. С. 91—95.
3. Из заметок по лексике А. С. Пушкина: (По следам разысканий о слове *шаматон* из «Капитанской дочки») // Основы лингвистического анализа и методика преподавания иностранных языков в высшей школе: Межвуз. темат. сб. / Ярослав. ун-т; Под ред. О. Т. Молчановой. Ярославль, 1978. Вып. 3. С. 17—28.
4. Не *налог*, а *налога*: Лексикографическая заметка о словоупотреблении в «Борисе Годунове» // Русская историческая лексикология и лексикография: Межвуз. сб. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. Вып. 3. С. 133—134.
5. О *черном теле...* и *ежовых рукавицах* // Русский язык в школе. 1983. № 4. С. 85—86.
6. Об одном прилагательном в языке В. Г. Белинского и его современных интерпретациях // Вопросы истории русского литературного языка XIX—XX вв.: Межвуз. сб. науч. тр. / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина; Под ред. И. Г. Добродомова. М., 1985 (1986). С. 5—14.
7. Значение изучения фразеологизмов в тексте: (по поводу фразеологизмов *держатъ в черном теле*; *держатъ в ежовых рукавицах*) // Zeitschrift für Slawistik. 1986. Bd. 31. H. 3. S. 425—436 (совместно с Р. Эккертом).
8. *Люстра* и ее «конкурент» // Русская речь. 1988. № 3. С. 133—137.

9. К истории глагола *транжирить* // Этимология 1986—1987 / Под ред. Ж. Ж. Варбот, Л. А. Гиндина, Г. А. Климова и др. М.: Наука, 1989. С. 194—200.
10. Сочетание слов в контексте и возможности фразеологизации (история выражений «держать в черном теле» и «держать в ежовых рукавицах») // Становление грамматического и лексико-фразеологического строя русского языка: Межвуз. сб. науч. тр. / Магнитогор. гос. пед. ин-т; Под ред. С. Г. Шулешковой. Магнитогорск, 1992. С. 54—64.
11. Венгерское ругательство в эпистолярной Батюшкова: (дополнение к комментарию) // Philologica. 1995. Т. 2. № 3/4. С. 263—266.
12. Ноздревское слово *фетюк* // Русский язык в школе. 1995. № 3. С. 75—78.
13. Проблема источников для русской исторической лексикологии Нового времени // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 117—125.
14. Как «пошла писать губерния»? // Русская словесность. 1996. № 3. С. 84—87.
15. *Строить куры* // Zeszyty naukowe Wyższej szkoły pedagogicznej w Rzeszowie. Seria filologiczna. Językoznawstwo. 1996. Zesz. 3. № 20. S. 43—66.
16. *Куростройство* и *ферлакурство*: (о фразеологизме *строить куры*) // Русский язык в школе. 1997. № 1. С. 92—96.
17. *Светлана* и *Руслан*: (из истории имен) // Русский язык: (Еженед. прилож. к газете «Первое сентября»). 1997. Май. № 20 (92). С. 13—14.
18. Как *пошла писать губерния* // Russian Language Journal. 1998. Vol. 52. № 171/173. P. 3—19.
19. О словарях редких и устарелых слов // Проблемы русской лексикологии и лексикографии: Тезисы докладов межвуз. науч. конф. 13—15 октября 1998 г. / Вологод. гос. пед. ун-т. Вологда: Русь, 1998. С. 89—92.
20. К изучению языка старой Москвы: [Рец. на кн.: *Елистратов В. С. Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь*. М.: Русские словари, 1997. 701 с.] // Русский исторический вестник. 1998. Т. 1. С. 239—246 (совместно с Н. А. Николиной).

21. *Немые кизляры*: (из комментария к «Бахчисарайскому фонтану») // *Philologica*. 1998. М., 1999. Т. 5. № 11/13. С. 133—138.
22. [Рец. на кн.]: Набоков В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / Пер. с англ.; Науч. ред. и автор вступ. ст. В. П. Старк. СПб.: Искусство—СПБ; Набоковский фонд, 1998. 926 с.; Набоков В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина / Пер. с англ.; Под ред. А. Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 1999. 1008 с. // *Philologica*. 1998. М., 1999. Т. 5. № 11/13. С. 403—424 (совместно с И. А. Пильщиковым).
23. Двадцать лет спустя: (О слове *шаматон* из «Капитанской дочки») // Статьи о Пушкине: К 200-летию со дня рождения поэта / Под ред. В. И. Коровина. М.: Прометей, 1999. С. 283—312.
24. Об одном случае согласования собственного имени по числу в эпистолярной А. С. Пушкина // А. С. Пушкин и история русского литературного языка: Доклады и материалы межвуз. конф. / Орехово-Зуев. пед. ин-т; Отв. ред. В. В. Краснянский. Орехово-Зуево, 1999. С. 36—39.
25. Читая Пушкина... или Слово в защиту шаматона // *Русская речь*. 1999. № 6. С. 98—102 (совместно с Г. К. Валеевым).
26. Щеголь девятнадцатого века // IX Житниковские чтения: Динамический аспект лингвистических исследований: Материалы Всерос. науч. конф., 21—23 апреля 1999 г. / Челябинск. гос. ун-т; Отв. ред. Е. И. Голованова. Челябинск, 1999. Ч. 2. С. 44—50 (совместно с Г. К. Валеевым).
27. Из апокрифической Пушкинианы русской лексикографии // Актуальные вопросы исторической лексикологии и лексикографии: Межвуз. сб. науч. тр. / Смолен. гос. пед. ун-т; Отв. ред. И. А. Королева. Смоленск, 2000. С. 99—109.
28. Каламбуристский фразеологизм *строить куры* // Восточно-украинский лингвистический сборник / Донецк. гос. ун-т; Отв. ред. Е. С. Отин. Донецк: Донеччина, 2000. Вып. 6. С. 195—201.
29. Справочники по «Евгению Онегину» // *Русский язык в школе*. 2000. № 4. С. 105—110.
30. Педантизм Евгения Онегина в свете лексикографических фактов // А. С. Пушкин в Подмосковье и Москве: Материалы

- IV Пушкинской конф. 15—17 октября 1999 г. / Гос. историко-лит. музей-заповедник А. С. Пушкина. Большие Вязёмы, 2000. С. 26—37 (совместно с И. А. Пильщиковым).
31. Окна в забытый мир прошлого // Русский язык в школе. 2000. № 2. С. 100—103 (совместно с И. Е. Шуваловой).
  32. Бифштекс // Русский язык в школе. 2001. № 5. С. 86—87, 90.
  33. «В окно смотрел и мух давил»: Об одном фразеологизме в «Евгении Онегине» // А. С. Пушкин в Подмосковье и Москве: Материалы V Пушкинской конф. 14—15 октября 2000 г. / Гос. историко-лит. музей-заповедник А. С. Пушкина. Большие Вязёмы, 2001. С. 89—92.
  34. Кто такой *шаматон* в «Капитанской дочке»? // А. С. Пушкин в Подмосковье и Москве: Материалы V Пушкинской конф. 14—15 октября 2000 г. / Гос. историко-лит. музей-заповедник А. С. Пушкина. Большие Вязёмы, 2001. С. 93—103.
  35. Кто такой *шаматон*? // Русский язык в школе. 2001. № 2. С. 95—98.
  36. «Носологические» мотивы у А. С. Пушкина // Человек. Язык. Искусство: Материалы междунар. научно-практ. конф. 14—16 ноября 2000 г. / Моск. пед. гос. ун-т; Отв. ред. Н. В. Черемисина-Ениколопова. М.: Изд-во МПГУ, 2001. С. 70—72.
  37. «Ямщик сидит на облучке...» // Русская речь. 2001. № 5. С. 111—115.
  38. Из заметок о лексике и фразеологии «Евгения Онегина»: [1. «...В окно смотрел и мух давил»; 2. «Ученый малый, но педаант»] // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования / Под ред. Д. М. Бетеа, А. Л. Осповата, Н. Г. Охотина, Л. С. Флейшмана. М.: ОГИ, 2001. С. 252—270. (Материалы и исследования по истории рус. культуры; Вып. 7) (совместно с И. А. Пильщиковым).
  39. Набоковский «Онегин»: визит на родину // Московский пушкинист: Ежегод. сб. / РАН. ИМЛИ им. А. М. Горького. Пушкинская комиссия; Сост. и науч. ред. В. С. Непомнящий. М.: Наследие, 2001. [Вып.] 9. С. 59—66 (совместно с И. А. Пильщиковым).

40. Денди // Русский язык в школе. 2002. № 4. С. 77—81.
41. Репрессированное слово из поэмы А. С. Пушкина «Граф Нулин» // Восточноукраинский лингвистический сборник / Донецк. нац. ун-т; Отв. ред. Е. С. Отин. Донецк: Донеччина, 2002. Вып. 8. С. 319—325.
42. Царское слово в поэме А. С. Пушкина «Граф Нулин» // Историко-лексикологические заметки: Межвуз. сб. ст. / Моск. гос. обл. пед. ин-т; Отв. ред. В. В. Краснянский. Орехово-Зуево, 2002. С. 8—13.
43. Dandy — денди — дэнди // В пространстве филологии / Донецк. нац. ун-т; Отв. ред. В. М. Калинин. Донецк: Юго-Восток, 2002. С. 46—54.
44. Из заметок о лексике и фразеологии «Евгения Онегина»: 3. «Звезды прелестные» в поэзии Пушкина и его современников // Сибирский лингвистический семинар. 2002. № 1 (3). С. 4—9 (совместно с И. А. Пильщиковым).
45. Облучок: (Из заметок о лексике и фразеологии «Евгения Онегина») // Живое слово и жизнь: Памяти Виктора Яковлевича Дерягина: Сб. ст. / Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Архангельск, 2002. С. 81—89 (совместно с И. А. Пильщиковым).
46. Как урыльщик стал будильником // Русская речь. 2003. № 3. С. 112—116.
47. Ростбиф // Русский язык в школе. 2003. № 2. С. 91—93.
48. Из заметок о лексике и фразеологии «Евгения Онегина»: («У ночи много звезд прелестных...») // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2003. Т. 62. № 1. С. 67—70 (совместно с И. А. Пильщиковым).
49. [То же] // Хозяева и гости усадьбы Вяземы: К 190-летию со дня кончины генерал-лейтенанта, участника Отечественной войны 1812 года, владельца усадьбы Вяземы князя Бориса Владимировича Голицына: Материалы X Голицынских чтений 25—26 янв. 2003 г. / Гос. историко-литературный музей-заповедник А. С. Пушкина. Большие Вязёмы, 2003. Ч. 2. С. 54—62 (совместно с И. А. Пильщиковым).
50. Мухи // Онегинская энциклопедия / Под общей ред. Н. И. Михайловой. М.: Рус. путь, 2004. Т. 2: Л—Я; А—З. С. 150—151 (совместно с И. А. Пильщиковым).

51. Облучок // Там же. С. 193—194.
52. Педант, педанство // Там же. С. 256—258 (совместно с И. А. Пильщиковым).
53. Светлана // Там же. С. 475—476.
54. Beef-steaks // Там же. С. 776—777.
55. Dandy // Там же. С. 778—781.
56. Roast-beef (Rost-beef) // Там же. С. 790—792.
57. Что такое «облучок»? // Народное образование. 2004. № 5: Пушкинский альманах, 1799—2004. С. 240—243.
58. Ноздрёвское слово «фетюк» или «өетюк»? // Гоголь и Общество любителей российской словесности / Сост. Р. Н. Клейменова. М.: Academia, 2005. С. 263—285.
59. Послесловие // «Евгений Онегин», роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Рисунки автора / Ред. В. Т. Чумаков. М.: КарМА+Т, 2005. С. 493—498.
60. Из заметок о лексике и фразеологии «Евгения Онегина» («Корсар в отставке, Морали») // Philologica. 2003/2005. М., 2006. Т. 8. №19/20. С. 187—198.
61. Винегрет // Русский язык в школе. 2006. № 6. С. 77—80.
62. Послесловие к «Евгению Онегину» (Издательство КарМА+Т, М., 2005) // А. С. Пушкин в Подмоскowie и Москве: Материалы X Пушкинской конф. / Гос. историко-литературный музей-заповедник А. С. Пушкина. М.: Мелихово, 2006. С. 193—194.
63. [Рец. на кн.]: Пеньковский А. Б. Загадки пушкинского текста и словаря: Опыт филологической герменевтики. М.: Языки славянских культур, 2005. 315 с. // Русский язык в школе. 2006. № 5. С. 93—95.
64. Что же такое *облучок*? (Из лингвистических комментариев к «Евгению Онегину») // Филологический анализ текста: Сб. материалов межвуз. научно-практ. конф. (Коломна, 12—13 апреля 2006 г.) / Коломен. гос. пед. ин-т. Коломна, 2006. С. 20—26 (совместно с И. А. Пильщиковым).
65. Как выглядела пушкинская ферма? // А. С. Пушкин в Подмоскowie и Москве: Материалы X Пушкинской конф. / Гос.

- историко-литературный музей-заповедник А. С. Пушкина. М.: Мелихово, 2006. С. 208—221 (совместно с В. В. Шаповалом).
66. Облучок: (Из лингвистических комментариев к «Евгению Онегину» // Виктор Яковлевич Дерягин: Семидесятилетие / Рос. гос. б-ка; Сост. Т. А. Исаченко; Отв. ред. И. Г. Добродомов, Т. А. Исаченко. М., 2007. С. 53—58 (совместно с И. А. Пильщиковым).
67. О судьбе семантических галлицизмов в пушкинскую эпоху: (*scandale* — *scandale*) // Язык и действительность: Сб. науч. тр. памяти В. Г. Гака / Ред. С. Г. Тер-Минасова и др. М.: URSS; Ленанд, 2007. С. 569—582 (совместно с И. А. Пильщиковым).
68. Лексика и фразеология «Евгения Онегина»: Герменевтические очерки / РАН. Ин-т языкознания; МГУ и др. М.: Языки славянских культур, 2008. 312 с. (*Philologica russica et speculativa*; Т. 6) (совместно с И. А. Пильщиковым).
69. О лексикологической неувовимости архаизаций и инноваций в XIX веке // *Acta Linguistica Petropolitana* / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2008. Т. 4, ч. 3. С. 94—117 (совместно с В. В. Шаповалом).
70. Гарниза // *Русский язык в школе*. 2009. № 10. С. 80—84.
71. Историко-этимологические каламбуры и филологическая достоверность лексико-фразеологического материала // *Вопросы языкознания*. 2009. № 4. С. 92—110.
72. Из очерков о лексике и фразеологии «Евгения Онегина»: («Пооди! пооди!» раздался крик) // «Слово — чистое веселье...»: Сб. ст. в честь Александра Борисовича Пеньковского / Отв. ред. А. М. Молдован. М.: Языки славянской культуры, 2009. С. 115—130 (совместно с И. А. Пильщиковым).
73. О кучерах и форејторах // *Народное образование*. 2009. № 5: Пушкинский альманах. С. 142—150 (совместно с И. А. Пильщиковым).
74. Из лингвистических комментариев к «Евгению Онегину»: [1. Rost-beef; 2. Beef-steaks; 3. винегрет/vinaigrette] // *Пермяковский сборник* / Ред.-сост. Н. Н. Мазур. М.: Новое изд-во, 2010. Ч. 2. С. 216—238 (совместно с И. А. Пильщиковым).

75. А. С. Пушкин о тюркизмах и словарь тюркизмов у А. С. Пушкина // Авторская лексикография и история слов: К 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина» / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Отв. ред. Л. Л. Шестакова. М.: Азбуковник, 2013. С. 88—95.
76. [То же] // Кирилло-Мефодиевские чтения в Магадане: Сб. ст. по материалам конф. разных лет / Северо-Вост. гос. ун-т; Под ред. А. А. Соколянского. Магадан, 2013. С. 13—28.
77. Этимологические заметки о русском семинарском жаргоне: *взъефантулить, сморозить, аксиос(ы)* // Slověne = Словѣне. 2013. Т. 2. № 2. С. 143—171.
78. А. С. Пушкин и тюркский вклад в русскую лексику // Вопросы тюркологии. 2014. № 3. С. 7—15.
79. К пунктуации «Евгения Онегина» // А. С. Пушкин в Подмосковье и Москве: Материалы XVI Троицких чтений / Гос. историко-литературный музей-заповедник А. С. Пушкина; Под общ. ред. А. М. Рязанова. М.: Зебра Е; Большие Вязёмы, 2014. С. 106—112.
80. *Шибболет*: библеизм или галлицизм? // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. 2014. № 2. С. 46—50.
81. Избранные труды по этимологии и лексикологии. М.: МПГУ, 2015. 459 с.
82. А. С. Пушкин и «Слово о полку Игореве» // Материалы научных конференций Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина 2016—2017 гг.: [А. С. Пушкин в Подмосковье и Москве (XX Пушкинская конференция; XIX Троицкие чтения, 1 октября 2016 г.); Хозяева и гости усадьбы Вязёмы (XXIII Голицынские чтения, 21—22 января 2017 г.); А. С. Пушкин в Подмосковье и Москве (XXI Пушкинская конференция; XX Троицкие чтения, 7—8 октября 2017 г.)] / Гос. историко-литературный музей-заповедник А. С. Пушкина; Под общ. ред. А. М. Рязанова. Большие Вязёмы: РазДваТри, 2018. С. 223—232.
83. Историко-этимологические разыскания: Монография. М.: МПГУ, 2020. 220 с.

ПАМЯТИ В. А. КОЖЕВНИКОВА

13 мая 2023 года на 73-м году жизни умер известный российский литературовед, проработавший в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН четверть века, член Пушкинской комиссии ИМЛИ РАН, член Союза писателей Москвы Виктор Андреевич Кожевников.

После окончания Московского областного педагогического института (ныне МГОУП) В. А. Кожевников многие годы отдал преподаванию русской литературы в школах Подмосковья (нахабинская школа № 1, истринская АНО «Павловская гимназия»), в 1990-е годы начал сотрудничать с Пушкинской группой ИМЛИ на договорных началах и 1 декабря 1997 года был принят в Отдел русской классической литературы на должность старшего научного сотрудника, где проработал до 15 ноября 2022 года.

К этому времени в московских изданиях уже были опубликованы статьи, вызвавшие интерес к их автору в литературоведческой среде: «Шифрованные строфы “Евгения Онегина”» (Новый мир. 1988. № 6), «История села Горюхина — история России» (Москва. 1988. № 6), «Когда окривела тетушка Настасья Герасимовна. К проблеме внутренней хронологии повести Пушкина «Капитанская дочка» (Москва. 1989. № 4), «О “прелестях кнута” и “подвиге честного человека”. Пушкин и Карамзин» (Русский архив. 1990. № 1).

В ИМЛИ Кожевников сразу же включился в подготовку к составлению Собрания сочинений А. С. Пушкина, отличие которого от существующих состояло в расположении текстов не по традиционному жанровому принципу: отдельно стихи, проза, письма и т. д., — а по времени написания этих текстов. Идея такого издания вынашивалась им еще до зачисления в Отдел русской классической литературы, где работу над таким изданием организовал и возглавил выдающийся пушкиновед В. С. Непомнящий.

В статье «От редакторов», предпосланной этому изданию, включающему в себя художественные произведения, критические и публицистические труды, письма, рисунки, пометы и деловые бумаги, размещенные в хронологическом порядке, В. С. Непомнящий отмечал: «Главное преимущество данного Собрания — в том, что оно позволяет обозреть весь корпус произведений Пушкина как единый контекст, или мегацикл, как творческий путь и духовную биографию. Это создает условия не только для конкретного осмысления творческой эволюции Пушкина, его жизненного пути, его личности и судьбы, самого явления Пушкина как целостного и неповторимого феномена бытия; это дает возможность наглядно, предметным образом проследить логику и родословную множества его творческих замыслов, их внутренние связи, их жизненное происхождение и эволюцию, наблюдать возникновение, модификации и перетекания художественных идей, путешествия сквозных тем, взаимоотношения стержневых и побочных мотивов; многие важнейшие моменты, которые при других условиях можно заметить лишь случайно или вовсе не заметить, впервые обнаружатся в принципиально *новом контексте*, представляющем собой тот *реальный контекст*, который, пусть и со значительной (но, повторяем, не меньшей, чем в традиционных собраниях сочинений) мерой условности, воссоздается здесь».¹

Составителем и комментатором первых двух томов указанного Собрания сочинений стал В. А. Кожевников. Параллельно с работой над этим изданием он редактировал выпуски специального пушкиноведческого издания «Московский пушкинист», выходявшего в ИМЛИ с 1995 по 2009 год (всего 12 выпусков), главным редактором которого был В. С. Непомнящий.

Позднее Кожевников стал составителем и ответственным редактором томов 7 (1830. Болдинская осень), 9 (1833) и 10 (1834) хронологического Собрания сочинений.

Научные интересы Кожевникова не ограничивались пушкинским творчеством. В его итоговую книгу «Избранное: Статьи, переводы, комментарии» вошли все основные работы литературоведа, в том числе главы из вышедших ранее книг.²

---

¹ Пушкин А. С. Собр. соч.: Художественные произведения, критические и публицистические труды, письма, рисунки, пометы и деловые бумаги, размещенные в хронологическом порядке. М., 2000. Т. 1 (1809–1819). С. 11–12.

² «Слово о полку Игореве». М., 2003; Тайны и загадки «Слова о полку Игореве». М., 2012; Шифрованные строфы «Евгения Онегина»: К проблеме хронологии событий романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». М., 2015; Шифрованные строфы «Евгения Онегина»: К проблеме Десятой главы романа.

Открывается она несколько неожиданно для пушкиниста — статьёй, посвящённой проблематике «Слова о полку Игореве». И первое слово в ней — о замечательном учёном-лингвисте академике А. А. Зализняке, который ушел из жизни в год выхода книги. Зализняк, по утверждению Кожевникова, своей книгой об этом памятнике русской литературы, изданной в 2004 году, «поставил точку в затянувшемся споре о подлинности “Слова”».³

Работа Кожевникова по-новому освещает различные аспекты «Слова». Так, совершенно по-новому трактуются в ней образы «вещего Баяна» (в откровенно негативном ключе) и самого князя Игоря (с переходом от негативной интенции в начале к положительной к завершению «Слова»). Отметим, однако, что выявленные автором новые смыслы и предложенная им новая трактовка «Слова» не отменяет традиционного его толкования как призыва к единению русских перед нашествием монгольских полчищ.

Статья «О “прелестях кнута” и “подвиге честного человека”» по сути представляет собой добросовестный обзор всех имеющихся сведений об отношениях Пушкина и Карамзина, а в период после смерти историографа — обзор всех его упоминаний в сочинениях Пушкина. Нельзя не согласиться с утверждением автора о том, что постепенно, по мере созревания таланта, Пушкин в своих общественно-политических воззрениях все сильнее сближается с позицией Карамзина и в конце концов разделяет ее едва ли не полностью.

Обстоятельно рассмотрен при этом и вопрос о принадлежности Пушкину двух известных эпиграмм на Карамзина. Вопрос действительно сложный, и его вряд ли можно считать окончательно решенным, хотя одна эпиграмма («Послушайте: я сказку вам начну...») давно уже входит в состав Большого академического собрания сочинений поэта, а теперь включена и в новое академическое собрание сочинений.

Весьма обстоятельно написана и статья «“История села Горюхина” — история России». По сравнению с давней публикацией в книге она обогащена новыми наблюдениями и сведениями. Кожевников предлагает сопоставлять «Историю села Горюхина» с историческими трудами Н. М. Карамзина, Н. А. Полевого, «Краткой российской историей» Ф. И. Янковича-де-Мириево и с «Начертаниями истории государства Российского» профессора Царскосельского лицея И. К. Кайданова в пародийном ключе. Это позволяет

М., 2015. Кроме того, Кожевников выступил составителем ряда научных и научно-популярных книг, в том числе комментированных изданий Пушкина.

³ Кожевников В. А. Избранное: Статьи, переводы, комментарии. М.; СПб., 2017. С. 8.

автору рассматривать неоконченную повесть Пушкина как «уникальную (пародийную) историю России», отобразившую «ее ключевые моменты с древнейших (“баснословных”) времен по современную Пушкину эпоху».⁴

В книге представлены чрезвычайно важные для пушкиноведения работы, посвященные «Евгению Онегину». Они не должны, по-нашему мнению, остаться без пристального внимания при всех новых изданиях «Евгения Онегина» и комментировании его текста.

В названии первой из них: «Смеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю»: К проблеме хронологии романа “Евгений Онегин” — цитата из пушкинского примечания к «Онегину» (VI, 193). В статье автор убедительно доказывает безусловную правоту этого утверждения Пушкина, вопреки принятому в начале XX века «календарю» романа, составленному Р. В. Ивановым-Разумником, и до сих пор остающемуся своеобразным хронологическим ориентиром для исследователей пушкинского романа в стихах. С самого момента возникновения этого «календаря» в нем начали обнаруживаться несоответствия с действительной хронологией романа. Их принято было оправдывать предположениями о «поэтической вольности» и «ошибках» Пушкина, однако Кожевников вполне убедительно показывает, что это не так.

Отсчет романного времени он начинает от пушкинского утверждения, содержавшегося в предисловии к отдельному изданию его первой главы, а именно: «Она в себе заключает описание светской жизни петербургского молодого человека в конце 1819 года...»

Далее, опираясь, с одной стороны, на текст романа, а с другой — на разнообразные исторические сведения о первой трети XIX века, в том числе касающиеся быта эпохи, автор книги устанавливает, что Онегин, фактический ровесник Пушкина, в свете появился в 1815 году (а не в 1812-м, как ошибочно считалось до этого); в деревню приезжает в 1823 году (а не в 1821-м) — этим временем и определяется время действия второй и третьей глав романа; летом 1823 года — первыми днями (до 3 января) 1824 года определяется время действия четвертой главы; ночь со 2 на 3 января 1824 — 12 января 1824 года — время действия пятой главы; 13 января 1824 года — весна 1824 года — время действия шестой главы; весна 1824 — начало 1825 года — время действия седьмой главы; лето 1825 — осень 1830 года — время действия пропущенной главы романа «Путешествие Онегина»; осень 1830 — весна 1831 года — время действия последней, восьмой главы.

---

⁴ Кожевников В. А. Избранное. С. 86.

Весь этот «календарь» романа, составленный Кожевниковым, подтверждается им в каждом пункте убедительными аргументами. Так, например, упоминание в начале пятой главы о том, что снег выпал только в январе, «на третье в ночь», позволило Кожевникову на основании публикации в «Санкт-Петербургских ведомостях» и воспоминаний современников об этой природной аномалии установить год: 1824! И тем самым установить точное время действия пятой главы: ночь со 2 на 3 января по 12 января 1824 года, где 12 января — Татьянин день (по старому стилю), празднованием которого и завершается эта глава. Столь же убедительными выглядят и обоснования Кожевниковым времени действия других глав пушкинского романа.

Вторая из «онегинских» статей книги, «О восьмой главе “Евгения Онегина”», посвящена главе восьмой, — в ней рассматривается вопрос не хронологии, но датировок. Кожевников показывает, что принятая в настоящее время дата окончания главы и, значит, всего романа — 25 сентября 1830 года — неверна. Хотя датировка эта была взята из пушкинского автографа восьмой главы, завершённой им в знаменитую Болдинскую осень. На самом деле работа над главой продолжалась ещё и после того, как Пушкин посчитал ее законченной. Для доказательства этого в книге сопоставлены две редакции восьмой главы: болдинская и опубликованная в 1831 году окончательная редакция. В результате сопоставления выявлено, что помимо внушительного количества правок, внесённых в болдинскую редакцию в нее ещё было включено до 20 процентов нового текста, в частности, письмо Онегина Татьяне, окончание работы над которым Пушкин датировал в автографе 5 октября 1831 года и указал место: Царское Село. Эта дата окончания восьмой главы и всего романа в целом представляется вполне обоснованной.

Ещё одна «онегинская» статья «Шифрованные строфы “Евгения Онегина”». К проблеме Десятой главы романа «Евгения Онегина» и шифрованными строфам. То, что названо десятой главой и именно так обозначено в академическом собрании сочинений (и в других собраниях) поэта, — это 14 фрагментов зашифрованных Пушкиным строф, расшифрованных в 1910 году П. О. Морозовым, а также ещё три черновые строфы. Все они находились в коллекции Л. Н. Майкова и после его смерти в 1904 году были переданы его женой в Библиотеку Академии наук. Но, как справедливо замечает Кожевников, нет никаких доказательств того, что они входили именно в десятую главу, сожжённую Пушкиным 19 октября 1830 года. Факт ее сожжения, как известно, зафиксирован Пушкиным пометой на полях автогра-

фа повести «Метель»: «19 окт<ября> сожж<ена> X песнь» (VIII, 622). Рассматривая историю вопроса, Кожевников останавливает внимание и на свидетельствах современников, подтверждающих существование десятой главы. Так, в дневниковой записи Вяземского от 19 декабря 1830 года имеется упоминание о том, что Пушкин читал ему строфы о 1812 годе из предполагаемой десятой главы.

Вместе с тем в письме А. И. Тургенева к брату Николаю от 11 августа 1832 года приводится часть строфы XV, входящей ныне в десятую главу как отрывок из «Путешествия Онегина»: «Александр Пушкин не мог издать одной части своего Онегина, где он описывает путешествие его по России, возмущение 1825 года и упоминает, между прочим, и о тебе:

Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал,
И цепи рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян».⁵

Кожевников справедливо указывает на то, что нет ясности, относились ли зашифрованные строфы к десятой главе или к главе «Путешествие Онегина». И действительно, рассмотрев все представленные свидетельства, мы приходим к выводу, что у нас нет никаких оснований полагать, что именно зашифрованные строфы входили некогда в десятую главу. В связи с этим автор делает гипотетическое предположение о том, что зашифрованные строфы взяты Пушкиным из разных глав романа: «...анализ “зашифрованных строф” позволяет сделать вывод об их хронологической непоследовательности, разном времени написания и, как следствие, их принадлежности к разным главам романа».⁶ Эта мысль Кожевникова заслуживает пристального внимания.

Завершает «онегинскую» тему статья «Зашифрованные строфы “Евгения Онегина”». Все эти строфы в свое время уже были прокомментированы Ю. М. Лотманом в его книге «Роман Пушкина “Евгений Онегин”. Комментарий», но следует отметить, что комментарии Кожевникова, созданные в постсоветское время, являются и более развернутыми, и более полными.

⁵ Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 388.

⁶ Кожевников В. А. Избранное. С. 233.

В процессе комментирования Кожевников снова подчеркивает «хронологическую непоследовательность событий, отображенных в шифрованных строфах», несоответствие их «политическим взглядам Пушкина Болдинской осени 1830 года», разное время изготовления листов бумаги (водяные знаки 1823 и 1829 годов), на которых они записаны Пушкиным. Все это в соединении с высказанными ранее предположениями позволяет автору сделать заключительный вывод: печатать их следует под названием «Шифрованные строфы “Евгения Онегина”», а не под «общепринятым теперь, но неточным, а по сути ошибочным редакторским названием “Десятая глава”». ⁷

В статье «“Ура! наш царь! так! выпьем за царя”. Пушкин и Александр I» Кожевников пытается опровергнуть принятое до сих пор утверждение Б. Л. Модзалевского, что «полу-презрительное, неблагоприятное отношение к Александру как человеку сохранилось в Пушкине навсегда». ⁸

Он ссылается при этом на стихотворения Пушкина «19 октября» 1825 года и «Была пора, наш праздник молодой...» 1836 года, где Пушкин благодарит царя за открытие Царскосельского лицея и восхищается им как победителем Наполеона и покорителем Парижа. Автор приводит еще ряд примеров, свидетельствующих как будто о том, что с 1825 года, незадолго до смерти императора, отношение к нему Пушкина становится лояльным и даже благожелательным.

Но в эту схему никак не вписывается эпиграмматическое стихотворение 1829 года «К бюсту завоевателя». Да и в Дневнике 1833—1835 годов встречаются не очень лестные для покойного императора эпизоды и утверждения. Например, 17 марта 1834 года Пушкин записывает важное для него соображение, отмеченное значком нота-бене: «Но покойный государь окружен был убийцами его отца. Вот причина, почему при жизни его никогда не было бы суда над молодыми заговорщиками, погибшими 14 декабря. Он услышал бы слишком жестокие истины. NB государь, ныне царствующий, первый у нас имел право и возможность казнить цареубийц или помышления о цареубийстве; его предшественники принуждены были терпеть и прощать» (XII, 322). Здесь среди предшественников в первую очередь имеется в виду, конечно, Александр I, который был осведомлен о заговоре против своего отца Павла I, — заговоре, в результате которого в 1801 году он оказался на русском

⁷ Там же. С. 299.

⁸ Пушкин А. С. Письма / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1928. Т. 2. С. 135.

троне. Поэтому нужно признать, что утверждение Кожевникова о кардинальной перемене в 1825 году отношения Пушкина к Александру I «как человеку», к сожалению, не очень убедительно.

Статья «Когда окривела тетушка Настасья Герасимовна. К проблеме внутренней хронологии повести А. С. Пушкина “Капитанская дочка”» содержит интересный экскурс в историю России первой половины XVIII века. Начинается он с вопроса Андрея Петровича Гринева к супруге Авдотье Васильевне, сколько лет Петруше и с ее ответа: «...Петруша родился в тот самый год, как окривела тетушка Настасья Герасимовна, и когда еще...» (VIII, 281). Путем несложного вычисления (вычитания возраста Петруши Гринева из 1772 года, начала времени действия повести) автор получает дату — 1756 год. Тогда все ожидали смерти императрицы Елизаветы Петровны, но она выжила. К 1756 году относится и заговор великой княгини Екатерины Алексеевны, будущей императрицы Екатерины II, направленный против возможного объявления наследником ее двухлетнего сына Павла. Автор делает вполне вероятное предположение о том, что Андрей Петрович Гринев и его друг Андрей Карлович Р. попали в опалу после падения их начальника Миниха в 1741 году с восшествия на престол Елизаветы Алексеевны. Андрей Петрович вышел в отставку, а Андрей Карлович хотя и дослужился до генеральского чина, но жил небогато, что и стало «отчасти причиною поспешного удаления» (VIII, 293) Петра Гринева из Оренбурга в Белогорскую крепость. Эти не лишённые интереса размышления Кожевников завершает таблицей внутренней хронологии повести: от 1733 года — времени участия в Прусском походе Миниха Андрея Петровича Гринева и Андрея Карловича Р. до 10 января 1775 года — казни Пугачева.

Статья, посвященная поэме Александра Блока «Двенадцать», последняя в книге, отличается от предыдущих работ Кожевникова, рассмотренных нами. Эту статью следовало бы отнести к разряду литературно-критических, а точнее сказать, к разряду христианской литературной критики, ибо поэма Блока рассматривается Кожевниковым буквально с Евангелием в руках. Он словно отчитывает поэта, противопоставляя его строкам цитаты из Евангелия или суждения, основанные на евангельских текстах. Все это, безусловно, сужает диапазон разговора о поэме и обедняет его.

В книге имеются приложения, содержащие памятники русской литературы: Лаврентьевскую летопись о походе князя Игоря на половцев, Ипатьевскую летопись о походе князя Игоря на половцев и «Слово о полку Игореве, Игоря Святославича, внука Олегова»

(Екатерининская рукопись). Приложения напечатаны в виде билингвы: тексты литературных памятников сопровождаются параллельным переводом на современный русский язык, выполненным Кожевниковым.

В. А. Кожевников останется в нашей памяти как литературовед широкого диапазона со своеобразным мышлением и острой наблюдательностью, позволявшей ему выявить в рассматриваемых текстах то, что никому еще не удавалось увидеть.

В. М. Есипов

РАБОТЫ В. А. КОЖЕВНИКОВА О ПУШКИНЕ

Составил А. Ю. Балакин

Книги

«Вся жизнь, вся душа, вся любовь...»: Перечитывая «Евгения Онегина»: Книга для учителя. М.: Просвещение, 1993. 190 с.

Шифрованные строфы «Евгения Онегина»: К проблеме Десятой главы романа. М.: Маска, 2015. 118 с.

Избранное: Статьи, переводы, комментарии. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 429 с.

Из содержания: О «прелестях кнута» и «подвиге честного человека»: Пушкин и Карамзин; «История села Горюхина» — история России; «Смеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю»: К проблеме внутренней хронологии романа «Евгений Онегин»; О восьмой главе «Евгения Онегина»; «...Сожж^{<ена>} X песнь»: Шифрованные строфы «Евгения Онегина». К проблеме так называемой X главы романа «Евгений Онегин»; Шифрованные строфы «Евгения Онегина»: Комментарий; «Ура, наш царь! так! выпьем за царя»: Пушкин и Александр I; «Когда окривела тетушка Настасья Герасимовна»: К проблеме внутренней хронологии повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка».

Статьи

«Время расчислено по календарю» // Литература в школе. 1984. № 6. С. 54—59, 70.

Шифрованные строфы «Евгения Онегина» / Послесл. В. Турбина // Новый мир. 1988. № 6. С. 259—266.

Полемика: *Лацис А. А.* «Дикие утки», и не только! // Вопросы литературы. 1988. № 12. С. 254—256; *Кожевников В. А.* Имела ли место «рассеянность»? // Новый мир. 1989. № 6. С. 268—269; *Лацис А. А.* В защиту десятой главы // Вопросы литературы. 1990. № 3. С. 231—235.

«Драгоценные уроки» // Литература в школе. 1988. № 5. С. 75—78.

Рец. на кн.: *Непомнящий В. С.* Поэзия и судьба: Над страницами духовной биографии Пушкина. 2-е изд., доп. М., 1987.

«История села Горюхина» — история России: Предположения, гипотезы // Москва. 1988. № 6. С. 179—184.

Перепечатано: Предположение об «Истории села Горюхина» // Московский пушкинист. М.: Наследие, 1996. Вып. 2. С. 83—93.

«Когда окривела тетушка Настасья Герасимовна»: К проблеме внутренней хронологии повести Пушкина «Капитанская дочка» // Москва. 1989. № 4. С. 198—201.

Перепечатано с изменениями: Когда окривела тетушка Настасья Герасимовна: (К внутренней хронологии повести «Капитанская дочка») // Московский пушкинист: Ежегодный сборник / РАН. ИМЛИ им. А. М. Горького. Пушкинская комиссия. М.: Наследие, 1996. Вып. 3 / Сост. и науч. ред. В. С. Непомнящий; Ред. В. А. Кожевников. С. 193—201.

Нормальный гений // Литература в школе. 1989. № 4. С. 142—145.

Рец. на кн.: *Скатов Н. Н.* Русский гений. М.: Современник, 1987. 350 с. (Б-ка «Любителям рос. словесности»).

О «прелестях кнута» и «подвиге честного человека»: Пушкин и Карамзин // Русский архив. 1990. Вып. 1. С. 143—178.

Перепечатано: Московский пушкинист. М.: Наследие, 1995. Вып. 1. С. 151—185.

Ибрагим // Энциклопедия литературных героев / Сост. и науч. ред. С. В. Стахорский. М.: АГРАФ, 1997. С. 162.

«Чистая, высокая слава Карамзина принадлежит России» // Народное образование. 1999. № 3—4: Пушкинский альманах. С. 29—42.

«Видел я трех царей...»: Пушкин и власть // Отечественный краеведческий альманах. М.: Профиздат, 1999. Вып. 17: Посв. 200-летию со дня рожд. А. С. Пушкина / Сост. В. А. Невская. С. 22—32.

Перепечатано: А. С. Пушкин и мировая культура: Материалы междунар. конф. (МГСУ, 21 апр. 1999 г.) / Моск. гос. социал. ун-т; Отв. ред. Ю. А. Муравьев. М.: Союз, 2001. С. 156—163; Наука и религия. 1999. № 6. С. 14—17.

«Zburara multe, multe zile...»: Despre cronologia interioara a romanului «Evgheni Oneghin» // Puskin universal. Studii / Coord. E. Loghinovski. Bucureşti: Ed. Fundatia Culturala Est-Vest, 2002. S. 28—68.

«Послушайте, я сказку вам начну...» // Лирика А. С. Пушкина: Комментарий к одному стихотворению / РАН; Гос. музей А. С. Пушкина; Науч. ред. Н. И. Михайлова. М.: Наука, 2006. С. 38—46.

«Так суеверные приметы согласны с чувствами души...»: («Пиковая дама» и проблемы религиозного мировидения Пушкина) // Московский пушкинист. М.: ИМЛИ РАН, 2009. Вып. 12. С. 364—390.

К проблеме художественного времени в поэтике А. С. Пушкина // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 6. С. 222—231.

О восьмой главе «Евгения Онегина» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 9. С. 311—313.

Пушкин и Александр I: «Ура, наш царь! так! выпьем за царя» // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 7 (85). С. 40—50.

«Кругла, красна лицом она...»: Из комментариев к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» // Евразийское научное объединение. 2018. № 10-3 (44). С. 175—177.

«Сквозь магический кристалл»: Из комментариев к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» // Вестник научных конференций. 2018. № 11-1 (39). С. 49—61.

«Календарь осьмого года»: Из комментариев к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» // Вестник научных конференций. 2019. № 7-1 (47). С. 29—33.

«...Всепокорнейше прошу никак имени моего не упоминать...»: Из комментария к «Повестям покойного Ивана Петровича Белкина» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 1. С. 185—189.

«В соседство Бога скрыться мне!..»: Пушкин и монастыри // Русская словесность. 2019. № 6. С. 100—108.

В паутине мифов и реалий // Знамя. 2019. № 12. С. 211—215.

Рец. на кн.: Есипов В. М. Мифы и реалии пушкиноведения: Избранные работы. М.; СПб.: Нестор-История, 2018.

Мистика Болдинской осени // Валентину Семеновичу Непомнящему / РАН. ИМЛИ им. А. М. Горького; Отв. ред. М. И. Щербакова, В. М. Есипов. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 42—64.

«Учуся в истине блаженство находить...»: Пушкин и цари // Международная научная конференция «Русская литература и национальная государственность XVIII—XIX вв.». 13—15 октября 2020 года. К 500-летию Московского Новодевичьего монастыря и 300-летию провозглашения Российской империи: Тезисы докладов / РАН. ИМЛИ им. А. М. Горького; Отв. ред. А. В. Гулин. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 65—67.

Духовные искания автора в первой главе романа «Евгений Онегин» // Два века русской классики. 2021. Т. 3. № 3. С. 104—123.

Составление книг, комментирование

Пушкин А. С. Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения / Вступ. ст. А. Н. Архангельского; Коммент. В. А. Кожевникова. М.: Дрофа; Вече, 2002. 383 с. (БОК: Библиотека отечественной классической художественной литературы: В 100 т.).

То же. М.: Дрофа; Вече, 2003.

То же. М.: Дрофа, 2004.

То же. М.: Дрофа; Вече, 2006.

То же. М.: Дрофа, 2007.

То же. М.: Дрофа, 2008.

То же. М.: Дрофа, 2010.

То же. М.: Дрофа, 2012.

То же. М.: Дрофа, 2014.

Пушкин А. С. Евгений Онегин / Коммент. В. А. Кожевникова. М.: Дрофа; Вече, 2002. 237 с. (БОК: Библиотека отечественной классической художественной литературы: В 100 т.).

То же. М.: Дрофа; Вече, 2003.
То же. М.: Дрофа; Вече, 2004.
То же. М.: Дрофа, 2006.
То же. М.: Дрофа, 2007.
То же. М.: Дрофа, 2008.
То же. М.: Дрофа, 2010.
То же. М.: Дрофа, 2012.
То же. М.: Дрофа, 2014.

Пушкин А. С. Повести. Романы / Сост. и коммент. В. А. Кожевникова. М.: Дрофа; Вече, 2002. 350 с. (БОК: Библиотека отечественной классической художественной литературы: В 100 т.).

То же. М.: Дрофа; Вече, 2003.
То же. М.: Дрофа; Вече, 2004.
То же. М.: Дрофа, 2007.
То же. М.: Дрофа, 2008.
То же. М.: Дрофа, 2010.
То же. М.: Дрофа, 2012.
То же. М.: Дрофа, 2013.

Пушкин А. С. Собрание сочинений: Художественные произведения, критические и публицистические труды, письма, рисунки, пометы и деловые бумаги, размещенные в хронологическом порядке / РАН. ИМЛИ.

- Т. 1: 1809—1819 / Общ. ред. В. С. Непомнящего; Сост. В. А. Кожевникова; Примеч. В. А. Кожевникова, В. С. Непомнящего; Отв. ред. И. З. Сурат; Подбор ил. и примеч. к ним А. И. Фрумкиной. М.: Наследие, 2000. 525 с.: ил.
- Т. 2: 1820—1823 / Общ. ред. В. С. Непомнящего; Сост. В. А. Кожевникова; Примеч. В. А. Кожевникова, В. С. Непомнящего, И. З. Сурат; Отв. ред. И. З. Сурат; Подбор ил. и примеч. к ним А. И. Фрумкиной. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 509 с.: ил.
- Т. 7: 1830. Болдинская осень / Общ. ред. В. С. Непомнящего; Сост. В. А. Кожевникова; Примеч. В. А. Кожевникова, В. С. Непомнящего; Отв. ред. В. А. Кожевников; Подбор ил. и примеч. к ним В. А. Кожевникова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 565 с.: ил.
- Т. 9: 1833 / Общ. ред. В. С. Непомнящего; Сост. и примеч. В. А. Кожевникова, В. С. Непомнящего; Отв. ред. В. А. Кожевников; Подбор ил. и примеч. к ним В. А. Кожевникова М.: ИМЛИ РАН, 2022. 734 с.: ил.

Т. 10: 1834 / Общ. ред. В. С. Непомнящего; Сост. В. А. Кожевникова; Примеч. В. А. Кожевникова, В. С. Непомнящего; Отв. ред. В. А. Кожевников; Подбор ил. и примеч. к ним В. А. Кожевникова. М.: ИМЛИ РАН, 2023. 560 с.: ил.

Редактирование

«Моцарт и Сальери», трагедия Пушкина. Движение во времени: Антология трактовок и концепций от Белинского до наших дней / РАН. ИМЛИ им. А. М. Горького. Пушкинская комиссия; Сост. и коммент. В. С. Непомнящего; Ред. В. А. Кожевников. М.: Наследие, 1997. 934 с. (Пушкин в XX веке. Вып. 3).

Краваль Л. А. Рисунки Пушкина как графический дневник / РАН. ИМЛИ им. А. М. Горького. Пушкинская комиссия; Ред. В. В. Кожевников; Предисл. В. С. Непомнящего. М.: Наследие, 1997. 535 с., ил. (Пушкин в XX веке. Вып. 4).

Позов А. С. Метафизика Пушкина / РАН. ИМЛИ им. А. М. Горького. Пушкинская комиссия; Подгот. текста М. Д. Филина, Т. С. Никитиной; Коммент. М. Д. Филина; Вступ. ст. Р. А. Гальцевой; Науч. ред. и послесл. В. С. Непомнящего; Ред. В. А. Кожевников. М.: Наследие, 1998. 315 с. (Пушкин в XX веке. Вып. 5).

Московский пушкинист: Ежегодный сборник [вып. 12: Периодическое издание] / РАН. ИМЛИ им. А. М. Горького. Пушкинская комиссия. М.: Наследие [с вып. 11: ИМЛИ РАН], 1995—2009 / Сост. и науч. ред. В. С. Непомнящий; Ред. [вып. 12: Ответственный от ИМЛИ РАН] В. А. Кожевников.

Вып. 1. 1995. 316 с.

Вып. 2. 1996. 341 с.

Вып. 3. 1996. 360 с.

Вып. 4. 1997. 440 с.

Вып. 5. 1998. 365 с.

Вып. 6. 1999. 423 с.

Вып. 7. 2000. 399 с.

Вып. 8. 2000. 330 с.

Вып. 9. 2001. 309 с.

Вып. 10. 2002. 407 с.

Вып. 11. 2005. 373 с.

Вып. 12. 2009. 447 с.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АРАН — Архив Российской академии наук (Москва)
- ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва)
- ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
- РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории (Москва)
- РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)
- РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)
- СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Российской академии наук

SUMMARY

**Александр Валентинович
Курочкин**

*Всероссийский музей А. С. Пушкина
(Санкт-Петербург)*

alkurochkin@mail.ru

**НЕСОХРАНИВШИЕСЯ ПОВЕСТКИ
ПУШКИНА НА ЗАСЕДАНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ**

В статье вводятся в научный оборот печатные повестки Пушкина на заседания Российской Академии; эти документы, не сохранившиеся в бумагах поэта и обнаруженные в архиве графа Д. И. Хвостова, должны быть учтены при издании пушкинской переписки в Полном собрании его сочинений. Проясняется ряд обстоятельств, связанных с академическими заседаниями 1833—1834 годов, которые Пушкин посетил или о которых отзывался. Прослеживаются взаимоотношения поэта с членами Академии П. А. Катениным и П. П. Свиньным в данное время.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Российская Академия, повестка, Д. И. Хвостов, П. А. Катенин, П. П. Свиньин, «Русский музей», аукцион.

**Alexander Valentinovich
Kurochkin**

*The National Pushkin Museum
(Saint Petersburg)*

DOI 10.31860/0236-2481-2024-38-5-26

**PUSHKIN'S SUMMONSES
FOR MEETINGS OF THE RUSSIAN
ACADEMY**

This article introduces into scientific circulation Pushkin's printed summonses for meetings of the Russian Academy found in the archive of Count D. Khvostov; these documents should be considered when publishing Pushkin's correspondence in the complete collection of his works. A number of points related to the academic meetings of 1833—1834, attended or commented upon by Pushkin, are clarified. The relationship of the poet with members of the Academy P. Katenin and P. Svinin is also traced.

Keywords: A. Pushkin, Russian Academy, summons, D. Khvostov, P. Katenin, P. Svinin, "Russian Museum", auction.

Список литературы и источников

- Абрамович С. Л. Пушкин в 1833 году: Хроника. М., 1994.
Abramovich S. L. Pushkin v 1833 godu: Hronika. M., 1994.
- Васильчиков А. А. Семейство Разумовских: В 5 т. СПб., 1880. Т. 1.
Vasil' chikov A. A. Semejstvo Razumovskih: V 5 t. SPb., 1880. T. 1.
- Виноградов В. В. О стиле Пушкина // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18.
Vinogradov V. V. O stile Pushkina // Literaturnoe nasledstvo. M., 1934. T. 16—18.
- Воспоминания о Русском Музее // Северная пчела. 1834. № 51. 6 марта.
Vospominaniya o Russkom Muzeume // Severnaya pchela. 1834. № 51. 6 marta.
- Довгий О. Л. «Ответ Катенину» // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 1996. Вып. 27.
Dovgij O. L. «Otvet Kateninu» // Vremennik Pushkinskoj komissii. SPb., 1996. Vyp. 27.
- [Катенин П. А.] Александру Сергеевичу Пушкину // Современник. 1837. Т. 6.
[Katenin P. A.] Aleksandru Sergeevichu Pushkinu // Sovremennik. 1837. T. 6.
- Катенин П. А. Воспоминания о Пушкине // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 1.
Katenin P. A. Vospominaniya o Pushkine // A. S. Pushkin v vospominaniyah sovremennikov: V 2 t. M., 1974. T. 1.
- Катенин П. А. Старая быль // Северные цветы на 1829 год. СПб., 1828.
Katenin P. A. Staraya byl' // Severnye cvety na 1829 god. SPb., 1828.
- Корнилова А. В. Художественная жизнь // Быт пушкинского Петербурга: Опыт энциклопедического словаря: В 2 т. СПб., 2005. Т. 2: Л—Я.
Kornilova A. V. Hudozhestvennaya zhizn' // Byt pushkinskogo Peterburga: Opyt enciklopedicheskogo slovarya: V 2 t. SPb., 2005. T. 2: L—Ya.
- Краткая опись предметов, составляющих Русский музей Павла Свиньина. 1829 года. СПб., 1829.
Kratkaya opis' predmetov, sostavlyayushchih Russkij muzeum Pavla Svin'ina. 1829 goda. SPb., 1829.
- Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 4: 1833—1837.
Letopis' zhizni i tvorchestva A. S. Pushkina: V 4 t. M., 1999. T. 4: 1833—1837.
- Майков Л. Н. Воспоминания Шевырева о Пушкине // Майков Л. Н. Пушкин: Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899.
Majkov L. N. Vospominaniya Shevyreva o Pushkine // Majkov L. N. Pushkin: Biograficheskie materialy i istoriko-literaturnye ocherki. SPb., 1899.
- Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина: (Библиографическое описание). СПб., 1910.
Modzalevskij B. L. Biblioteka Pushkina: (Bibliograficheskoe opisanie). SPb., 1910.
- Модзалевский Л. Б. Пушкин — член Российской Академии // Вестник Академии наук СССР. 1937. № 2—3.
Modzalevskij L. B. Pushkin — chlen Rossijskoj Akademii // Vestnik Akademii nauk SSSR. 1937. № 2—3.

- Муравьева О. С.* Ответ Катенину // Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2017. Вып. 3: Л—О.
Murav'eva O. S. Otvet Kateninu // Pushkinskaya enciklopediya: Proizvedeniya. SPb., 2017. Вып. 3: Л—О.
- Николюкин А. Н.* Литературные связи России и США: Становление литературных контактов // Николюкин А. Н. Собр. соч.: В 4 т. М., 2022. Т. 1.
Nikolyukin A. N. Literaturnye svyazi Rossii i SSHA: Stanovlenie literaturnyh kontaktov // Nikol'yukin A. N. Sobr. soch.: V 4 t. M., 2022. T. 1.
- Оксман Ю. Г.* К истории библиотеки Пушкина // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934.
Oksman Yu. G. K istorii biblioteki Pushkina // Sbornik statej k sorokaletiyu uchenoj deyatel'nosti akademika A. S. Orlova. L., 1934.
- Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М., 1982. Т. 2.
 Perepiska A. S. Pushkina: V 2 t. M., 1982. T. 2.
- Переписка П. П. Свинына с С. С. Уваровым и А. А. Закревским // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М., 1992. Вып. 2—3.
 Perepiska P. P. Svin'ina s S. S. Uvarovym i A. A. Zakrevskim // Rossijskij arhiv: Istoriya Otechestva v svideteľ'stvah i dokumentah XVIII—XX vv. M., 1992. Вып. 2—3.
- Плетнев П. А.* Сочинения и переписка: В 3 т. СПб., 1885. Т. 3.
Pletnev P. A. Sochineniya i perepiska: V 3 t. SPb., 1885. T. 3.
- Прибавление № 35 к Санктпетербургским ведомостям. 1834. 11 февр.
 Pribavlenie № 35 k Sanktpeterburgskim vedomostyam. 1834. 11 fevra.
- [*Пушкин А. С.*] Ответ Катенину // Северные цветы на 1829 год. СПб., 1828 (подпись: А. П.).
 [*Pushkin A. S.*] Otvet Kateninu // Severnye cvety na 1829 god. SPb., 1828 (podpis': A. P.).
- [*Резвой М. Д.*] Несколько слов о Русском музее // Санкт-Петербургские ведомости. 1834. № 61. 15 марта (подпись: М. Р.).
 [*Rezvoj M. D.*] Neskol'ko slov o Russkom muzeume // Sankt-Peterburgskie vedomosti. 1834. № 61. 15 marta (podpis': M. R.).
- Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935.
 Ruкою Pushkina: Nesobrannye i neopublikovannye teksty. M.; L., 1935.
- Русский архив. 1900. Кн. 1. № 3.
 Russkij arhiv. 1900. Kn. 1. № 3.
- Садовников Д. Н.* Отзывы современников о Пушкине: (К материалам для его биографии) // Исторический вестник. 1883. № 14.
Sadovnikov D. N. Otzyvy sovremennikov o Pushkine: (K materialam dlya ego biografii) // Istoricheskij vestnik. 1883. № 14.
- Сапожников А. И.* Письма П. П. Свинына к А. И. Михайловскому-Данилевскому (1830—1837) // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 16—17.
Sapozhnikov A. I. Pis'ma P. P. Svin'ina k A. I. Mihajlovskomu-Danilevskomu (1830—1837) // Pushkin: Issledovaniya i materialy. SPb., 2004. T. 16—17.

- Свербеев Д. Н. Мои записки. М., 2014.
Sverbeev D. N. Moi zapiski. M., 2014.
- Свиньин П. П. Взгляд на республику Соединенных Американских областей. СПб., 1814.
Svin'in P. P. Vzglyad na respubliku Soedinennyh Amerikanskih oblastej. SPb., 1814.
- Свиньин П. П. Опыт живописного путешествия по Северной Америке Павла Свиньина. СПб., 1815.
Svin'in P. P. Opyt zhivopisnogo puteshestviya po Severnoj Amerike Pavla Svin'ina. SPb., 1815.
- Северная пчела. 1834. № 66. 23 марта.
Severnaya pchela. 1834. № 66. 23 marta.
- Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ члена: В 16 ч. СПб., 1818—1834.
Sobranie sochinenij i perevodov admirala Shishkova, Rossijskoj Imperatorskoj Akademii Prezidenta i raznyh uchenyh obshchestv chlena: V 16 ch. SPb., 1818—1834.
- Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина, с приобщением нескольких стихотворений князя Николая Голицына. СПб., 1832. Ч. 1: Сочинения.
Sochineniya i perevody v stihah Pavla Katenina, s priobshcheniem neskol'kih stihotvorenij knyazu Nikolaya Golicyna. SPb., 1832. Ch. 1: Sochineniya.
- Сочинения и переводы капитана А. А. Шишкова: В 4 ч. СПб., 1834—1835.
Sochineniya i perevody kapitana A. A. Shishkova: V 4 ch. SPb., 1834—1835.
- [Строев В. М.] Продажа Русского Музеума // Северная пчела. 1834. № 87. 17 апреля (подпись: В. В. В.).
[Stroev V. M.] Prodazha Russkogo Muzeuma // Severnaya pchela. 1834. № 87. 17 aprelya (podpis': V. V. V.).
- Сухомлинов М. И. История Российской Академии: Вып. 1—8. СПб., 1885. Вып. 7.
Suhomlinov M. I. Istoriya Rossijskoj Akademii: Выр. 1—8. SPb., 1885. Выр. 7.
- Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968.
Tynyanov Yu. N. Arhaisty i Pushkin // Tynyanov Yu. N. Pushkin i ego sovremenniki. M., 1968.
- Хроника жизни и творчества А. С. Пушкина: В 3 т. 1826—1837. М., 2009. Т. 2. Кн. 2: 1833—1834.
Hronika zhizni i tvorchestva A. S. Pushkina: V 3 t. 1826—1837. M., 2009. T. 2. Kn. 2: 1833—1834.
- Цявловский М. А. Пушкин по документам Погодинского архива // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пг., 1916. Вып. 23—24.
Syavlovskij M. A. Pushkin po dokumentam Pogodinskogo arhiva // Pushkin i ego sovremenniki: Materialy i issledovaniya. Pg., 1916. Выр. 23—24.

Светлана Вениаминовна Березкина
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург)

s.berezkina@mail.ru

Виталий Сергеевич Киселев
Томский государственный
университет
(Томск)

kv-uliss@mail.ru

Svetlana Veniaminovna Berezkina
The Institute of Russian Literature
(Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg)

Vitaly Sergeevich Kiselev
Tomsk State University
(Tomsk)

DOI 10.31860/0236-2481-2024-38-27-33

**НОВОЕ О ПОДГОТОВКЕ ПОСМЕРТНОГО
ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ПУШКИНА ПО
НЕОПУБЛИКОВАННЫМ ПИСЬМАМ
ЖУКОВСКОГО**

В статье публикуются письма Жуковского к Я. Н. Толстому и Н. И. Тарасенко-Отрешкову, связанные с цензурной историей посмертного издания сочинений Пушкина («Горишь ли ты, лампада наша...», «История Петра. Подготовительные материалы»), а также с проблемой основного источника лицейских текстов поэта. Показывается, что на заключительном этапе работы над корректурой тома лицейских стихотворений была проведена сверка с «оригинальной тетрадью», известной в пушкиноведении под названием Тетрадь А. В. Никитенко.

Ключевые слова: посмертное издание сочинений Пушкина, письма Жуковского, текстология лицейских стихотворений, цензурная история издания.

**NEW WORK ON THE PREPARATION
OF A POSTHUMOUS EDITION
OF PUSHKIN'S WORKS BASED
ON UNPUBLISHED LETTERS
OF ZHUKOVSKY**

This article offers for readers' consideration Zhukovsky's letters to Ya. Tolstoy and N. Tarasenko-Otreshkov. These letters concern the censorship history of the posthumous edition of Pushkin's works ("Gorish li ty, lampada nasha...", "Istoriya Petra. Podgotovitel'nye materialy"), as well as the main source of his lyceum texts. It is shown that, at the final stage of proof-reading for the lyceum poems volumes, there was a revision based upon the "original notebook" known in Pushkin studies as the A. Nikitenko notebook.

Keywords: posthumous edition of Pushkin's works, Zhukovsky's letters, textology of lyceum poems, censorship history of publications.

Список литературы и источников

Летописи Государственного литературного музея. М., 1939. Кн. 5: Архив Опеки Пушкина.

Letopisi Gosudarstvennogo literaturnogo muzeya. M., 1939. Kn. 5: Arhiv Opeki Pushkina.

Луңц С. А. История Петра. Подготовительные материалы // Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2012. Вып. 2: Е—К.

Lunc S. A. Istorija Petra. Podgotovitel'nye materialy // Pushkinskaja enciklopediya: Proizvedeniya. SPb., 2012. Vyp. 2: E—K.

Цявловский М. А. Источники текстов лицейских стихотворений // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1999.

Cyavlovskij M. A. Istochniki tekstov licejskih stihotvorenij // Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: V 20 t. SPb., 1999.

Марк Альтшуллер

*Питтсбургский университет
(Питтсбург, Пенсильвания; США)*

altshul@pitt.edu

Mark Altschuller

*University of Pittsburgh
(Pittsburgh, PA; USA)*

DOI 10.31860/0236-2481-2024-38-119-138

**ОТГОЛОСКИ «МЕЛЬМОТА
СКИТАЛЬЦА» В СТИХАХ
И ПРОЗЕ ПУШКИНА**

В статье рассматриваются некоторые мотивы романа Чарльза Метьюрина «Мельмот Скиталец», которые в большей или меньшей мере отразились в творчестве Пушкина. Речь идет о сближениях, осмысленных в недостаточной степени или остающихся не замеченными вовсе. Связь с романом Метьюрина прослеживается в таких произведениях Пушкина, как «Братья-разбойники», «Демон», «Евгений Онегин», «Не дай мне бог сойти с ума...», «Медный всадник», а также «Повести Белкина».

Ключевые слова: Ч. Метьюрин, «Мельмот Скиталец», мотив.

**ECHOES OF “MELMOTH
THE WANDERER” IN PUSHKIN’S
WORKS**

This article considers some themes from Charles Robert Maturin’s novel “Melmoth the Wanderer” which, to a greater or lesser extent, resonated in the works of Pushkin. Some heretofore unnoticed or barely noticed parallels are explored. Also examined are certain similarities between the English novel and such works as “The Robber Brothers”, “The Demon”, “Eugene Onegin”, “Lord, please don’t let me go insane...”, “The Bronze Horseman”, and “The Belkin Tales”.

Keywords: Charles Maturin, “Melmoth the Wanderer”, motive.

Список литературы и источников

Аринштейн Л. М. Пушкин: Непричесанная биография. М., 1998.

Arinshtejn L. M. Pushkin: Neprichesannaja biografiya. M., 1998.

Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. М., 1955.

Ashukin N. S., Ashukina M. G. Krylatye slova: Literaturnye citaty. Obraznye vyrazheniya. M., 1955.

Бальзак О. Собр. соч.: В 15 т. М., 1956. Т. 13.

Bal'zak O. Sobr. soch.: V 15 t. M., 1956. T. 13.

- Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М., 2012. Т. 7. Кн. 1.
Gogol' N. V. Poln. sobr. soch. i pisem: V 23 t. M., 2012. T. 7. Kn. 1.
- Кривицын А. Б. Пушкин и Мэтьюрин: (Из комментария к восьмой главе «Евгения Онегина») // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 2.
Krivitsyn A. B. Pushkin i Met'yurin: (Iz kommentariya k vos'moj glave «Evgeniya Onegina») // Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka. 2020. T. 79. № 2.
- Ларионова Е. О. Демон // Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2009. Вып. 1: А—Д.
Larionova E. O. Demon // Pushkinskaya enciklopediya: Proizvedeniya. SPb., 2009. Vyp. 1: A—D.
- Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки. 1960—1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995.
Lotman Yu. M. Pushkin: Biografiya pisatelya; Stat'i i zametki. 1960—1990; «Evgenij Onegin»: Kommentarij. SPb., 1995.
- Мэтьюрин Ч. Р. Мельмот Скиталец / Изд. подгот. М. П. Алексеев и А. М. Шадрин; Пер. с англ. А. М. Шадрина. Л., 1976.
Met'yurin Ch. R. Mel'mot Skitalec / Izd. podgot. M. P. Alekseev i A. M. Shadrin; Per. A. M. Shadrina. L., 1976.
- Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: (Библиографическое описание). СПб., 1910.
Modzalevskij B. L. Biblioteka A. S. Pushkina: (Bibliograficheskoe opisanie). SPb., 1910.
- Муравьева О. С. «Не дай мне бог сойти с ума...» // Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2017. Вып. 3: Л—О.
Murav'eva O. S. «Ne daj mne bog sojti s uma...» // Pushkinskaya enciklopediya: Proizvedeniya. SPb., 2017. Vyp. 3: L—O.
- Писарев Д. И. Пушкин и Белинский // Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. М., 2003. Т. 7.
Pisarev D. I. Pushkin i Belinskij // Poln. sobr. soch. i pisem: V 12 t. M., 2003. T. 7.
- Рак В. Д. Мэтьюрин // Пушкин и мировая литература: Материалы к «Пушкинской энциклопедии». СПб., 2004.
Rak V. D. Met'yurin // Pushkin i mirovaya literatura: Materialy k «Pushkinskoj enciklopedii». SPb., 2004.
- Рейфман П. Кто такой Мельмот // Toronto Slavic Quarterly. 2006. № 15. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/15/raifman15.shtml> (дата обращения: 26.09.2023).
Rejzman P. Kto takoj Mel'mot // Toronto Slavic Quarterly. 2006. № 15. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/15/raifman15.shtml>.
- Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
Tynjanov Ju. N. Poetika. Istorija literatury. Kino. M., 1977.
- Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1988.
Cherejskij L. A. Pushkin i ego okruzenie. 2-e izd., dop. i pererab. L., 1988.
- Эйдельман Н. Я. Из потаенной истории России XVIII—XIX веков. М., 1993.
Ejdel'man N. Ya. Iz potaennoj istorii Rossii XVIII—XIX vekov. M., 1993.
- [Maturin Ch. R.] Melmoth the Wanderer: A Tale. Edinburgh, 1820. Vol. 1.

Илья Виницкий

*Принстонский университет
(Принстон, Нью-Джерси; США)*

ivinitks@gmail.com

ФАЛЬШИВЫЙ ПЕСНОПЕВЕЦ

**История одной поэтической ошибки
Пушкина**

Статья представляет собой историко-литературный анализ непристойного патриотического стихотворения «Рефутация г-на Беранжера» (1827). Общим местом комментариев к этому тексту, издевательски перелицовывающему популярную бонапартистскую песенку 1820-х годов «Te souviens-tu, disait un capitaine», является указание на то, что Пушкин ошибочно приписал ее Беранже, тогда как на самом деле она была написана Полем-Эмилем Дебро (Debraux). В статье дается объяснение этой пушкинской «ошибки», а также устанавливается связь стихотворения «Рефутация г-на Беранжера» с циклом имперских произведений Пушкина, написанных в конце 1820-х — начале 1830-х годов. Кроме того, в работе прослеживается начатая Пушкиным традиция ультрапатриотических переделок бонапартистской песни «Te souviens-tu...» в русской поэзии и реконструируются истоки французского и русского шовинизма, наиболее ярко представленного в жанре литературных «солдатских песен».

Ключевые слова: Беранже, бонапартизм, шовинизм, пародия, ошибочная атрибуция, политическая поэзия, история русской «солдатской песни».

Ilya Vinitsky

*Princeton University
(Princeton, NJ; USA)*

DOI 10.31860/0236-2481-2024-38-138-190

THE FALSE BARD

The History of Pushkin's Error

This article offers a historico-literary analysis of Pushkin's obscene, patriotic poem "Refutation of Monsieur Béranger" (1827). Most commentators insist that in this spiteful attack on the popular Bonapartist song "Te souviens-tu, disait un capitaine", Pushkin mistakenly attributed to Béranger a poem that had been composed by Paul-Émile Debraux. It is shown that Pushkin's "error" should be explained by the fact that in the 1820s the song was generally considered as authored by Béranger. It is also contended here that Pushkin's comic and obscene imitation of a soldier's song foreshadows his serious critique of French liberalism and Bonapartism exemplified in Béranger's political poetry and, therefore, represents a distinctive parodic overture to his cycle of nationalistic poems written in the late 1820s and early 1830s. This article also reconstructs the history of Russian nationalistic revisions of the French song triggered by Pushkin's "Refutation" and observes the ideological and stylistic roots of both French and Russian literary chauvinism, represented in the genre of the "military (soldiers') song".

Keywords: P.-J. Béranger, Bonapartism, Chauvenism, parody, misattribution, political poetry, history of Russian soldiers' song.

Список литературы и источников

Александр Сергеевич Пушкин: Документы к биографии. 1799—1829. СПб., 2007.

Aleksandr Sergeevich Pushkin: Dokumenty k biografii. 1799—1829. SPb., 2007.

- Аринштейн Л. М.* Пушкин: «Когда Потемкину в потемках...»: По следам «Непричесанной биографии». М., 2012.
Arinshtejn L. M. Pushkin: «Kogda Potemkinu v potemkah...»: Po sledam «Nepričesanoj biografii». M., 2012.
- Барков И. С.* Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова / Под ред. А. Зорина, Н. Сапова. М., 1992.
Barkov I. S. Devič'ya igruška, ili Sočineniya gospodina Barkova / Pod red. A. Zorina, N. Sapova. M., 1992.
- Беляев М. Д.* Польское восстание по письмам Пушкина к Е. М. Хитрово // Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово, 1827—1832. Л., 1927.
Belyaev M. D. Pol'skoe vosstanie po pis'mam Pushkina k E. M. Hitrovo // Pis'ma Pushkina k Elizavete Mihajlovne Hitrovo, 1827—1832. L., 1927.
- Беранже П.-Ж.* Полн. собр. песен. В переводе русских поэтов: В 4 т. / Под ред. С. С. Трубочева. СПб., 1905. Т. 3.
Beranzhe P.-Zh. Poln. sobr. pesen. V perevode russkih poetov: V 4 t. / Pod red. S. S. Trubacheva. SPb., 1905. T. 3.
- Беспрозванный В. Г., Лейбов Р. Г.* Максимов Михаил Иванович // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3: К—М.
Besprozvannyj V. G., Lejbov R. G. Maksimov Mihail Ivanovich // Russkie pisateli. 1800—1917: Biograficheskiy slovar'. M., 1994. T. 3: K—M.
- Библиотека для чтения. 1836. Т. 17. № 7.
 Biblioteka dlya chteniya. 1836. T. 17. № 7.
- Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1999. Т. 5.
Blok A. A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. M., 1999. T. 5.
- Бодрова А. С.* К истории одного куплетного мотива: «La bonne aventure, ô gué» // (Не)музыкальное приношение, или Allegro affettuoso: Сборник статей к 65-летию Бориса Ароновича Каца. СПб., 2013.
Bodrova A. S. K istorii odnogo kupletnogo motiva: «La bonne aventure, ô gué» // (Ne) muzykal'noe prinoshenie, ili Allegro affettuoso: Sbornik statej k 65-letiyu Borisa Aronoviča Kaca. SPb., 2013.
- Володкович Н.* К штыку // Библиотека для чтения. 1836. Т. 18. № 9.
Volodkovich N. K shtyku // Biblioteka dlya chteniya. 1836. T. 18. № 9.
- Вольная русская поэзия второй половины XIX века. Л., 1959.
 Vol'naya russkaya poeziya vtoroj poloviny XIX veka. L., 1959.
- Высоцкий В. С.* Избранное. М., 1988.
Vysockij V. S. Izbrannoe. M., 1988.
- [*Вяземский П. А.*] Письмо из Парижа (извлечение) // Московский телеграф. 1826. Ч. 12. № 22.
 [Vjazemskij P. A.] Pis'mo iz Parizha (izvlechenie) // Moskovskij telegraf. 1826. Ch. 12. № 22.
- Вяземский П. А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1878. Т. 1.
Vjazemskij P. A. Poln. sobr. soch.: V 12 t. SPb., 1878. T. 1.
- Вяземский П. А.* Эстетика и литературная критика. М., 1984.
Vjazemskij P. A. Estetika i literaturnaya kritika. M., 1984.
- Гаврилов А. К.* Наш ответ бонапартистам: («Рефутация г-на Беранжера») // Звезда. 2012. № 12.

Gavrilov A. K. Nash otvet bonapartistam: («Refutaciya g-na Beranzhera») // *Zvezda*. 2012. № 12.

Гаевский В. П. Празднование лицейских годовщин в пушкинское время // *Отечественные записки*. 1861. Т. 139. № 11.

Gaevskij V. P. Prazdnovanie licejskih godovshchin v pushkinskoe vremya // *Otechestvennye zapiski*. 1861. T. 139. № 11.

Гартевельд В. Н. Ты помнишь ли?: Солдатская песня про 1812 год: Для пения соло с аккомпанементом фортепьяно. Записал и гармонизировал В. Н. Гартевельд. СПб., [б. г.].

Garteveld V. N. Ty pomnish' li?: Soldatskaya pesnya pro 1812 god: Dlya peniya solo s akkompanementom fortep'jano. Zapisal i garmoniziroval V. N. Garteveld. SPb., [b. g.].

Гартевельд В. Н. 1812-й год в песнях: собрание текстов 33 русских и французских песен эпохи нашествия Наполеона I-го в Россию в 1812 г. М., 1912.

Garteveld V. N. 1812-j god v pesnyah: sobranie tekstov 33 russkih i francuzskih pesen epohi nashestviya Napoleona I-go v Rossiyu v 1812 g. M., 1912.

Гаспаров Б. Поэтический язык Пушкина. СПб., 1999.

Gasparov B. Poeticheskij yazyk Pushkina. SPb, 1999.

Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 10.

Gercep A. I. Sobr. soch.: V 30 t. M., 1956. T. 10.

Гладышев А. 1814 год: «Варвары Севера» имеют честь приветствовать французов. М., 2019.

Gladyshev A. 1814 god: «Varvary Severa» imeyut chest' privetstvovat' francuzov. M., 2019.

Глинка Ф. М. Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции; с подробным описанием похода россиян противу французов в 1805 и 1806, также отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. М., 1815.

Glinka F. M. Pis'ma russkogo oficera o Pol'she, avstrijskih vladeniyah, Prussii i Francii; s podrobnym opisaniem pohoda rossijan protivu francuzov v 1805 i 1806, takzhe otechestvennoj i zagranichnoj vojny s 1812 po 1815 god. M., 1815.

Глумов А. Н. Музыкальный мир Пушкина. М.; Л., 1950.

Glumov A. N. Muzykal'nyj mir Pushkina. M.; L., 1950.

[*Голицын А.*] Песнь, петая русским гренадером в Париже французскому Ветерану, в ответ: Те souviens-tu? [Ленчиц, 1849].

[*Golicyn A.*] Pesn', petaya russkim grenaderom v Parizhe francuzskomu Veteranu, v otvet: Te souviens-tu? [Lenchic, 1849].

Т. Н. Грановский и его переписка: В 2 т. М., 1897. Т. 2.

T. N. Granovskij i ego perepiska: V 2 t. M., 1897. T. 2.

Грибанов А. Б. Сказ и речевое сознание в «Левше» Н. С. Лескова // *Тыняновский сборник*. М., 1998. Вып. 10.

Gribanov A. B. Skaz i rechevoe soznanie v «Levshe» N. S. Leskova // *TunyaNovskij sbornik*. M., 1998. Vyp. 10.

Грот К. Я. Празднование лицейских годовщин при Пушкине и после него // *Пушкин и его современники*. СПб., 1910. Вып. 13.

Grot K. Ya. Prazdnovanie licejskih godovshchin pri Pushkine i posle nego // *Pushkin i ego sovremenniki*. SPb., 1910. Vyp. 13.

- Грот К. Я. Пушкинский Лицей (1811—1817): Бумаги 1-го курса. СПб., 1911.
Grot K. Ya. Pushkinskij Licej (1811—1817): Bumagi 1-go kursa. SPb., 1911.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб., 1909. Т. 4.
Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: V 4 t. SPb., 1909. T. 4.
- Дельвиг А. А. Соч. Л., 1986.
Del'vig A. A. Soch. L., 1986.
- Демидов М. А. Дельные безделки. М., 1840.
Demidov M. A. Del'nye bezdelki. M., 1840.
- Державин Г. Р. Соч.: В 9 т. СПб., 1883. Т. 9.
Derzhavin G. R. Soch.: V 9 t. SPb., 1883. T. 9.
- Дмитриева Н. Л. Лысый Наполеон в «<Рефутации г-на Беранжера>» // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2023. Вып. 37.
Dmitrieva N. L. Lysyj Napoleon v «<Refutacii g-na Beranzhera>» // Vremennik Pushkinskoj komissii. SPb., 2023. Vyr. 37.
- Дмитриева Н. Л. Рефутация г-на Беранжера // Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2020. Вып. 4: П—Р.
Dmitrieva N. L. Refutaciya g-na Beranzhera // Pushkinskaya enciklopediya: Proizvedeniya. SPb., 2020. Vyr. 4: P—R.
- Долинин А. А. Байроновский след в книге Пушкина «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» // Memento vivere: Сборник памяти Л. Н. Ивановой. СПб., 2009.
Dolinin A. A. Bajronovskij sled v knige Pushkina «Puteshestvie v Arzrum vo vremya pohoda 1829 goda» // Memento vivere: Sbornik pamjaty L. N. Ivanovoj. SPb., 2009.
- Душенко К. В. Никола Шовен, легендарный патрон шовинизма // Литературоведческий журнал. 2022. № 2 (56).
Dushenko K. V. Nikola Shoven, legendarnyj patron shovinizma // Literaturovedcheskij zhurnal. 2022. № 2 (56).
- Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 13.
Zhukovskij V. A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. M., 2004. T. 13.
- Загоскин М. Н. Полн. собр. соч.: В 10 т. СПб., 1898. Т. 10.
Zagoskin M. N. Poln. sobr. soch.: V 10 t. SPb., 1898. T. 10.
- Илюшин А. А. Ярость праведных: Заметки о непристойной русской поэзии XVIII—XIX вв. // Литературное обозрение. 1991. № 11.
Ilyushin A. A. Yarost' pravednyh: Zametki o nepristoynoj russkoj poezii XVIII—XIX vv. // Literaturnoe obozrenie. 1991. № 11.
- Кабакова Г. Свечкоед // Новое литературное обозрение. 1998. № 6.
Kabaikova G. Svechkoed // Novoe literaturnoe obozrenie. 1998. № 6.
- Каснелъсон И. Неопубликованные письма Беранже // Литературное наследство. М., 1939. Т. 33—34.
Kasnel'son I. Neopublikovannye pis'ma Beranzhe // Literaturnoe nasledstvo. M., 1939. T. 33—34.
- Клепиков С. А. Русская песня. М., 1939.
Klepiikov S. A. Russkaya pesnya. M., 1939.
- Кони Ф. А. Дифирамб искреннему другу мелочному лавочнику // Поэты 1840—1850-х годов. Л., 1972.

Koni F. A. Diframb iskrennemu drugu melochnomu lavochniku // Poety 1840—1850-h godov. L., 1972.

Контрфакция французских книг в Бельгии // Отечественные записки. 1841. Т. 14. № 1.

Kontrfakciya francuzskih knig v Bel'gii // Otechestvennye zapiski. 1841. T. 14. № 1.

Куркин Б. А., Мурашкина О. В. Ненормативная лексика в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов»: Цель и значение // Язык и текст. 2019. Т. 6. № 3.

Kurkin B. A., Murashkina O. V. Nenormativnaya leksika v tragedii A. S. Pushkina «Boris Godunov»: Cel' i znachenie // Yazyk i tekst. 2019. T. 6. № 3.

Курочкин В. С. Собр. стихотворений: В 2 т. СПб., 1869. Т. 2.

Kurochkin V. S. Sobr. stihotvorenij: V 2 t. SPb., 1869. T. 2.

Кюхельбекер В. К. Ижорский // Сын отечества. 1827. Ч. 111. № 1.

Kyuhel'beker V. K. Izhorskij // Syn otechestva. 1827. Ch. 111. № 1.

Леонтьев К. Н. Письма отшельника // Леонтьев К. Н. Собр. соч.: В 12 т. СПб., 2005. Т. 7. Кн. 1.

Leont'ev K. N. Pis'ma otshel'nika // Leont'ev K. N. Sobr. soch.: V 12 t. SPb., 2005. T. 7. Kn. 1.

Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 4 т. СПб., 2014. Т. 1.

Lermontov M. Yu. Poln. sobr. soch.: V 4 t. SPb., 2014. T. 1.

Лесков Н. С. Божедомы: (Эпизоды из неоконченного романа «Чающие движения воды») // Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 2000. Т. 7.

Leskov N. S. Bozhedomu: (Epizody iz neokonchennogo romana «Chayushchie dvizheniya vody») // Leskov N. S. Poln. sobr. soch.: V 30 t. M., 2000. T. 7.

Любовные похождения и военные походы А. Н. Вульфа: Дневник 1827—1842 годов. Тверь, 1999.

Lyubovnye pohozhdeniya i voennye pohody A. N. Vul'fa: Dnevnik 1827—1842 godov. Tver', 1999.

Мазур Н. Н. Пушкин и Беранже: К источникам фабулы «Графа Нулина» // Stanford Slavic Studies. Stanford, 2007. Vol. 33.

Mazur N. N. Pushkin i Beranzhe: K istochnikam fabuly «Grafa Nulina» // Stanford Slavic Studies. Stanford, 2007. Vol. 33.

Максимов М. И. Минстрель. М., 1833. Ч. 2.

Maksimov M. I. Minstrel'. M., 1833. Ch. 2.

Маркс К. Дебаты шестого рейнского ландтага. Статья первая. Дебаты о свободе печати и опубликовании протоколов Собрания земских чинов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. / Под ред. и с примеч. Д. Рязанова. М.; Пг., 1923. Т. 1.

Marks K. Debaty shestogo reynskogo landtaga. Stat'ya pervaya. Debaty o svobode pečati i opublikovanii protokolov Sobraniya zemskih chinov // Marks K., Engel's F. Soch. / Pod red. i s primech. D. Ryazanova. M.; Pg., 1923. T. 1.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 29 т. / Под ред. Д. Рязанова. М.; Л., 1928. Т. 1.

Marks K., Engel's F. Soch.: V 29 t. / Pod red. D. Ryazanova. M.; L., 1928. T. 1.

Минаев Д. Д. Избранное. Л., 1986.

Minaev D. D. Izbrannoe. L., 1986.

Михайлов М. Птицы // Слово. 1878. № 11.

Mihajlov M. Pticy // Slovo. 1878. № 11.

- Михайлова Н. И.* «Витийства грозный дар...»: А. С. Пушкин и русская ораторская культура его времени. М., 1999.
Mihajlova N. I. «Vitijsstva groznyj dar...»: A. S. Pushkin i russkaya oratorskaya kul'tura ego vremeni. M., 1999.
- Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина: (Библиографическое описание). СПб., 1910.
Modzalevskij B. L. Biblioteka A. S. Pushkina: (Bibliograficheskoe opisanie). SPb., 1910.
- Нечаева В. С.* Французская литература и П. А. Вяземский в преддекабрьскую эпоху // Литературное наследство. М., 1937. Т. 31—32.
Nechaeva V. S. Francuzskaya literatura i P. A. Vyazemskij v preddekabr'skuju epohu // Literaturnoe nasledstvo. M., 1937. T. 31—32.
- Никитин В. Н.* Многострадалные: Очерки прошлого. СПб., 1895.
Nikitin V. N. Mnogostradal'nye: Oчерki proshlogo. SPb., 1895.
- Общий алфавитный список книгам на французском языке, запрещенным иностранною цензурою *безусловно* с 1815 по 1853 год включительно. СПб., 1855.
 Obshchij alfavitnyj spisok knigam na francuzskom yazyke, zapreshchennym inostrannouy censuroyu *bezuslovno* s 1815 po 1853 god vklyuchitel'no. SPb., 1855.
- Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М., 1980. Ч. 2.
 Opisanie Rukopisnogo otdela Biblioteki Akademii nauk SSSR. M., 1980. Ch. 2.
- Орехов В. В.* Русские «скифы»: Эволюция образа // Вестник славянских культур. 2009. № 1 (XI).
Orekhov V. V. Russkie «skify»: Evolyuciya obraza // Vestnik slavyanskih kul'tur. 2009. № 1 (XI).
- Остолопов Н.* Словарь древней и новой поэзии: В 3 ч. СПб., 1821. Ч. 2.
Ostolopov N. Slovar' drevnej i novoj poezii: V 3 ch. SPb., 1821. Ch. 2.
- Отечественная война и русское общество, 1812—1912: В 7 т. М., 1912. Т. 6.
 Otechestvennaya vojna i russkoe obshchestvo, 1812—1912: V 7 t. M., 1912. T. 6.
- Павлищев Л. Н.* Из семейной хроники: Воспоминания об А. С. Пушкине // Семейные предания Пушкиных. СПб., 2014.
Pavlishchev L. N. Iz semejnoy hroniki: Vospominaniya ob A. S. Pushkine // Semejnye predaniya Pushkinyh. SPb., 2014.
- Петров Д. К.* Очерки по истории политической поэзии XIX в.: Россия и Николай I в стихотворениях Эспронседы и Россетти. СПб., 1909.
Petrov D. K. Oчерki po istorii politicheskoy poezii XIX v.: Rossiya i Nikolaj I v stihotvorenijah Espronsedy i Rossetti. SPb., 1909.
- Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу. Лейпциг, 1872.
 Pis'ma A. I. Turgeneva k N. I. Turgenevu. Lejpcig, 1872.
- Побег Наполеона с острова Эльбы в Париж (окончание) // Санкт-Петербургские ведомости. 1820. № 3. 9 янв.
 Pobeg Napoleona s ostrova El'by v Parizh (okonchanie) // Sankt-Peterburgskie vedomosti. 1820. № 3. 9 yanv.
- Проскурин О. А.* Русский Геркулес: Патриотическая карикатура 1812 года и ее французский источник // Новое литературное обозрение. 2012. № 6 (118).
Proskurin O. A. Russkij Gerkules: Patrioticheskaya karikatura 1812 goda i ee francuzskij istochnik // Novoe literaturnoe obozrenie. 2012. № 6 (118).

- Путилов Н.* Сборник известий, относящихся до настоящей войны. М., 1855.
Putilov N. Sbornik izvestij, odnosyashchihsya do nastoyashchej vojny. M., 1855.
- А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 1.*
A. S. Pushkin v vospominaniyah sovremennikov: V 2 t. M., 1974. T. 1.
- Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 3 т. и 6 ч. / Ред., вступит. ст. и коммент. В. Брюсова. М., 1919. Т. 1. Ч. 1.
Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: V 3 t. i 6 ch. / Red., vstupit. st. i komment. V. Bryusova. M., 1919. T. 1. Ch. 1.
- Пушкин А. С.* Соч.: В 7 т. / Под ред. П. А. Ефремова. 8-е изд. М., 1882. Т. 7.
Pushkin A. S. Soch.: V 7 t. / Pod red. P. A. Efreмова. 8-e izd. M., 1882. T. 7.
- Пушкин А. С.* Соч. Переписка: В 3 т. / Под ред. и с примеч. В. И. Саитова. СПб., 1906. Т. 1.
Pushkin A. S. Soch. Perepiska: V 3 t. / Pod red. i s primеч. V. I. Saitova. SPb., 1906. T. 1.
- Пушмеж Ж. де.* Шовен, солдат-землепашец: Эпизод из истории национализма / Пер. с фр. В. А. Мильчиной. М., 1999.
Puшmezh Zh. de. Shoven, soldat-zemleпashec: Epizod iz istorii nacionalizma / Per. s fr. V. A. Mil'chinoj. M., 1999.
- Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских гравированных портретов: В 2 т. СПб., 1889. Т. 1: А—О.
Rovinskij D. A. Podrobnij slovar' russkikh gravirovannyh portretov: V 2 t. SPb., 1889. T. 1: A—O.
- Ровинский Д. А.* Русские народные картинки: В 5 кн. СПб., 1881. Кн. 2, 4.
Rovinskij D. A. Russkie narodnye kartinki: V 5 kn. SPb., 1881. Kn. 2, 4.
- Розен А. Е.* Записки декабриста. Лейпциг, 1870.
Rozen A. E. Zapiski dekabrista. Lejpcig, 1870.
- Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания. Официальные документы. 2-е изд. М., 1997.*
Rukoju Pushkina: Vyпiski i zapisi raznogo sodержaniya. Oficial'nye dokumenty. 2-e izd. M., 1997.
- Сидоров А. А.* Искусство русской книги // Русская книга: Десятнадцатый век. М., 2008. Ч. 2.
Sidorov A. A. Iskusstvo russkoj knigi // Russkaya kniga: Devyatnadcatyj vek. M., 2008. Ch. 2.
- Скотт В.* Жизнь Наполеона Бонапарте, Императора Французов: В 14 ч. / Пер. с англ. С. де Шаплет. СПб., 1832. Ч. 10.
Skott V. Zhizn' Napoleona Bonaparte, Imperatora Francuzov: V 14 ch. / Per. s angl. S. de Shaplet. SPb., 1832. Ch. 10.
- Смирдин М.* Песни для русского народа: с приложением куплетов: В 2 т. СПб., 1839. Т. 1.
Smirdin M. Pesni dlya russkogo naroda: s prilozheniem kupletov: V 2 t. SPb., 1839. T. 1.
- Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году: В 2 ч. М., 1814. Ч. 1.*
Sobranie stihotvorenij, odnosyashchihsya k nezabvennomu 1812 godu: V 2 ch. M., 1814. Ch. 1.
- Старицына Э. А.* Беранже в русской литературе. М., 1980.
Staricyna Z. A. Beranzhe v russkoj literature. M., 1980.

- М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке: В 5 т. СПб., 1911. Т. 1.
 М. М. Stasyulevich i ego sovremenniki v ih perepiske: V 5 t. SPb., 1911. T. 1.
- Стендаль. Расин и Шекспир. II / Пер. с фр. Б. Г. Рейзова // Стендаль. Собр. соч.: В 15 т. М., 1959. Т. 7.
Stendal'. Rasin i Shekspir. II / Per. s fr. B. G. Reizova // Stendal'. Sobr. soch.: V 15 t. M., 1959. T. 7.
- Сын отечества. 1812. Ч. 1. № 1.
 Syn otechestva. 1812. Ch. 1. № 1.
- Сын отечества. 1821. Ч. 74. № 52.
 Syn otechestva. 1821. Ch. 74. № 52.
- Тепляков В. Г. Стихотворения: В 2 т. СПб., 1836. Т. 2.
Tepljakov V. G. Stihotvorenija: V 2 t. SPb., 1836. T. 2.
- Томашевский Б. В. [Заметки о Пушкине]: Рефутация Беранжера // Пушкин и его современники. Л., 1928. Вып. 37.
Tomashevskij B. V. [Zametki o Pushkine]: Refutaciya Beranzhera // Pushkin i ego sovremenniki. L., 1928. Выр. 37.
- Томашевский Б. В. Пушкин: В 2 кн. М.; Л., 1956. Кн. 1: (1813—1824).
Tomashevskij B. V. Pushkin: V 2 kn. M.; L., 1956. Kn. 1: (1813—1824).
- Томашевский Б. В., Вольперт Л. И. Беранже // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 18—19.
Tomashevskij B. V., Vol'pert L. I. Beranzhe // Pushkin: Issledovaniya i materialy. SPb., 2004. T. 18—19.
- Тынянов Ю. Н. Пушкин и Кюхельбекер // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18.
Тупуанов Ји. N. Pushkin i Kyuhel'beker // Literaturnoe nasledstvo. M., 1934. T. 16—18.
- Тынянов Ю. Н. Пушкин: Роман. М., 1937.
Тупуанов Ји. N. Pushkin: Roman. M., 1937.
- Усов П. История Суворова. СПб., 1900.
Usov P. Istorija Suvorova. SPb., 1900.
- Федоров М. Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год // Кавказский сборник. Тифлис, 1879. Т. 3.
Fedorov M. F. Pohodnye zapiski na Kavkaze s 1835 po 1842 god // Kavkazskij sbornik. Tiflis, 1879. T. 3.
- Фонтон Ф. П. Воспоминания. Юмористические, политические и военные письма: В 2 т. Лейпциг, 1862. Т. 2.
Fonton F. P. Vospominaniya. Yumoristicheskie, politicheskie i voennye pis'ma: V 2 t. Lejpcig, 1862. T. 2.
- Цабан В. Русские учителя в Королевстве Польском в XIX — начале XX века // Столица и провинция в истории России и Польши. М., 2008.
Saban V. Russkie uchitelya v Korolevstve Pol'skom v XIX — nachale XX veka // Stolica i provinciya v istorii Rossii i Pol'shi. M., 2008.
- Эйдельман Н. Я. Твой 18-й век. Прекрасен наш союз... М., 1991.
Ejdel'man N. Ya. Tvoj 18-j vek. Prekrasen nash soyuz... M., 1991.
- Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни / Пер. с нем. Н. Ман. М., 1986.

- Ekkerman I. P.* Razgovory s Gete v poslednie gody ego zhizni / Per. s nem. N. Man. M., 1986.
- Эткинд Е. Г.* Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М., 1999.
- Etkind E. G.* Bozhestvennyj glagol: Pushkin, pročitannyj v Rossii i vo Francii. M., 1999.
- Эткинд Е. Г.* 323 эпиграммы. Париж, 1988.
- Etkind E. G.* 323 epigrammy. Parizh, 1988.
- Языковский архив. СПб., 1913. Вып. 1: Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829).
- Yazykovskij arhiv. SPb., 1913. Вып. 1: Pis'ma N. M. Yazykova k rodnym za derptsij period ego zhizni (1822—1829).
- Якушкин Е. И.* По поводу последнего издания сочинений А. С. Пушкина // Библиографические записки. 1858. № 10.
- Yakushkin E. I.* Po povodu poslednego izdaniya sochinenij A. S. Pushkina // Bibliograficheskie zapiski. 1858. № 10.
- Athanassoglou-Kallmyer N.* Sad Cincinnatus: Le soldat laboureur as an Image of the Napoleonic Veteran after the Empire // Arts Magazine. 1986. № 60 (May).
- Bard nadwiślański, nad brzegami Duransy i Rodanu. 1833. № 1.
- Béranger P.-J. de.* Procès faits aux chansons. Paris, 1828.
- Bibliographie de la France. Année 1827. Paris, 1827.
- Blainville J. de.* Zou-zou dis-moi, t'en sovients-tu // Album chantant, ou La chanson de tous et pour tous. Paris, 1864. Vol. 3.
- Brame Ch. A. H.* Chants de la guerre de Russie: A l'alliance anglo-française. Paris, 1854.
- Briefwechsel zwischen Goethe und Zelter: in den Jahren 1796 bis 1832. Berlin, 1833.
- Brivois J.* Bibliographie de l'œuvre de P.-J. de Béranger. Paris, 1876.
- Catalogue d'une belle collection de livres. Gand, 1828.
- Chansons inédites de P.-J. de Béranger, suivies des Procès. Paris, 1828.
- Chansons nouvelles et dernières de P. J. de Béranger, dédiées à M. Lucien Bonaparte. Paris, 1833.
- Chansons par Pierre Jean de Béranger. Bruxelles, 1822; 1826.
- Day B. A.* Political Dissent and Napoleonic Representations during the Restoration Monarchy Historical Reflections // Réflexions Historiques. 1993. Vol. 19. № 3.
- Debraux P.-É.* Chansons nationales et autres. Paris, 1822; 1826.
- Dernières chansons de P. J. de Béranger: 1834 à 1851. Paris, 1859.
- Franz J.* Sozialdemokratische Lieder und Deklamationen. Zürich, 1875.
- Fraser's Magazine for Town and Country. London, 1842. Vol. 26.
- Gordienne R.* Dictionnaire des mots qu'on dit gros, de l'insulte et du dénigrement. Paris, 2002.
- Hougaard Ch.* "Erindrer de" chez les peuples slaves // Revue des études slaves. 1977. T. 50. Fasc. 3.
- Ideler L.* Handbuch der französischen Sprache und Literatur. Berlin, 1835. Bd. 4.
- Ireland W. H.* The Napoleon anecdotes. London, 1823. Pt. 3.
- Kaleta R.* "Wspomnienia weterana": Polskie potomstwo pieśni Bérangera // Kaleta R. Sensacje z dawnych lat. Wrocław, 1974.
- Kryptadia: Folklore de l'Ukraine. Folklore de la Grande Russie. Folklore polski. Folklore polonaise. Paris, 1898. Vol. 5.

- Laforge C.* Le catalogue de la chanson folklorique française. Québec, 1983. Т. 6.
 Le kaléidoscope: journal de la littérature, des moeurs et des théâtres. Bordeaux, 1828.
 Т. 10.
- Linder-Beroud W.* “Schier dreißig Jahre bist du alt...” Zur populären Wirkung des
 Chansonniers Pierre-Jean de Béranger (1780—1857) in Deutschland // Lied
 und Populäre Kultur. 2012. Vol. 57.
- Maiorova O.* From the shadow of empire: Defining the Russian nation through cultural
 mythology, 1855—1870. Madison (WI), 2010.
- Œuvres du Seigneur de Brantôme, nouvelle édition, plus correcte que les précédentes.
 Paris, 1787.
- Poésies révolutionnaires et contre-révolutionnaires. Nancy, 1821. Т. 2.
- Popłoch Moskali: Komedyo-opera we trzech aktach. Warszawa, 1831.
- Procès fait aux chansons de Pierre Jean de Béranger. Bruxelles, 1822.
- Réfutation de la relation du capitaine Maitland, commandant de le *Bellérophon*, tou-
 chant l'embarquement de Napoléon à son bord; rédigée par M. Barthe. Paris,
 1827.
- Revue encyclopédique. Paris, 1826. Т. 30.
- Scott W.* Life of Napoleon Buonaparte. Edinburgh, 1827. Vol. 7.
- Wachtel M.* A Commentary to Pushkin's Lyric Poetry, 1826—1836. Madison
 (WI), 2011.
- Zieliński A.* Poetyckie echa doby napoleońskiej w powstaniu listopadowym // Prace
 Polonistyczne: Studies in Polish Literature. 1974. Т. 31.

Нина Львовна Дмитриева

*Институт русской литературы
 (Пушкинский Дом) РАН
 (Санкт-Петербург)*

ninalvovna@mail.ru

Nina Lvovna Dmitrieva

*The Institute of Russian Literature
 (Pushkin House)
 of the Russian Academy of Sciences
 (Saint Petersburg)*

DOI 10.31860/0236-2481-2024-38-190-192

**ЕЩЕ РАЗ О ПРИРОДЕ ПУШКИНСКОЙ
 ЗАМЕТКИ «LA LIBÉRATION
 DE L'EUROPE...»**

Статья посвящена вопросу о том, что представляет собой короткая заметка Пушкина «La libération de l'Europe...», написанная при чтении «Путевых картин» Г. Гейне, — изложение мыслей немецкого автора или запись собственных пушкинских соображений. Аргументируется предположение о том, что в заметке Пушкин отразил интересовавшие его идеи Гейне.

**ONCE AGAIN ABOUT THE NATURE
 OF PUSHKIN'S NOTE “LA LIBÉRATION
 DE L'EUROPE...”**

This article examines the nature and contents of Pushkin's note “La libération de l'Europe...”, written after his reading of Heine's “Reisebilder”. Did this note represent Heine's thoughts alone or did it also contain Pushkin's own opinions? It is suggested that, in the note, Pushkin borrowed ideas from Heine that most interested him.

Ключевые слова: «La libération de l'Europe...», Гейне, аристократия, русское дворянство.

Keywords: “La libération de l'Europe...”, Heine, aristocracy, Russian nobility.

Список литературы и источников

- Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: (Библиографическое описание). СПб., 1910.
Modzalevskij B. L. Biblioteka Pushkina: (Bibliograficheskoe opisanie). SPb., 1910.
- Найдич Э. Э. Письмо Пушкина к Густаву Нордину // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1952. Т. 2.
Najdich E. E. Pis'mo Pushkina k Gustavu Nordinu // Pushkin: Issledovaniya i materialy. M.; L., 1952. T. 2.
- Романов Н. М. Пушкинская заметка при чтении «Путевых картин» Г. Гейне // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1982. Т. 10.
Romanov N. M. Pushkinskaya zametka pri chtenii «Putevyh kartin» G. Gejne // Pushkin: Issledovaniya i materialy. L., 1982. T. 10.
- Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935.
Rukoyu Pushkina: Nesobrannyye i neopublikovannyye teksty. M.; L., 1935.
- Œuvres de Henri Heine. Paris, 1834—1835. Т. 2.

Дмитрий Михайлович Цыганов

Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
(Москва)

tzyganoff.mitia@yandex.ru

«И МИРУ ТИХУЮ НЕВОЛЮ

В ДАР НЕСЛИ...»:

Идеология и прагматика

пушкиноведческих работ профессора

Д. Д. Благого (1920—1950-е годы)

Статья представляет собою попытку подробной контекстуализации пушкиноведческих работ Д. Д. Благого, написанных в период 1920—1950-х годов. На широком материале напечатанных в те годы текстов филолога, периодики тех лет, опубликованных воспоминаний, дневниковых/мемуарных свидетельств последовательно прослеживается эволюция взгляда Благого на роль Пушкина в русском и общемировом литературном процессе.

Dmitry Mikhailovich Tsyganov

Lomonosov Moscow State University
(Moscow)

DOI 10.31860/0236-2481-2024-38-193-222

“AND THEY BROUGHT QUIET BONDAGE

TO THE WORLD AS A GIFT...”:

Ideology and Pragmatics of Pushkin

Studies by Professor D. D. Blagoy

(1920—1950s)

This article provides a detailed contextualization of D. Blagoy's Pushkin studies written in the 1920s—1950s. Using a wide range of material (Blagoy's texts published in those years, periodicals, published memoirs, diary records), the evolution of Blagoy's view on the role of Pushkin in the Russian and global literary process is consistently traced. This article also reveals the impact that Blagoy's works had on the process of post-war totalitarian expansion of the Stalinist aes-

В статье показывается, какую роль работы литературоведа играли в начавшемся после войны процессе тоталитарной экспансии сталинского эстетического режима в страны «освобожденной» Европы. Другим аспектом исследования оказывается установление мотивов стремительной карьерной мобильности Благого, за два десятилетия прошедшего путь от автора маргинальных пушкиноведческих текстов до «главы советского литературоведения».

Ключевые слова: Д. Д. Благой, В. В. Ермилов, А. С. Пушкин, пушкиноведение, советское литературоведение, интеллектуальная история, идеология и гуманитарное знание, Сталинская премия.

thetic regime into the countries of “liberated” Europe. Another purpose of the study is to determine the reasons for Blagoy’s rapid career advancement; in just two decades, he went from the author of marginal Pushkin studies to the “head of Soviet literary criticism”.

Keywords: D. Blagoy, V. Ermilov, A. Pushkin, Pushkin studies, Soviet literary criticism, intellectual history, ideology and humanitarian knowledge, Stalin Prize.

Список литературы и источников

- Агапов Б. Н., Зелинский К. Л.* Нет, это — не русский язык // Литературная газета. 1947. № 59 (2374).
Agapov B. N., Zelinskij K. L. Net, eto — ne russkij yazyk // Literaturnaya gazeta. 1947. № 59 (2374).
- Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС. 1922—1991. М., 2000. Т. 1.
Akademiya nauk v resheniyah Politbyuro SK RKP(b) — VKP(b) — KPSS. 1922—1991. M., 2000. T. 1.
- Берков П. Н.* Дмитрий Дмитриевич Благой: (К 70-летию со дня рождения и 45-летию научно-литературной деятельности) // Русская литература. 1963. № 2.
Berkov P. N. Dmitrij Dmitrievich Blagoj: (K 70-letiju so dnya rozhdeniya i 45-letiju nauchno-literaturnoj deyatel'nosti) // Russkaya literatura. 1963. № 2.
- Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем: 1937—1948. М.; Л., 1963.
Bibliografiya proizvedenij A. S. Pushkina i literatury o nem: 1937—1948. M.; L., 1963.
- Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем: 1949 юбилейный год. М.; Л., 1951.
Bibliografiya proizvedenij A. S. Pushkina i literatury o nem: 1949 jubilejnyj god. M.; L., 1951.
- Благой Д. Д.* А. С. Пушкин. М., 1949.
Blagoj D. D. A. S. Pushkin. M., 1949.
- Благой Д. Д.* Великий поэт великого народа // Правда. 1949. № 136 (11243). 16 мая.
Blagoj D. D. Velikij poet velikogo naroda // Pravda. 1949. № 136 (11243). 16 maya.

- Благой Д. Д.* Великий русский писатель // Изучение творчества Н. В. Гоголя в школе. М., 1954.
Blagoj D. D. Velikij russkij pisatel' // Izuchenie tvorchestva N. V. Gogolya v shkole. M., 1954.
- Благой Д. Д.* Вопросы построения истории русской литературы // Известия Академии наук СССР. 1954. Т. 13. № 5.
Blagoj D. D. Voprosy postroeniya istorii russkoj literatury // Izvestiya Akademii nauk SSSR. 1954. T. 13. № 5.
- Благой Д. Д.* За научное познание Пушкина // Известия. 1935. № 197 (5750).
Blagoj D. D. Za nauchnoe poznanie Pushkina // Izvestiya. 1935. № 197 (5750).
- Благой Д. Д.* История русской литературы XVIII века. М., 1945.
Blagoj D. D. Istoriya russkoj literatury XVIII veka. M., 1945.
- Благой Д. Д.* Классовое самосознание Пушкина: Введение в социологию творчества Пушкина. М., 1927.
Blagoj D. D. Klassovoe samosoznanie Pushkina: Vvedenie v sociologiyu tvorchestva Pushkina. M., 1927.
- Благой Д. Д.* Мировое значение Пушкина. М., 1949.
Blagoj D. D. Mirovoe znachenie Pushkina. M., 1949.
- Благой Д. Д.* Мой путь в науку о литературе, 1971 г. // Советские писатели: Автобиографии. М., 1972. Т. 4.
Blagoj D. D. Moj put' v nauku o literature, 1971 g. // Sovetskie pisateli: Avtobiografii. M., 1972. T. 4.
- Благой Д. Д.* На путях к научной биографии Пушкина // Вестник Академии наук СССР. 1937. № 2—3.
Blagoj D. D. Na putyah k nauchnoj biografii Pushkina // Vestnik Akademii nauk SSSR. 1937. № 2—3.
- Благой Д. Д.* Национальные особенности русской литературы // Большевик. 1951. № 18.
Blagoj D. D. Nacional'nye osobennosti russkoj literatury // Bol'shevik. 1951. № 18.
- Благой Д. Д.* Национальные особенности русской литературы в свете трудов В. И. Ленина и И. В. Сталина. М., 1952.
Blagoj D. D. Nacional'nye osobennosti russkoj literatury v svete trudov V. I. Lenina i I. V. Stalina. M., 1952.
- Благой Д. Д.* О национальной специфике литературы // Вопросы литературоведения в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. М., 1951.
Blagoj D. D. O nacional'noj specifike literatury // Voprosy literaturovedeniya v svete trudov I. V. Stalina po yazykoznaniiyu. M., 1951.
- Благой Д. Д.* О национальной специфике литературы: (Доклад на научной конференции при Московском университете, посвященной годовщине выступления И. В. Сталина по вопросам языкознания. Июнь, 1951 г.) // Вестник Московского университета. 1951. № 9.
Blagoj D. D. O nacional'noj specifike literatury: (Doklad na nauchnoj konferencii pri Moskovskom universitete, posvyashchennoj godovshchine vystupleniya I. V. Stalina po voprosam yazykoznanija. Iyun', 1951 g.) // Vestnik Moskovskogo universiteta. 1951. № 9.
- Благой Д. Д.* Проблема построения научной биографии Пушкина // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18.

- Blagoj D. D. Problema postroeniya nauchnoj biografii Pushkina // Literaturnoe nasledstvo. M., 1934. T. 16—18.*
- Благой Д. Д. Развитие реализма в творчестве Пушкина // Литературная учеба. 1935. № 1.*
Blagoj D. D. Razvitie realizma v tvorchestve Pushkina // Literaturnaya ucheba. 1935. № 1.
- Благой Д. Д. Роль русской художественной литературы в формировании русской нации // Известия Академии наук СССР. 1954. Т. 13. № 1.*
Blagoj D. D. Rol' russkoj hudozhestvennoj literatury v formirovanii russkoj natsii // Izvestiya Akademii nauk SSSR. 1954. T. 13. № 1.
- Благой Д. Д. Социология творчества Пушкина. 2-е изд. М., 1931.*
Blagoj D. D. Sociologiya tvorchestva Pushkina. 2-e izd. M., 1931.
- Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина: 1813—1826. М.; Л., 1950.*
Blagoj D. D. Tvorcheskij put' Pushkina: 1813—1826. M.; L., 1950.
- Бранденбергер Д. Л. Национал-большевизм: Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931—1956 гг.). СПб., 2009.*
Brandenberger D. L. Nacional-bol'shevizm: Stalinskaya massovaya kul'tura i formirovanie russkogo nacional'nogo samosoznaniya (1931—1956 gg.). SPb., 2009.
- Вассена Р. К реконструкции истории деятельности Института живого слова (1918—1924) // Новое литературное обозрение. 2007. № 4 (86).*
Vassena R. K rekonstrukcii istorii deyatel'nosti Instituta zhivogo slova (1918—1924) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2007. № 4 (86).
- Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: Избранные труды. М., 1976.*
Vinogradov V. V. Poetika russkoj literatury: Izbrannye trudy. M., 1976.
- Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941.*
Vinogradov V. V. Stil' Pushkina. M., 1941.
- Виноградов В. В. Язык Пушкина. М.; Л., 1935.*
Vinogradov V. V. Yazyk Pushkina. M.; L., 1935.
- Второй Всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчет. М., 1956.*
Vtoroj Vsesoyuznyj s'ezd sovetskih pisatelej: Stenograficheskij otchet. M., 1956.
- Горяева Т. М. «Фабрика поэтов»: К истории Института живого слова // Встречи с прошлым. М., 2011. Вып. 11.*
Goryaeva T. M. «Fabrika poetov»: K istorii Instituta zhivogo slova // Vstrechi s proshlym. M., 2011. Vyp. 11.
- Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века: Учебник для высших учебных заведений. М., 1939.*
Gukovskij G. A. Russkaya literatura XVIII veka: Uchebnik dlya vysshih uchebnyh zavedenij. M., 1939.
- Десницкий В. А. Пушкин — родоначальник новой русской литературы // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1937. Т. 3.*
Desnickij V. A. Pushkin — rodonachal'nik novoj russkoj literatury // Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii. M.; L., 1937. T. 3.

- Дмитрий Дмитриевич Благой: К 65-летию со дня рождения. [Список печатных работ Благого, статей и рецензий на его работы]. М., 1958.
Dmitrij Dmitrievich Blagoj: K 65-letiju so dnya rozhdeniya. [Spisok pechatnyh rabot Blagogo, statej i recenzij na ego raboty]. M., 1958.
- Добренко Е. А. Поздний сталинизм: Эстетика политики. М., 2020. Т. 2.
Dobrenko E. A. Pozdnij stalinizm: Estetika politiki. M., 2020. T. 2.
- Доклад Председателя Государственного Комитета Оборона товарища И. В. Сталина // Правда. 1944. № 268 (9725). 7 нояб.
Doklad Predsedatelya Gosudarstvennogo Komiteta Oborony tovarishcha I. V. Stalina // Pravda. 1944. № 268 (9725). 7 noyab.
- Дружинин П. А. Идеология и филология: Ленинград, 1940-е. Документальное исследование. М., 2012. Т. 1.
Druzhinin P. A. Ideologiya i filologiya: Leningrad, 1940-e. Dokumental'noe issledovanie. M., 2012. T. 1.
- Дубин Б. В. «Русский ремонт»: Проекты истории литературы в советском и постсоветском литературоведении // Дубин Б. В. Очерки по социологии культуры: Избранное. М., 2017.
Dubin B. V. «Russkij remont»: Proekty istorii literatury v sovetskom i postsovetskom literaturovedenii // Dubin B. V. Ocherki po sociologii kul'tury: Izbrannoe. M., 2017.
- Еголин А. М. Освободительные и патриотические идеи русской литературы XIX века. М., 1946.
Egolin A. M. Osvoboditel'nye i patrioticheskie idei russkoj literatury XIX veka. M., 1946.
- Ермилов В. В. За боевую теорию литературы! // Литературная газета. 1948. № 69 (2452). 29 авг.; № 73 (2456). 11 сент.; № 74 (2457). 15 сент.; № 91 (2474). 13 нояб.; № 92 (2475). 17 нояб.; № 93 (2476). 20 нояб.
Ermilov V. V. Za boevuyu teoriyu literatury! // Literaturnaya gazeta. 1948. № 69 (2452). 29 avg.; № 73 (2456). 11 sent.; № 74 (2457). 15 sent.; № 91 (2474). 13 noyab.; № 92 (2475). 17 noyab.; № 93 (2476). 20 noyab.
- Ермилов В. В. Наш Пушкин. М., 1949.
Ermilov V. V. Nash Pushkin. M., 1949.
- Ермилов В. В. О традициях национальной гордости в русской литературе // Литература и искусство. 1943. № 32 (84). 7 авг.
Ermilov V. V. O tradiciyah nacional'noj gordosti v russkoj literature // Literatura i iskusstvo. 1943. № 32 (84). 7 avg.
- Ермилов В. В. Образ Родины // Литература и искусство. 1943. № 47 (99). 20 нояб.
Ermilov V. V. Obraz Rodiny // Literatura i iskusstvo. 1943. № 47 (99). 20 noyab.
- Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Сборник первый: Исследования и материалы. М., 1941.
Zhizn' i tvorchestvo M. Yu. Lermontova: Sbornik pervyj: Issledovaniya i materialy. M., 1941.
- Зонин А. Какая нам нужна школа // На литературном посту. 1927. № 11—12.
Zonin A. Kakaya nam nuzhna shkola // Na literaturnom postu. 1927. № 11—12.
- Из архива Гуверовского института: Письма Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве // Stanford Slavic Studies. 1987. Vol. 1.

Iz arhiva Guverovskogo instituta: Pis'ma Yu. G. Oksmana k G. P. Struve // Stanford Slavic Studies. 1987. Vol. 1.

Из воспоминаний Н. М. Мальшевой-Виноградовой // Вестник Европы. 2010. Т. 28—29.

Iz vospominanij N. M. Malyshevoj-Vinogradovoj // Vestnik Evropy. 2010. T. 28—29.

Инбер В. Боеспособность стиха: [Из выступления на творческом совещании в Союзе писателей] // Литература и искусство. 1943. № 14 (66). 3 апр.

Inber V. Boespособnost' stiha: [Iz vystupleniya na tvorcheskom soveshchanii v Soyuze pisatelej] // Literatura i iskusstvo. 1943. № 14 (66). 3 apr.

Инбер В. Избранное. М., 1950.

Inber V. Izbrannoe. M., 1950.

Кулешов В. И. Ученый и учитель: (К 100-летию со дня рождения Д. Д. Благого) // Известия Российской Академии наук. 1993. Т. 52. Вып. 1.

Kuleshov V. I. Uchenyj i uchitel': (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya D. D. Blagogo) // Izvestiya Rossijskoj Akademii nauk. 1993. T. 52. Vyp. 1.

Лаврецкий А. Дмитрий Дмитриевич Благой // Известия Академии наук СССР. 1963. Т. 22. Вып. 1.

Lavreckij A. Dmitrij Dmitrievich Blagoj // Izvestiya Akademii nauk SSSR. 1963. T. 22. Vyp. 1.

Литература в школе. 1947. № 1.

Literatura v shkole. 1947. № 1.

Литература и искусство. 1944. № 23 (127). 3 июня.

Literatura i iskusstvo. 1944. № 23 (127). 3 iyunya.

Луначарский А. В. Статьи о литературе. М., 1957.

Lunacharskij A. V. Stat'i o literature. M., 1957.

Мордовченко Н. И. Биография Пушкина: Обзор литературы за 1937 г. // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. Т. 4—5.

Mordovchenko N. I. Biografiya Pushkina: Obzor literatury za 1937 g. // Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii. M.; L., 1939. T. 4—5.

«Мы предчувствовали полыханье...»: Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны: Документы и комментарии. Июнь 1941 — сентябрь 1945 г. М., 2015. Т. 2. Кн. 1.

«My predchuvstvovali polyhan'e...»: Soyuz sovetskih pisatelej SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: Dokumenty i kommentarii. Iyun' 1941 — sentyabr' 1945 g. M., 2015. T. 2. Kn. 1.

Начальная школа. 1948. № 5.

Nachal'naya shkola. 1948. № 5.

Нечаева В. С. Пушкиноведение // Литературная энциклопедия. М., 1935. Т. 9.

Nechaeva V. S. Pushkinovedenie // Literaturnaya enciklopediya. M., 1935. T. 9.

Нусинов И. М. Пушкин и мировая литература. М., 1941.

Nusinov I. M. Pushkin i mirovaya literatura. M., 1941.

О русской национальной гордости // Литература и искусство. 1943. № 15 (67). 10 апр.

O russkoj nacional'noj gordosti // Literatura i iskusstvo. 1943. № 15 (67). 10 apr.

- Первенцев А. А. Дневники: 1941—1945. М., 2011.*
Pervencev A. A. Dnevniky: 1941—1945. M., 2011.
- Перхин В. В. Русская литературная критика 1930-х годов: Критика и общественное сознание эпохи. СПб., 1997.*
Perhin V. V. Russkaya literaturnaya kritika 1930-h godov: Kritika i obshchestvennoe soznanie epohi. SPb., 1997.
- Пигарев К. В. Дмитрий Дмитриевич Благой: (К 75-летию со дня рождения) // Известия Академии наук СССР. 1968. Т. 27. Вып. 1.*
Pigarev K. V. Dmitrij Dmitrievich Blagoj: (K 75-letiyu so dnya rozhdeniya) // Izvestiya Akademii nauk SSSR. 1968. T. 27. Vyp. 1.
- Пришвин М. М. Дневники: 1946—1947. М., 2013.*
Prishvin M. M. Dnevniky: 1946—1947. M., 2013.
- А. С. Пушкин: Материалы юбилейных торжеств, 1799—1949. М.; Л., 1951.*
A. S. Pushkin: Materialy yubilejnyh torzhestv, 1799—1949. M.; L., 1951.
- Пушкин — родоначальник новой русской литературы: Сб. научно-исследовательских работ. М.; Л., 1941.*
Pushkin — rodonachal'nik novoj russkoj literatury: Sb. nauchno-issledovatel'skih rabot. M.; L., 1941.
- Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки. М., 2001.*
Rejtblat A. I. Kak Pushkin vyshel v genii: Istoriko-sociologicheskie ocherki. M., 2001.
- Родной язык в школе. 1927. № 5—6.*
Rodnoj yazyk v shkole. 1927. № 5—6.
- Сборник стихов / Сост. В. В. Казин и В. О. Перцов. М., 1943.*
Sbornik stihov / Sost. V. V. Kazin i V. O. Percov. M., 1943.
- Симонов К. М. Великий поэт великого народа // Известия. 1949. № 133 (9973). 8 июня.*
Simonov K. M. Velikij poet velikogo naroda // Izvestiya. 1949. № 133 (9973). 8 iyunya.
- Смена. 1939. № 10.*
Smena. 1939. № 10.
- Соцреалистический канон: Сб. статей. СПб., 2000.*
Socrealisticheskij kanon: Sb. statej. SPb., 2000.
- Сто лет со дня смерти А. С. Пушкина: Труды Пушкинской сессии Академии наук СССР. 1837—1937. М.; Л., 1938.*
Sto let so dnya smerti A. S. Pushkina: Trudy Pushkinskoj sessii Akademii nauk SSSR. 1837—1937. M.; L., 1938.
- Страхов Вас. Пушкин и массовый читатель // А. С. Пушкин. 1837—1937: Сб. статей и материалов. Саратов, 1937.*
Strahov Vas. Pushkin i massovyj chitatel' // A. S. Pushkin. 1837—1937: Sb. statej i materialov. Saratov, 1937.
- Турчаненко В. В. Научные заседания, организационные собрания и совещания Пушкинской комиссии Академии наук СССР в Ленинграде в 1931—1936 гг.: (По материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2020. Вып. 34.*

Turchanenko V. V. Nauchnye zasedaniya, organizacionnye sobraniya i soveshchaniya Pushkinskoj komissii Akademii nauk SSSR v Leningrade v 1931—1936 gg.: (Po materialam Sankt-Peterburgskogo filiala Arhiva RAN) // Vremennik Pushkinskoj komissii. SPb., 2020. Выр. 34.

Турчаненко В. В. Пушкинская комиссия vs профессор Пиксанов: Из истории академического пушкиноведения // Studia Slavica. Таллин, 2020. [Вып.] 18.
Turchanenko V. V. Pushkinskaya komissiya vs professor Piksyanov: Iz istorii akademicheskogo pushkinovedeniya // Studia Slavica. Tallin, 2020. [Выр.] 18.

Фадеев А. А. Письма, 1916—1956. М., 1967.
Fadeev A. A. Pis'ma, 1916—1956. M., 1967.

Цыганов Д. М. «Литературная газета» как один из институциональных механизмов демонтажа послевоенного соцреалистического канона // Текст: Исследования молодых ученых. М., 2021. № 2 (5).

Syganov D. M. «Literurnaya gazeta» kak odin iz institucional'nyh mekhanizmov demon-tazha poslevoennogo socrealisticheskogo kanona // Tekst: Issledovaniya molodyh uchenyh. M., 2021. № 2 (5).

Цыганов Д. М. Пушкиноведческие труды академика В. В. Виноградова и идеологический контекст эпохи сталинизма // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2023. Вып. 37.

Syganov D. M. Pushkinovedcheskie trudy akademika V. V. Vinogradova i ideologicheskij kontekst epohi stalinizma // Vremennik Pushkinskoj komissii. SPb., 2023. Выр. 37.

Цыганов Д. М. Сталинская премия по литературе: Культурная политика и эстетический канон сталинизма. М., 2023.

Syganov D. M. Stalinskaya premiya po literature: Kul'turnaya politika i esteticheskij kanon stalinizma. M., 2023.

Чудаков А. П. Ранние работы В. В. Виноградова о поэтике русской литературы // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: Избранные труды. М., 1976.

Chudakov A. P. Rannie raboty V. V. Vinogradova o poetike russkoj literatury // Vinogradov V. V. Poetika russkoj literatury: Izbrannye trudy. M., 1976.

Шишкова Т. Внеждановщина: Советская послевоенная политика в области культуры как диалог с воображаемым Западом. М., 2023.

Shishkova T. Vnezhdanovshchina: Sovetskaya poslevoennaya politika v oblasti kul'tury kak dialog s voobrazhaemym Zapadom. M., 2023.

Puschkin: Eine Sammlung von Aufsätzen dem großen russischen Dichter Puschkin gewidmet. M., 1939.

Sandler S. Commemorating Pushkin: Russia's Myth of a National Poet. Stanford, 2004.

Voronina O. «The Sun of World Poetry»: Pushkin as a Cold War Writer // Pushkin Review. 2011. Vol. 14.

**Владимир Владимирович
Турчаненко**

*Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург)*

vladimir.turchanenko@mail.ru

**НЕЗАВЕРШЕННЫЙ РЕДАКТОРСКИЙ
ТРУД Д. П. ЯКУБОВИЧА
(седьмой «Временник Пушкинской
комиссии»)**

В публикации представлены материалы редакционного портфеля невышедшего седьмого тома «Временника Пушкинской комиссии», которые были присоединены к Пушкинскому фонду РО ИРЛИ (ф. 244, оп. 31, № 263—280). Опорной точкой для реконструкции истории несостоявшегося издания становится фигура его редактора — выдающегося пушкиниста и текстолога Дмитрия Петровича Якубовича. В приложении публикуется слово Б. С. Мейлаха от лица редколлегии «Временника», произнесенное на заседании Пушкинской комиссии АН СССР, посвященном памяти Д. П. Якубовича.

Ключевые слова: история пушкиноведения, Пушкинская комиссия, Д. П. Якубович, Ю. Г. Оксман, Б. В. Томашевский.

**Vladimir Vladimirovich
Turchanenko**

*The Institute of Russian Literature
(Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg)*

DOI 10.31860/0236-2481-2024-38-223-240

**THE UNFINISHED EDITORIAL
WORK OF D. YAKUBOVICH
(Seventh “Vremennik of the Pushkin
Committee”)**

This publication presents the materials of the editorial portfolio of the unpublished seventh volume of the “Vremennik of the Pushkin Committee”, which were attached to the Pushkin Fund of the Institute of Russian Literature (f. 244, inv. 31, nos. 263—280). A reference point for reconstructing the history of the unpublished edition is the figure of its editor, the outstanding Pushkinist and textual scholar Dmitry Yakubovich. The appendix publishes Boris Meylakh’s note on behalf of the editorial board of the “Vremennik”, delivered at the meeting of the Pushkin Committee of the USSR Academy of Sciences, dedicated to the memory of D. Yakubovich.

Keywords: history of Pushkin studies, Pushkin Committee, D. Yakubovich, Yu. Oxman, B. Tomashevsky.

Список литературы и источников

- [Алексеев М. П.] Предисловие // Временник Пушкинской комиссии, 1962. М.; Л., 1963.
[Alekseev M. P.] Predislovie // Vremennik Pushkinskoj komissii, 1962. M.; L., 1963.
- Блок Г. П. Пушкин в работе над историческими источниками. М.; Л., 1949.
Blok G. P. Pushkin v rabote nad istoricheskimi istochnikami. M.; L., 1949.
- Владимирский Г. Д. Пушкин-переводчик // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. Т. 4—5.
Vladimirskij G. D. Pushkin-perevodchik // Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii. M.; L., 1939. T. 4—5.

- Калаушин М., Шиманов Н.* Пушкинская выставка в Ленинграде // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1937. Т. 3.
Kalaushin M., Shimanov N. Pushkinskaya vystavka v Leningrade // Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii. M.; L., 1937. T. 3.
- Молок Ю. А.* Пушкин в 1937 году: Материалы и исследования по иконографии. М., 2000.
Molok Yu. A. Pushkin v 1937 godu: Materialy i issledovaniya po ikonografii. M., 2000.
- Наумов О. Н.* Генеалог Сергей Васильевич Любимов: материалы к биографии // Генеалогический вестник. СПб., 2011. Вып. 41.
Naumov O. N. Genealog Sergej Vasil'evich Lyubimov: materialy k biografii // Genealogicheskij vestnik. SPb., 2011. Вып. 41.
- Обручев С. В.* Неизвестный вариант картины братьев Чернецовых «Пушкин в Бахчисарайском дворце» // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1956. Т. 1.
Obruchev S. V. Neizvestnyj variant kartiny brat'ev Chernecovyh «Pushkin v Bahchisarajskom dvorce» // Pushkin: Issledovaniya i materialy. M.; L., 1956. T. 1.
- Павлюк М. М.* Владимирський Григорій Давидович // Енциклопедія Сучасної України. Київ, 2005. Т. 4.
Pavlyuk M. M. Vladimirs'kij Grigoriј Davidovich // Enciklopedija Suchasnoј Ukraїni. Kїv, 2005. T. 4.
- Платт Д. Б.* Здравствуй, Пушкин!: Сталинская культурная политика и русский национальный поэт. СПб., 2017.
Platt D. B. Zdravstvuj, Pushkin!: Stalinskaja kul'turnaya politika i russkij nacional'nyj poet. SPb., 2017.
- Пумпянский Л.* Об оде А. Пушкина «Памятник» / Публ. Н. Николаева // Вопросы литературы. 1977. № 8.
Pumpyanskij L. Ob ode A. Pushkina «Pamyatnik» / Publ. N. Nikolaeva // Voprosy literatury. 1977. № 8.
- Рудаков С. Б.* Новые редакции стихов Катенина: (Авторский экземпляр «Сочинений» 1833 г.) / Подгот. текста, публ. и примеч. М. В. Акимовой // Philologica. 1998. Т. 5. № 11–13.
Rudakov S. B. Nove redakcii stihov Katenina: (Avtorskij ekzempljar «Sochinenij» 1833 g.) / Podgot. teksta, publ. i primech. M. V. Akimovoj // Philologica. 1998. T. 5. № 11–13.
- Рудаков С. Б.* Ритм и стиль «Медного всадника» / Публ. и предисл. Э. Г. Герштейн // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1979. Т. 9.
Rudakov S. B. Ritm i stil' «Mednogo vsadnika» / Publ. i predisl. E. G. Gershtejn // Pushkin: Issledovaniya i materialy. L., 1979. T. 9.
- Томашевский Б. В. Д. П. Якубович* // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. [Т.] 6.
Tomashevskij B. V. D. P. Jakubovich // Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii. M.; L., 1941. [T.] 6.
- Турчаненко В. В.* Научные заседания, организационные собрания и совещания Пушкинской комиссии Академии наук СССР в Ленинграде в 1931–1936 гг.: (По материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2020. Вып. 34.

Turchanenko V. V. Nauchnye zasedaniya, organizacionnye sobraniya i soveshchaniya Pushkinskoj komissii Akademii nauk SSSR v Leningrade v 1931—1936 gg.: (Po materialam Sankt-Peterburgskogo filiala Arhiva RAN) // *Vremennik Pushkinskoj komissii.* SPb., 2020. Вып. 34.

Турчаненко В. В. Пушкинская комиссия vs профессор Пиксанов: Из истории академического пушкиноведения // *Studia Slavica.* Таллин, 2020. [Вып.] 18.

Turchanenko V. V. Pushkinskaya komissiya vs professor Piksarov: Iz istorii akademicheskogo pushkinovedeniya // *Studia Slavica.* Tallin, 2020. [Vyp.] 18.

Турчаненко В. В. Дискуссия о «Пушкинской энциклопедии» в 1930-е годы // Летняя школа по русской литературе. 2021. Т. 17. № 2.

Turchanenko V. V. Diskussiya o «Pushkinskoj enciklopedii» v 1930-e gody // *Letnyaya shkola po russkoj literature.* 2021. T. 17. № 2.

Турчаненко В. В. Анна Ахматова и Дмитрий Якубович: штрихи к портретам пушкинистов // «Одна великолепная цитата...»: Сб. ст. и материалов к 70-летию Н. И. Крайневой. М., 2023.

Turchanenko V. V. Anna Ahmatova i Dmitrij Yakubovich: shtrihi k portretam pushkinistov // «Odna velikolepnaya citata...»: Sb. st. i materialov k 70-letiju N. I. Krajnevoj. M., 2023.

Фролов М. А. «Вынужден вновь напомнить о себе и о своем деле...»: К истории ареста, заключения и реабилитации Ю. Г. Оксмана (1936—1958) // Вопросы литературы. 2011. № 2.

Frolov M. A. «Vynuzhden vnov' napomnit' o sebe i o svoem dele...»: K istorii aresta, zaklyucheniya i rehabilitacii Yu. G. Oksmana (1936—1958) // *Voprosy literatury.* 2011. № 2.

Цявловская Т. Г. «Влюбленный бес»: (Неосуществленный замысел Пушкина) // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1960. Т. 3.

Cyavlovskaya T. G. «Vlyublennyj bes»: (Neosushchestvlenyj zamysel Pushkina) // *Pushkin: Issledovaniya i materialy.* M.; L., 1960. T. 3.

Якубович Д. П. Обзор статей и исследований о прозе Пушкина с 1917 по 1935 г. // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Т. 1.

Yakubovich D. P. Obzor statej i issledovanij o proze Pushkina s 1917 po 1935 g. // *Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii.* M.; L., 1936. T. 1.

Якубович Д. П. Итоги изучения творчества Пушкина в СССР за двадцать лет // Известия АН СССР. 1937. № 5.

Yakubovich D. P. Itogi izucheniya tvorchestva Pushkina v SSSR za dvadcat' let // *Izvestiya AN SSSR.* 1937. № 5.

Якубович Д. П. «Капитанская дочка» и романы Вальтер Скотта // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. Т. 4—5.

Yakubovich D. P. «Kapitanskaya dochka» i romany Val'ter Skotta // *Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii.* M.; L., 1939. T. 4—5.

Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Т. 6.

Yakubovich D. P. Antichnost' v tvorchestve Pushkina // *Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii.* M.; L., 1941. T. 6.

Якубович Д. П. «Арап Петра Великого» / Публ. и предисл. Л. С. Сидякова // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1979. Т. 9.

Yakubovich D. P. «Arap Petra Velikogo» / Publ. i predisl. L. S. Sidyakova // *Pushkin: Issledovaniya i materialy.* L., 1979. T. 9.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамович С. Л. 8
Автухович Т. Е. 34
Азадовский М. К. 233
Акимова М. В. 230
Аксаков С. Т. 52
Александр I, имп. 158, 269–271, 273
Александр II, имп. 27
Алексеев М. В. 205
Алексеев М. П. 119, 123, 124, 225, 231
Алешкевич А. А. 35, 36, 107
Альбрандт Л. Л. 162
Альтшуллер М. Г. 3, 138
Анастасевич В. Г. 13
Аникин А. Е. 249
Анисимова Д. Ю. 116
Андрианов Ю. П. 36, 37
Анненков П. В. 28, 36, 37, 93, 99, 198
Аннинский С. А. 253
Апраксина (урожд. Закревская) С. О. 17
Априли Л. 115, 116
Арань Л. 115
Аринштейн Л. М. 125, 144
Архангельский А. Н. 274
Асмус В. Ф. 37, 38
Аттила 174–176
Ахматова А. А. 204, 239
Ашукин Н. С. 123
Ашукина М. Г. 123
Бабкин А. М. 252
Бавыкин Ю. И. 179
Багратион П. И. 205
Байрон Дж. Г. 37, 42, 56, 62, 70, 177, 214
Балакин А. Ю. 34, 271
Балина М. Р. 211
Бальзак О. де 67, 121, 122
Баранов Д. О. 13
Баратынский Е. А. 43, 47, 56, 65, 71, 84, 95
Бари, актриса 128
Барков И. С. 185
Барт (Barthe) Ф. 170
Бартенев П. И. 198
Бархин К. Б. 213
Батурова Т. К. 38
Баутел, актриса 128
Батюшков К. Н. 56, 74, 78, 83, 95, 248, 256
Бедный Демьян 138, 141
Белинский В. Г. 38, 41, 46, 47, 49, 69–74, 76, 79, 80, 82, 87, 89, 92, 96, 102, 110, 111, 131, 205, 214, 222, 247, 248, 255
Белый А. 204
Беяев М. Д. 138, 171
Бенкендорф А. Х. 26, 32, 33
Беранже (Béranger) П.-Ж. де 3, 86, 138, 143–156, 159, 161–163, 165,

- 166, 168, 170, 171, 173–180, 182, 183, 185, 187–189
- Березина В. Г. 38, 39
- Березкина С. В. 3, 27
- Берков П. Н. 194, 228, 253
- Бернс Р. 178
- Бертини (Bertini) А. Ж. 151
- Берци К. 115
- Беспровзванный В. Г. 156
- Бессонов И. А. 39
- Бестужев-Марлинский А. А. 40, 48, 66, 75, 86, 146, 250, 254
- Бестужев-Рюмин К. Н. 20
- Бетеа Д. М. 258
- Билинкис Я. С. 40
- Благой Д. Д. 40, 193–222, 230, 232
- Блинова Е. М. 54
- Блок А. А. 62, 176, 177, 249, 270
- Блок Г. П. 229, 235
- Богатырев П. Г. 230, 232, 233
- Богословский Н. В. 40, 41, 49
- Богун И. 205
- Бодлер Ш. 121
- Бодрова А. С. 151
- Болотов С. Г. 250
- Бонапарт см. Наполеон
- Бонди С. М. 41, 75, 194, 224, 231
- Бондарчук С. Ф. 179
- Бонч-Бруевич В. Д. 218, 224, 233
- Бошняк А. К. 14
- Бразье Н. 179
- Бранг (Brang) П. 105
- Бранденбергер Д. Л. 201
- Бривуа (Brivois) Ж. 149
- Брио В. 41
- Бродский Н. Л. 227
- Брокгауз Ф. А. 67, 86
- Бросс Ш. де 51
- Брусилов А. А. 205
- Брюсов В. Я. 41, 42, 53, 143, 176
- Буало Н. 70, 77, 93
- Бугарин Ф. В. 26, 45–48, 52, 55, 57, 78, 88, 90, 91, 96, 97, 102, 103, 106, 145, 186
- Булкина И. С. 75
- Бурдель Брантом (Bourdeille) П. де 185, 186
- Бурсов Б. И. 42
- Бычков И. А. 29
- Бэклунд (Bæcklund) А. 248
- Бюффон Ж.-Л. Л. де 60
- Вайнтруб С. Е. 108**
- Вакенродер В. Г. 99
- Валеев Г. К. 257
- Варбот Ж. Ж. 249, 256
- Васильев В. А. 42
- Васильчиков А. А. 17
- Вассена Р. 194
- Вацуро В. Э. 42–44
- Вебер М. 79
- Вельтман А. Ф. 246
- Вельяминов А. А. 163
- Венгеров С. А. 67, 68, 85, 86, 93, 198, 223
- Веневитинов Д. В. 40, 71, 78, 92
- Венкстерн А. А. 198
- Вересаев В. В. 198
- Видок Э. Ф. 93
- Викторович В. А. 44
- Вильк Е. А. 44
- Виницкий И. Ю. 3, 190
- Виноградов В. В. 11, 45, 99, 194, 196, 206, 213, 214, 218, 219, 221, 223, 254
- Винокур Г. О. 246
- Вишневский В. В. 204
- Вишневский В. П. 230, 233
- Владимир Святославович, кн. 10, 18, 19
- Владимирский Г. Д. 238, 240
- Власов А. С. 26
- Вожик Е. И. 4
- Володкович Н. 159
- Вольперт Л. И. 144
- Вольтер 18, 19, 40, 42, 51, 56, 58, 70
- Вольховский В. Д. 162
- Воронина (Voronina) О. 214, 215, 217
- Воронцов М. И. 16

- Воронцов М. С. 124
 Вронченко М. П. 252
 Вульф Ч. 177
 Вульф А. Н. 145, 153, 252
 Высоцкий В. С. 168
 Вяземский П. А. 6, 40, 43, 46, 48, 56, 67, 92, 97, 99, 103, 138, 144–146, 148, 149, 153, 154, 159, 161, 167, 168, 178, 186, 251, 268

 Гаврилов А. К. 145, 156, 169, 170, 174, 175, 177, 185
 Гаевский В. П. 139, 159
 Гак В. Г. 261
 Галгоци А. 115, 116
 Галич А. И. 38, 78
 Гальцева Р. А. 276
 Ганнибал И. А. 188
 Гартевельд В. Н. 158, 171
 Гаспаров Б. М. 149
 Гастелло Н. Ф. 205
 Гати (Gáti) И. 3, 114–118
 Гафиз 153
 Гейне Г. 178, 190–192
 Гейченко С. С. 230
 Геннади Г. Н. 93, 139
 Генрих IV Великий, король Франции 18
 Герберт Дж. 58
 Герцен А. И. 78, 79, 155
 Герштейн Э. Г. 230
 Гессен С. Я. 231
 Гёте (Goethe) И. В. 42, 56, 105, 153, 178
 Гизо Ф. П. Г. 93, 104
 Гиллельсон М. И. 43, 45, 46
 Гиндин Л. А. 256
 Гиппиус В. В. 36, 46, 47, 226, 228, 230, 231
 Гладкова Е. С. 226, 234, 235
 Гладышев А. В. 174
 Гинка М. И. 253
 Гинка Ф. Н. 65, 95, 182
 Лумов А. Н. 180

 Гнедич Н. И. 65
 Гоголь Н. В. 38, 39, 46, 50, 56, 67, 69–71, 78, 80, 81, 85, 90, 91, 97, 99, 102, 137, 205, 213, 214, 248, 249, 260
 Годунов Б. 47, 58–60, 64
 Голдсмит О. 62
 Голицын А. С. 161, 162, 176
 Голицын Б. В. 259
 Голицын Н. С. 12
 Голицына М. А. 154, 155
 Голованова Е. И. 257
 Головин Е. А. 164
 Голтей 158
 Гораций 59, 153
 Горбачевич К. С. 252
 Гордин А. М. 232, 235
 Горнфельд А. Г. 228, 230, 235
 Городецкий С. М. 204
 Горький М. 205
 Горяева Т. М. 194
 Греч Н. И. 57, 81, 90, 92, 96, 106
 Гречников К. 26
 Грабарь И. Э. 213
 Грановский Т. Н. 175
 Грибанов А. Б. 181
 Грибоедов А. С. 48, 56, 82
 Григорович Д. В. 155
 Григорьев А. А. 249
 Гринберг Л. Г. 230
 Громов В. А. 47
 Гроос К. 53
 Гроссман Л. П. 48, 53, 227
 Грот К. Я. 180, 181
 Груздев А. И. 228
 Грушкин А. И. 229, 231–233
 Гудзий Н. К. 206, 207
 Гудович И. В. 17
 Гудович М. В. 16, 17
 Гудович П. В. 16, 17
 Гукасова А. Г. 48
 Гуковский Г. А. 208, 218, 219, 231
 Гулин А. В. 274
 Гурго (Gourgaud) Г. 170
 Гус М. С. 49

- Гого В.-М. 86, 93, 110, 121, 169, 174
 Гюнтгер Х. 211
- Д**
 Д'Аламбер Ж. Л. 60
 Даль В. И. 114, 148, 155, 251
 Данилин Ю. И. 143
 д'Арк Ж. 59
 Дарвин М. Н. 49, 50
 Дебро (Debraux) П.-Э. 139, 140, 143, 145, 155, 166, 169, 188
 Делавинь К. 174
 Дельвиг А. А. 43, 45, 47, 54, 56, 67, 98, 148, 151, 178, 179, 181, 253
 Дема 149
 Демидова М. А. 166
 Державин Г. Р. 40, 42, 56, 82, 178, 182, 205
 Дерягин В. Я. 259, 261
 Десницкий В. А. 202, 228
 Джанумов С. А. 50
 Дидро Д. 70
 Дмитриев И. И. 56, 95, 156
 Дмитриев Н. П. 50
 Дмитриева Н. Л. 3, 139, 182, 192
 Добренко Е. А. 208, 209
 Добродомов И. Г. 4, 245–261
 Довгий О. Л. 11
 Докусов А. М. 250
 Долинин А. А. 177
 Долуханян А. Г. 51
 Донн Дж. 58
 Достоевский Ф. М. 67, 205, 215, 216, 234
 Дош (Doche père) Ж.-Д., отец 140, 165, 172, 179
 Драгомирецкая Н. В. 96
 Драйден Д. 129
 Дроздов Н. А. 251
 Дружинин П. А. 201
 Дрягин К. В. 51
 Дубельт Л. В. 91
 Дубин Б. В. 193
 Дудкина Е. А. 51, 52
 Дурова Н. А. 39, 41
- Дурылин С. Н. 52, 148
 Душенко К. В. 166, 188
 Дюлан П. 115
- Е**
 Евгенъев-Максимов В. Е. 70
 Евдокимов И. 52
 Евлахов А. М. 53
 Еголин А. М. 210
 Егоров Б. Ф. 53
 Ежов Н. И. 224
 Екатерина II, имп. 17, 270
 Елизавета Петровна, имп. 16, 17, 270
 Елистратов В. С. 256
 Еремин М. П. 54, 55, 108
 Ениколопов И. К. 230, 232, 235
 Ермилов В. В. 204, 212, 213
 Ерофеев В. В. 109
 Ершов А. К. 55
 Есенин С. А. 193, 204
 Есипов В. М. 271, 274
 Ефремов П. А. 93, 143, 144, 252
 Ефрон И. А. 67, 86
- Ж**
 Жанен Ж. 68
 Жанлис Ф. де 186
 Жданов А. А. 212
 Жербин И. Ф. 17
 Жирмунский В. М. 214
 Жуковский В. А. 3, 6, 27–33, 56, 74, 78, 82, 85, 103, 155, 178, 180, 252
 Журавлев А. Ф. 249
- З**
 Завадовский А. П. 129
 Загошкин М. Н. 88, 141
 Загряжская (урожд. Разумовская) Н. К. 17, 252
 Зайцев Н. И. 55, 56
 Закревский А. А. 26
 Залдкин А. Н. 56
 Зализняк А. А. 265
 Замков Н. К. 56
 Заславский Д. 57
 Зелинский К. Л. 201, 213
 Зенгер Т. Г. см. Цявловская Т. Г.

- Зеркальная М. Е. 57
 Золотухин В. Т. 34
 Зонин А. И. 196
 Зорин А. Л. 185
- Иванов С. Л.** 246
 Иванов-Разумник Р. В. 266
 Иванова Л. И. 177
 Игорь Святославич, кн. 270
 Измайлов Н. В. 227, 230, 234
 Иконникова Е. А. 57
 Илличевский А. Д. 179
 Илюшин А. А. 187
 Инбер В. М. 206
 Иона, игумен 252
 Исакова И. Н. 96
 Исаченко Т. А. 261
 Иссерлин Е. М. 229
 Истомина А. И. 128, 129
 Истрин В. М. 58
 Ишимова А. О. 107
- Кабакова Г. И.** 174
 Каверин П. П. 165
 Казанский Б. В. 58
 Казин В. В. 204
 Кайданов И. К. 265
 Калаушин М. М. 240
 Каледин А. М. 205
 Калета (Kaleta) Р. 171, 172
 Калинин В. М. 259
 Кальман И. 139
 Каменский Н. см. Плеханов Г. В.
 Каменский В. В. 204
 Камински (Kamiński) Л. 171
 Кант И. 42, 70
 Канунова Ф. З. 58
 Карамзин Н. М. 11, 12 («почтенный
 Историограф»), 37, 42, 56, 59,
 84–86, 94, 104, 247, 263, 265,
 271, 272
 Карпов А. А. 59
 Катенин П. А. 6–13, 65, 84, 230,
 235
 Кац Б. А. 151
- Кацнельсон И. 171
 Каченовский М. Т. 90, 91, 94
 Керасиди Н. Х. 59
 Керн А. П. 148
 Кипарский (Kiparsky) В. 248
 Киреевский И. В. 96, 97
 Кирпотин В. Я. 202
 Киселев В. С. 3, 27
 Клейменова Р. Н. 260
 Клепиков С. А. 160, 227, 230, 232,
 233
 Климов Г. А. 256
 Кобервейн И. В. 26
 Кованько И. А. 183
 Кожевников В. А. 4, 263–276
 Козловский П. Б. 50, 109
 Козмин Н. К. 59, 60, 194
 Кок П. Ш. де 254
 Колле Ш. 179
 Кони Ф. А. 159
 Комарович В. Л. 231
 Комовский В. Д. 10
 Комовский С. Д. 10 («лицейский то-
 варищ Пушкина»)
 Конисский Г. О., архиепископ 40, 58,
 69, 104
 Коновалов В. Н. 61
 Констан Б. 67, 93, 110
 Коринфский А. А. 150, 156
 Кормилов С. И. 61
 Корнилов В. А. 205
 Корнилов Л. Г. 205
 Корнилова А. В. 16
 Коровин В. И. 257
 Королева И. А. 257
 Космодемьянская Э. А. 205
 Костюшко Т. 159, 172
 Краевский А. А. 87, 109
 Крайнева Н. И. 239
 Краснобородько Т. И. 61, 62, 109,
 226
 Краснов Г. В. 64
 Краснянский В. В. 257, 259
 Криницын А. Б. 127
 Кружков В. С. 219

- Крылов И. А. 42
 Кузьмин Б. А. 62, 63
 Кузьминский К. А. 63
 Кукольник Н. В. 78
 Кулешов В. И. 194
 Куманова А. В. 63
 Куницын А. П. 189
 Курбский А. Н. 13, 15
 Куркин Б. А. 186
 Куркина Л. В. 249
 Курочкин А. В. 3, 5
 Курочкин В. С. 159
 Кутузов М. И. 63, 181, 205
 Кюхельбекер В. К. 61, 75, 141, 181
- Лабунько О. И. 36, 37
 Лаврецкий А. 194
 Лавров В. М. 228
 Лагарп Ф. С. 60
 Ламартин А.-М.-Л. де 86
 Ларионова Е. О. 64, 125
 Лафайет Ж. де 171
 Лахно С. Н. 64, 65
 Лацис А. А. 272
 Лащева А. С. 4
 Лебедева А. А. 4
 Левит Т. М. 226, 227, 230–233
 Левкович Я. Л. 65, 66
 Лежнев А. Э. 66
 Лейбов Р. Г. 156
 Лелевич Г. 194
 Ленин В. И. 108, 205, 221
 Ленский Д. Т. 159
 Леонтьев К. Н. 175
 Лерман И. Н. 109, 110
 Лермонтов М. Ю. 148, 165, 166,
 178, 184, 200, 202, 214, 250, 251
 Лернер Н. О. 41, 42, 67, 68, 97, 99
 Лесков Н. С. 160, 181
 Лессинг Г. Э. 70
 Ли Н. 129
 Липницкая Е. А. 68, 110
 Липранди И. П. 124, 229
 Литвиненко Н. Г. 110
- Лобанов М. Е. 55, 86, 95, 105
 Ломоносов М. В. 16, 22, 24, 42, 56,
 82, 247
 Лонгинов М. Н. 28, 234
 Лотман Ю. М. 125–127, 130, 134,
 268
 Луначарский А. В. 69, 138, 194, 198,
 203, 223
 Лунин М. С. 226
 Лунц С. А. 31
 Любимов С. В. 227, 230, 234
- Маду (Madou) Ж.-Б. 151, 152
 Мазур Н. Н. 148, 149, 261
 Майков В. И. 248
 Майков Л. Н. 8, 267
 Майорова (Maiorova) О. В. 167
 Макиавелли Н. 215
 Макогоненко Г. П. 69, 70
 Максимов Д. Е. 70
 Максимов М. И. 156, 158–160, 165,
 173, 187
 Максимович М. А. 97
 Маленков Г. М. 219
 Малинин В. А. 70
 Мальшева-Виноградова Н. М. 201
 Мальчукова Т. Г. 70, 71
 Мандельштам О. Э. 193
 Манн Ю. В. 71
 Мануйлов В. А. 230
 Маржерет Ж. 188
 Мариненко М. А. 4, 244
 Марков С. Л. 205
 Маркс К. 153, 154
 Марлинский А. А. 78
 Марусенко М. А. 99
 Маршалл, актриса 128
 Машинский С. И. 71, 72
 Мейерхольд В. Э. 53
 Мейлах Б. С. 42, 43, 72–75, 224,
 226, 228, 229, 231, 232, 236, 239
 Менье (Meunier) А. 106
 Мерзляков А. Ф. 77

- Мериме П. 168, 178
 Месей Г. 115
 Метьюрин (Maturin) Ч. Р. 119–138
 Меццерский А. В. 234
 Миллер О. В. 251
 Миллер О. Ф. 213
 Мильтон Дж. 42
 Мильчина В. А. 179, 188
 Минаев Д. Д. 167
 Минин К. М. 63
 Миних Б. Х. 270
 Миночкина Л. И. 74
 Михаил Павлович, вел. кн. 157, 191
 Михайлов М. Л. 154
 Михайлова А. К. 4
 Михайлова Н. И. 75, 182, 259, 273
 Михайловский-Данилевский А. И. 18
 Михельсон М. И. 252
 Могиланский А. П. 75
 Модзалевский Б. Л. 23, 135, 143, 146, 155, 186, 190, 198, 269
 Модзалевский Л. Б. 5, 228, 230, 232, 234
 Молдован А. М. 261
 Молок Ю. А. 223
 Молчанова О. Т. 255
 Мольер 56, 93
 Мордовченко Н. И. 52, 75, 76, 102, 197, 230, 231
 Моро-де-Бразе Ж. 59
 Морозов В. Д. 76, 77
 Морозов П. О. 77, 267
 Мочульский В. Н. 213
 Музакио Б. 4
 Муравьев А. Н. 104
 Муравьев Ю. А. 273
 Муравьева М. Г. 190
 Муравьева О. С. 11, 135
 Мурашкина О. В. 186
 Муханов А. А. 105
 Мушина И. Б. 8
 Мысловский П. Н. 9
 Мышковская Л. М. 77
 Мюссе А. де 86, 110
 Мясоедова Н. Е. 77, 78
 Набоков В. В. 247, 257
 Надеждин Н. И. 46, 48, 71, 78, 84, 92, 102
 Найдич Э. Э. 191
 Наполеон (Napoléon) 140, 142 (Бонапарт), 151, 154, 155 (Бонапарт), 158, 167–171, 180–184, 187, 189, 269
 Нарышкина Н. А. 78
 Наумов О. Н. 227
 Нахимов П. С. 205
 Невская В. А. 273
 Неженцев М. О. 205
 Незеленов А. И. 198
 Некрасов Н. А. 84, 89, 205
 Непомнящий В. С. 258, 263, 264, 272, 274–276
 Нечаева В. С. 148, 199, 200
 Никитенко А. В. 29–31, 33, 92
 Никитин В. Н. 160
 Никитина Т. С. 276
 Николаев Н. И. 229
 Николаев С. И. 172, 173
 Николай I, имп. 11, 31, 32 («император»), 165, 174, 188, 253
 Николина Н. А. 256
 Николюкин А. Н. 25, 26, 257
 Ницше Ф. 215
 Новалис 99
 Нодье Ш. 121
 Нордин Г. 191
 Нордстет И. 251
 Нусинов И. М. 211, 216
 Обручев С. В. 230, 232, 234
 Одоевский В. Ф. 39, 46, 58, 61, 75, 78, 86, 87, 91, 99, 109
 Оксман Ю. Г. 23, 36, 78, 79, 194, 218, 223, 224
 Олейникова Т. А. 49
 Оленин А. Н. 11, 12 («почтенный Археолог»)
 Орехов В. В. 176
 Орлов А. А. 90, 97
 Орлов А. С. 223, 224

- Осетров Е. И. 84
 Осипов Н. П. 248
 Осповат А. Л. 258
 Остолопов Н. Ф. 141
 Отин Е. С. 257, 259
 Отвей Т. 129
 Охотин Н. Г. 251, 258
- Павел I, имп.** 269, 270
 Павлицев Л. Н. 179
 Павлов Б. Ф. 230, 234
 Павлова О. А. 79
 Павлюк М. М. 240
 Палацци Л. 20, 21
 Палиевский П. В. 79
 Панаев В. И. 13, 15
 Пановский Н. М. 252
 Панферов Ф. И. 209
 Пастернак Б. Л. 204
 Пелико С. 104
 Пеньковский А. Б. 250, 260, 261
 Первенцев А. А. 205
 Первалова Е. В. 80
 Переверзев В. Ф. 193, 198
 Перевошиков В. М. 13
 Перхин В. В. 198
 Перцов В. О. 204
 Петр I, имп. 16, 18, 19, 22, 24, 31–33, 58, 86, 103, 205
 Петров Д. К. 174
 Петров С. М. 80
 Петрунина Н. Н. 80, 81
 Печерин В. С. 155
 Пигарев К. В. 194, 195, 232
 Пиксанов Н. К. 81, 194, 224
 Пильщиков И. А. 250, 255, 257–261
 Пирожкова Т. Ф. 81
 Писарев Д. И. 131
 Питолина Н. В. 81, 82
 Платт Д. Б. 223
 Плетнев П. А. 6, 30, 44, 85, 98, 175, 198
 Плеханов Г. В. 82
 Погодин М. П. 8, 38, 65
 Подолинский А. И. 234
- Покровский В. И. 58
 Полевой Н. А. 38, 46, 48, 71, 84, 102, 104, 265
 Полевой П. Н. 82
 Полонский Я. Б. 83
 Полоцкая Э. А. 83
 Полторацкий С. Д. 39
 Попов П. С. 227
 Постникова Е. Г. 83
 Потапова Г. Е. 111
 Потемкин-Таврический Г. А. 17, 20, 205
 Прадель (Pradel) Э. де 147, 170, 171, 173
 Пришвин М. М. 209
 Прозоров Ю. М. 251
 Проскурин О. А. 183, 187
 Пугачев В. В. 42, 43
 Пугачев Е. И. 17, 18, 40, 80, 270
 Пумпянский Л. В. 229, 231
 Путилов Н. 167
 Пушкин В. Л. 253
 Пушкин Л. С. 129, 146 (брат), 148, 252
 Пушкина (урожд. Гончарова) Н. Н. 17, 26 («жена»)
 Пыпин А. Н. 83, 84
 Пышкин Н. 26
 Пюимеж Ж. де 188
- Радищев А. Н.** 34, 39, 40, 42, 52, 57, 79, 89, 105
 Раевский А. Н. 125, 127
 Разумовская (урожд. Нарышкина) Е. И. 16, 17
 Разумовская А. Г. 17
 Разумовская П. К. 17
 Разумовский А. Г. 16, 17
 Разумовский К. Г. 17
 Рак В. Д. 123
 Расин Ж.-Б. 56, 93, 149
 Резвой М. Д. 21
 Рензов Б. Г. 149, 228, 230, 232, 234
 Рейтблат А. И. 203
 Рейф Ф. 251

- Рейфман П. С. 127
 Решидова Н. К. 84
 Ривароль А. 60
 Ровинский Д. А. 182–184
 Рогова А. И. 4
 Розанов И. Н. 84
 Розен А. Е. 162, 163
 Розен Е. Ф. 46
 Романов Н. М. 190, 191
 Романова А. Н. 84, 85
 Россетти Д. Г. 174
 Ростопчин Ф. В. 181
 Рочестер, 2-й граф см. Уилмот Дж.
 Рудаков С. Б. 230, 231, 235
 Румянцев П. А. 205
 Рылеев К. Ф. 75, 146
 Рыскин Е. И. 85
 Рюльер К. К. 60
 Рязанов А. М. 262
 Рязанов Д. Б. 153
- Саакадзев П. 165
 Сагайдачный П. К. 205
 Садиков П. А. 229, 231
 Садовников Д. Н. 10
 Сазонова С. С. 85, 86
 Сайтов В. И. 185
 Сакулин П. Н. 85, 86
 Салтыков-Щедрин М. Е. 155, 205
 Сапов Н. С. 185
 Сальери А. 64
 Санд Ж. 93
 Сапожников А. И. 19
 Сатиров Г. Н. 232, 235
 Сахаров В. И. 86
 Свербеев Д. Н. 24, 25
 Светлов М. А. 168
 Свинын П. П. 13–22, 24–26
 Свирин Н. Г. 69
 Седли Ч. 129
 Селивановский А. П. 199
 Семевский М. И. 252
 Сен-Жюльен Ш. 226
 Сенковский О. И. 38, 96, 106, 159
- Сент-Бёв Ш. О. де 86, 95, 178
 Сербинович К. С. 29, 32, 33
 Сергиевский И. В. 86–88, 111
 Сёке (Szöke) К. 115
 Сидоров А. А. 151, 152
 Сидяков Л. С. 88, 239
 Симонов К. М. 168, 215, 216
 Сиповский В. В. 198
 Сирко И. Д. 205
 Сичинава Д. В. 252, 253
 Скатов Н. Н. 272
 Скотт (Scott) В. 169, 170, 236, 237, 239, 240
 Слонимский А. Л. 229, 231, 239
 Смирдин А. Ф. 23, 106
 Смирдин М. 159
 Смирнова-Россет А. О. 253
 Соколов А. Н. 88
 Соколов П. И. 6, 9, 12, 21, 23
 Соколянский А. А. 262
 Сомов О. М. 43, 45, 75, 98
 Сорокин Ю. С. 252
 Сталин И. В. 206, 209, 214, 218, 221
 Сталь-Гольштейн А.-Л. Ж. де 41, 86, 93, 105, 110
 Станкевич Н. В. 42
 Станько А. И. 88, 89
 Старицына Э. А. 156
 Старк В. П. 247, 257
 Стасюлевич М. М. 166
 Стахорский С. В. 272
 Стендаль 149, 178
 Стенник Ю. В. 89
 Степанов Н. Л. 90, 91
 Стоюнин В. Я. 198
 Столянский П. Н. 91
 Страхов В. 202, 203
 Строганов Г. С. 30
 Строев В. М. 26
 Струговщиков А. Н. 78
 Страхов В. 202, 203
 Стурдза А. С. 232
 Стурдза Р. С. 232
 Струве Г. П. 218

- Стюарт Дж. Ф. Ф.-Дж., 2-й герцог Бервик, 2-й герцог Лирия-и-Херика 19
 Стюарт Яков II, король Англии, Шотландии и Ирландии 19
 Суворов А. В. 142, 154, 180, 182, 183, 205
 Сурат И. Э. 275
 Сухомлинов М. И. 9, 91
 Сушков Н. В. 18

Тангелов П. И. 92
 Тарасенко-Отрешков Н. И. 3, 29–33, 81
 Тарланов Э. К. 92
 Теннер Дж. 50, 59, 79, 88
 Тепляков В. Г. 84, 95, 175, 176
 Тер-Минасова С. Г. 261
 Тербенев И. 182
 Терей Я. 115
 Тик Л. И. 99
 Тимофеева Л. А. 34
 Тихомиров В. В. 92
 Тихонов Н. С. 224
 Тодд (Todd) У.-М. III 107
 Толстой А. Н. 204
 Толстой Л. Н. 178, 205
 Толстой Я. Н. 3, 27, 28, 232, 234
 Томашевский Б. В. 85, 93, 99, 144, 179, 181, 194, 225, 226, 228, 229, 231, 233–235, 239, 240, 248
 Третьяковский В. К. 40, 56
 Третьякова Е. Ю. 93, 94, 111
 Трубачев С. С. 150, 176
 Туманский В. И. 148
 Турбин В. Н. 272
 Тургенев А. И. 67, 78, 97, 154, 268
 Тургенев И. С. 47, 205
 Тургенев Н. И. 154, 268
 Тургеневы, братья 232
 Турчаненко В. В. 3, 34, 194, 223, 224, 239, 240
 Тхоржеская А. А. 176
 Тхоржевский И. Ф. 176

 Тынянов Ю. Н. 11, 62, 67, 121, 181, 194
 Тьерри О. 93, 104
 Тюнькин К. И. 94, 95
 Тюпа В. И. 49
 Тютчев Ф. И. 46, 95, 195

Уваров С. С. 24, 26, 32
 Уварова Е. С. 226
 Уилмот Дж., 2-й граф Рочестер 129
 Урбан А. А. 95
 Усов П. 182
 Ушаков В. А. 43
 Ушаков Д. Н. 221, 246

Фадеев А. А. 204–206
 Фалов И. А. 253
 Федин К. А. 224
 Федоров Б. М. 13, 15
 Федоров М. Ф. 163, 164
 Фейнберг И. Л. 230
 Фикельмон Д. Ф. 190
 Фикельмон Ш.-Л. 190, 191
 Филин М. Д. 276
 Филина М. Д. 83
 Филиппова Н. Ф. 95, 96, 112
 Фихте И. Г. 188
 Флейшман Л. С. 258
 Фолькельт И. Э. 53
 Фомин А. Г. 96, 97
 Фонвизин Д. И. 130
 Фонтон Ф. П. 178
 Фридлиндер Г. М. 80, 81
 Фридман Н. В. 97
 Фризмэн Л. Г. 64, 75, 97, 98
 Фрик Т. Б. 98, 112
 Фриче В. М. 198
 Фролов М. А. 223, 224
 Фрумкина А. И. 275

Хатчинсон (Hutchinson) В. 124
 Хвостов Д. И. 6, 7, 13, 22, 23, 148, 151
 Херасков М. М. 18, 19
 Хитрово Е. М. 138, 171

- Хлебников В. В. 204
 Хмельевская Е. М. 228, 230, 231
 Хмельницкий Б. М. 205
 Хозяинов С. А. 99, 112, 113
 Холти (Holtei) К. фон 159, 172, 173
 Храповицкий А. В. 17–20, 22
- Ц**
 Цабан В. 165
 Цельтер (Zelter) К. Ф. 153
 Циммерман А. 67
 Цыганов Д. М. 3, 193, 200, 212, 214
 Цявловская (Зенгер) Т. Г. 194, 229, 232, 234, 235
 Цявловский М. А. 8, 31, 190, 194, 224, 228, 229, 231
- Ч**
 Чаадаев П. Я. 63, 127
 Чавчанидзе Д. Л. 99
 Черейский Л. А. 124
 Черемисина-Ениколопова Н. В. 258
 Чернецов В. М. 205
 Чернецовы, братья 234
 Чернов А. В. 100
 Чернышевский Н. Г. 70, 100, 214, 236
 Черчилль У. 209
 Чехов А. П. 26, 67, 83, 205
 Чудаков А. П. 194
 Чулков Г. И. 227
 Чумаков В. Т. 260
 Чумаков Ю. Н. 58
 Чуровский А. И. 254
- Ш**
 Шадрин А. М. 119
 Шамиль, имам 162
 Шамфор С.-Р. Н. де 60
 Шапир М. И. 250
 Шаплет С. де 169
 Шаповал В. В. 254, 261
 Шатобриан (Chateaubriand) Ф. Р. де 42, 86, 93, 110
 Шахова Е. М. 92
 Шаховской А. А. 52
 Шегунин А. Н. 231, 232
 Шевченко Т. Г. 240
 Шевырев С. П. 8
- Шекспир (Shakespeare) У. 42, 56, 70, 77, 93, 149, 278
 Шеллинг (Schelling) Ф. В. Й. 84, 188
 Шенрок В. И. 213
 Шенье (Chénier) А. М. де 56
 Шереметев В. В. 129
 Шестакова Л. Л. 22
 Шиманов Н. 240
 Ширинкин В. И. 100, 101, 113
 Шишков А. А. 23
 Шишков А. С. 5, 7, 15, 17, 22, 23
 Шишкова С. А. 23
 Шишкова Т. 208
 Шкловский В. Б. 102
 Шкоринин В. П. 102
 Шлегель А. В. фон 70, 84 («братья Шлегели»)
 Шлегель К. В. Ф. фон 84 («братья Шлегели»), 99
 Шмидт О. Ю. 213
 Шовен Н. 166, 167, 188
 Шостакович Д. Д. 205
 Шоу Д. Т. 102, 103
 Шувалова И. Е. 258
 Шулежкова С. Г. 256
- Щ**
 Щеголев П. Е. 198, 223
 Щерба Л. В. 223
 Щербинин М. А. 165
- Э**
 Эдельман Д. И. 249
 Эдишеров И. 103
 Эйдельман Н. Я. 124, 181
 Эйхенбаум Б. М. 103, 225, 228, 230, 231
 Эккерман И. П. 153
 Эккерт Р. 255
 Эмерсон (Emerson) К. 105, 106
 Энгельгардт Н. А. 103, 104
 Энгельс Ф. 153
 Эспронседа Х. де 174
 Эткинд Е. Г. 138, 144,
- Ю**
 Юдин П. Ф. 198
 Юрченко Т. Г. 105

- Юрьева И. Ю. 104
Юшков С. В. 104
- Я**зыков А. М. 9, 10
Языков Д. И. 12, 13
Языков Д. М. 9 («братья Языковы»)
Языков Н. М. 9 («братья Языковы»),
56, 141, 179
Якименко О. А. 114
Яковлев Б. В. 219
Яковлев М. Л. 181
Якубович А. И. 129
Якубович Д. П. 194, 223–230, 232–
240
Якушева Г. В. 105
Якушкин Е. И. 143
Янкович де Мириево Ф. И. 265
Ярмолинский (Yarmolinsky) А. 227,
233
Ясинский Я. И. 226, 227, 230, 231
- Athanassoglou-Kallmyer N. 140
- Barthe F. *см.* Барт Ф.
Bäcklund A. *см.* Бэклунд А.
Béranger P.-J. *см.* Беранже П.-Ж.
Vertini H. J. *см.* Бертини А. Ж.
Betha D. 106
Bourdeille P. de *см.* Бурдель Брантом П.
де
Brame Ch. A. H. 168
Brivois J. *см.* Бривуа Ж.
- Day B. A. 141
Debraux P.-É. *см.* Дебро П.-Э.
Doche père J.-D. *см.* Дош Ж.-Д., отец
- Emerson C. *см.* Эмерсон К.
- Gáti I. *см.* Гати И.
Goethe J. W. *см.* Гёте И. В.
- Gordienne R. 186
Gourgaud G. *см.* Гурго Г.
- Holtei K. von *см.* Холти К. фон
Hutchinson W. *см.* Хатчинсон В.
- Ideler L. 154
Ireland W. H. 171
- Jouy V. J. E. de 147
- Kahn A. 107
Kaleta R. *см.* Калета Р.
Kamiński L. *см.* Камински Л.
Kiparsky V. *см.* Кипарский В.
- Laforte C. 144
Lagarde A. 147
Linder-Beroud W. 153
Loghinovski E. 273
- Madou J.-B. *см.* Маду Ж.-Б.
Maturin Ch. R. *см.* Метьюрин Ч. Р.
Meunieux A. *см.* Менье А.
- Napoléon *см.* Наполеон
- Pradel E. de *см.* Прадель Э. де
- Sandler S. 203
Scott W. *см.* Скотт В.
Szóke K. *см.* Сёке К.
- Todd W.-M. III *см.* Тодд У.-М. III
- Voronina O. *см.* Воронина О.
- Wachtel M. 139
- Yarmolinsky A. *см.* Ярмолинский А.
- Zelter C. F. *см.* Цельтер К. Ф.
Zieliński A. 171

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. ПУШКИНА

Александр Радищев 34, 39, 42, 52, 79, 105

Анекдоты см. Table talk

<Арап Петра Великого> 29, 86, 229, 239

Арион («Нас было много на челне...») 54

Бахчисарайский фонтан 18, 254, 257

Борис Годунов 47, 58, 59, 60, 64, 171, 186, 195, 247, 255

Братья разбойники 123, 124

«Была пора: наш праздник молодой...» 189, 269

«Вечера на хуторе близ Диканьки» 69

<Влюбленный бес> 229, 233–235

Вольность. Ода 89

Вольтер 39, 58

Второй том «Истории русского народа» Полевого см. «История русского народа, сочинение Николая Полевого»

Выстрел 114

Галуб см. Тазит

«Горишь ли ты, лампада наша...» 27, 28

Городок (К ***) («Прости мне, милый друг...») 45

Граф Нулин 144, 148, 149, 253, 259

Графу О<лизару> («Певец! издр<е>вле меж собою...») 171

Гробовщик 114, 137, 138

19 октября («Роняет лес багряный свой убор...») 269, 271, 273

Демон 125, 126

«Денница» 69, 88, 96, 97

Деревня («Приветствую тебя, пустынный уголок...») 89, 274

Джон Теннер 50, 59, 79, 88

Домик в Коломне 64

Друзьям («Нет, я не льстец, когда царю...») 11, 188

<Дубровский> 29

Евгений Онегин. Роман в стихах 30, 45, 50, 67, 82, 83, 89, 99, 107, 114–116, 118, 125–134, 136, 195, 196, 229, 231, 246–249, 254, 257–264, 266–269, 271–275

Египетские ночи 29, 154

«Жалуются на равнодушие русских женщин...» см. «Отрывки из писем, мысли и замечания»

<Заметки на полях 2-й части «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова> 74, 83

<Заметки по русской истории XVIII века> 104

Записки бригадира Моро-де-Бразе (касающиеся до Турецкого похода 1711 года) 59

«Записки Чухина», сочинение <Фаддея Булгарина> 78

Из Пиндемонти («Не дорого ценю я громкие права...») 54

«Илиада Гомера, переведенная Н. Гнедичем» 65

История Петра 18, 19, 31–33, 103

История Пугачева см. История Пугачевского бунта

История Пугачевского бунта 17–20, 39, 80, 229

«История русского народа, сочинение Николая Полевого» 104

История села Горюхина 29, 82, 263, 265, 266, 271, 272

К бюсту завоевателя («Напрасно видишь тут ошибку...») 269

К другу-стихотворцу («Арист! и ты в толпе служителей Парнаса...») 107

К Чаадаеву («Любви, надежды, тихой славы...») 63

Кавказский пленник 77, 83, 175, 226, 233

Каменный гость 29, 137, 138

Капитанская дочка 40, 66, 67, 178, 237, 240, 245, 251, 255, 257, 258, 263, 270–272

«Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой». Описательное стихотворение в четырех частях. Федора Глинки 65, 95

Кирджали 254

Клеветникам России («О чем шумите вы, народные витии?...») 176

«Когда Потемкину в потемках...» 144

«Кто знает край, где небо блещет...» 30

Летопись села Горюхина см. История села Горюхина

Маленькие трагедии 278

Медный всадник 29, 136, 197, 229, 230

Метель 268

Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной 55, 86, 95, 105

«Многие недовольны нашей журнальной критикою...» см. Table talk

Монастырь на Казбеке («Высоко над семьею гор...») 274

Моцарт и Сальери 64, 276

«Н. избирает себе в наперсники...» 78

<На Карамзина> («В его “Истории” изящность, простота...») 263, 265, 271–273

<Наброски предисловия к «Борису Годунову»> 47

Невский альманах на 1830 год 45

«Не дай мне бог сойти с ума...» 135, 136

«Недвижный страж дремал на царственном пороге...» 193, 222

Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем 90, 102, 103

О г-же Сталь и о г. А. М-ве 105

О дамах см. Table-talk

<О дворянстве> 191

<О журнальной критике> 88

<О записках Видока> 93

<О критике> 95, 96

<О народной драме и драме «Марфа Посадница Новгородская»> 65, 73, 74

О народном воспитании 263, 265, 271, 272

О ничтожестве литературы русской 41

О новейших романах 104

<О переводе романа Б. Констана «Адольф»> 67

О поэзии классической и романтической 41

<О Французской революции> 104

«Об обязанностях человека». Сочинение Сильвио Пеллико 50, 104

<Опровержение на критики> 35, 36, 47, 62, 65, 66, 78, 105, 107, 192

Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений 35, 36, 62, 78, 107

Ответ Катенину («Напрасно, пламенный поэт...») 11, 12

Отрывки из писем, мысли и замечания 36, 41, 60, 66, 103

Памятник см. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»

Песнь о вещем Олеге 246, 255

Пиковая дама 66, 67, 83, 114, 116, 117, 273

Пир во время чумы 64

Повести Белкина см. Повести покойного Ивана Петровича Белкина

Повести покойного Ивана Петровича Белкина 19, 40, 86, 114, 274

Полководец («У русского царя в чертогах есть палата...») 96

Полтава 62, 82, 188

Последний из свойственников Иоанны д'Арк 59

Поэт («Пока не требует поэта...») 82

Поэт и толпа («Поэт по лире вдохновенной...») 82
<Предисловие к запискам Н. А. Дуровой> 40
Приметы («Я ехал к вам: живые сны...») 273
«Причинами, замедлившими ход нашей словесности...» 66
Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года 177
Путешествие В. Л. П. 95
<Путешествие из Москвы в Петербург> 34, 39, 42, 52, 88
<«Путешествие ко святым местам в 1830 году» А. Н. Муравьева> 104

Разбор сочинений Георгия Конисского см. Собрание сочинений Георгия Конисского, архиепископа Белорусского

Разговор книгопродавца с поэтом 114, 117, 154
«<Рефутация г-на Беранжера>» 3, 138, 139, 141, 143–145, 148, 168–170, 174, 177–183, 185–190
<Роман в письмах> 41, 78, 192
Рославлев 41
Российская Академия 3
<Русалка> 29
Руслан и Людмила 76, 77, 89, 246, 247, 256
«Русск<ое> дв<орянство>, что ныне значит?» см. <О дворянстве>

Скупой рыцарь 136, 137

Словарь о святых, прославленных в российской церкви, и о некоторых сподвижниках благочестия местно чтимых 67, 104

«Смешно как веруют у нас каждой шутке...» см. <Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям»>

Собрание сочинений Георгия Конисского, архиепископа Белорусского 39, 58, 69, 104

<Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина> 12, 65, 84

Стансы («В надежде славы и добра...») 11, 141, 179

Станционный смотритель 114–116

Сцена из Фауста 235

<Сцены из рыцарских времен> 29

Тазит 29

Телега жизни («Хоть тяжело подчас в ней бремя...») 185

Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов 90, 97, 102, 103

Фауст см. Сцена из Фауста

Фракийские элегии. Стихотворения Виктора Теплякова, 1836 84, 95

«Цветы последние милей...» 30

Цыганы 82

Чеченская песня см. Кавказский пленник
«Что такое дворянство?» см. <О дворянстве>

Юрий Милославский, или Русские в 1612 году («В наше время под словом *роман...*») 88

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» 54, 57, 229, 232, 235

«Attentat de Феодор» см. <О дворянстве>

«Je suppose sous un gouvernement despotique...» 51

«La libération de l'Europe...» 3, 190–192

Table talk 39, 41, 78

ОТ РЕДАКЦИИ

В предыдущем «Временнике Пушкинской комиссии» (Специальный выпуск в честь Татьяны Ивановны Краснобородько. СПб., 2023) была допущена досадная опечатка, исказившая смысл текста и, к сожалению, оставшаяся незамеченной.

В статье С. В. Денисенко «Обложка к рукописям “маленьких трагедий”». Опыт графических изучений “опыта драматических изучений” в сноске 6 (с. 104) следует читать: «Автор каталога “Портретные рисунки Пушкина” Р. Г. Жуйкова аннотирует портрет “старика с длинными волосами” как портрет Шекспира, ссылаясь на мнение Цявловской».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

А. В. Курочкин. Несохранившиеся повестки Пушкина на заседания Российской Академии	5
С. В. Березкина, В. С. Киселев. Новое о подготовке посмертного издания сочинений Пушкина по неопубликованным письмам Жуковского	27

II. ОБЗОРЫ

Пушкин — критик и журналист. Аннотированная библиография научных работ. Часть 1. Общие работы. Составили Л. А. Тимофеева и В. Т. Золотухин под редакцией А. Ю. Балакина и В. В. Турчаненко	34
Оксана Якименко (Венгрия). «Сегодня в новую упряжку решил я Пушкина запрячь». Проза Пушкина в поэтических переложениях Иштвана Гати	114

III. СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

Марк Альтшуллер (США). Отголоски «Мельмота Скитальца» в стихах и прозе Пушкина	119
Илья Веницкий (США). Фальшивый песнопевец. История одной поэтической ошибки Пушкина	138
Н. Л. Дмитриева. Еще раз о природе пушкинской заметки «La libération de l'Europe...»	190

IV. ИЗ ИСТОРИИ ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

Д. М. Цыганов. «И миру тихую неволю в дар несли...». Идеология и прагматика пушкиноведческих работ профессора Д. Д. Благого (1920—1950-е годы)	193
В. В. Турчаненко. Незавершенный редакторский труд Д. П. Якубовича (седьмой «Временник Пушкинской комиссии»)	223

V. ХРОНИКА

М. А. Мариненко. Фестиваль «Мой Пушкин» в Михайловском	241
--	-----

VI. IN MEMORIAM

Игорь Пильщиков (США). Язык пушкинской эпохи в трудах И. Г. Добродомова	245
Работы И. Г. Добродомова о языке Пушкина и пушкинской эпо- хи. Составил Игорь Пильщиков	255
В. М. Есипов. Памяти В. А. Кожевникова	263
Работы В. А. Кожевникова о Пушкине. Составил А. Ю. Ба- лакин	271
Условные сокращения	277
Summary	278
Указатель имен	306
Указатель произведений А. С. Пушкина	318

CONTENTS

Foreword	3
--------------------	---

I. MATERIALS AND PUBLICATIONS

Alexander Kurochkin. Pushkin's Summonses for Meetings of the Russian Academy.	5
Svetlana Berezkina, Vitaly Kiselev. New Work on the Preparation of a Posthumous Edition of Pushkin's Works Based on Unpublished Letters of Zhukovsky.	27

II. REVIEWS

Pushkin as critic and journalist. Annotated bibliography of scientific works. Part 1. General works. <i>Compiled by Lyubov' Timofeeva and Veniamin Zolotukhin, edited by Alexey Balakin and Vladimir Turchanenko</i>	34
Oksana Yakimenko (Hungary). "Today I decided to harness Pushkin to a new harness". <i>Pushkin's prose in poetic adaptations by István Gáti</i>	114

III. ARTICLES AND NOTES

Mark Altshuller (USA). Echoes of "Melmoth the Wanderer" in Pushkin's Works.	119
Ilya Vinitzky (USA). The False Bard. <i>The History of Pushkin's Error</i>	138
Nina Dmitrieva. Once Again about the Nature of Pushkin's Note "La libération de l'Europe..."	190

IV. FROM THE HISTORY OF PUSHKIN STUDIES

Dmitry Tsyganov. "And they brought quiet bondage to the world as a gift..." Ideology and Pragmatics of Pushkin Studies by Professor D. Blagoy (1920—1950s).	193
Vladimir Turchanenko. The Unfinished Editorial Work of D. Yakubovich (<i>Seventh "Vremennik of the Pushkin Committee"</i>)	223

V. CHRONICLES

Marina Marinenko. Festival "My Pushkin" in Mikhailovsky	241
---	-----

VI. IN MEMORIAM

Igor' Pilshchikov (USA). The language of the Pushkin era in Igor' Dobrodomov's works	245
Works by Igor' Dobrodomov about the language of Pushkin and the Pushkin era. <i>Compiled by Igor' Pilshchikov</i>	255
Viktor Esipov. In memory of Viktor Kozhevnikov.	263
Viktor Kozhevnikov's Works on Pushkin. <i>Compiled by Alexey Balakin</i>	271
List of Abbreviations	277
Summary.	278
Index of Names	306
Index of Pushkin's Works.	318

Научное издание

ВРЕМЕННОК ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ
Выпуск 38

Сборник научных трудов

Утверждено к печати
Пушкинской комиссией
при Отделении историко-филологических наук
Российской Академии наук

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-64948 от 24 февраля 2016 г.

Редактор издательства *О. Э. Карпеева*
Корректор *А. С. Лобанова*
Компьютерная верстка *С. В. Степанова*

Сдано в набор 10.09.2023. Подписано к печати 20.11.2023.
Формат 60 × 90¹/₁₆. Гарнитура Академическая.
Усл. печ. л. 20,5. Тираж 300 экз.

ООО «Издательство «Росток»
E-mail: rostokbooks@yandex.ru
URL: <http://www.rostokbooks.ru>
По вопросам оптовых закупок
обращаться по тел.: (812) 937-98-70

ИП «Варваркин А. И.»
199155, Санкт-Петербург, ул. Уральская, д. 17, корп. 3, оф. 4

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации,
причиняющей вред их здоровью и развитию»,
«книга предназначена для детей старше 18 лет»